

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НЕМЕЦКОЙ
АССОЦИАЦИИ НАРОДНЫХ
УНИВЕРСИТЕТОВ IIZ/DVV
(*dvv international*) В УЗБЕКИСТАНЕ**

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

СБОРНИК СТАТЕЙ

**I
ВЫПУСК**

ТАШКЕНТ – 2011

Устная история в Узбекистане: теория и практика. Сборник материалов конференции. Выпуск I. Отв. ред. Р.М. Абдуллаев. – Ташкент, 2011. – 384 с.

Данный сборник включает научные публикации, посвященные теоретическим вопросам и результатам практических исследований по устной истории, освещающие различные периоды истории Узбекистана и зарубежный опыт «oral history». Издание адресовано исследователям, занимающимся вопросами устной истории, а также всем, кто интересуется историей Узбекистана.

Издание осуществлено в рамках проекта Фонда поддержки фундаментальных исследований Академии наук Республики Узбекистан № 63-10 «Устная история Узбекистана XX века как метод и источник исторического исследования», при технической и финансовой поддержке Представительства Немецкой Ассоциации Народных Университетов IIZ/DVV (*dvv international*) в Узбекистане, проект № 0027 от 31.03.2010: «Вызовы времени и устная история» (развитие в Узбекистане новой исследовательской практики oral history – «устная история»))»

СОСТАВИТЕЛИ: А.Т. Сабилов, К.К. Каланов, Р.Р. Назаров,
Х.А. Абдурасулова, Р.Т. Саттаров,
М.Д. Тен, О.Г. Пуговкина

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Равшан Абдуллаев,
доктор исторических наук

АВТОР ИДЕИ: Роми Ленс,
Глава Представительства
dvv international в Ташкенте

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА: Алишер Сабилов,
кандидат исторических наук

РЕЦЕНЗЕНТЫ: Адхам Аширов,
доктор исторических наук
Абдусалом Умаров,
доктор социологических наук

Сборник статей обсужден и рекомендован к публикации Ученым советом Института истории Академии наук Республики Узбекистан за № 3 от 7 февраля 2011 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	7
I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ:	
<i>Устная история (oral history) как источник и метод исторического исследования</i>	
Алишер Сабиров.....	13
<i>Устная история в истории и социологии</i>	
Арустан Жолдасов.....	20
<i>Жизненная история (Life History) как одна из разновидностей биографического метода</i>	
Нодира Азимова.....	30
<i>Социологический анализ истории поколений</i>	
Комил Каланов.....	38
<i>Этнология и устная история: общие черты и особенности методов исследования</i>	
Барно Убайдуллаева.....	48
<i>Роль метода устной истории в социальной работе с молодежью</i>	
Манзура Юлдашева.....	54
<i>Психологические аспекты эффективного взаимодействия в диаде «Интервьюер-респондент»</i>	
Ибрагим Махмудов.....	60
<i>Установление достоверности источников устной истории: необходимость, причины, методы, особенности</i>	
Равшан Назаров.....	69
<i>К вопросу архивирования материалов устной истории</i>	
Мухае Исакова.....	77
<i>Работа с аудио/видеотехникой при проведении устно-исторических исследований</i>	
Рамис Саттаров.....	83

II. УЗБЕКИСТАНСКИЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ УСТНОЙ ИСТОРИИ

<i>Устно-исторический подход в проектах тематического направления «История и самосознание» (принципы, методы, форматы)</i>	
Ирина Разилова.....	93
<i>Фотография как канал коммуникации и устная история</i>	
Ольга Богатова.....	102
<i>Устные рассказы в изучении прошлого (опыт краеведческого музея)</i>	
Коммунахон Хамидова, Хуснидахон Аминжонова.....	111
<i>Материалы устной истории в деятельности музея</i>	
Мадина Юлдашева.....	115
<i>Использование междисциплинарных методов в изучении современных международных отношений в Центральной Азии</i>	
Мирзохид Рахимов.....	119
<i>Традиции центральноазиатского советологического исламоведения: взгляд изнутри (опыт интервьюирования экспертов США)</i>	
Хуршида Абдурасулова.....	125
<i>Сравнительный анализ воспоминаний современников и архивных источников по истории русского Туркестана</i>	
Шухрат Мухамедов.....	131
<i>Воспоминания – важный источник исторических исследований (из опыта интервьюирования участников восстания 1916 года и сибирских узбеков)</i>	
Хамид Зияев.....	140
<i>История Самаркандского государственного университета в устных воспоминаниях ветеранов и аксакалов</i>	
Ильхом Саидов.....	151
<i>Трагедия Второй мировой войны глазами одного моего соотечественника</i>	
Шодмон Хаитов.....	154

Ташкент в годы Второй мировой войны: воспоминания о повседневной жизни в тылу	
Нодира Мустафаева.....	158
Живая память...	
(Из опыта городской газеты по сбору и освещению устно-исторических материалов)	
Зухра Абдурахманова.....	165
Три судьбы в одной войне (роль устной истории при изучении Второй мировой войны)	
Хасан Бабаджанов.....	172
История – устами спасенных детей войны (oral history и кинематограф)	
Джасур Исхаков.....	178
Жизнь сельского жителя в послевоенные годы (по материалам устно-исторических исследований в Каракалпакстане)	
Алибек Сайтов.....	185
Устные воспоминания муллы Алима (начало XX в.)	
Санобар Шадманова.....	193
«Путевые воспоминания» Махмудходжи Бехбуди как образец исторических очерков	
Акбар Нурматов.....	197
Файзулла Ходжаев и его родные в исторической памяти народа	
Сулаймон Иноятов.....	203
Усман Насыр в зеркале устной истории	
Наим Каримов.....	209
Интеллектуальная история в устных воспоминаниях (опыт углубленного интервью с профессором Р.Г. Мукминовой)	
Ульфат Абдурасулов.....	217
История среднеазиатской археологии в лицах и судьбах	
Таир Гюль.....	232

Биографический метод в устной истории (воспоминания о Хван Ман Гыме)	
Михаил Тен.....	245
Family History этнических немцев Бесслер-Ивониных: Возвращение в Германию?	
Валерий Германов.....	257

III. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ ORAL HISTORY

Метод «Oral History» в работе с очевидцами-современниками. Опыт исследовательской работы по составлению биографий Николае Чаушеску и Эриха Хонеккера	
Томас Кунце.....	271
«Устная история»: Депортация народов в Казахстан в 1930–1950-е годы (опыт международного социологического исследования)	
Бота Ракишева, Дмитрий Полетаев.....	279
Победители или побежденные? Диссиденты и политические элиты в Чехословакии до 1989 года – биографические интервью	
Мирослав Ванек, Павел Мюке.....	288
Слухи как часть устной истории	
Светлана Булатова.....	304
Приложения.....	317

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Wie es eigentlich gewesen ist...¹

Известная цитата немецкого поэта, философа и государственного деятеля Иоганна Вольфганга Гёте о миссии историков звучит так: «Историк должен отделить истину от лжи, достоверное от сомнительного, сомнительное от того, чего вовсе нельзя принять».

Мы надеемся, что публикация данного сборника внесет определенную лепту в изучение прошлого посредством распространения в Узбекистане знаний о методе «Устная история». Этот метод, зародившийся в 30-е годы в США, широко применяется в последние несколько десятилетий в европейских странах и известен в научной литературе под англоязычным термином «oral history».

Устная история фокусируется на личных воспоминаниях людей, переданных посредством интервью. Благодаря методологическому разнообразию, устная история воспроизводит исторические события с точки зрения человека как участника или очевидца этих событий, анализирует их в интерпретации обычных людей.

Выпуск настоящего сборника осуществлен при поддержке Представительства *dvv international* в рамках проекта 2010 года «Вызовы времени и устная история (развитие в Узбекистане новой исследовательской практики «oral history»)». Целью проекта было создание и институциональное развитие Центра устной истории в Институте истории Академии наук Республики Узбекистан как учебно-методической базы для обучения специалистов и заинтересованных лиц новым методам изучения истории на основе устной информации.

Следует отметить, что проект 2010 года по созданию Центра устной истории является составной частью широкого и многолетнего проектного направления «История и самосознание», которое осуществляется в Узбекистане при поддержке *dvv international* с мая 2005 года. Подробнее о развитии этого направления и об отдельных его проектах можно прочитать в одной из статей данного сборника.

Представительство *dvv international* планирует оказание методической и технической поддержки в развитии Центра устной истории.

Центр ставит перед собой задачи:

- налаживание контактов с «устными историками» из других стран, включая как Ассоциации, так и отдельные организации, самостоя-

¹ Как все происходило на самом деле... (нем.).

- тельных исследователей;
- повышение квалификации обученного в рамках проекта персонала;
- развитие методической базы для проведения исследований в области устной истории;
- создание архива с единой базой респондентов, фонотеки с интервью и воспоминаниями;
- создание сайта для обеспечения публичного доступа к материалам Центра устной истории.

В Узбекистане при осуществлении различных проектов этого направления мы заметили, что использование методов устной истории повышает у широких слоев населения интерес к истории собственной страны, побуждает простых людей рассказывать о своем прошлом и формирует понимание, что история делается ими самими. Такое понимание, осознание самих себя творцами истории влияет на самоидентификацию. А это важно и для Германии, и для Узбекистана, а также для любой другой страны.

Не следует забывать ошибок прошлого, чтобы не повторять их в будущем. *Historia magistra vitae*², так давайте учиться у нее и стараться быть хорошими учениками. В связи с этим хотелось бы, чтобы данный сборник открыл серию аналогичных ежегодных изданий, посвященных самым различным аспектам устной истории как в методическом, так и в тематическом разрезе.

Я желаю успеха всем нам в этой деятельности.

**Роми Ленс,
Глава Представительства
dvv international в Ташкенте**

2 Марк Туллий: История – учитель (наставница) жизни (лат.).

ЖИВЫЕ ГОЛОСА ИСТОРИИ...

Устная история – это достаточно распространенное сегодня и динамично развивающееся направление исторических исследований.

Главный предмет устно-исторических исследований – субъективный опыт отдельного человека. Это не новая отрасль исторической науки, скорее, новая методика – способ привлечения к анализу новой категории источников наряду с письменными источниками и материальными объектами. Они необходимы, прежде всего, для изучения сюжетов, о которых нельзя прочесть и которые не интерпретируются по традиционным источникам.

Устные истории могут кардинально дополнить наше восприятие отечественной истории, наше понимание глубинных причин событий и достоверность их образа. Мы можем получить описание и переживание всех тех событий, о которых, казалось, мы уже всё знаем по фильмам и официальным документам, но совершенно под неожиданным углом зрения.

Данным сборником мы хотели бы начать серию аналогичных изданий, посвященных теоретическим и практическим вопросам устной истории в Узбекистане.

Этот сборник представляет собой публикацию рабочих материалов, где отображен скромный опыт узбекистанских исследователей по устной истории. Мы также надеемся, что этот опыт и навыки станут интересными для большего круга ученых, особенно молодежи.

С этой целью в рамках гранта Фонда поддержки научно-исследовательских проектов Академии наук Узбекистана «Устная история Узбекистана XX века как метод и источник исторического исследования» и проекта технической поддержки Представительства dvv-international (Германия) в Ташкенте «Вызовы времени и устная история» (Развитие в Узбекистане новой исследовательской практики «oral history» – «устная история»), под руководством кандидата исторических наук Алишера Сабирова, стало формироваться сообщество специалистов по устной истории (oral history), которое, мы надеемся, постепенно трансформируется в научно-исследовательский и методический центр устной истории при Институте истории Академии наук Республики Узбекистан.

Первый сборник данного сообщества охватывает разнообразные вопросы – от повседневной жизни до международной политики. Характерной особенностью сборника является то, что здесь задействованы академические исследователи, молодежь, представители вузов, музеев

и СМИ. Мы намеренно оставляем без изменений стиль изложения авторов – от сугубо научного до журнально-публицистического. Однако в следующих сериях мы планируем публикацию тематических сборников, каждый из которых будет посвящен конкретному историческому периоду либо определенному исследовательскому вопросу.

Несмотря на этот первый опыт, работа, на наш взгляд, получилась интересная. Здесь речь идет о принципиально новых исторических источниках, которые называют «голосами прошлого» (П. Томпсон), так как они представляют задокументированные материалы, видео- и аудиозаписи конкретных людей, свидетелей эпохи.

Первая часть сборника посвящена теоретическим и методическим аспектам устно-исторического исследования.

Во второй части сборника публикуются материалы конкретного опыта узбекистанских исследователей, применявших метод устной истории в своих научных изысканиях.

Поскольку в настоящее время в Узбекистане, к сожалению, отсутствует устойчивая база по научному обмену опытом исследователей устной истории, в заключительной части сборника мы попытались, хотя бы частично, заполнить данный информационный вакуум и опубликовать материалы наших зарубежных коллег, специализирующихся по исследованиям oral history. Коллектив авторов выражает признательность коллегам из Германии, Чехии, России и Казахстана за их участие в подготовке данного издания.

Мы планируем продолжать публикацию данной серии и заинтересованы в сотрудничестве с коллегами из других стран и регионов. Информацию о темах предстоящих изданий, а также контактные адреса мы будем размещать на специальной странице «Устная история» сайта Института истории Академии наук Узбекистана <http://www.history.uzsci.net>.

***Равшан Абдуллаев,
доктор исторических наук,
директор Института истории
Академии наук Республики Узбекистан***

ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

*Многие события, признаваемые историческими,
никогда не были гыми-либо воспоминаниями.*

Поль Рикёр

АЛИШЕР САБИРОВ

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Республики Узбекистан
al_sobir@inbox.ru

УСТНАЯ ИСТОРИЯ (ORAL HISTORY) КАК ИСТОЧНИК И МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенностью современного состояния отечественной исторической науки является расширение и изменение источниковой базы, а также методологических подходов и инструментария исследования. Этот процесс непосредственно связан с включением узбекистанского исторического сообщества в международную научную среду и освоением тех методологических и методических разработок, которые уже были апробированы исторической наукой, но к нам пришли с опозданием. Отставание сейчас преодолевается, о чем свидетельствует возросший интерес к технологиям устной истории.

Устная история – это не изобретение современности, хотя предпосылкой оформления новой устной истории считают появление звукозаписывающих устройств. Устные технологии использовались в исторической науке всегда.

Например, Фукидид использовал устные источники при написании «Истории Пелопоннесской войны». В начале VIII в. англосаксонский монах-летописец Беда Достопочтенный в предисловии к своей «Церковной истории народа англов» полагался на устные предания, особенно доверяя сведениям живых свидетелей.

В XVII в. появляется знаменитый труд «История и традиции Дарвена и его жителей» – стенографическая запись рассказа старожила, сделанная редактором местной газеты и опубликованная в 1889 г.

В XIX в. быстрыми темпами развивались полевые исследования. Так, например, в 1860-х годах американский исследователь Х.Х. Банкрофт начал широкомасштабный сбор материалов для изучения истории недавней колонизации тихоокеанского побережья Калифорнии, для чего была мобилизована целая армия интервьюеров для опроса людей.

В XX в., после определенного перерыва, возвращаются к устным источникам как одному из важнейших каналов исторического знания. Это обусловлено рядом причин: во-первых, начало XX века – время

осознания того, что не личности, а массы творят историю; во-вторых, актуализировалась проблематика, связанная с изучением «недавнего» прошлого. Все это способствовало возрождению устной истории и превращению ее в самостоятельное научное направление со своими задачами, методами и возможностями. Объектом изучения устной истории становятся преимущественно воспоминания рядовых людей, используемые для реконструкции как исторических событий (особенно войн, революций, реформ), так и повседневности.

При этом специалисты выделяют два пласта, содержащихся в устных источниках информации. Первый – архаичный, уходящий корнями в глубокое прошлое, представляет собой живую историческую традицию и своеобразную форму передачи социального опыта. А второй пласт – меморатный – представлен воспоминаниями очевидцев и участников событий, прежде всего, недавнего прошлого.

Сейчас исследователи дают конкретное определение устной истории. Устная история (oral history) – метод и источник исторического исследования путем сбора воспоминаний живущих людей. Предполагается, что данные, полученные таким образом, особенно от обычных людей, – ценный архив и для современных, и для будущих историков. Устные исторические данные требуют осторожной оценки с точки зрения их достоверности и репрезентативности.

Большинство историков рассматривают зарождение устной истории как науки начиная с работ Аллана Невинса из Колумбийского университета.

Он был инициатором систематической работы по записыванию и сохранению воспоминаний, имеющих историческую ценность, и, работая над биографией президента Говарда Кливленда, пришел к выводу о необходимости интервьюирования участников недавних исторических событий для обогащения письменных источников.

Невинс, впервые введя в научный оборот термин «устная история», понимал под ней сбор и использование воспоминаний участников исторических событий. И только впоследствии термину придали расширительную трактовку, обозначая им как различные виды устных свидетельств о прошлом, так и исследования, написанные на их основе.

При этом формой устной истории считается повествование. И, в отличие от социологических интервью, посредством интервью в устной истории записываются и архивируются рассказы о недавнем прошлом.

В настоящее время устная история (oral history) оформилась как

самостоятельное направление в исторической науке с применением технических средств интервьюирования участников и очевидцев по заданной проблеме новейшей истории.

В 1990-х годах в Мексике и Бразилии были созданы национальные устно-исторические ассоциации. В Австралии устно-историческая ассоциация действует с конца 1970-х годов, опираясь на сотрудничество специалистов по местной социальной истории и антропологии коренных народов. Для Израиля после Второй мировой войны любые устные свидетельства стали важнейшей частью борьбы за национальное и культурное выживание. В Южной Африке устная история как научная дисциплина активно разрабатывается с 1980-х годов как важный метод сбора сведений о жизни и репрессиях в условиях апартеида.

В Европе, начиная со встреч в Болонье (1976 г.) и Колчестере (1979 г.), раз в два года проводятся международные конференции по устной истории и учреждена Международная устно-историческая ассоциация.

В России существенный вклад в развитие устной истории внесла работа общества «Мемориал» с архивом личных документов эпохи сталинизма и репрессий.

Зарубежная историография довольно четко определила вклад устной истории в историческую науку. Это:

- новые данные для истории;
- ответ на вопрос «почему» в отношении исторического опыта;
- акцент на субъективности, межсубъективности и усилении потенциала интервьюируемого;
- междисциплинарный подход;
- обеспечение контакта между академическими кругами и общественностью.

Было бы неверно утверждать, что историки Узбекистана абсолютно не знакомы с методами сбора воспоминаний. Но данный метод получил распространение в основном в социологии и этнологии. В отечественной истории сбор воспоминаний ведется очень фрагментарно, в то время как интересные исторические эпохи остаются вне поля зрения узбекистанских исследователей.

Метод устной истории может быть очень полезен в исследованиях советского локального социума прошлого столетия, детства, семьи, образования и культуры, раскулачивания и ссылки в предвоенные годы, повседневности военного времени, противоречивого развития послевоенного общества, «хрущевской оттепели», «брежневского застоя»,

«горбачевской перестройки».

Между тем представителей старшего поколения остается все меньше, и если не собрать их воспоминания сейчас, значительный пласт народной памяти окажется утраченным.

Следует также отметить, что западные специалисты воспринимают устную историю как историю ментальности. Узбекистанские специалисты воспринимают ее как ценнейший фактографический источник, компенсирующий дефицит документированных фактов. Поэтому перспективы развития устной истории определяются не ее противостоянием с традиционной историографией, а, напротив, их тесным сотрудничеством и взаимодействием, при сохранении относительной самостоятельности.

Но, несмотря на признание устной истории как способа получения исторически важной информации, до настоящего времени у наших историков нет однозначного мнения, насколько важную роль в исследовательской работе играют устно-исторические документы, достоверность такого рода источников, их источниковедческий анализ. Нет до конца проработанной методики проведения интервью по темам прошлого, особенностей общения интервьюера и респондента в процессе интервьюирования.

До сих пор никем не проведена работа, связанная с поиском хранящихся в архивах документов устной истории, тем более с их систематизацией.

А ведь метод очень ценен. Устные воспоминания, спонтанные, «независимее» письменных; здесь наука пытается «дать слово» игнорируемым (так называемым «неисторическим») слоям общества. Таким образом, она больше отражает «малую историю» (микроисторию), индивидуальные воспоминания, историю, создаваемую «снизу» (history from below), ежедневную жизнь и т.д.

К тому же устно-исторические исследования имеют свою особенность. Устная история часто исследует события и опыт, не зафиксированные (или иначе зафиксированные) письменной историей, и спрашивает: какая связь существует между пережитым событием и тем, что о нем помнят. Она изучает пережитое прошлое и его интерпретацию и значение для людей в настоящем.

Однако следует учитывать высокую степень субъективности материалов, полученных в результате интервьюирования. Ведь рассказчик не просто добросовестно вспоминает и излагает. Он при этом как бы переживает прошлое заново и неизбежно «забывает» что-то «неудоб-

ное» для себя, а что-то, напротив, выпячивает и делает центральным местом своего рассказа, хотя в действительности степень объективной значимости данных событий может быть незначительной. Рассказчик своим повествованием как бы творит историю, создает ее, моделирует свое прошлое в соответствии с мировоззрением, политическими и культурными установками, особенностями своей биографии и социальной роли, психологическим настроем и психическим состоянием.

Несмотря на то, что методы устной истории являются одним из важнейших каналов исторической информации о недавнем прошлом, все же в ее рамках создаются вторичные документы, которые выполняют функции исторических источников и в то же время нуждаются в полноценной критике. Устно-исторические исследования, как и изыскания «традиционных» историков с опорой на сохранившиеся письменные документы, подвержены одним и тем же угрозам – угрозам некорректности и несубъективности интерпретации источников, и неважно каких – устных или письменных. И в этом отношении спор о том, где больше «правды» – в воспоминаниях или официальных документах, – не имеет смысла, поскольку каждый документ отражает свою реальность, а задача историка – критически оценить ее, извлечь зерна исторической реальности.

Поэтому особое внимание необходимо уделить теоретическим и методическим вопросам устно-исторического исследования. Здесь в первую очередь необходимо соблюдение принципа комплексности в его организации с учетом всех этапов – подготовительного, полевого, архивного, аналитического – и задач, решаемых на каждом из них. Не менее важным требованием выступает принцип сопоставимости, благодаря которому сохраняется преемственность в программах сбора информации и инструментарии, а значит и возможность сравнивать результаты исследований разных лет.

Рекомендуем подробно рассматривать следующие методические вопросы:

С кем мы работаем в рамках устной истории?

- Обычно в рамках устной истории ведется работа с пожилыми людьми, являющимися очевидцами исторических событий;
- устная история, как правило, уделяет внимание группам общества, недостаточно представленным в истории;
- интервью в устной истории являются частью более широкого этнографического контекста.

Как планировать интервью?

- Выбор темы исследования;
- почему эта тема важна;
- какие существуют источники по этой теме;
- почему устная история является наиболее подходящим методом для изучения этой темы;
- что исследователь хочет/ожидает выяснить;
- кто должен быть проинтервьюирован и почему;
- кто является предполагаемой аудиторией;
- каковы предполагаемые продукты;
- будут ли заархивированы данные и где.

Вопросы законности и этики

- Планирование проекта по устной истории должно начинаться с обсуждения этических вопросов:
- понимание исследователем ответственности перед интервьюируемым;
- получение разрешения от респондента на запись и архивирование звука, фотографий и текста;
- предоставление респонденту информации о целях и продуктах исследования;
- исследователь должен уточнить, что результаты могут быть по-разному интерпретированы исследователем и интервьюируемым;
- письменное разрешение на обнародование или устный договор с респондентом на публикацию материалов.

Технология записи

- Устную историю невозможно осуществлять без записи;
- запись может включать звук и/или видео;
- умение работать с оборудованием;
- диктофон подготовлен и проверен перед интервью;
- звуковые файлы перенесены в компьютер и созданы их резервные копии.
- При этом на сегодня важным является акцентирование внимания на тех этапах устно-исторического исследования, которые начинаются уже после полевой работы, а именно: на стратегических подходах и методиках анализа, используемых исследователями. Они включают в себя следующие вопросы:
- Анализ устной информации рассматривает как форму, так и содержание;
- анализ формы: как рассказана история?

- каким образом интервьюируемый помнит и интерпретирует прошлое?
- каковы основные события, вопросы и темы интервью?
- акцент на согласованности, расхождениях и противоречиях в повествовании;
- каким образом повествование связано с вопросами, не указанными в тексте?
- повествование должно анализироваться с учетом более широкого политического, социального и культурного контекста.

Рассмотренные подходы исследования делают устную историю, прежде всего:

критичной (не рассматривающей устное свидетельство как набор фактов и сведений, а требующей критики интервью как источника);

саморефлексивной (предусматривающей размышления над теоретическими подосновами и процедурами анализа, когда текст исследования тяготеет не к пересказу интервью, а к собственным выводам исследователя касательно этого интервью);

открытой публичному рассмотрению и валидации результатов исследования (то есть дающей доступ к интервью другим исследователям и общественности, предлагающей возможность проверки адекватности авторских выводов).

В завершение можно отметить, что продуктами устной истории могут являться специальные устно-исторические фонды в государственных архивах, академические книги и статьи, тексты для широкой аудитории в СМИ, веб-сайты и CD-ROM, фильмы и видео, тематические экспозиции в музеях (здесь интересен опыт работы музея «Памяти жертв репрессий» Академии наук Узбекистана).

Автор надеется, что представленный материал позволит специалистам ощутить потенциал устно-исторических практик и их научную ценность, которая состоит в том, что историк выступает в качестве одного из авторов исторического источника и получает возможность формировать информационную базу своего исследования как по традиционным сюжетам истории, так и по проблемам изучения исторического сознания и исторической памяти.

АРУСТАН ЖОЛДАСОВ

социолог

Центр «Эксперт фикри»

arslan@expert-center.uz

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ

О ценности теории, метода и понятий

При чтении результатов некоторых исследований и, особенно, при обращении исследователей к методу устной истории возникает двойственное ощущение. С одной стороны, методом устной истории определенно получен эмпирический материал с разной степенью его собственной ценности и ценности его анализа в интерпретации исследователя, с другой стороны, возникают сомнения и вопросы – а в чем, собственно, ценности метода и материала для науки?

Обычно такая двойственность ощущений возникает тогда, когда материал не опирается на ту или иную научную теорию, научный метод, а потому результаты исследования и его цели остаются вне науки, в лучшем случае становясь фактом публицистики, журналистики, туристических заметок.

Опуская детальное изложение и навязывание тех или иных теорий, применительно к методу устной истории, молодым исследователям, использующим метод и материал устной истории, желательно было бы обратиться к теориям К. Маркса – Ф. Энгельса (применительно к законам развития общностей), М. Вебера (применительно к целерациональному поведению идеальных¹ типов).

Самой полезной для адаптации к целям устной истории может стать теория социальной коммуникации (теории со-общения посредством обмена сообщениями), которая основана на теориях информации, физических коммуникаций (радио, Интернет), кибернетики и прочих науках.

Социальная коммуникация – это научная дисциплина, исследующая процессы и структуру обмена сообщениями в человеческих общностях. Метод исследований в теории социальной коммуникации основан на вопросах о сообщениях: Кто? Кому? Какое? Что или о чём? Где? Когда? Как? Сколько? Для чего? и в обязательном сочетании этих вопросов

1 Идеальный – в значении стремящийся к идеальности в типичности личности, действия, события и пр.

с вопросом «Почему?». Например, в случае с устной историей: «Кто сообщает историку устную историю о чем-либо и почему именно он и именно об этом?»

Методы и теория социальной коммуникации применимы не только к методу и содержанию устной истории, но и для представления результатов всякого исследования и во всех науках, т. е. там, где исследователь должен ясно ответить на эти же вопросы о своем исследовании, прежде всего, самому себе.

Попытаемся ответить на каждый вопрос два раза: в первый раз при выборе целей обращения исследователя к методу устной истории, во второй раз – в процессе получения исследователем устной истории сведений у кого-либо. Итак:

- Кто сообщает и кто получает по их социально-демографическим характеристикам? Образование, профессия, занятость, этничность, гражданство, адрес и контакты и пр.;
- Кто сообщает и кто получает по факту участия (в исследовании/событии)? Сам исследователь – не исследователь, участник – не участник события, свидетель – не свидетель;
- Кто сообщает и кто получает по характеру участия? Лидер-элита-рядовой-маргинал, организатор-исполнитель и пр.;
- Кто сообщает и кто получает по авторству? Автор оригинала, собиратель-хранитель, транслятор-ретранслятор цитат, аналитик/интерпретатор/критик и пр.;
- Кто сообщает и кто получает по месту нахождения? В ключевом месте – на периферии события/исследования и пр.
- Какое сообщение о событии по содержанию? Полное-неполное описание, объективное-субъективное, «чисто» устная история – интерпретируемая исследователем, женское-мужское содержание и пр.;
- Что именно сообщается? Сведения о событии – о своем/чьем-то участии, чьи-то мнения/оценка/слухи – факты, отстраненно-заинтересованно и пр.;
- Где сообщено или получено? Дома/в окопе/у станка и пр.;
- Когда сообщено или получено? Сколько времени прошло после события/ исследования для автора и для читателя публикации/получателя и пр.
- Как сообщено или получено? В спешке – в достаточное время, в состоянии депрессии – в нормальном – возбужденном состоянии, при чьем-то присутствии – наедине с самим собой или с исследователем и пр.

- Почему именно этот источник сообщает, а другой получает? Наиболее/наименее осведомлен – наиболее/наименее заинтересован и пр.
- Для чего сообщается и получается? Для коррекции содержания чьих-то исследований/сообщений – для подчеркивания своей/чьей-то личности в событии, для науки или для идеологических/политических целей и пр.

Содержание сообщений исследуется уже количественными методами контент-анализа (анализа содержания), но не исследуется пока по количеству содержания, т. к. в действующих теориях количество информации неизмеримо – что в теории Шённона, что в теории Колмогорова и пр.

Для измерения содержания текстов и содержания в них смысловых единиц (слов и сочетаний слов как смыслов) сейчас применяется множество компьютерных программ, описание которых можно найти в Интернете и приобрести через него.

Независимо от желания обратиться к теориям и методам, полезным пособием для разработки метода устной истории может стать адаптированная к ней Программа социологического исследования.

Немало ценного найдет исследователь для тех же целей, если обратится к опыту методов «case study» (исследования случая) и «event analyze» (анализ события).

О понятиях «История», «Социология», «Устная история»

Теории и методы науки излагаются в терминах, которые исследователи условно принимают для себя как профессиональный язык той или иной науки. Социальные науки, их теории и методы, впрочем, как и в других не социальных науках и, если это науки, отличаются по таким понятиям как объект, предмет, метод (включая метод верификации экспериментом) и прикладная применимость результатов исследования. Рассмотрим эти и прочие понятия и сформулируем их для целей этой публикации.

Объект – человеческая общность, представленная в фактах и артефактах² ее деятельности.

Общность³ – это множества и подмножества людей, организованные в те или иные структуры в их деятельности по достижению об-

2 В нашем случае и преимущественно в целях публикации артефактом является текст устной истории.

3 В моделировании исследователем и на выбор – семья, род/племя, община, профессиональные, территориальные, этнические и культурные общности, народ, общество или нация, человечество и пр.

ших или противоречивых целей. Люди могут быть членами не только одной общности, идентифицировать и проявлять себя в них через те или иные культурные символы. Общности могут появляться и исчезать в соответствии с достигнутыми или не достигнутыми целями. После исчезновения общности исчезает объект и предмет исследования, если нет фактов и артефактов как свидетельств их бытия, деятельности.

Предмет – сущность отношений людей по поводу целей, ресурсов, действий и результатов в значимых для них событиях.

Сущность есть смысл деятельности, а смысл – ее цель. Смыслы описываются в цикле и траектории посредством понятий «цель – ресурсы – действия – результат достижения целей». Не достигнутая, но значимая цель для человека или общности – не менее важный предмет исследования, чем цель достигнутая. Классическая греческая история и культура были нередко основаны на истории упорно и героически преследуемой, но не достигнутой цели.

Отношения людей описываются: а) в реальных и действительных для общности или б) в конструируемых исследователем структурах и процессах деятельности общности. Отношения описываются в физических, мыслимых, чувственных взаимодействиях людей, но всегда по поводу чего-либо конкретного – собственности, культурных символов религии, этничности и пр.

Действия общности обусловлены имеющимися ресурсами, в число которых входят: время как главный материал жизни людей, капитал финансовый и имущественный, социальный капитал и сети (взаимные права, обязанности, связи родственные, дружеские, соседские и пр.), человеческий капитал (здоровье, образование, профессия, навыки и пр.). Действия и цели общности всегда обусловлены и «окрашены» теми или иными культурными (этническими, религиозными и т. п.) ценностями, нормами, правилами и пр.

Значимость может быть экономической, политической, культурной. Значимость события определяется степенью ценности, «стоимости» целей, действий и результатов по затратам ресурсов (см. выше). Значимость определяется собственной оценкой личности, оценкой представителей и самой общности, оценкой соседних или последующих общностей, оценкой исследователей.

Почему в объектах и предметах исследования не рассматривается отдельный человек, хотя мы говорим о нем как об уникальном источнике устной истории? Потому, что в социальных науках он всегда есть совокупность отношений в той или иной общности – будь-то лидер,

представитель элиты, рядовая или маргинальная единица – и не может быть описан вне членов общности и отношений с ними.

Вполне понятно стремление исследователей к «героизации», «элитаризации» истории, т. к. сущности лидеров и элит в наибольшей степени отражают сущность и цели общности. Но, как короля играет свита, так лидеры и элиты малозначимы без их «свиты» - вольных или невольных последователей, противников или безучастных свидетелей – которые и делают лидеров лидерами и элиты элитами. А потому геройский лик общности – лишь один из ее ликов и в неполной степени описывает ее историю.

Метод – стандартизированный способ отбора объектов, предметов и инструментов исследования для их использования в научном эксперименте.

Эксперимент может быть: а) умозрительным («идеальным») в конструировании или воссоздании событий или б) реальным («материальным») экспериментом с объектами исследования.

Прикладное значение или практичность – степень объективности и ценности результатов исследования для планирования, прогнозирования, материализации/реализации в тех или иных целях общности.

Практичность результатов исследования, может, высока и для целей самой науки (теории и метода), которые являются одним из видов и результатов деятельности той же общности.

Далее понятия в таблице ниже будут описаны в условных допущениях «больше-меньше-равно» того или иного четкого или нечеткого признака, т. к. социальные науки изучают в терминах математики, теорий систем и синергетики - «нечеткие множества», связанные «нечеткой логикой» в «нечетких топологических пространствах сложных» структур, систем и процессов деятельности.

Почему невозможно четко и полностью выделить и определить понятия социальных наук, включая Историю, Социологию, метод устной истории, по их объектам, предметам, методам и прикладной значимости? Современные теории, методы, инструменты исследований в этих науках недостаточно сложны и мощны для изучения объектов и предметов социальных наук. Тем не менее, адекватность теорий и технологий явно растет, накапливается, и уже прослеживается переход этих наук в позитивные действительные науки, как в прошлом алхимии в химию, астрологии в астрономию, метафизики в физику.

Таблица. Анализ понятий История и Социология в их признаках

Объект		
В Истории	В Социологии	В Устной истории
Общность людей в фактах и артефактах события прошлого как проИЗОШЕДШЕГО	Общность людей – в фактах и артефактах об общности в событии прошлого и текущего как проИСХОДЯЩЕГО	Личность и его устное сообщение о событии прошлого
Предмет		
В Истории	В Социологии	В Устной истории
Сущность причинно-следственных связей в целях, действиях и результатах событий	Законы причинно-следственных связей, определяющих события, их структуры и процессы	Отношение отдельного человека – участника, свидетеля, пересказчика – к событию, к его причинно-следственным связям
Отношения между людьми и в рамках определенных ценностей, норм, законов	Законы и нормы, определяющие отношения людей в общности	
Методы		
В Истории	В Социологии	В Устной истории
Умозрительный эксперимент воссоздания события по фактам/артефактам	Реальный, прикладной эксперимент с опорой на математические методы	Эксперимент умозрительного и устного воссоздания события
Прикладная практичность		
В Истории	В Социологии	В Устной истории
Скорее низкая, чем высокая, для целей планирования и прогнозирования, но высокая для целей образования и воспитания поколений	Более высокая для целей планирования, прогнозирования, реализации в эксперименте ⁴ , но низкая для целей образования и воспитания поколений	Высокая практичность для целей исторического исследования

4 В социологии эксперимент на реальной общности людей возможен, будь то Готторнский эксперимент или строительство социализма/коммунизма, в соответствии с той или иной социальной теорией.

Устная история в Истории и Социологии и далее...

Пользуясь указанными выше признаками, дадим определения для понятий «История», «Социология», «Устная история» и свяжем их.

История – наука умозрительного эксперимента в описании прошлых событий и их сущностей в человеческих общностях.

В конечном счете, История есть наука описания истории смыслов жизни личностей и общностей.

Социология – наука, которая стремится выявить законы возникновения сущности событий посредством изучения устойчиво повторяющихся процессов и структур взаимодействия в общностях.

Что связывает эти науки в числе прочих связей?

- История стремится объяснить настоящее в прошлом (текущее, опрокинутое в прошлое), а социология (особенно историческая) – прошлое в текущем (прошлое, поднятое в текущее)
- История – материал для построения социальных теорий, социология пользуется этим материалом для проектирования теорий
- В свою очередь, История обращается к социальным теориям для объяснения и описания причинно-следственных связей в событиях.
- Устная история позволяет увидеть в обеих науках общее в особенном и особенное в общем, взаимно верифицируя и общее, и особенное в жизни отдельного человека, в его со-бытии с событием.

В социологии наиболее близким аналогом метода устной истории является углубленное интервью. Углубленное интервью – более широкое понятие, куда Устная история входит как часть понятия, т. к. содержанием углубленного интервью может быть отношение респондента и к текущему, и к прошедшему событию в жизни. Устная история исследует отношение источника устной истории всегда к прошлому, завершённому событию.

Если История – от древнегреческого «расспрашивание», а Социология – от *socius* – единица социального взаимодействия (человек, факт и сознания, и поведения) + логос – слово, речь, смысл, то...

...Устная история⁵ – это метод сбора и содержание устного сообщения отдельных личностей об их отношении к событиям в общности и зафиксированное на материальном носителе как текст.

Когда речь идет об устной истории как тексте, подразумевается, что изначально этот текст был получен исследователем как первично

5 Применительно к устной истории, вспомним, что истоки самого слова «История» лежат в древнегреческом слове «расспрашивание», далее и в европейских странах как «рассказ».

изустный. В противном случае речь идет о вторичном документе – мемуарах, автобиографии, письме к кому-либо и пр., но не об устной истории как методе и материале.

Метод и содержание устной истории может стать и становится намеренно или невольно для исследователя эмпирическим материалом в той или иной науке. Тогда устная история способствует междисциплинарности исследований между такими науками, как экономика (экономическая история), этнография/антропология, психология, этнология/бихевиоризм, этика, политология, герменевтика, лингвистика, юриспруденция и пр.

Форма и содержание устной истории могут стать фактом культуры и искусства, например, как в случае с Библией, евангелиями от Матфея, Иоанна, хадисами Аль-Бухари, с народными эпосами о реальных и/или умозрительных личностях и общностях.

От теории к практике

В стремлении к междисциплинарности (если) следует помнить, что устная история должна быть подчинена, прежде всего, целям своей науки и конкретного исследования. Отсюда необходимость тщательной подготовки исследования, отбора источников для возможно более глубокого понимания событий, в изучении которых применяется устная история, и, прежде всего, как равноправный источник для обнаружения новых деталей в общеизвестных фактах и событиях.

Материал устной истории бесполезен для науки, когда принимается как единственный источник в описании событий и без критического анализа содержания в контексте других источников и документов, если они имеются. Устная история вольно или невольно, полностью или частично искажает сущность событий, впрочем, как и все прочие источники. И это искажение обусловлено не только политико-идеологическим влиянием элит «сверху», но и психологическим, сознательным или бессознательным, вытеснением «плохого» и «нежелательного» из своей памяти самими людьми – «снизу».

Для того чтобы устная история стала блестящим фактом истории, должен и может быть использован для нее фон – это метод «триангуляции» (метод «треугольника»), метод перекрестного анализа в сравнениях содержания – 1) документов; 2) результатов умозрительного эксперимента; 3) заключений экспертов (других исследователей, очевидцев и пр.). Метод триангуляции не является идеально объективным с точки зрения надежности и объективности исследования, но позво-

ляет повысить ценность, снизить риски наукообразия устной истории и исследования.

О выборе тем для устной истории. Наиболее интересны темы, которые касаются людей в периоды их личных кризисов и в периоды кризисов в общностях. В эти периоды общности начинают искать «новые» смыслы, сущности своего бытия, к которым они сами приходят или к которым их призывают элиты, и сравнивать их со «старыми» смыслами. Столкновение новых и старых смыслов, их сравнение позволяет получить наиболее полезные результаты как ответы на экзистенциальные вопросы о сути тех или иных событий, роли в них людей и роли событий в смыслах жизни людей.

Как уже отмечалось выше, смыслы событий заключаются в ответах на циклы вопросов: «Какие цели и почему были выбраны? Какие действия и почему именно они были предприняты? Какие ресурсы и почему были использованы? Какие результаты были достигнуты или не достигнуты и почему?». Эти вопросы предназначены как для отдельного человека, так и для любой из общностей.

История и память народа

Существует общее мнение, что сознание и самосознание народа/нации формирует наука История. Однако обратное влияние – формирование содержания науки Истории посредством «памяти народа», отдельных людей и малых общностей – явно недостаточно стало общим мнением и фактом.

Когда устную историю называют «памятью народа», то это пока скорее литературная метафора, чем научный факт. Тем не менее, Устная история должна стать и станет «памятью народа» по мере того, как количество (например, автобиографий) или масштаб содержания (эпос) наберут такую критическую массу материала для обобщений, при котором уже можно говорить о «памяти народа».

История и историческая память народа – это не одно и то же, как это следует из меняющегося содержания множества исторических трудов и в сравнении со стойкими и устойчивыми стереотипами отношения людей к историческим событиям и героям истории.

Исследования общественного мнения говорят, что это отношение складывается в народе из следующих источников влияния (первым упоминается наиболее действенный источник, следующие источники – по мере убывания влияния):

- Влияние ближайшего социального окружения (предки, родители, семья,

друзья, соседи) в их устных историях;

- Свой личный опыт со-проживания и сопереживания событий истории;
- Каналы ТВ, Интернета, художественные книги и представление в них событий истории;
- Курсы истории в учебных заведениях или научные печатные труды.

В первых двух каналах влияния слились живая история и ее физическое и психологическое сопереживание (в действительности, в размышлениях и чувствах) с близкими людьми. Третий источник основан на опосредованных, художественных, эмоционально-понятийных образах, представленных «посредниками». Четвертый источник недостаточно пока очеловечен судьбами конкретных людей, и содержание этого источника подается без достаточного эмоционального закрепления в памяти людей⁶.

Устная история – наиболее Человечный метод по следующим основаниям:

- Устная история как метод обращается к отдельному и конкретному Человеку с определенным именем и судьбой, а не к массе, не к статистике;
- Устная история позволяет видеть особенности влияния этнической культуры и менталитета, этических ценностей и норм на события и в отношении к ним людей;
- Устная история позволяет окрасить события эмоциональными красками и включиться в сопереживание событий с автором Устной истории
- Устная история предоставляет людям возможность самовыражения без «посредника» и его интерпретаций.

Прибегая к «человеческой» аналогии, если «скелет» истории – это политико-идеологические документы и статистика, а прочие документы, материалы СМИ и артефакты – это «мышцы», то устная история – это «душа» очеловеченной Истории.

6 А. Жолдасов. «Время ли разбрасывать угли? – История ЦентрАзии в современных учебниках». <http://www.ia-centr.ru/expert/7337/>

НОДИРА АЗИМОВА

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
azimnod@gmail.com

ЖИЗНЕННАЯ ИСТОРИЯ (LIFE HISTORY) КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА

Одним из видов исследования и описания человека как личности и в сочетании с его деятельностью является биографический метод. Именно этот метод позволяет изучить личность в процессе развития.

Интерес к биографии или «истории жизни» связан с очень давними научными традициями. Изучение биографий терялось и заново возобновлялось в науке много раз. Впервые метод жизненной истории использовали представители Чикагской школы социологии У. Томас и Ф. Знанецкий в исследовании «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920).

Биографический метод является мультиметодологическим подходом, развивающимся в этнографии, социологии и психологии, преимущественно опирающимся на качественную исследовательскую парадигму. Он направлен на исследование «истории» индивидуальной жизни человека, с акцентом на субъективные представления индивида о своей жизни и социальной реальности, выраженные в форме индивидуально-субъективного повествования. Кроме того, респонденты, рассказывая о своей биографии, представляют оценку событий, свои переживания, отношение к взрослению, старости, свои обиды и победы. При различном применении биографического метода его сторонники сходились на том, что в формировании личности основное значение имеют именно биографические факты – личные взаимоотношения с членами семьи и группы, переломные моменты жизни, наследственность и т.д.

Исследователь попадает в двойственную ситуацию, когда, с одной стороны, перед ним – свидетель времени, и поэтому необходимо полагаться на правдивость его информации, с другой стороны, любому рассказчику свойственна своя манера изложения, в которой отражаются черты значимости своей собственной роли в этом изложении. Причем речь идет не столько о соответствии реальности, сколько о желании информанта о чем-то не сказать, что-то подать несколько иначе, чем

было на самом деле.

Несмотря на то, что данный метод традиционно воспринимается как принадлежащий исторической науке, в социокультурном плане мы можем отметить его широкое распространение во всех сферах жизнедеятельности, которые связаны с человеком.

Что именно значит для человека тот или иной эпизод жизни, может знать только он сам. Вот почему биографический метод попросту не может быть заменен никаким иным методом изучения сообществ.

Он полезен тем специалистам, кто стремится расширить исторический горизонт своего исследования, открывая то, что произошло раньше, до начала исследования, либо стремясь получить личную оценку происходившего из уст информатора. В основе этого средства познания уникальных особенностей личности лежит изучение индивидуального жизненного пути (социальный статус родителей, место жительства, условия социализации, образование, семья, рабочее место и т. д.).

У специалистов отношение к биографическому методу скорее двойственное. Некоторые авторы считают, что в биографии, рассказанной самим человеком, нет ни грамма истины, поскольку это целиком социальный конструкт. В нем много вымысла, неточных подробностей, иногда выдуманных событий, но больше всего — приукрашенных оценок.

Респондент представляет историю своей жизни как последовательность событий, правдивость которых, однако, невозможно проверить.

Исследователь может полагаться только на собственное ощущение того, говорит респондент ему правду или нет.

Для антрополога биографический метод имеет особое значение. Ему приходится либо наблюдать за поведением сообщества и систематизировать собственные записи, либо брать интервью у представителей культуры, пытаясь понять значение символов, памятников, ритуалов и обрядов.

К разновидностям биографического метода относятся: а) устная история; б) история жизни; в) история семьи.

Прежде чем приступить к рассмотрению одной из разновидностей биографического метода, необходимо изложить сущность каждого из них.

Необходимо отметить, что отличаются они, прежде всего, целями и задачами, которые ставит перед собой исследователь.

Устная история – это точное воссоздание определенных историчес-

ких событий. В ее фокусе – историческое знание о событиях, процессах, движущих силах и причинах. Устные истории, рассказанные участниками событий, используются для накопления такого исторического и фактического знания. Историческое знание с точки зрения очевидца необходимо, например, антропологу, стремящемуся воссоздать историю разделения труда между соседними племенами или историю вражды между кланами¹.

История семьи. Эта тактика фокусируется на истории семьи как локального сообщества на протяжении поколений. Семья рассматривается как относительно устойчивая малая группа, взятая в исторической ретроспективе, которая в каждом поколении может либо объединяться, либо разъединяться, однако это не играет роли в ее постоянности как социального феномена. Анализируются процессы социальной и территориальной мобильности членов семьи в длительной динамике нескольких поколений, преемственность или изменение ее социального статуса, передача культурного и социального наследия семьи и трансформации ценностей.

История жизни – изучение индивидуального пути и жизненного опыта на разных стадиях (от детства к взрослению и старению). По объекту интереса это может быть история жизни великого или выдающегося человека, индивида, достигшего большого жизненного успеха, или история жизни обычного среднего человека.

Данный метод (life history) чаще практикуется антропологами и социологами, но у них разные цели и задачи: первые стараются составить неповторимую картину жизни местного народа, вторые – дать обобщенный портрет представителей индустриального общества. Антропологам он дает очень многое, а самое главное — такое, что невозможно получить никаким иным способом. История жизни человека с момента его рождения – это история его отношений с другими.

Для социологов это основной источник детальных и мотивированных описаний истории отдельной личности. И значимые социальные связи, и мотивы действий получают здесь убедительное освещение с точки зрения респондента. Лишь в очень редких случаях исследователь имеет дело с жизнеописанием, включающим в себя все события от первого крика до последнего вздоха. Обычно основное внимание уделяется конкретным аспектам или стадиям жизни – карьере, межлич-

1 Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 93.

ностным отношениям и т. п.²

Н. Дензин дал одно из самых популярных определений метода историй жизни: метод представляет переживания и определения одного лица, одной группы или одной организации в той форме, в которой это лицо, группа или организация интерпретирует эти переживания³.

В центре этого типа исследования всегда стоит индивидуальная жизнь от детства до старости, персональная судьба в редком синтезе удач и поражений. Рассказчик здесь, в отличие от «oral history», описывает свою собственную историю, свои этапы жизненного пути, соотнося себя с другими людьми, социальными группами, выражая свои собственные чувства и переживания. Рассказ о жизни – это всегда особая доверительная информация о такой стороне человеческого мира, которая недоступна другим познавательным средствам.

Хотя биографический метод нередко выделяют в самостоятельный вид эмпирического исследования, в то же время в антропологии и социологии чаще всего его относят к разновидностям метода интервью.

В рамках теории повествования (рассказа) формулируются структурные категории, правила построения историй, стратегии, к которым в различных социальных контекстах прибегают люди, излагая те или иные события.

Интервью и дословные записи сообщений всегда играют ведущую роль в получении значимых для исследователя историй жизни. Процедуры интервьюирования, используемые в этом случае, по существу отличаются от традиционных антропологических и социологических методов лишь тем, что они четко структурированы временной перспективой человеческой жизни как целого. Биографический путеводитель (гайд. – Прим. автора), используемый при интервьюировании, позволяет субъекту упорядочить свой рассказ и уделить достаточное внимание всем фазам жизненного цикла (детство, юность и т. п.) и всем сферам жизненного опыта (семья, карьера и т. п.), которые значимы для него и интересуют социолога⁴. Даже в тех случаях, когда исследователь проводит углубленные интервью без использования четко разработанного плана, он не должен забывать о цели и задачах этой беседы и постоянно возвращается к их обсуждению.

2 Там же. – С. 83.

3 Denzin N. The Research Act. A Theoretical Introduction to Sociological Methods. 3rd ed. Englewood Cliff: Prentice Hall, 1989. P. 183

4 Девятко И. Ф. Методы социологического исследования.– Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 95.

Биографическое интервью — это не спонтанный рассказ о своей жизни, постоянно отвлекающийся на некоторые подробности, а строго организованный и постоянно контролируемый самим исследователем сбор информации. Обычно респонденту сообщают цель и задачи интервью, задают наводящие вопросы, поддерживают беседу стимулирующими вопросами, просят сосредоточиться на ключевых моментах, а где надо – раскрыть сюжет более подробно. В процессе рассказа интервьюер-исследователь постоянно задает уточняющие вопросы, которые важны не столько респонденту, сколько ученому.

В зависимости от целей изучения историй жизни исследователь выбирает различные методы качественных интервью. Ими могут быть:

Нарративное интервью (narrative – рассказ, повествование), представляющее собой свободное повествование рассказчика о жизни без всякого вмешательства со стороны интервьюера. Предполагается, что в ходе такого свободного изложения в памяти респондента ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые представляют для него наибольшую субъективную ценность. Это позволяет выявить наиболее важные моменты его биографии.

Полуструктурированное интервью предполагает в каждом из тематических блоков перечень обязательных аспектов, относительно которых должна быть получена информация. Здесь важно в ходе свободной беседы задавать вопросы, интересующие интервьюера, но так, чтобы они не нарушали общего хода беседы, а органически вписывались в рассказ как уточнения.

Биографическое интервью, где тематические блоки соответствуют последовательности основных этапов жизненного цикла респондента: детство, юность, женитьба, выбор профессии и т. д. Интервьюер только направляет разговор на определенную тему и умело подводит к следующему блоку, когда, по его мнению, рассказ о данном периоде жизни исчерпан.

Лейтмотивное интервью, которое позволяет проследить динамику одного и того же аспекта жизнедеятельности индивида на протяжении разных периодов его биографии. Например, если мы хотим изучить его взаимоотношения с сообществом или родственниками, то в процессе интервью в каждом периоде жизненной истории мы будем иметь в фокусе именно этот аспект и задавать вопросы, касающиеся изменений в этих отношениях.

Фокусированное интервью выбирается тогда, когда мы хотим больше узнать только об одной жизненной ситуации.

В целом же выбор стратегии и тактики интервью должен соответствовать целям исследования. И главное – не следует забывать, что в ходе повествования люди доверяют интервьюеру свои секреты, рассказывают о наиболее эмоционально важных, радостных или тягостных моментах своей жизни. Тяжелые воспоминания могут стать причиной новой боли. Поведение интервьюера должно быть максимально тактичным: не надо настаивать на дальнейшем углублении информации, даже если она представляет несомненный исследовательский интерес. Лучше вернуться к эпизоду позднее, когда человек уже успокоится, и попробовать еще раз задать вопрос.

Хотя некоторые аспекты интервьюирования жизненной истории ясно не сформулированы и не разъяснены, есть один аспект, в котором все, кто проводил интервьюирование жизненной истории, уверены: потребность быть время от времени своего рода «пустым экраном», на который информант «проектирует» свою жизнь. Как только интервьюируемый понимает задачу, этнограф должен сказать как можно меньше⁵.

Необходимо четко объяснить респонденту цель своего исследования. Нужно всегда помнить, что академический язык, который мы используем в описании научно-исследовательской работы, является иностранным языком для большинства людей, даже очень интеллектуальных. Например, не говорите, что вы хотите взять интервью у человека, чтобы воспроизвести его или ее жизненную историю; большинство людей не считают себя квалифицированными, чтобы говорить как историки, и в любом случае, как правило, не рассматривают свою собственную жизнь как часть истории – сам термин может быть непонятным и отпугивающим. Скажите вместо этого, что вы хотите поговорить о «событиях и людях, которых они знали»⁶.

Для этапа сбора данных в интервью историй жизни главной задачей является «превращение» интервьюируемого в рассказчика. В одной из своих статей российский исследователь Ф. Журавлев приводит пример такой специально разработанной стратегии, которая состоит из трех этапов⁷.

1-й этап: начало интервью и основной рассказ. Исследователь крат-

5 Kluckhohn, Clude. The personal Document in Antropological Science. 1945 P.122

6 Field projects in anthropology. Illinois. 1992. P.84

7 Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях. Социология: 4М. 1994. N. 3–4. С. 39.

ко формулирует просьбу или общий вопрос, цель которого – стимулировать респондента к биографическому повествованию. Нет никаких универсальных рецептов относительно того, каким должен быть этот «импульс». Единственное ограничивающее условие: вопрос не должен затрагивать частных или неприятных для респондента тем.

После того, как респондент «ввязался» в рассказ, функция интервьюера сводится к роли слушателя и стимулированию продолжения повествования кивками головы и обычными для заинтересованного слушателя репликами: «Что было дальше?» и т. д. Пассивная роль интервьюера позволяет рассказчику в наибольшей степени сконцентрироваться на своем жизненном опыте. В случае если респондент заканчивает повествование, интервьюер должен попытаться задать новые вопросы. Последние не должны ставить респондента перед необходимостью аргументации и оценки описанных событий. Их цель – стимулировать рассказ о периодах жизни, которые либо были недостаточно освещены, либо вообще остались не затронутыми.

Кроме этого, на первом этапе интервьюеру следует внимательно следить за ходом повествования и запоминать: последовательность событий, имена вводимых персонажей, временные, фактические и логические несоответствия, пропуски и обрывы в повествовании – с тем чтобы использовать эти моменты во второй фазе интервью.

2-й этап: «фаза нарративных расспросов». Респонденту задаются вопросы о событиях, упомянутых им ранее в своем повествовании. Опять речь не идет об оценках и аргументации. Интервьюер касается прерванных линий рассказа, малопонятных для него мест и предлагает интервьюируемому дополнить или прояснить их.

3-й этап: заключительная часть. Респондент получает слово как «теоретик», развивая аргументацию, давая оценки и объяснения по поводу событий своей жизни. Таким «теоретическим» резюме интервью завершается.

Как правило, интервью занимает от 1,5 до 2 часов: позже человек начинает повторяться. Все уточняющие вопросы, не уложившиеся в одно интервью или появившиеся в ходе его анализа, лучше задать при повторной встрече, договорившись о возможности такой встречи по завершении беседы.

После проведения интервью исследователю желательно в наиболее краткий срок приступить к транскрибированию, обработке и интерпретации полученного материала.

Все респонденты, рассказывающие свои жизненные истории, ана-

лизируют свое прошлое (и предугадывают будущее) с точки зрения конкретного, вот этого, момента своего личностного развития, обычно стремясь дать социально одобряемую и согласованную картину жизни как целого.

Интерпретация результатов предполагает анализ следующих вопросов развития личности: социальная ситуация развития личности; основной фон эмоциональных переживаний в разные периоды развития; ценностные ориентации, направленность, интересы, тенденции, среда общения, социальная активность личности; основные конфликты и движущие силы развития личности.

Процедура анализа данных биографических нарративных интервью включает шесть этапов или шагов⁸. Исходная предпосылка анализа состоит в том, что собственно нарративным (непосредственно повествующим о событиях) и ненарративным (содержащим аргументацию, описания, оценки и т. д.) фрагментам придается различное значение⁹.

В процессе анализа устанавливается перспектива нормативного и отклоняющегося, обычного и странного, нового и давно известного. Другими словами, задача интерпретатора состоит в переходе от наивного доверия к взглядам и оценкам рассказчика к критическому суждению и сравнению с позиции социального знания¹⁰.

Суть биографических исследований состоит в изучении человеческого содержания культуры. В результате их проведения объектом исследования становится личность в культурном контексте. Без осмысления биографий, их сущностного и личностного контекста любое исследование культуры становится схематичным набором идей и концепций, теряет тот импульс, который необходим для понимания духовных процессов.

Необходимость биографических исследований связана с тем, что в настоящее время мы слабо понимаем, что такое человек, как упорядочить категории его исследования, как связать его характеристики с силами истории, общества и культуры. Кроме этого, через биографии или жизненные истории возможно вернуть в поле зрения науки те зоны, которые были переведены на задний план или оставлены без внимания.

8 Более подробно См: Bonsack R. Rekonstruktive Sozialforschung. Opladen, 1991. С. 95-97

9 Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях. Социология: 4М. 1994. № 3-4. С. 40-41.

10 Девятко И. Ф. Методы социологического исследования.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 55.

КОМИЛ КАЛАНОВ

кандидат социологических наук

Узбекский государственный университет мировых языков

komiljon@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Люди больше походят на свое время, чем на своих отцов.

Арабская пословица

В середине XX века французский социолог А. Хаузер изложил и противопоставил основные принципы и методы, характерные, с его точки зрения, для истории и социологии. По его мнению, главные различия между этими науками заключались в том, что метод, которым пользуется в основном социология, – метод сравнительный, а в истории принят монографический и функциональный метод.¹ В современной социологии в исследовании исторической памяти широко применяются такие методы, как дискурс-анализ, нарратив-анализ и поколенческий анализ.

Однако будем осторожны. Задача наша, даже при таком понимании и ограничении, лишь на первый взгляд может показаться простой. Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию. Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данных дисциплин – пусть самые специальные с виду, – необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук. Изучение методов как таковых составляют особую дисциплину.

Понятие «поколение» – широко распространенная аналитическая категория языка повседневности, беллетристики и СМИ, хотя и менее популярно в науке. Оно существует параллельно, но не альтернативно другим категориям анализа и системам видения. Вопросами являются здесь как характер этого понятия (что дает, а что ограничивает в видении этот инструмент познания), так и причины его сравнительно

¹ См: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008. – С. 7.

ограниченного употребления историографией².

Поколенческое видение биографического и исторического материала своими истоками уходит в предписывенную древность. Легенды тюрков, саги Севера и сказания Полинезийских островов, книги Библии и хроники династий Египта и Междуречья повторяют формулу «А породил Б, а Б породил В» как важнейший стержень индивидуальной и коллективной памяти и идентификации. Ранние историографические модели часто опирались на генеалогические цепочки правителей, видя в них основную причину в определении ритмов, заложенных в истории и хрониках. Но, с другой стороны, по мнению А.Ф. Кюгельгена, «история правителей или их сообщества чаще всего не соответствует событиям, имевшим место в действительности, но, тем не менее, может рассматриваться как истинная в том смысле, что эта история для него и многих членов его сообщества – по крайней мере, на протяжении определенного периода времени – имела статус «исторической правды», определяя их восприятие, оценки и действия»³.

Классиками современной теории поколений/когорт (иногда с расширением и на «современников») стали К. Мангейм и Х. Ортега-и-Гассет⁴. Мангейм продолжил работу В. Дильтея и М. Вебера, приняв их основные неоконтианские положения. В то же время он критикует эпистемологию Дильтея за видение общества через призму фундаментального дуализма «материального» и «духовного», не выделяя особенностей равнозначной для Мангейма категории «социального»⁵. В своем социологическом анализе Мангейм опирался в большой мере на искусствоведение Пиндера и его модель художественного стиля определенного поколения, выраженного через понятие основополагающего мотива в нем⁶. Продолжая эту линию анализа, Мангейм предложил понятие энтелехии как главного мотива коллективного мышления – у него это «дух поколения», наиболее ярко выраженный его элитой. Введенное Мангеймом понятие «поколенческий союз» занимает здесь

2 Шанин Т. История поколений и поколенческая история / В кн: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 19.

3 Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк Пресс, 2004. – С. 27.

4 Шанин Т. История поколений и поколенческая история / В кн: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 23.

5 Там же. – С. 24.

6 См.: Prinder W. Das Problem Des Generation In Der Kunstgeschichte Europas. В., 1926.

положение идейно-политического «авангарда» определенной поколенческой когорты. В работе Мангейма, посвященной поколениям, можно видеть приложение этого теоретического подхода к практическому анализу современной ему истории Германии⁷.

В видении Ортега биологические процессы переплетаются с культурными. Развитие поколенческих групп определяется типичными связями возраста с типичными характеристиками действия каждого человека. Ортега закладывал количественные параметры пятнадцатилетних «шагов» при определении возрастных категорий: 15–30 лет – молодость, 30–45 – век инициатив, 45–60 лет – время «облачения властью»⁸.

Поколенческий анализ вышел на новую стадию развития благодаря работам американских социологов А. Страуса и В. Глейзера, которые предложили иную концепцию качественного анализа и назвали разработкой *grounded theory*, т. е. интеракционное построение мини-теорий в процессе сбора и анализа эмпирических данных. Основное назначение исследовательских идей, возникающих в процессе наблюдений, интервью, как раз и состоит в концептуализации обыденного опыта, считают Глейзер и Страус⁹.

Как известно, современное развитие человечества характеризуется мобильностью, которая проявляется в разных формах и уровнях в зависимости от состояния и уровня развитости конкретного общества, и является инструментом поколенческого анализа. В традиционных обществах мобильность развивается более замедленными темпами, чем в современных постиндустриальных обществах. Мобильность является основой всякого развития, включая человеческие ресурсы.

Общеизвестно, что в социологии существуют два основных вида социальной мобильности – **межпоколенная** и **внутрипоколенная**, и два основных типа – **вертикальная** и **горизонтальная**¹⁰.

Межпоколенная мобильность предполагает, что дети достигают более высокой социальной позиции либо опускаются на более низкую ступеньку, чем их родители. Пример: сын водителя становится профессором университета.

7 Мангейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572–671.

8 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 43–163.

9 Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание, социальной реальности. М.: «Добросвет», 1998. – С. 439.

10 Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: «Полит. лит-ра», 1992. – С. 297–302.

Внутрипоколенная мобильность имеет место там, где один и тот же индивид вне сравнения с отцом на протяжении жизни несколько раз меняет социальные позиции. Иначе такая мобильность называется социальной карьерой. Пример: токарь становится инженером, а затем начальником цеха, директором завода, министром машиностроительной отрасли. Проблемами социальной мобильности занимался российский учёный В. Ядов, который аналитически двигался от достаточно элементарных классификаций событий к некоторым концептуальным обобщениям, кластеризуя эти обобщения в более «емкие» категории, постоянно возвращаясь к транскриптам в поисках аргументов для выдвижения теоретической идеи:

Иван Д.: 1904 г. рождения, из дворянской среды. В гражданскую войну перешел на сторону «красных» и по окончании войны стал «спецом»¹¹. На уровне описательного анализа достаточно было хронологически выстроить жизненный и профессиональный путь Ивана Д. в 30–40-е годы, чтобы обнаружить в его биографии факты миграций с места на место:

1932 – Мариуполь, экономист комбината «Никель»;

1933 – Никополь, начальник планового отдела комбината;

1935 – Комсомольск-на-Амуре, начальник планового отдела стройки;

1938 – Азовсталь, начальник планового отдела комплекса;

1939 – Магнитогорск, начальник планового отдела промышленного комплекса;

1942 – Липецк, главный инженер реконструкции завода;

1949 – Москва, ведущий инженер по строительству высотных зданий;

1950 – Москва, Министерство строительства, начальник отдела¹².

Здесь первый абзац можно классифицировать как «социальное происхождение», последующая информация укладывается в категорию «социальная мобильность». Следует отметить, что ядром данного анализа является категория так называемой внутрипоколенной мобильности. «Социальное происхождение» Ивана Д. относится к долговременным, а «социальная мобильность» – к кратковременным процессам. В первом случае социологов больше интересует межклассовая мобильность, а во втором – перемещение из сферы физического труда

11 В послереволюционные годы большевики, остро нуждавшиеся в квалифицированных кадрах, привлекали «буржуазных специалистов» и в армию, и в промышленность, и на стройки. Их называли «спецами» (В.Я.).

12 Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: «Добросвет», 1998. – С. 441.

в сферу умственного.

Как считал Марк Блок, «поколения последних десятилетий XIX и первых лет XX века жили, как бы замороженные очень негибкой, поистине контовской схемой мира естественных наук. Распространяя эту чудодейственную схему на всю совокупность духовных богатств, они полагали, что настоящая наука должна приводить путем неопровержимых доказательств к непреложным истинам, сформулированным в виде универсальных законов»¹³. Современная наука в лице О. Тоффлера предлагает следующие доказательства социальных изменений. В книге «Шок будущего» он сделал вывод о том, что ускорение социальных и технологических изменений создает все больше трудностей для адаптации внешней и внутренней среды человека. 50 тысяч лет человеческой истории Тоффлер измерил числом поколений, каждое продолжительностью в 62 года. Таких поколений набирается приблизительно 800, 650 из них обитали в пещерах. Только 70 последних поколений узнали письменность, лишь 4 поколения научились более или менее правильно измерять время, только 2 последних пользуются электродвигателем. Подавляющее большинство материальных ценностей, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, впервые создано нынешним, восьмисотым поколением. Количество окружающих нас предметов удваивается через каждые пятнадцать лет. В конце своей жизни нынешний подросток будет жить в предметном мире, в 32 раза превышающем предметный мир его родителей. Внутренний мир человека не сможет приспособиться к окружающему миру и эффективно взаимодействовать с ним. Отсюда – психологический шок, ожидающий человека в недалеком будущем¹⁴.

По мнению социолога современности Дж. Урри, в изучении современных обществ важнейшей категорией является «мобильность». Свой подход он формулирует следующим образом: «Я стремлюсь представить манифест социологии, которая изучает различные мобильности – людей, вещей, образов, информации и отходов, а также изучает сложные взаимодействия между этими различными мобильностями и их социальные последствия»¹⁵. Однако мобильность является проявлением социальных отношений, а социальные отношения сегодня изменяются под воздействием «нечеловеческих объектов» – машин,

13 Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: «Наука», 1986. – С. 12.

14 Toffler A. Future Shock. New York: Bantam Books, 1971. - P.74.

15 Urry G. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. London and New-York: Routledge, 2000. – P. 3.

технологий, текстов, образов, физической среды и т. п. Здесь следует отметить оправданность вышеуказанных футурологических выводов О. Тоффлера о том, что ускорение социальных и технологических изменений влияет на мышление и мировосприятие современного поколения.

Социально детерминированная предрасположенность личности или социальной группы к определенному действию в конкретной ситуации называется установкой. Это форма реагирования на стимулы внешней среды субъекта деятельности, стремящегося удовлетворить те или иные потребности. «Среда, в которой обитал человек индустриальной эпохи, – пишет О. Тоффлер, – во многом отличалась от той, в которой жили его предки. Несходными были даже наиболее элементарные сенсорные сигналы»¹⁶. Рассматривая вопрос о взаимодействии социальной среды и личности, необходимо еще раз обратиться к некоторым общим положениям, и прежде всего к положению о сущности человека. Человек индустриальной эпохи (Industrial Man) отличался от всех своих предшественников. Он повелевал мощностями, которые в значительной степени повышали его слабые силы. Большую часть жизни он проводил в производственной среде, соприкасаясь с машинами и организациями, которые подавляли личность. С детства его учили, что выживание главным образом зависит от денег. Как правило, он вырастал в нуклеарной семье и ходил в стандартную школу. Представление о мире, в основном, складывалось у него благодаря средствам массовой информации. Он работал в крупном акционерном обществе или состоял на государственной службе, был членом профсоюза, относился к определенному церковному приходу, входил в другие организации – в каждом из этих мест он составлял часть своего делимого «Я». Он все меньше отождествлял себя со страной в целом. Он ощущал свое противостояние природе, в процессе трудовой деятельности он постоянно эксплуатировал ее. И все же он парадоксальным образом стремился провести уикенд на лоне природы. Он научился воспринимать себя частью громадной взаимозависимой экономической, социальной и политической системы, постичь которую в целом было выше его понимания¹⁷. По сути дела, при таком подходе человек отождествлялся с наличными социальными отношениями, и в первую очередь с производственными, вследствие чего абсолютизировалась его социальная принадлежность.

16 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. – С. 205.

17 Там же. – С. 204–205.

Прежде всего, еще следует принять во внимание, что при анализе реакций какой-либо социальной группы современного поколения мы имеем дело не с безликой массой, а рассматриваем структуру личности каждого человека. Причем мы обращаем внимание не на те характеристики отдельной личности, которые отличают ее от других, а, наоборот, анализируем те качества, которые являются общими для большинства представителей той или иной группы. Такую совокупность черт характера в социологии называют **социальным характером**. По мнению Э. Фромма, «социальный характер составляет только та совокупность черт характера, которая присуща большинству членов определенной социальной группы и которая появилась как результат общих для всех ее членов переживаний и общего жизненного уклада»¹⁸. В социальном поведении как внешнем проявлении деятельности выявляется социальный характер, конкретная позиция человека и его установка. Это форма превращения деятельности в реальные, конкретные действия по отношению к социально значимым объектам. Приведем пример предложенный Ю. Лотманом, крупнейшим эстонским литературоведом и теоретиком языковедения, картины поколенческой истории и поколенческого кризиса XVIII в.: «К концу XVIII века в России сложилось совершенно новое поколение людей. Изменение характеров развивалось с такой быстротой, что в течение столетия мы отчетливо можем различать несколько поколений, своеобразную лестницу человеческих типов.

Люди последней трети XVIII века, при всем неизбежном разнообразии натур, отмечены были одной общей чертой – устремленностью к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению.

Люди начала XVIII века стремились влиться в какую-то группу, стать... частью какого-либо единства, сделать его законы своими собственными правилами. Для человека конца XVIII века, если можно позволить себе такое обобщение, характерны попытки найти свою судьбу, выйти из строя, реализовать собственную личность, что будет психологически обосновывать многообразие способов поведения...

Движение века развивалось от противоречий: «регулярное государство» нуждалось в исполнителях, а не в инициаторах и ценило исполнительность выше, чем инициативу.... Однако (это) противоречило его потребности в сознательной инициативе... Другая сторона потребностей строилась на принципиально иной основе и порождала

18 Фромм Э. Бегство от свободы. М.: «ООО Попурри», 1997. – С. 340–341.

совсем иной человеческий тип»¹⁹. С точки зрения социологии, мы можем утверждать, что индустриальная эпоха, пронесшаяся над Европой в XVIII веке, создала «пространственно протяженную» культуру на мировом уровне. Люди и идеи перемешались на сотни и тысячи километров, многочисленные толпы мигрировали в поисках работы. Товарное производство, рассеянное прежде по полям, теперь сосредоточилось в городах. Разросшееся население теснилось в немногочисленных, плотно заполненных узловых пунктах. Старые селения глохли и вымирали; возникали быстро развивающиеся индустриальные центры, обрамленные дымовыми трубами и огненными печами. И ситуацию, которую наблюдают в XXI веке в постсоветских государствах, можно считать продолжением поколенческого кризиса.

В то же время человеческие возможности все в большей степени определяются сложными взаимосвязями людей, т.е. «социальной сетью». Ссылаясь на Кастельса, Урри пишет, что конвергенция социальной эволюции и информационных технологий создала новую материальную основу для осуществления тех или иных видов деятельности во всей социальной структуре. По мнению французского исследователя П. Бурдьё, сеть – это социальный капитал. Сеть как социальное поле, в котором места индивидов распределены в соответствии с их статусами. Статус, в свою очередь, зависит от совокупности ценных социальных отношений и полезных связей, которые, собственно, и представляют социальный капитал²⁰. В свою очередь, природа социальной сети зависит от особенностей процесса социализации. Существуют разные точки зрения на социализацию. В соответствии с одной из них, процесс социализации означает включение природно-биологического индивида в нормальную социальную среду, в результате чего происходит «очеловечивание» животногоподобного человеческого существа. В социологии социализация рассматривается как саморазвитие личности в процессе ее взаимодействия с различными социальными группами, институтами, организациями, в результате которой вырабатывается активная жизненная позиция личности.

Материальная основа, встроенная в различные сети, оформляет саму социальную структуру. Сети образуют сложные и устойчивые

19 Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 2002. – С.254–255 / См: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 31–32.

20 См: Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: «Владимир Даль», 2008. – С. 725–737.

связи в пространстве и времени между людьми и вещами. Материальная база связана с различными новыми машинами и технологиями, позволяющими ужимать пространство и время: оптоволоконные кабели, реактивные самолеты, средства передачи аудиовизуальной информации, компьютерные сети, включая Интернет, спутники, кредитные карточки, факсы, мобильные телефоны и т. п. Все эти технологии «несут» людей, информацию, деньги, образы и т. д. Они позволяют, в числе прочего, мгновенно пересекать и пространство национального государства, и его границы²¹. XX век был веком драматического роста человеческой мобильности: социальной, профессиональной, экономической, географической, – стал периодом меньшего осознания и снижения общественной важности генеалогических связей. В средние века «тюркский кочевник или афганский вождь знал свое (и своих соплеменников) происхождение до шестого колена и более. В современном обществе немногие помнят имя прадеда (а то и деда). В то же время современное понятие «конструирования» истории возвращает нас частично к теме генеалогии как одной из форм»²². Самость человека – это не изолированная, автономная сущность, она скорее находится в постоянном динамическом взаимодействии с социальным миром. Хотя сейчас отечественные обществоведы много пишут и спорят о менталитете нации или какой-то определенной группы, понятно влияние различных периодов на мышление поколений. По этому поводу интересно изучить анализы поколенческой истории российского исследователя Т. Шанина:

Подростки 1905–1907 годов рождения, «надев к 1914–1917 гг. шинели, стали революционным контингентом социальных и этнических революций и ударной силой Гражданской войны в 1917–1921 гг. Крестьянские мальчишки сельской Латвии, Грузии, Украины и юга России, где особенно свирепствовали карательные отряды 1905–1907 гг., получили урок прикладной политики и классовой ненависти, смотря на то, как пороли, вешали и скопом ссылали в Сибирь их отцов. Евреи белорусских и украинских местечек учились этому на погромах 1899–1906 гг. Окопы и поражения Мировой войны расширили и драматизировали это миропонимание. В условиях развала царизма «сверху» из-за внут-

21 См: Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: «Владимир Даль», 2008. – С. 598–599.

22 Шанин Т. История поколений и поколенческая история. / В кн: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 21–22.

ренной коррупции и военных поражений революционным потенциалом руководило поколение идеологов и политиков, переосмыслившее утопии своей молодости вследствие схваток и поражений революций, периода трудностей и горечи тюрем и эмиграции»²³.

Влияние особенностей мышления специфического поколения было предложено также как объяснение и определение исполнителей сталинской коллективизации 1928–1934 гг., так называемой «внутрипартийной борьбы» и «ежовщины» 1937 г. Результатом стала новая партийная элита «сталинцев», определившая и характер советского общества, и его кризис, и, конечно, падение государства. Можно еще сказать о нескольких поколениях советского периода, например, «шестидесятниках», о поколении перестройки и поколении новых независимых государств.

Закончу статью фразой М. Блока: «Разумеется, мы теперь уже не считаем, что, как писал Макиавелли и как полагали Юм или Бональд, во времени «есть по крайней мере нечто одно неизменное – человек». Мы уже знаем, что человек также сильно изменился – и его дух и, несомненно, даже самые тонкие механизмы его тела. Да и могло ли быть иначе? Духовная атмосфера претерпела глубокие изменения, гигиенические условия, питание изменились не меньше. И все же, по-видимому, в человеческой природе и в человеческих обществах существует некий постоянный фонд. Без этого даже имена людей и названия обществ потеряли бы свой смысл. Можем ли мы понять этих людей, изучая их только в их реакциях на частные обстоятельства определенного момента? Даже чтобы понять, чем они являются в этот именно момент, данных опыта будет недостаточно. Множество возможностей, до поры до времени мало проявляющихся, но каждый миг способных пробудиться, множество стимулов, более или менее бессознательных, индивидуальных или коллективных настроений останутся в тени. Данные единичного опыта всегда бессильны для выявления его же компонентов и, следовательно, для его истолкования»²⁴.

23 См: Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922 гг. М., 1997.

24 Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: «Наука», 1986. – С. 27.

БАРНО УБАЙДУЛЛАЕВА

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
barnomashrab@gmail.com

ЭТНОЛОГИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы, используемые в общественных науках, по своему характеру относятся к трем различным уровням – сбор материала, его систематизация и интерпретация. Именно для первого уровня, т. е. сбор материала, разные науки используют свои методы.

В последнее время, по мере усложнения и проявления разнообразия общественной жизни, развивалась и совершенствовалась структура получения информации, что поставило ряд этических вопросов перед специалистами, занимающимися исследованиями в области общественных наук. Все это позволило сформировать новые подходы к проблемам, новые методы и способы исследования.

Одним из таких сравнительно новых методов исследования как истории, так и этнологии является устная история.

Этнология сформировалась как наука, изучающая этносы и этнические особенности народов. В последнее время этнология интерпретируется как всесторонняя наука об этносах. Будучи наукой об этносах, этнических сторонах общественных связей на всех этапах существования человеческого общества, этнология исследует прошлое в более широком хронологическом диапазоне, чем собственно история. Главным компонентом объекта этнологии являются проблемы современности¹.

Объектом изучения истории является вся совокупность фактов, характеризующих прошлое человечества вплоть до настоящего времени. История изучает прошлое во всем его многообразии, но опирается при этом главным образом на письменные источники².

Для современной этнологии характерно развитие междисциплинарных отраслей – этническая антропология, этносоциология, этнодемография, этнопедагогика, этноэкономика, этнолингвистика и т. д.

1 Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – С. 10.

2 Там же. – С. 9.

За последние годы методы этнологии изменились, т. к. изменился сам предмет. Сначала наблюдения были основным методом исследования в этнологии, точнее – в этнографии. Эволюционисты видели свою главную задачу в открытии и обосновании общих закономерностей развития общества и потому, как правило, стремились к максимально широкому охвату фактического материала. Потом был переход от анкетирования к разработанному Францем Боасом стационарному методу работы. Этот метод включал в себя наблюдение как основной способ проникновения исследователя в систему представлений изучаемого им народа.

На сегодняшний день в этнологии сложился целый комплекс методов этнологического исследования, который включает в себя полевые исследования, изучение письменных источников, устных преданий, использование археологических и антропологических материалов, анализ статистических источников.

Этнологи, пользуясь таким техническим оборудованием, как аудио- и видеотехника, располагают большими возможностями для получения подробной информации и анализа этой информации. Именно аудио- и видеотехника широко используется в исследованиях устной истории.

Новое направление в истории – устная история близка к этнологии по своим методам исследования, когда прошлое изучается с помощью памяти и воспоминаний людей, информация собирается непосредственно путем общения, беседы интервьюера и информатора. Одновременно можно использовать и методы наблюдения. Вообще, в объект исследования устной истории входят современное общество, действующие в этом времени люди, происходящие события.

В этнологии исследователям требуется подготовка к исследованию. Это означает, что исследователь, во-первых, должен сначала определить цель своего исследования; во-вторых, составить приблизительный или точный порядок вопросов, задаваемых информатору; в-третьих, создать удобную обстановку для информатора и подготовить аудио- и видеотехнику. Необходимо также, чтобы информатор и исследователь были одни. Это обстоятельство тоже имеет большое методологическое значение. Следующее требование – это психоэмоциональная подготовка исследователя, т. е. надо быть «молчаливым», терпеливым и т. д. Еще большое значение имеет знание особенностей культуры этноса, к которому принадлежит информатор, манеры поведения, психологии исследуемого народа. Точно такой же подготовки требует исследование по устной истории.

И в этнологии, и в устной истории требования к исследователю, к его психоэмоциональной готовности одинаковы: внимательность, тщательность, терпеливость, вежливость, общительность.

Разница методов исследования состоит в том, что в этнологии обычно изучают одну из особенностей этноса, цель направлена на узкую тему, которая глубоко изучается (например, семейные взаимоотношения, относящиеся к конкретному этносу). А методы исследования устной истории таковы, что берется сравнительно широкая тема и комплексно изучается со всех сторон. Например, когда изучается история какого-нибудь города, собираются все данные, которые касаются социальной, экономической, культурной жизни города. Скажем, чтобы уточнить демографическую картину (состояние) города, изучается биография семьи, и из этих данных можно получить подробную информацию по семейным отношениям.

Исследование, проводимое в небольших городах Ферганской долины, показало, что, изучая биографии семей, можно получить подробную информацию о типах семьи, о традиционных формах брака, об отношении к рождению детей, о среднем количестве детей в семье, о статусе и месте женщины в семье и т. д. Эта информация является очень ценной не только для историков, но и для этнологов, социологов, демографов.

Следовательно, благодаря методам устной истории можно собирать сведения, относящиеся к психологии этноса, т. к. во время интервью внимание обращается не только на устные сведения. Благодаря методам личного наблюдения отслеживается психоэмоциональное состояние информатора, его отношения с членами семьи, этика внутри семьи.

Здесь уместно привести пример с уроженцем г. Чуст – Мухаммадом Хакимзодом. По его словам, *«Во время советской власти рожавших десять и более детей женщин награждали званием «Мать-героиня». Поэтому женщины старались побольше рожать. Теперь это не нужно. В условиях рыночной экономики считается героизмом хорошо кормить, учить, воспитывать, дать образование или обучить какой-нибудь профессии, женить или отдавать замуж даже двух детей»*. По мнению нашего информатора, теперь родителям не обязательно заводить по 5–6 детей и этим мучить и себя, и детей, потому что «человек должен и для себя жить, и жить надо в изобилии».

Как в этнологии, так и в устной истории можно собирать много информации, используя метод личного (непосредственного) наблюде-

ния в исследованиях. Ибо личное наблюдение дополняет, иногда даже уточняет устную информацию. Например, в исследованиях в Ферганской долине наблюдался такой факт. Оказывается, в традиционной семье муж, когда говорит о жене, не называют ее по имени, а говорит про нее: «мать детей», «мать» («болаларнинг онаси», «онаси»). Вышеупомянутое положение показывает представление о месте женщины в семье, отношении мужа к ней в традиционной узбекской семье.

В этом отношении надо понять две стороны: во-первых, главная цель брака – заводить детей, и поэтому женщина почтенная, уважаемая – прежде всего мать своих детей. Во-вторых, жена, как и дети, находится под защитой и покровительством мужа.

Различия в методах этнологии и устной истории прослеживаются и в подборе информаторов. Этнологи из-за узкой темы исследования подбирают информаторов из круга людей-знатоков, тех, кто имеет опыт по теме, которая изучается. Например, для изучения свадебной обрядности конкретного этноса надо найти такого информатора, кто активно участвует и даже возглавляет эти мероприятия, имеет глубокие знания в этом вопросе. У узбеков таких людей называют кайвони, дастурхончи, оксокол и т. д.

А в устной истории, исходя из темы более широкого масштаба, чем в этнологии, все информаторы считаются ценными, выбирают людей разного возраста, разных профессий, что может дать хорошую, разностороннюю информацию, все, что нас интересует.

Результаты проводимого исследования в небольших городах Ферганской долины показали, что, задавая вопросы, мы не знаем кругозор информатора, и поэтому все вопросы в ходе интервью надо задавать ясно, тогда будут понятны интересы и круг знаний информатора.

В Чусте нас удивило, что женщина со средним образованием и занимающаяся вышиванием чустских тюбетеек дома (надомница) – Халима-опа – сама овладела знаниями по истории города Чуста, знала исторические названия всех улиц, махаллей и т. д.

Преимущественная сторона методов устной истории по сравнению с изучением истории письменных источников заключается в том, что информация передается в эмоциональном тоне. Во многих случаях получаемая информация связана с прошлой жизнью и судьбой информатора и поэтому не только дает просто сообщения, а демонстрирует эмоции и отношение информатора к этим событиям. Например, в Чусте один пожилой информатор рассказал нам про трагическую судьбу своего дяди, который был убит, точнее, казнен дашнаками во время

вторжение последних. Когда он рассказывал об этих трагических событиях, то не смог сдержать своих слез. Потом он рассказал нам о тяжелых временах и невзгодах, в том числе о тяжелом труде и нехватке продуктов питания во время Второй мировой войны.

Еще одна преимущественная сторона устной истории заключается в том, что невозможно описать по историческим документам все события, которые имеют историческое значение, но информация сохраняется в памяти людей и интересные факты передаются из поколения в поколение. Так, произошедшее в 1966 г. в Ташкенте землетрясение было освещено в исторической литературе, но последствия землетрясения не были детально изучены, т. е. не хватало информации о положительных и отрицательных факторах и влиянии этих факторов на общество, семейный быт и образ жизни людей, социально-экономическое развитие города. Именно информация об этом дополнилась методами устной истории.

Устная история предоставляет большие возможности для изучения устного народного творчества – фольклора, который считается объектом исследования этнологов и фольклористов. Пожилые люди знают много сказок, пословиц, колыбельных песен (алла), лапаров и т. д.

Таким образом, как в этнологии, так и в устной истории от исследователя требуется не только подготовка в научном и методологическом плане, но и психоэмоциональная готовность. Исследователь должен установить искреннюю, душевную связь с информатором. В результате информатор без стеснения или колебания предоставит всю информацию. Для этого надо создать удобную обстановку для информатора. Это означает, что, во-первых, интервью надо проводить в индивидуальном порядке: только исследователь и информатор. Во-вторых, для проведения интервью надо найти удобное место для информатора. У узбеков люди чувствуют себя комфортно в своем доме. Нельзя резко прерывать речь информатора, но надо направлять его к нужной информации.

Во многом изменения, происходящие в образе жизни народа, можно изучать методами устной истории. Так, в сентябре 2010 г. в Ташкенте, при взаимодействии разных специалистов (социолог, этнолог, архитектор, историк, искусствовед, журналист), было проведено пилотажное исследование в двух махаллях – старой (традиционной) и новой (современной). Результаты этого исследования, проводимого в махаллях «Сузук ота» (традиционная) и «Янги Камолон», показало, что традиционная и современная махалля сильно отличаются друг от дру-

га не только особенностями архитектуры, но и особенностями общественной жизни и быта, взаимоотношениями людей, мировоззрением членов махалли, социально-экономическим состоянием семьи, проведением обычаев и обрядов.

Сравнительное изучение махалли дало возможность наблюдать некоторые особенности узбекского менталитета. Например, и проживающий в многоэтажном доме педагог с высшим образованием, профессор Мухтор-ака, и житель традиционной махалли, инженер по специальности Убайдуллахужа-ака, были единогласными во мнении: *«Так хорошо, когда есть клочок земли»* (то есть иметь двор, хотя бы маленький).

Даже многие жители такого большого города, как Ташкент, думают, что жить лучше на земле, чем в многоэтажном доме. Это обстоятельство показывает, что у узбеков до сих пор сохраняются общественные взаимоотношения, взаимосвязи внутри махаллинской общины: *«во дворе есть возможность общаться и установить близкий контакт со многими соседями, и там удобно проводить различные мероприятия»*.

В заключение можно отметить, что методы изучения этнологии и устной истории во многом совпадают, и поэтому сотрудничество этнологов и специалистов устной истории дает возможность расширения и углубления научных результатов для специалистов обеих сфер.

МАНЗУРА ЮЛДАШЕВА

доцент

Ташкентский государственный институт

культуры им. А. Кадыри

manzura15@yandex.ru

РОЛЬ МЕТОДА УСТНОЙ ИСТОРИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ

Связь с прошлым необходима для успешной социализации молодого человека. Метод устной истории может помочь в восстановлении утерянной информации. Ценность устной истории в том, что в центре находятся судьбы конкретных детей, которые восстанавливают историческую картину того времени, портреты окружающих их людей, причины сиротства и т. д. Это восстановление информации и источников, недоступных в рамках традиционной истории. По мере взросления приемные подростки больше думают о том, какой была бы их жизнь, если бы они не были усыновлены/удочерены или если бы они оказались в другой семье. Они часто интересуются, кем бы они стали в иных обстоятельствах. Потребность примерять на себя различные варианты судьбы у них очень сильна. В дополнение ко всем возможностям, которые предоставляет им жизнь, приемные подростки думают о тех шансах, которые они уже потеряли.

Практически все подростки, испытывающие чувство потери, хотели бы обладать большей информацией о своей биологической семье. Иногда они стараются найти дополнительные сведения о своих родителях, о сестрах и братьях, о своем доме, о своей медицинской истории. Людям, выросшим в приемных семьях или институциональных учреждениях, очень важно знать о своих корнях. Ведь из-за отсутствия информации о прошлом вокруг человека образуется вакуум. Поэтому одни молодые люди хотят найти своих родителей, другие говорят, что они были бы признательны, если бы просто могли получить доступ к любой информации о прошлом. Проблемы, встающие перед подростками, усыновленными не в младенческом возрасте, еще более сложны. Они испытывают более сильное чувство потери, часто страдают от заниженной самооценки. Кроме того, такие подростки, как правило, имеют серьезные эмоциональные и поведенческие проблемы как ре-

зультат раннего прерывания процесса привязанности к взрослым.

Подростки, усыновленные в старшем возрасте, приносят с собой воспоминания о своей прежней жизни. Для них важно, чтобы им позволили сохранить эти воспоминания и делиться ими. Наблюдения за воспитанниками учреждений интернатного типа показывают, что как бы хорошо ни жилось ребенку в учреждении, он стремится домой, ему хочется вернуться в свою собственную семью, а если это невозможно, он хочет знать свою историю, свое прошлое, своих родственников. Именно устная история позволяет узнать о мечтах, желаниях, опасениях детей, а также мировоззрении людей, сопровождавших этих детей. Английские ученые обращают внимание на неоправданность веры в то, что ребенок забудет свой дом и начнет жить сначала, если его переместить в новые, хорошие условия.

К сожалению, пока в большинстве домов Мехрибонлик, учреждениях интернатного типа и других институциональных учреждениях так и делается. Создаются замечательные материальные условия, педагоги стараются, чтобы ребенок забыл свое прошлое, откуда он, кто он, кто его родители. Это в лучшем случае, а в худшем выдумывают истории, сообщают негативную информацию о родителях и считают, что ребенок должен радоваться, что государство создало для него такие прекрасные условия.

Здесь очевидно, что необходимо проводить мероприятия по поддержанию идентичности. У ребенка чувство «Я» вырастает из чувства «Мы», и для него вопрос «Кто я?» по сути значит «Чей я?». Ощущение принадлежности – это альтернатива одиночеству, сиротству, источник жизненных сил: «Я – их, я нужен, меня любят – Я есть»¹. Но мы должны сказать и об особенностях подхода к изучению идентичности, заключающегося в тройственном понимании идентичности как чувства, процесса и структуры. Эта конфигурация является результатом синтезирующей функции на границе эго с окружением, социальной реальностью. То есть идентичность как психическая структура возникает в процессе взаимоотношений, устанавливающихся со значимыми другими в период детства. Процесс формирования идентичности продолжается всю жизнь.

Исследования, проведенные в Российской Федерации, Великобритании, Чехии и других странах, доказали, что поддержание идентичности оказывает благотворное влияние на ребенка: повышается его

1 Психологические проблемы детей, переживших разлуку с семьей. Источник: <http://www.usynovite.ru>

самооценка, он получает дополнительную информацию о себе, растут способности ребенка, и в частности, способности к обучению, уменьшается риск неприятия ребенком нового дома, устанавливаются качественно новые отношения с окружающими людьми. Информация об истории семьи, о родственниках, о событиях детства помогает преодолевать кризисные ситуации.

Но не всегда у ребенка имеются родители или родственники, и в этом случае большую помощь ребенку может оказать составление «Истории жизни». Очень трудно вырасти психологически здоровым человеком, не имея доступа к истории собственной жизни. Здесь большую роль может сыграть метод устной истории. Каким бы это прошлое ни было, ребенок прожил его и выжил, продемонстрировав навыки выживания. События жизни могут быть представлены ребенку или в позитивном виде, что поможет ему понять свое прошлое и принять его, одновременно повысив его самооценку, или в негативном, что снизит у него чувство собственной ценности. Располагая определенным опытом, взрослые могут научиться видеть даже отрицательный жизненный опыт как положительные устремления, которые оказались направлены не в то русло².

Метод устной истории поможет:

- воссозданию утраченного и выявлению неизвестных фактов о прошлой жизни, о родителях и родственниках ребенка;
- восстановлению забытых фактов, родственных связей;
- осмыслению и переоценке значимых ситуаций;
- поиску положительного ресурса в судьбе ребенка, молодого человека.

Некоторые дети были слишком маленькими, чтобы запомнить или понять то, что случилось в их жизни. Дети, живущие в интернатных учреждениях, часто испытывают смену воспитателей, и в результате информация об их прошлом и их наследии теряется или забывается. Подрастая, они начинают задавать вопросы о своих родителях, хотят найти родственников. Иногда можно видеть картину, как дети хвастаются друг перед другом вымышленными родственниками, что те скоро приедут и заберут их, или как бережно они хранят потрепанные фотографии, документы – все, что осталось на память о родителях и близких людях.

Используя имеющуюся информацию, можно составить картину жизни ребенка, помочь ему осознать свое прошлое. Особенность

2 Вальферг А. «Путь ребенка в семью», гл. 7, выдержки.

прошлого детей-сирот, детей из неблагополучных семей состоит во фрагментарном характере, «выпадении» целых периодов жизни – некоторые из них дети не помнят в силу раннего возраста, а некоторые «вытеснены» как что-то ужасное. Воспитатели, психологи или социальные работники могут помочь ребенку, воссоздавая «линию жизни» в специальном альбоме воспоминаний. Там могут быть сохранившиеся или добытые у родственников ребенка фотографии, записи рассказов самого ребенка и других лиц о нем, рисунки, иллюстрирующие какие-то события, лист с наложенными одна на другую «обводками» контура руки ребенка в разном возрасте и т. д. Для сбора информации используются воспоминания самого ребенка, беседы с членами кровной семьи, рассказы людей, знавших ребенка и его семью раньше (соседи, работники социальных учреждений – поликлиника, детский сад, школа, дом ребенка и т. д.). Важны любые сведения о прошлом, факты и комментарии воспитателей к ним – о чувствах самого ребенка в связи с этими фактами, об их личном отношении, сопереживании ребенку в связи с тем, что излагается.

Вот несколько советов от доктора Веры Фалберг, национального эксперта по вопросам усыновления³:

- Начните с даты рождения ребенка;
- Всегда вспоминайте, обсуждайте родных папу и маму ребенка (даже если вы ничего не знаете о них, скажите, что вы ничего не знаете);
- Расскажите ребенку о причине отделения от биологических семей.

Для ребенка важно иметь информацию о людях, которые играли важную роль в его жизни, важных для него местах или событиях жизни. У каждого ребенка должно быть чувство принадлежности к семье, к общине и понимание того, откуда он произошел, кто он такой, кто его родители.

Информация, которую должны заносить в Историю жизни воспитатели:⁴

- основные вехи в развитии ребенка;
- детские болезни;
- прививки;
- травмы, болезни или случаи госпитализации;

3 Работа по Истории жизни ребенка / Материалы предоставлены международным консультантом "Every Child" Рут Дженкинс (Великобритания, Лондон).

4 Вальферг А. «Путь ребенка в семью», гл. 7, выдержки / Материалы предоставлены тренерами курса «Альтернативные формы обустройства» (Курсы переподготовки по социальной работе).

- как ребенок проявлял свою привязанность;
- как он себя вел, когда был счастлив или возбужден;
- чего боялся;
- любимые друзья, занятия и игрушки;
- день рождения и другие праздники (религиозные);
- поездки с патронатной семьей;
- члены расширенной патронатной семьи, которые играли важную роль в жизни ребенка;
- забавные поступки ребенка;
- домашние животные;
- общение с кровными родственниками;
- имена учителей и названия школ, которые посещал ребенок;
- успеваемость;
- особые увлечения (туризм, клубы, скаутские отряды).

Источники информации, к которым можно обратиться, составляя Книгу жизни, могут быть достаточно разнообразными. Совершенно очевидно, что устные истории о ребенке, о его семье, о родителях и родственниках, документация социальных служб являются основными источниками, которые используют большинство работников, ведущих дело конкретного ребенка.

Источники информации:

- сам ребенок, его воспоминания;
- кровные родители, их рассказы и истории;
- другие родственники, их устные истории;
- соседи;
- люди, ранее осуществлявшие уход за ребенком;
- взрослые, участвовавшие в жизни ребенка.
- школьные документы;
- документация из медицинских учреждений о состоянии здоровья;
- судебные отчеты;
- отчеты по данному делу;

Устная история может заполнить пробелы в информации о ребенке посредством записи рассказов, историй, слов, рисунков, фотографий и т. п., если это имеется, а также восстановить воспоминания о детстве, о праздниках, об игрушках, играх и о языке, на котором говорил молодой человек в детстве. Она как целостная исследовательская стратегия направлена на сбор и анализ рассказов о жизни, о событиях, о фактах, о людях, которые имели отношение к ребенку, оставшемуся без опеки и попечительства родителей. В центре метода устной исто-

рии всегда стоит индивидуальная жизненная траектория, индивидуальная судьба в уникальном сочетании всех ее поворотов и перемен. Это может быть рассказ молодого человека, в котором он описывает свою собственную историю, свои этапы жизненного пути, соотнося себя с другими людьми, социальными группами, отождествляя себя с ними или отделяя от них, или же рассказы людей, знавших этого ребенка, его родителей, историю семьи. Для социального работника история жизни ребенка, подростка, молодого человека – это он сам и социум, в котором он живет. Рассматривается течение жизни конкретного человека в социальной среде, связанное с конкретными событиями. Задача социального работника при составлении «истории жизни» – понять социальный контекст индивидуальной жизни, идентифицировать ее с семьей, родственниками, обществом, раскрывая механизмы и динамику изменений в соответствии с временными изменениями. Метод устной истории позволяет понять и определить систему ожиданий и норм, предъявляемых человеку конкретной социально-экономической ситуацией. Человек получает ответ на вопросы, порождаемые ситуацией, о тех сторонах его жизни, которые ранее не были известны или скрывались от него.

Несмотря на растущую популярность метода устной истории, надо заметить, что процесс ее теоретического осмысления и практического применения еще только начинается.

ИБРАГИМ МАХМУДОВ

кандидат психологических наук,

Академия государственного и общественного строительства

при Президенте Республики Узбекистан

ibnar@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДИАДЕ «ИНТЕРВЬЮЕР – РЕСПОНДЕНТ»

Интервью как рабочий инструмент и метод сбора информации социолога является технологическим процессом. Технологичность любого процесса заключается в том, что он имеет определенный алгоритм реализации, который может быть повторен в разных условиях и разными людьми, обеспечивая высокое качество его исполнения.

Есть люди, которые прекрасно ведут интервью, получают много разнообразной информации по теме исследования, в беседе с ним респондент раскрывается полностью, чувствует себя комфортно. К сожалению, встречаются и интервьюеры, которые проводят беседу с очень даже компетентным респондентом крайне скучно и напряженно, неинформативно, и даже очень мотивированный человек при такой встрече быстро впадает в скуку, и беседа превращается для него в пытку.

Психологи, изучая деятельность специалистов в области переговоров, в сфере человеческого общения, пришли к выводу, что процессу успешного взаимодействия может быть обучен любой желающий. На основе этой концепции начали разрабатываться эффективные технологии поведения в конфликтных ситуациях, техники переговоров и даже модели предотвращения семейных разногласий. К настоящему времени во всех вузах, готовящих психологов, проводятся тренинги по обучению эффективному взаимодействию в общении, будущие специалисты обучаются методам построения доверительных отношений с клиентами. На наш взгляд, процесс интервьюирования и деятельность по сбору устной информации как форма человеческого общения имеет много общего с психологическими формами работы с клиентами. К тому же основная, содержательная часть сбора устной информации основывается на построении доверительных отношений интервьюера и респондента, поддержании благоприятного климата взаимоотноше-

ний до завершения всего процесса беседы. Исходя из этого, в данной статье излагаются основы и структура психологии общения, учет которых может помочь в установлении доверительных и грамотных отношений, которые могут помочь интервьюеру провести беседу с респондентом на высоком профессиональном уровне. Ведь специалист, включенный в процесс сбора устной информации, всегда строит свою работу в двух плоскостях:

1. Предметная сторона деятельности – работа по сбору информации, запись информации и ориентировка в теме беседы.
2. Эмоциональная сторона – установление и поддержание благоприятного климата отношений. Именно эта вторая составляющая деятельности специалиста и имеет большее психологическое содержание.

Специальные исследования в области психологии общения позволили установить некоторые закономерности, учет которых и обеспечивает эффективное взаимодействие в общении между людьми. И если хотя бы одна из общающихся сторон знает и соблюдает эти законы и правила, то возникает большая вероятность построения эффективного взаимодействия между общающимися и достижения намеченной цели как результата общения. В качестве таких правил предлагается знание и соблюдение этапов общения в профессиональном взаимодействии в профессиях «человек-человек».

Было установлено, что для достижения желаемого результата в общении активная сторона (в нашем случае интервьюер) должна строго придерживаться следующих этапов межличностного взаимодействия:

1. Этап установления контакта. Это начальный этап беседы, когда от интервьюера требуется получить согласие респондента на беседу и сформировать доверительное к себе отношение другого человека. В реализации этого этапа интервьюер должен получить максимально полные ответы на два важных вопроса:

- 1) Кто передо мной?
- 2) В каком он эмоциональном состоянии?

Содержание ответов на эти два вопроса отражает качество выполнения первого этапа общения, поскольку они информируют о степени готовности респондента к беседе. При формировании ответа на вопрос «Кто передо мной?» интервьюеру необходимо иметь в виду следующие характеристики личности:

- а) возраст собеседника;

- б) его пол;
- б) его специальность по образованию, профессию;
- 3) его жизненный опыт, степень его компетентности по обсуждаемому вопросу;
- 4) семейное окружение, менталитет окружающей его социальной действительности;
- 5) его социальный статус и т. п.

Ответы, полученные на эти вопросы, настраивают интервьюера на предстоящее общение, позволяют заранее учитывать некоторые особенности личности респондента и более квалифицированно подготовиться к данному процессу. Интервьюер, намеренный эффективно провести беседу, должен быть максимально информирован о своем собеседнике, т. к. общение с респондентом начинается не в момент непосредственной встречи, а намного раньше.

Информацию об эмоциональном состоянии собеседника, его переживаниях дает ответ на второй вопрос: «В каком он (респондент) эмоциональном состоянии?». Так, внешний вид человека, его жестикация, позы, мимика, тон в комплексе отражают реальное состояние партнера в момент общения и дают понять, насколько благоприятен или нет «климат» установленных взаимоотношений. Если партнер готов для дальнейшего общения и об этом свидетельствует невербальный язык его тела, можно считать, что контакт на данный момент установлен. Невербальные сигналы¹ в большинстве случаев остаются вне сферы нашего текущего управления, и поэтому они наиболее объективно отражают наши чувства и намерения.

В практической психологии имеется много исследований, посвященных изучению различных невербальных сигналов в поведении человека. Так, скрешивание рук на груди и закидывание ноги на ногу означает «закрытую» позу. Она может быть интерпретирована и как отстраненность человека от общения. И, наоборот, расположение рук вдоль тела, открытые и развернутые в сторону собеседника ладони, легкий наклон туловища вперед, называемые «открытой» позой, могут означать готовность человека к общению.

«Открытая» или «закрытая» позы человека с точки зрения качества взаимодействия двух людей имеет ситуативное содержание. В зависимости от характера общения человек может быть «открытым» или «закрытым» для своего собеседника. Например, если вам приходилось

1 Невербальное общение более известно как язык поз и жестов, включает в себя все формы самовыражения человека, которые не опираются на его слова.

наблюдать за беседой двух близких друзей, то вряд ли вы заметите элементы закрытости в их невербальном поведении. Отношение, основанное на взаимной симпатии, проявляется не только в телодвижениях и позах, но также в сокращении дистанции между людьми, в доброжелательном тоне, в легкой улыбке. Именно эти невербальные сигналы являются показателем того, что общение имеет для собеседников положительное содержание. Их наличие информирует об установлении хорошего контакта и возможности перехода на второй этап общения.

Поэтому на первом этапе от интервьюера требуются наблюдательность, острый ум и способность определять эмоциональное состояние личности по невербальным источникам поведения.

Однако невербальные сигналы общения, свидетельствующие о «закрытости» собеседника, могут ограничить возможность перехода ко второму этапу общения. В этом случае возникает вопрос: «Что должен предпринять интервьюер, как он должен изменить ситуацию, чтобы расположить к себе собеседника и установить с ним позитивный контакт?».

Необходимо помнить об известных в психологии правилах общения. Одно из первых правил заключается в том, что ***мы формируем отношение собеседника к себе своими ожиданиями***. Для успешного и эффективного общения ответственному за результат взаимодействия человеку (в нашем случае – интервьюеру) необходимо помнить о положительных качествах личности данного собеседника.

Осознанное применение этого правила в деловом общении способствует установлению благоприятного климата отношений, усилению взаимной совместимости собеседников. Другим доступным способом может стать проявление искреннего позитивного отношения к собеседнику и к ситуации общения. Именно наше доброжелательное, искреннее и открытое отношение, забота об интересах другого человека могут вызвать такое же отношение к нам самим.

2. Этап сбора информации, непосредственно беседа.

После установления контакта и определения готовности собеседника к общению можно переходить ко второму этапу беседы, который, как содержательный элемент общения, характеризуется обсуждением проблемы или сбором информации по теме исследования. Данный этап требует от интервьюера высокой включенности в процесс общения и активного применения определенных коммуникативных навыков.

Практика показывает, что достаточно часто в начале беседы учас-

тники общения имеют различные представления по поводу обсуждаемого вопроса, и очевидно, при этом позиции этих собеседников также будут различаться. Прийти к согласию и эффективно строить беседу возможно, если поставить задачу осознания того, что в настоящий момент представляется важным для обсуждения, каково состояние в настоящее время обсуждаемой проблемы и какие моменты необходимо выяснить в ходе данной встречи. Основным условием понимания другого человека является умение слушать, поскольку от внимательного слушания собеседника зависит степень понимания получаемой информации.

В практической психологии различают активную и пассивную формы слушания. При активном слушании собеседники задают друг другу вопросы, уточняют содержание проблемы, делают заключение по основной части вопроса, каждая сторона излагает свое понимание обсуждаемого вопроса. При пассивном слушании собеседники ограничиваются лишь легким поддакиванием, произношением таких возгласов согласия, как «хм», «так», «да» и пр. Ситуация беседы требует использования той и другой формы слушания, при этом, когда все «хорошо идет» – мы слушаем пассивно, и если вдруг возникают противоречия в содержании рассказа, неточности или неясности, мы переключаемся на «активное слушание».

Использование приемов активного слушания при возникновении трудностей в общении позволяет менять тактику поведения следующим образом:

- возрастает внимание по отношению к собеседнику – визуальный контакт, проявление терпения, внутренняя готовность слушать;
- сохраняется активность – постоянная ориентация на цель, отражение в виде «обратной связи» сообщений собеседника, соблюдение правил этики общения;
- выражается доброжелательное отношение к партнеру – отсутствие стремления к доминированию, контроль своего эмоционального состояния, слушание без возражений, отсутствие негативных установок, оптимальный темп речи.

Важным требованием второго этапа является максимально точное и полное получение информации, которая является, скорее всего, важной для респондента. В качестве вспомогательного приема можно использовать технологию «вербализации». Вербализация как эффективная мера по обеспечению адекватного понимания собеседников заключается в пересказе основного содержания сообщенной респон-

дентом информации. Подобный способ способствует правильному пониманию обеими сторонами обсуждаемой темы.

3 этап – рефлексия интервьюера.

На этом этапе интервьюер акцентирует свое внимание на собственных впечатлениях от проведенной беседы, на степени удовлетворенности от встречи. При этом, если он чувствует некоторый дискомфорт или неудовлетворенность, то необходимо осознание причин возникших негативных чувств. Когда же содержание и объем полученной информации не соответствуют замыслу и заранее задуманному сценарию исследователя, такое расхождение при квалифицированной подготовке интервьюера отражается на его чувствах. Кстати, иногда интервьюер может почувствовать, что респондент что-то упустил или недоговорил сознательно, что он скрывает какую-то часть информации. Осознание возникших негативных чувств, поиск и понимание причин этого помогают интервьюеру вернуться к исходной позиции беседы и методом «канализирования» уточнить и пополнить недостающую часть материала. В психологии в настоящее время описываются высокоэффективные методы получения и уточнения необходимой информации. Одним из самых эффективных считается метод «накопления согласий клиента». Применяя такой метод, интервьюер сначала внутренне концентрируется на вопросе, который необходимо уточнить. Затем он находит в рассказе респондента те моменты, которые так или иначе очень близки к уточняемому вопросу, и начинает беседу с изложения этой информации. Например: «В той части беседы, когда Вы рассказывали о своем детстве, Вы сказали, что в Вашей компании друзей всегда были С., В. и Ж. Но когда Вы стали говорить, что в настоящее время встречаетесь с друзьями детства, то упоминаете имена С. и В. Вы рассказали и том, как Вы втроем ходили недавно на футбол. Мне было бы интересно узнать: ***А как сложились у Вас отношения с Ж. и какие чувства вызывают у Вас детские воспоминания о нем?***». В данном примере подчеркнутые курсивом утверждения и факты беседы являются своеобразным мостиком перед «тяжелым» вопросом. Они как бы создают защитный фильтр перед основным обращением и являются элементами «накопляемого согласия», и чем больше таких элементов в повторяемой единице информации, тем лучше устанавливается контакт с респондентом. На самом деле, если интервьюер сразу же спросит о Ж., это может вызвать определенную настороженность респондента и возможно установление некоторого «похолодания» в

эмоциональном климате общения. Таким образом, третий этап общения является некой сверкой фактического материала с ожиданиями интервьюера от этой встречи.

4 этап – прощание и подведение итогов сегодняшнего дня.

Этот этап является завершающим. Он характеризуется оценкой удовлетворенности респондента прошедшей встречи, изложением интервьюером собственных чувств по этому поводу, а также служит для усиления позитивного эмоционального контакта между интервьюером и респондентом. Этот этап больше всего направлен на благо и удовлетворение интересов респондента. Старательные, добросовестные респонденты на этом этапе «ждут» некоего морального вознаграждения за свою работу именно на этом этапе. Поэтому интервьюеру очень важно помнить об этом и дать максимальную информацию о том, как будут использованы материалы этой беседы, если будет публикация, то в каком виде включить персональные данные респондента, возможно, даже рассказать о сроках и формате издания и т. д. и т. п. Необходимо помнить, что как вас встретит нынешний респондент, в основном зависит от того, как вы будете «закруглять» беседу, прощаться с респондентом и какое впечатление от этой встречи у него останется. Здесь также уместно спросить респондента о том, что ему понравилось в этой беседе, а что нет. Все высказанные респондентом впечатления и пожелания могут быть успешно использованы в дальнейшей профессиональной работе интервьюера – это ценнейший материал для оценки качества полевых исследований и хороший механизм обратной связи.

Интервью как ценностный обмен

Процесс интервью, в ходе которого идет процесс взаимодействия интервьюера с респондентом, должен приносить пользу обеим сторонам общения. Ведь интервьюер исследует процесс и за это получает определенную выгоду (иногда даже в виде гонорара). И естественно возникает вопрос: «А что же получает от этого респондент?». Отказ от поощрения респондента был бы не только несправедливым, но и неэтичным. В связи с этим организаторы исследования, и в первую очередь интервьюер, должны помнить о том, чем же вознаградить респондента за оказанную услугу. Часто в социологических исследованиях применяют способ материального вознаграждения за оказанную «услугу» респонденту. Конечно, это вознаграждение в виде маленьких подарков может так или иначе возместить некоторую часть старатель-

ной работы респондента, но думается, что критерием адекватности вознаграждения должна выступать внутренняя установочная составляющая деятельности интервьюера. Дело в том, что интервьюер как специалист и инициатор встречи крайне заинтересован в ее позитивном исходе, достижении ожидаемого результата. Значит, естественным и целесообразным мерилем степени вознаграждения респондента должна выступать и степень важности данной встречи для интервьюера. Чем больше заинтересован интервьюер, тем больше он должен «отдать от себя» респонденту – некую ценность в виде, в первую очередь, морального вознаграждения. Дело в том, что сбор качественной информации как результат интеллектуального труда является специфическим процессом. Он воспринимается респондентом некой элитной работой, а сам интервьюер – чуть ли не самым главным экспертом по обсуждаемому вопросу и представителем элитной N-й организации.

Наш опыт показывает, что подарки вызывают большее удовлетворение респондента проделанной работой, чем оплата его труда деньгами. Подарок является некой памяткой «от большой Земли», которой не удостоились люди из его близкого окружения, и в этом отношении он, может быть, единственный человек в этом жилом районе.

Материальное и моральное вознаграждение является признаком включения респондента в новое сообщество интеллектуалов и профессионалов и само по себе является средством повышения его самооценки. Знание об этой ценности и умелое ее преподнесение респонденту требует особой включенности и внимательности интервьюера, является показателем его культуры и профессионализма.

Немного о создании позитивного имиджа

Возможность воздействия на других в процессе общения во многом зависит от впечатления, которое создается о нашей личности. Какие необходимы действия, чтобы пробудить в свой адрес симпатию со стороны окружающих и наших собеседников?

Считается, что обращать внимание следует на малозаметные детали, которые сопровождают процесс общения и которые являются основным источником формирования симпатии у общающихся.

Как показали исследования психологов², на этапе знакомства при восприятии человека, в первую очередь, мы обращаем внимание на его прическу. Затем внимание направляется на глаза человека. Известно, что лицо человека, а в особенности глаза, являются основным

2 Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1994.

источником формирования к нему симпатии со стороны окружающих и представляют собой наиболее информативную часть внешности. Затем воспринимаются поза, расположение рук и ног.

Следующий аспект в восприятии другого – это его личностные качества. Собеседник, который первоначально обращает внимание на внешность, через определенное время начинает искать ответы на вопросы «Какой это человек?», «Какие качества присущи ему?». Отражением этой закономерности восприятия человека человеком является поговорка: «Встречают по одежде, а провожают по уму».

Знание психологических основ восприятия человека человеком может способствовать осознанию своих негативных представлений о других, антипатий, предупредить формирование неадекватных установок по отношению к другим.

РАВШАН НАЗАРОВ

кандидат философских наук,
Институт истории АН Узбекистана
shon2002@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ, ПРИЧИНЫ, МЕТОДЫ, ОСОБЕННОСТИ

*Устная история возникла одновременно с историей
как таковой. Она была первой разновидностью истории.*

Пол Томпсон, классик устной истории

Необходимость установления достоверности источников. Люсьен Февр, один из основоположников французской «Школы Анналов», дал широкое определение историческому источнику, считая, что историк должен использовать «все, что было у человека, зависело от человека, изобретено или обработано им, а также отмечает присутствие, вкусы и формы бытия человека»¹. В любых источниках, а особенно в устной истории, мы встретим ошибки, неточности. Целью установления достоверности (далее – УД) является познание того, что соответствует действительности, а что нет. В результате УД историк определяет, какие события и когда произошли, каковы были причины. УД помогает понять – что, где, когда, почему существовало или случилось.

Основные причины недостоверности сообщений:

1) **Неполное и неточное наблюдение события.** Каждое историческое событие излагается на основании наблюдений. Основой сообщения о событии является наблюдение, и от того, насколько оно полно, всесторонне, точно, зависит достоверность сообщения источника.

2) **Неточная передача наблюдения** выражается в ошибках в тексте, в пропусках (провалы в памяти респондента, сокращение в изложении), в перепутывании фактов, в неточной передаче. Респондент излагает то, что осталось в памяти, или то, что он считает важным. Ряд моментов

¹ Цит по: Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С. 85.

он упускает потому, что забыл или они показались неважными. Общее правило: передача наблюдения тем точнее, чем ближе она ко времени наблюдения и чем лучше память наблюдателя. А. Портелли писал: «Устные источники говорят нам не только о том, что люди делали, но и о том, что они хотели сделать, что – как они тогда полагали – они делали, и что они думают теперь о том, что они делали в прошлом»².

3) **Неспособность к правильному наблюдению** выражается в неспособности расчленять событие на факты, вследствие чего от события остается смутное представление, или в неспособности объединять факты в общее представление, вследствие чего в памяти наблюдателя остаются несвязанные мелочи. Следствием неспособности к наблюдению является то, что масса участников исторических событий не имеют о них верного представления.

4) **Неспособность к верному изложению** представлений выражается в том, что человек, имеющий представление о событии, которое наблюдал, не в состоянии выразить его ни устно, ни письменно. Это явление встречается у малоразвитых лиц, не имеющих опыта в изложении мыслей, поскольку последние выходят за пределы их повседневности, или не знают слов для выражения определенных понятий. Без учета личных психологических особенностей автора источника невозможно понять содержание самого источника³.

5) **Недостаточное знание фактов** выражается в том, что автор излагает события, взгляды, с которыми мало знаком. Как отмечают специалисты, «в структуру устной истории органично входит интраистория – знание, которое формируется под воздействием литературы, средств массовой информации, слухов и толков»⁴.

6) **С изложением малоизвестных фактов** связана выдумка или ложь. Она имеет место в источниках, когда респонденты выдумывают информацию, часто с целью прославить себя или выставить в негативном свете своих врагов.

2 Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 40.

3 Мининков Н.А. Методология истории. Ростов-на-Дону, 2004. С. 240.

4 Матвеев О.В. Методологические аспекты устной истории голода 1932–1933 гг. на Кубани // <http://www.slavakubani.ru/read.php?id=1447&page=2>

7) **Соккрытие/замалчивание фактов** – оборотная сторона выдумки. Очень часто респонденты в рассказах опускают детские годы. «Детство респондентов, как правило, не имеет ценности и является прологом к взрослой жизни. А рассказ о ней – это рассказ о трудовых буднях»⁵.

8) **Преувеличение и преуменьшение фактов** и их значение вызываются не только неправильным наблюдением и недостатками памяти, но являются и результатом расчета. Автор источника преувеличивает факты и их значение, если это в его интересах, в противном же случае склонен их преуменьшать.

9) **Извращение фактов** выражается в том, что имевший место факт освещается неправильно. Извращение фактов имеет место, когда единичный случай (исключение) представляется как общее явление (правило), и, наоборот, общее явление представляется как единичный случай. «Устную историю зачастую критикуют за то, что респондент может осознанно или нет говорить неправду, за эмоциональную оценку событий прошлого исходя из современной конъюнктуры, которую очень сложно или невозможно проверить. Поэтому вопросы, заданные респонденту, имеют первостепенное значение и позволяют провести ранжирование полученной информации по степени достоверности»⁶.

10) **Патологическое состояние** является причиной неверных сообщений, когда вследствие галлюцинаций, фантазии, навязчивых идей, самовнушения, страха, горя, воздействия психологии масс человек путает впечатления от событий с представлениями, возникшими в мозгу вследствие состояния организма. В патологических случаях стирается граница между действительностью и фантазией, причем и явления, наблюдаемые в действительности, могут быть восприняты неверно.

11) **Внешнее воздействие на организм и психику** имеет место всегда, когда человек, боясь лишений (потерять службу, близких, голодать, оказаться в ссылке), желая приобрести известность, сделать карьеру или по сговору лиц, говорит не так, как видел, а так, как это принято

5 Голубев А. В. Нарративная стратегия в биографическом рассказе // Устная история Карелии. Петрозаводск, 2006. С. 14–15.

6 Олехнович Д. Особенности изучения периодической печати и устных сведений как исторического источника // <http://www.hist.bsu.by/bel/nauka/konf/75%20let/konference/olexnovich.htm>

или как приказывают.

Установление недостоверности сообщений. Локализация устной традиции предполагает такую форму вербального поведения, при которой речевой фрагмент выделяется из повседневного словесного континуума, воспринимается и воспроизводится в известной целостности⁷.

Идеальным методом определения достоверности сообщения источника Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобос⁸ считают восстановление процесса действий и переживаний, в результате которых получилось данное сообщение. Следует установить, где и как именно производилось наблюдение (место и время наблюдения, слуховые и зрительные особенности, физические условия), как преломлялись наблюдаемые события в представлении респондента и что из представлений выпало из памяти, перепуталось с другими представлениями. Еще один метод, рекомендуемый Ланглуа, Сеньобосом, В. Бауэром, заключается в применении вопросника в отношении сообщения. В основном он сводится к двум вопросам: был ли респондент в состоянии наблюдать и передать факт, желал ли респондент дать о факте правильное сообщение. Что касается последнего вопроса, то он имеет в виду объективность. Первый же вопрос должен выяснить, наблюдал ли респондент явление сам или пользовался сообщениями других; был ли он знаком с фактами; обладал ли данными для наблюдения, усвоения и передачи исторических фактов (зрение, аналитические и синтетические способности, знание языка, культурное развитие).

Большинство источников содержит в себе ряд сообщений, которые должны быть проверены каждый в отдельности. Такое разделение источника на самостоятельные сообщения нужно потому, что одни сообщения могут соответствовать действительности, другие – нет. Историк должен быть в курсе достижений исторической науки, быть знаком с основными достижениями социально-гуманитарных (социологии, философии, политологии) и естественных наук (физики, химии, математики, биологии) постольку, поскольку это необходимо при УД изучаемого источника. Это обязательно для историка потому, что достижения исторической и других наук облегчают УД, давая необходимые данные. Только достаточное знание эпохи, к которой относится

7 Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 184.

8 Ланглуа Ш.В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1898.

источник, дает возможность произвести УД.

При установлении отношений в прошлом недопустима модернизация, т. е. представление этих отношений таковыми, какие существуют в настоящее время. Знание эпохи определяет, как преломлялся наблюдаемый факт в сознании автора. Выяснение этого — основной метод УД сообщений источника. Поэтому как общее правило источник не следует изучать изолированно, вне связи с другими источниками. Наоборот, источник должен рассматриваться как часть общественной жизни эпохи и страны, освещаемой другими источниками, помогающими анализу сообщений источника.

Изолированное изучение источника является вынужденным тогда, когда не сохранилось других источников. Но в любых условиях при УД следует предостеречь от опасности, предвзятого мнения, когда исследователь подмечает в источнике только то, что согласуется с его мнением, и отбрасывает то, что противоречит ему. УД должно помочь понять имевшие место факты.

В сообщениях источника следует признать не соответствующими действительности сверхъестественные явления (ангелы, кресты на небе, ведьмы на метлах). Но это не значит, что мы везде имеем дело с ложью. Задача историка выяснить: что скрывается под сообщениями о сверхъестественных явлениях: или ложь, или массовое помешательство, или аллегорическое изображение фактов, или нормальное природное явление.

При УД следует проверить, в какой степени имеют место причины недостоверности. Необходимо установить, не отражались ли на респонденте политические и цензурные условия; не был ли принужден респондент скрывать мысли. Особенное же внимание следует обратить на то, как социальное положение респондента отразилось на его устной информации, заставляя скрывать одни черты явления, преувеличивать другие, умалчивать о третьих, скрывать отдельные явления и выдумывать ряд сообщений о явлениях, которых не было в действительности.

Все эти вопросы следует выяснить на основании изучаемого источника, в связи с другими источниками. При этом особое внимание следует уделить выяснению, нет ли противоречий в источнике или между сообщениями разных источников. В случае выявления противоречий необходимо установить, какое сообщение больше соответствует действительности и не являются ли оба недостоверными.

Если сообщения разных источников сходятся, то можно полагать,

что они соответствуют действительности, но совпадение сообщений имеет значение, только если источники самостоятельны. Если же они имеют общий источник, то повторение сообщения в разных источниках для УД не имеет значения. Если информация респондента составлена на основании других источников, то необходимо установить, какова достоверность сообщений первоисточников.

Особенности УД различных групп источников

Обычаи, обряды, верования (ООВ). Данные этнографии широко использовались социологией при установлении явлений, недостаточно освещенных в истории. Историки не должны игнорировать материал, собранный этнографами, особенно при изучении эпох, от которых не сохранилось (или сохранилось мало) письменных источников. Классическое развитие это направление получило в трудах польско-британского этнографа Б. Малиновского в начале XX в. Его метод включенного наблюдения, при котором собиратель, обладающий предшествующим знанием, ставит вопросы, направляющие его наблюдение, старается понять точку зрения и отношение к миру изучаемого общества, стал основой современных полевых исследований⁹.

Песни, сказки, легенды, мифы, эпос, фольклор, слухи, сплетни, анекдоты. Сказки, легенды, пословицы, поговорки, анекдоты являются источниками, которые дают возможность восстановить общественные отношения в эпохи, от которых не сохранилось письменных источников, и выяснить, как события, освещенные письменными источниками, преломлялись в сознании общественных групп, в которых обращаются произведения народного творчества.

Легенды, былины, сказки подвергаются трансформациям, которые могут быть установлены, если вводят в содержание мысли и взгляды, которые не могли существовать при возникновении произведения. Например, в ЦА очень многие легенды связаны с Александром Македонским или Амиром Темуром.

Приведенные обстоятельства являются причиной, заставляющей историков отрицать ценность устных народных произведений как источника. Этот взгляд верен в том, что нельзя принимать за достоверные сообщения устных произведений об отдельных лицах и их действиях. Однако устные народные произведения могут быть использованы

9 Вульф К. Антропология: История, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб., 2008. С. 73.

при изучении общественных отношений в прошлом. Народные сказки, песни, поговорки, пословицы, загадки дают богатый материал. Всякие же сказки, песни, легенды об исторических событиях могут показать, как эти события представлялись отдельным слоям народа.

Шейла Фицпатрик, специалист по устной истории периода сталинизма, относит слухи, сплетни, анекдоты к своеобразной стратегии сопротивления: «Власти это прекрасно понимали и тщательно отслеживали. Фиксация «разговоров и слухов» стала теперь истинным подарком для историков»¹⁰. В 1930-е годы много анекдотов было на запретную для обсуждения тему репрессий и террора¹¹. Народная сатира в 1920–1930-е годы часто обыгрывала советские аббревиатуры: ВЧК – Всякому человеку конец, ВКП(б) – второе крепостное право большевиков, МТС – могила товарища Сталина, ОГПУ – О, Господи, помоги убежать¹².

Мемуары и дневники (МиД). Мемуары получили широкое распространение с XVIII в. При УД мемуаров следует обратить внимание на то, что в них чаще встречаются преувеличение роли автора и его близких в событиях, преуменьшение значения других лиц, к которым автор был не расположен, выдумывание эпизодов в целях выставления автора в лучшем виде, а его противников – в непривлекательном виде. Вместе с тем, авторы мемуаров заполняют пробелы в памяти выдумкой, путают даты, места, имена, события. Поэтому в мемуарах выдумка переплетается с фактами. В дневник автор заносит наблюдения, впечатления, переживания обычно непосредственно после событий. Поэтому количество ошибок в датах и фамилиях меньше, если только дневник не передает слухов. Не следует думать, что в дневниках авторы бывают абсолютно искренни. Есть дневники, которые специально пишутся для печати, и «дневники», которые составляются по памяти и которые скорее являются мемуарами в форме дневников. Из этого вытекает, что при УД МиД историк должен проявлять осторожность и проверять сообщения МиД по другим источникам (акты, мемуары других, сообщения СМИ).

10 Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 13.

11 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 222.

12 Романова И.Н. Социальная и политическая сатира в советском обществе (1918–1939) // <http://www.hist.bsu.by/bel/nauka/konf/75%20let/konference/romanova.htm>

Кино- и фотоснимки. Фотоснимки как источники должны быть подвергнуты анализу достоверности. При УД необходимо иметь в виду, что фотография не является точным отображением действительности, а в кино с правдивостью дело обстоит еще хуже (декорации, спецэффекты). Кино- и фотоснимки фиксируют все события общественной жизни. Но при использовании снимков репортеров необходимо иметь в виду, что часто репортеры и редакции дают смонтированные, склеенные, отретушированные снимки. В других случаях перепутываются (без умысла) тексты к снимкам¹³. Выяснить эти подлоги и ошибки можно путем изучения изображенных лиц, знамен (надписей), фона картины (зданий, вывесок, растений), одежды, лиц, мундиров. Нет городов с абсолютно одинаковыми зданиями или памятниками; лозунги, вывески, одежда, мундиры меняются, и эти обстоятельства дают возможность установить подлог/ошибку.

Аудиозаписи и кинофильмы. УД аудиозаписей не отличается от УД других источников и должно охватывать все этапы. На подготовительном этапе необходимо обратить внимание на подлинность записи, т. к. возможны подделки, выдаваемые за записи пения знаменитых певцов, речей политических деятелей, поддельные этнографические записи (народных песен, народной музыки). Проверка производится путем сравнения с подлинными записями или путем проверки записи на месте, где, якобы, была сделана запись (при этнографических записях). Кроме того, на подделку указывает и техника выполнения записи, если она относится к более позднему времени (например, певец умер до того, как появились пластинки, магнитофоны). Что касается УД сообщений аудиозаписи, то она не отличается от УД сообщений письменных источников. При УД кинофильмов необходимо подвергнуть анализу как киноснимок, так и аудиозапись. Сейчас мы имеем киносъемки и звукозаписи всех сколько-нибудь выдающихся общественных событий конца XIX, всего XX, начала XXI века. Это стало громаднейшим шагом вперед и в исторической науке.

13 Автор лично видел в газете фотопортрет известного режиссера Марлена Хушиева, под которым было написано – Георгий Данелия.

МУХАЁ ИСАКОВА

кандидат исторических наук,

Центральный государственный архив Республики Узбекистан

muhayo76@mail.ru

К ВОПРОСУ АРХИВИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ

В связи с расширением устно-исторических исследований, сбора и формирования своеобразного фонда архивных материалов устной истории возрастает значение методов и принципов архивирования данных источников. К примеру, архивисты США выделяют два основных направления в собирании устной истории: «элитарное» и «демократическое». К элитарному относятся записи интервью выдающихся политических и общественных деятелей, представителей науки и культуры. Демократическое направление содержит материалы интервьюирования рядовых американцев – фермеров, рабочих, активистов профсоюзного, женского и студенческого движения, представителей национальных меньшинств и др. По тематическому содержанию коллекции устной истории делятся на пять групп: 1) биографии; 2) социальные, профессиональные, этнические группы; 3) институты и учреждения; 4) история штатов и городов; 5) определенная проблема и событие¹.

Самостоятельным направлением является собирание семейных архивов, где сосредотачиваются документы по истории определенной семьи. С применением методов психологии, этнопсихологии, антропологии, языкознания и других социальных наук на основе материалов устной истории исследователи анализируют формы ведения домашнего хозяйства, прочность брака, внутрисемейные отношения, роль женщины и мужчины в семье, соотношение поколений и т. д.

Во Франции организационное становление комплектования документов устной истории было связано с созданием 20 октября 1944 г. правительственной Комиссии по изучению истории оккупации и освобождения Франции. Одним из первых ее действий стало создание вопросников для участников Движения Сопротивления и узников нацистских концентрационных лагерей. Усилиями членов этой Комиссии

1 Bloshstein E.A., Garmash V.N. Создание архивов устной истории // Вестник архивиста. – Москва, 1991. – № 5. – С. 65–67.

совместно с архивами к середине 1960-х годов было записано более 2 тыс. воспоминаний участников Сопротивления и около 500 воспоминаний узников. Впоследствии собиранием звуковых мемуаров стали заниматься ведомственные архивы, а с начала 80-х годов XX в. комплектование материалами устной истории стало одним из главных направлений архивов².

В настоящее время документы устной истории большинством специалистов признаны ценным объектом архивного хранения. Важной особенностью этих материалов является возможность образной и эмоциональной передачи информации о событиях прошлого из уст его очевидцев. Материалы устной истории, как показывают результаты многих исследований, могут быть как единственными носителями информации, так и дополнительными источниками в изучении конкретных исторических фактов и явлений, действительность которых подтверждена и другими видами источников. В обоих случаях задокументированные воспоминания и свидетельства участников событий при правильном их использовании способны расширить источниковую базу исторической науки. Исходя из этого, основными методическими задачами становятся хранение и организация полноценного использования материалов устной истории.

Особое значение в архивировании материалов устной истории имеет вопрос обеспечения сохранности собранной информации. Данная проблема рассматривается в трех аспектах: применительно к организации хранения, к его режиму и необходимому техническому оснащению.

Вопрос организации хранения содержит выбор материального носителя для фиксации информации, учет (индексация) и размещение документа в архиве. Современное развитие информационных технологий позволяет в качестве материальной основы информации выбрать электронные носители. Повсеместная практика хранения электронных документов показывает: для того, чтобы предотвратить утрату информации, необходимо сохранять ее в двух или более экземплярах, разместив на отдельных электронных носителях. При этом рабочие экземпляры, как правило, размещаются на винчестере или сервере, а резервные копии – на внешних носителях (дисках CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW). В подобных случаях при утрате одного из носителей мож-

2 Ланской Г.Н. Наследие «устной истории» в архивах Франции / Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI вв. (отечественный и зарубежный опыт). – М.: Изд-во Ипполитова, 2003. – С. 309–310.

но будет восстановить информацию со второго. Во избежание случайного стирания информации специалисты рекомендуют использовать в качестве внешних носителей оптические диски CD-R (для аудио) и DVD-R (для видео) с однократной записью информации. По мнению специалистов, оптические диски считаются неприязательными в хранении и вполне надежны в течение 10–15 лет. По истечении этого срока или по мере усовершенствования типов носителей требуется или переписывать файлы на новый тип носителя, или конвертировать электронные документы в другие форматы³.

Учет материалов устной истории – одна из важных составных частей архивирования, которым закрепляются данные об их объеме и составе документов. Рекомендуется в качестве основных учетных документов вести книги учета поступлений и описи документов. Они составляются отдельно на изготовленные аудио- или видео материалы. В книгу учета поступлений последовательно вносятся все первичные и повторные поступления в архив. При этом каждое поступление получает общий порядковый номер.

Таблица № 1

Образец формы книги учета аудио- или видеоматериалов устной истории

П/н	Дата поступления	Наименование док-та	Место и дата записи	Вид (цв., ч/б)	Кол-во		Состав сопроводительной текстовой документации	Примечание
					ед. учета	ед. хр.		

В описи аудио- и видеоматериалов единицам учета присваиваются номера в валовом порядке внутри каждой описи. Если единица учета состоит из нескольких частей (единиц хранения), то каждой из них присваивается порядковый номер внутри данной единицы учета.

3 Тихонов В.И. Обеспечение сохранности электронных документов // Вестник архивиста. – М., 2005. – №№ 5–6. – С. 212–213.

Таблица № 2

Образец формы описи аудио- или видеоматериалов устной истории

№ ед. учета	№ ед. хр.	Наи- мено- вание док- та	Мес- то и дата запи- си	Автор	Кол-во		Мес- то и дата запи- си	Состав сопро- води- тельной текс- товой доку- мента- ции	При- меча- ние
					ед. уче- та	ед. хр.			

При обеспечении сохранности документов на электронных носителях важно соблюдение температурно-влажностного режима.

Таблица № 3

Температурно-влажностные режимы хранения электронных носителей

Параметры измерения	Тип носителя	
	Магнитные ленты ⁴ , фо- нодокументы	Оптические диски ⁵
Температура (°C)	+18±2	+25±10
Относительная влажность (в %)	60±5	20–50

Срок сохранения носителем своих качеств тем больше, чем ниже температура и относительная влажность, при которых он постоянно хранится. При таких условиях срок хранения оптических дисков составляет от 10 до 20 лет. Однако при извлечении носителей из хранилища для их использования в нормальных офисных условиях они должны пройти акклиматизацию, иначе весьма вероятны ошибки при считыва-

4 Основные правила работы с кинофотофонодокументами и видеофонограммами в государственных архивах Республики Узбекистан. – Т., 2006. – С. 11.

5 Тихонов В.И. Обеспечение сохранности электронных документов // Вестник архивиста. – М., 2005. – №№ 5–6. – С. 215.

нии информации и нарушение структуры самих носителей. По мнению специалистов, для акклиматизации оптического диска при изменении указанной выше температуры на +23–25°C потребуется не менее 3 часов, желательнее сутки. Для обеспечения долговременного хранения электронных носителей рекомендуется размещать оптические диски в пластиковых футлярах и хранить в вертикальном положении, подальше от мощных источников электромагнитного излучения. Вместе с этим необходимо обеспечить защиту от механических повреждений и деформации, загрязнения и запыления, воздействия экстремальных температур и прямых солнечных лучей. Стеллажи для хранения следует изготавливать из неферромагнитного материала⁶.

Немаловажное значение в использовании материалов устной истории имеет вопрос конфиденциальности. Если получаемые сведения касаются личных и откровенных мнений объекта опроса в отношении официальных лиц, которых интервьюируемый знал, или если он отрицательно относился к правительственной политике, защищаемой людьми, связанными с ним, то неизбежно возникает проблема конфиденциальности. Некоторые интервьюируемые просят изъять из записи те или иные страницы на определенное время, другие разрешают открытый доступ к их воспоминаниям. Однако вне зависимости от воли автора источника архивистам и исследователям необходимо соблюдать правовые и этические нормы использования документов.

Определенный интерес для исследователей представляет вопрос источниковедческого анализа. Методы критического анализа материалов устной истории можно приравнять к фоноисточникам. Исследователь Н.В. Мандральская, выявляя значение фонодокументов как самостоятельного вида исторических источников в сравнении с другими их типами и видами, разработала вопрос установления подлинности фонодокумента, определила специфику их источниковедческого анализа. По мнению исследователя, анализ содержания устного изложения события тем или иным историческим персонажем приближается к методике анализа письменного источника. По ее выводам, подлинным автором фонодокумента является тот, кто дает непосредственную информацию о рассматриваемом историческом событии⁷.

6 Основные правила работы с кинофотофонодокументами и видеофонограммами в государственных архивах Республики Узбекистан. – Т., 2006. – С. 12.

7 Мандральская Н. В. Запечатленные образы войны (фото- и фоноисточники об Узбекистане в годы Великой Отечественной войны). – Т.: Узбекистан, 1987. С. 24–27.

По мнению французских архивистов, методы решения источниковедческих проблем формирования устной истории носят разносторонний характер. Они касаются и организации проведения записей, и планирования их содержания, и последующей транскрипции (передачи текста) записей. Последний должен сочетать в себе источниковедческие, архивоведческие и археографические черты. Источниковедческий аспект должен быть основан на сопоставлении содержания передаваемых воспоминаний с комплексом источников разного вида. Археографический взгляд на аудиодокумент ассоциируется со стремлением к полному сохранению текста записи с целью полного отражения его уникальности и индивидуальности. Архивоведческий подход заключается в составлении научно-справочного аппарата и информационных данных о состоянии и месте хранения документов.

Во французском архивоведении создание научно-справочного аппарата материалов устной истории рассматривается в качестве сферы деятельности, выполняющей две задачи. Первой из них является обеспечение сохранности документов, содержание которых может быть достаточно полно передано в описи. Вторая задача заключается в создании информационно-поисковых систем по установленным принципам, получении сведений об источниках нередко без непосредственной работы с ними, т. е. предохранении документа от возможного нецелевого его использования.

В целом для полноценного архивирования материалов устной истории необходимо учитывать следующие требования:

- наличие материально-технической базы, в том числе помещений, необходимого оборудования, средств охраны и противопожарных средств, отвечающих требованиям хранения и использования архивных документов;
- резервное копирование устных мемуаров на соответствующие материальные носители;
- создание системы научно-справочного аппарата документов;
- наличие необходимой материально-технической базы позволяющей считывать информацию, так как без применения адекватных технологий электронный документ может остаться всего лишь файлом на материальном носителе.

РАБОТА С АУДИО/ВИДЕОТЕХНИКОЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

За последние 130 лет устная история испытала влияние произошедших изменений в аудио- и видеотехнологиях. Первым очевидным воздействием стало то, как делают запись сегодня, вторым – вызовы, которые эти записи определяют в плане их сохранения и архивирования. Однако существуют другие аспекты, которые необходимо упомянуть. Они включают в себя воздействие специфических устройств для интервью и способы, какими различные медиаустройства формируют значение, которое мы придаем записанному откровению человека.

С конца 1870 до 1980 годов аудио записывалось и воспроизводилось исключительно на механических и магнитных носителях. Цилиндры и диски применялись в самых ранних записях, коллекция которых сейчас хранится в Звуковом Архиве Британской Библиотеки. В том числе запись Флоренс Найтингейл (Florence Nightingale) 1890 года, на которой сохранилось послание приветствия «дорогим и старинным товарищам Балаклавы»¹.

Ряд профессиональных аудиоформатов, использующих катушки или бобины, был разработан в 1960-х годах. Первые модели появились в начале 60-х годов и применялись устными историками до 80-х годов. С середины 80-х годов был принят кассетный формат (впервые представленный компанией Philips в 1963 г.), распространявшийся быстрыми темпами. В конце 90-х годов стали широко использоваться мини-диски (магнитно-оптические диски), которые, однако, относительно быстро были заменены профессиональными «флэш-картами» или моноблочными рекордерами. Моноблоки хранят цифровой звук в качестве аудиофайлов на съемных картах памяти. Файлы, содержащие информацию, могут затем легко и быстро передаваться с флэш-карты на компьютер. Необходимо заметить, что архивисты рекомендуют

1 Perks, Rob. Oral History: The British Library Sound Archive. British Library. London. 2009.

записывать международно-признанным стандартом Philips 'red book' (16bit/44.1kHz).

Поскольку невозможно записывать все, что интервьюер вам рассказывает, очень важно использовать аудио- или видеозапись, для чего необходимо иметь хорошее рабочее оборудование. Сейчас существует высококачественное доступное и относительно недорогое аудио- и видеооборудование. Более того, необходимо уметь пользоваться своим оборудованием (или работать с кем-то, кто умеет это делать, в случае с видеокамерой). Всегда записывайте ваши интервью. Неважно, насколько хорошо вы делаете записи в дневнике, всегда есть что-то, что вы упустите: либо то, как человек ведет себя, либо какая-то важная информация.²

Стандартный и оптимальный по цене рекордер с хорошим микрофоном поможет создать отличное интервью для устной истории. Дорогое оборудование не нужно, если только вы собираетесь использовать ваши записи для радио или телевидения. Помните, что все должно быть просто, чтобы вы могли сфокусировать ваше внимание на интервью, а не на оборудовании.

Внешние микрофоны являются отличным дополнением и позволяют вам сидеть на комфортабельном расстоянии от интервьюируемого. Всегда используйте внешние микрофоны. Встроенные микрофоны часто показывают плохие результаты, поскольку они обычно слишком слабые и зачастую записывают звук работы самого рекордера. Для интервью один на один в помещении лучшим внешним микрофоном будет маленький клипс-микрофон. Если у вас стереорекордер, имеющий два разъема, используйте два микрофона – один для интервьюируемого и другой для вас. Они могут быть прикреплены к верхней одежде и представить отличные результаты. Если интервью проходит на улице, лучше всего используйте направленные ручные микрофоны, что позволит избежать ненужного шума при записи.

Сейчас цифровое аудио стало наименее дорогим средством для записи высококачественного звука. Большинство из этих рекордеров настолько малы, что могут поместиться на вашей ладони, и имеют встроенные чувствительные микрофоны. Некоторые рекордеры снабжены встроенной памятью (от 1300 до 4000 мин.) или используют съемный носитель, как, например, карты памяти, что может значительно увеличить объем записи, которую вы можете хранить. Выберите ли вы рекор-

2 Mariner, Nicholas. Oral History: From Fact Finding to History Shaping // Historia. 2005. September. P. 59–69

дер со встроенной памятью или съемными картами памяти, убедитесь, что это модель, которая позволяет соединять его через USB-кабель с вашим компьютером, чтобы переносить на него файлы для транскрибирования и делать копии на дисках. Выбирайте рекордер, который позволяет вам видеть индикатор записи/батареи, что очень удобно во время проведения интервью, потому что вы можете просто взглянуть на него, чтобы убедиться, что рекордер записывает.

В последние годы цифровые рекордеры «моноблоки» почти вытеснили аналоговые рекордеры (на аудиокассетах) и более старые цифровые форматы (на мини-дисках), которые использовали устные историки прежде. Они называются «моноблоки», потому что не имеют движущихся частей и записывают аудио прямо на карту памяти или встроенную жесткую память. Некоторые рекордеры используют сжатые цифровые форматы, другие записывают сразу на аудиофайл, но низкого качества. Файлы в виде MP3 могут значительно потерять в качестве, когда будут конвертированы в другие форматы.

Очень важно, чтобы ваш компьютер имел возможность работать с большим количеством аудиофайлов, имел систему безопасности и экстренного копирования. Необходимо тщательно подумать, прежде давать названия аудиофайлам с уникальными номерами, для того чтобы в дальнейшем их было легко обнаружить. Рекомендации экспертов относительно хранения цифровых файлов за последние годы изменились: многочисленные внешние жесткие диски предпочтительнее для долговременного хранения, чем CD-R или DVD-R.

Однако какую бы модель цифрового рекордера вы ни выбрали, он должен отвечать следующим критериям³:

- возможность записывать в стерео, используя два внешних микрофона;
- возможность записывать несжатые PCM.WAV (или .wav) файлы при 44.1kHz 16 bit и/или 48kHz 16bit. Это хороший стандарт качества записи, использующий широко распространенный формат;
- наличие USB2-соединения, что позволяет легко загружать записанные файлы на компьютер для переименования, безопасного копирования и долговременного хранения;
- наличие альтернативных источников энергии: внешние батареи или энергосеть.

В настоящее время существует четыре основных типа портативных

3 Boyd Doug. Digital Audio and Portable Recorders : The Basics. University of Kentucky Libraries. 2009.

цифровых рекордеров: моноблоки (Solid State), которые используют флэш-память; основанные на жестком диске, которые записывают на встроенный или внешний жесткий диск; CD-рекордеры и рекордеры, пишущие прямо на компьютер, которые используют аналог цифрового конвертера и посылают сигнал в компьютер через firewire-соединение или USB.

Качество цифрового аудио определяется следующими параметрами:

– количеством сэмплов (Sample Rate) или «snapshots», взятых с сигнала и измеренных Гц/сек (Hz/second): чем больше сэмплов в секунду, тем лучше будет качество. Качество CD-диска с наличием 44,100 сэмплов в секунду или 44.1 KHz является рекомендуемым минимумом для полевых записей.

Частота битов (Bit Depth) относится к количеству битов, принятых для представления одного сэмпла. Например, 16-bit является общераспространенным размером сэмпла. Хотя сэмплы 8-bit занимают меньше места на носителях, они имеют больше шума (помех), чем сэмплы 16- или 24-bit. Чем выше частота битов, тем лучше запись, но и больше выходной размер файла.

Скорость битов относится к измерению цифрового аудио, основанного на следующем уравнении, и обычно выражается в Кбит/сек (kbits/second):

$$\text{Bit rate} = (\text{bit depth}) \times (\text{sampling rate}) \times (\text{number of channels})$$

Таким образом, «качество CD» равняется 16-bit и должно быть минимумом, применяемым для полевых записей. 24-bit становится все более распространенным в полевых записях, поскольку медианосители, основанные на флэш-картах, стремительно падают в цене. 24-bit становится стандартом качества, равным архивному (A/D conversion), хотя многие все еще продолжают оцифровывать, применяя 16-bit.

Одноканальная звуковая запись известна как монозвук, в свою очередь стереозапись требует записи 2 каналов (правого и левого). При интервьюировании два канала, ассоциируемые со стереозаписью, позволяют разделить и отделить канал интервьюера и респондента. Это дает записи звуковое измерение пространства, отсутствующее в монозаписи, и позволяет слушающему, или транскриптору, выделить конкретный голос в записи. Стереомикрофоны с одним конектором, сочетающим в себе правое и левое разделение, делают это из единого источника, гораздо меньше изолируя звук. Стереозапись удваивает объем данных – т. е. размер файла записи. Некоторые рекордеры

способны также использовать стереомикрофоны, но записывают в моно, «смешивая» два канала. Выходной файл в таком случае будет наполовину меньше размера стереозаписи, но изоляция каналов будет уменьшена. К тому же некоторые портативные рекордеры не позволяют записывать в моноформате.

Цифровые рекордеры предлагают разнообразие параметров настройки по отношению к качеству записи. Тем не менее, полевые записи должны быть записаны без функции сжатия. Сжатые форматы записи обычно измеряются «бит рейтами» (bit rate), которые высчитываются уравнением с частотой битов, скоростью сэмплов и числом каналов записи.

Сокращенное сжатие (например, mp3-сжатие) использует алгоритм, который применяет психоакустический принцип для определения, что может быть изъято из аудиосигнала, чтобы уменьшить размер файла. Это означает ухудшение качества сигнала. Хотя эти алгоритмы делают компрессию все более незаметной, однако файлы-копии, сделанные с оригинальной записи, более низкого качества и будут содержать цифровые артефакты (сэмплы). Смешанное сжатие может значительно уменьшить аудиокачество. На сегодняшний день Flash card и HDD тип хранения стали более доступны по цене, так что можно снять проблему хранения файлов в сжатом формате.

Для архивных целей несжатые файлы являются лучшим выбором. Сжатое аудио предпочтительнее использовать для web-загрузки и просмотра онлайн. Большинство портативных полевых рекордеров используют технику Pulse Code Modulation (PCM) для цифровой конверсии несжатого аналогового сигнала. Эти цифровые данные затем сохраняются как файлы данных. Стандартные форматы файлов, ассоциируемые с несжатым типом записи, – Wave (.wav), Broadcast Wave и .AIFF. Портативные полевые рекордеры обычно используют Wave-файлы. AIFF-файлы обычно применяются в приложениях к «Mac»-компьютерам. Поскольку оба формата являются несжатыми, то и качество у обоих одинаковое. Формат Wave более распространен, так как используется профессиональными полевыми рекордерами и, в отличие от AIFF, позволяет производить слияние метаданных (описательной статистической информации элементов ряда данных) с самим цифровым файлом. Большинство низкобюджетных рекордеров – разработанных для записи диктовки – записывают в специальном сжатом формате, который может быть извлечен только с использованием специального программного приложения. Поскольку совместимость и взаимодейс-

твие форматов является чрезвычайно важным с точки зрения архивирования, эти низкобюджетные рекордеры не рекомендуются для устных записей.

MPEG-запись, в свою очередь, может значительно уменьшить объем данных и таким образом увеличить время записи. Компрессия, однако, снижает качество записи. MPEG идеально также подходит для размещения в web-формате. Несомненно, MP3-файлы стали стандартным несжатым кодеком, почти повсеместно принятым большинством компьютерных плееров. MP3-файлы обычно измеряются скоростью битов (bit rate), чаще, чем скоростью сэмплов (sample rate) и частотой битов (bit depth). Среди лицензионных аудиокомпрессионных кодеков находится также Windows Media Audio, and Real Audio, как и несколько компрессионных кодеков «без потери качества» FLAC (Free Lossless Audio Codec) и Apple Lossless Audio Codec (ALE/ALAC). Однако в настоящее время в большинстве рекордеров в опции записи не включаются эти кодеки.

Размер файла для записи высчитывается сочетанием частоты битов (bit depth), количеством сэмплов (sample rate), каналов и временем записи.

16-bit/44.1 KHz/Stereo/.wav = 635.04 Мб/час

24-bit/96 KHz/Stereo/.wav = 2 Гб/час

Подсчет размера файла может быть очень полезным для определения объема памяти, которая может пригодиться как для интервьюирования, так и для архивирования интервью на сервере, внешнем жестком диске (HDD), цифровой пленке или CD-DVD-дисках. Существует множество вариантов, связанных с калькуляцией размера сжатого аудиофайла, включая скорость битов, и компрессионным кодеком, используемым для кодировки файла. Как правило, выбирая моно, а не стерео, вы сокращаете размер файла наполовину. К сожалению, звуковое измерение пространства и выделение оригинальной стереозаписи будет потеряно, если конвертировать ее в моно.

Многие специалисты по устной истории предпочитают аудиорекордеры за их простоту и удобство в работе, портативность, незаметность. Но видеоборудование в последние годы стало доступнее и дешевле и сейчас становится позволительной опцией, так как видео имеет свои преимущества, и даже сделанное плохо – все же лучше, чем вообще ничего. Большинство проектов используют сейчас miniDV видеоформат. Копирование в другие форматы может привести к потере качества. Поэтому для архивирования можно просто скопировать на

другой miniDV. В идеале вы можете сделать записи в несжатых AVI-файлах на жесткий диск. Дальнейший перевод в MPEG-4 или JPEG2000 будет наиболее предпочтительным вариантом для хранения. Если вы хотите создать видеопрезентацию, лучше всего использовать для работы такие цифровые камеры с программным видеоредактором, как iMovie (для компьютеров Macintosh) и Ulead DVD Moviefactory, Adobe Premiere Elements или Roxio Videowave (для компьютеров Windows). Некоторые из этих программ позволяют загружать и редактировать старые аналоговые видеозаписи. Учитывайте формат, который необходим, чтобы создать презентацию, прежде чем решите, какую технологию использовать. Конечно, ваша презентация может быть определена типом видеокамеры, которую вы используете. В другом случае вы можете работать с партнером-оператором. Здесь надо иметь в виду, что это должен быть специалист, разбирающийся в оборудовании и практически незаметный во время записи. Вы можете обнаружить, что люди, которые согласны на интервью с аудиорекордером, будут чувствовать себя некомфортно при видеокамере, поэтому предупредите их перед интервью, что будете использовать видеокамеру⁴.

После полевого исследования очень важно перенести все записанные цифровые файлы с носителей на компьютер и сделать резервные копии для постоянного хранения. Цифровые файлы могут быть загружены на компьютер через USB-порт или лучше через «кард ридер» (card reader), подключенный через USB2-порт на компьютере. Необходимо приучить себя к такой рутине, как постоянная загрузка, переименование и резервное копирование файлов на внешний компьютерный жесткий диск (hard drive), затем создание дополнительной копии, например в MP3-формате, для проигрывания, транскрибирования и в целях безопасности. На этой стадии также возможно сделать дополнительную копию (скажем, для респондента или транскриптора) на DVD или CDR, что, тем не менее, не рассматривается как архивная версия. И только потом можно переформатировать (стереть) карту памяти и подготовить ее для следующей записи⁵.

Каждый новый респондент должен иметь свой персональный файл, содержащий информацию о его полном имени, дате рождения, месте

4 Barbara Truesdell. Oral History Techniques: How to Organize and Conduct Oral History Interviews // Center for the Study of History and Memory, Indiana University. 2007, April.

5 Fundamentals of Oral History. Texas Preservation Guidelines // Texas Historical Commission. The State Agency for Historic Preservation. Austin, 2004.

и дате проведения интервью, собственном имени, типе оборудования, которое вы использовали, и т. д. Полное дословное транскрибирование записи – невероятно затратное по времени и средствам действие, но транскрибирование предоставляет отличный путеводитель в аудио-записях⁶.

В заключение необходимо упомянуть об основных действиях, связанных с работой аппаратуры перед и во время интервью.

- 1) Протестируйте оборудование заранее. Практикуйтесь в использовании вашего оборудования и проигрывайте записи, чтобы убедиться, что качество аудио или видео хорошее. За ночь или утром перед интервью проверьте уровень заряда батарей и наличие запасных батарей.
- 2) Соберите всё необходимое: батареи, шнуры питания, микрофоны, удлинители, тройники, вопросник, релиз-формы, ручку/карандаш, бумагу, – чтобы не переносить дату интервью только из-за того, что ваши батареи сели.
- 3) Создайте тихую обстановку. Постоянный фоновый шум может значительно повлиять на качество записи. Попросите, чтобы шумное животное было помещено в другую комнату, выключите телевизор или отключите кондиционер.
- 4) После того как вы запишете вводную часть, проверьте оборудование и убедитесь, что оно работает стабильно. Можете более надежно закрепить микрофон или попросить интервьюера пересесть поближе.

И напоследок: всегда, после каждого интервью, делайте резервные копии ваших записей!

6 Oral History: Methods for Documentation and Research // Historical Society of Cecil County in partnership with Cecil County Public Schools/ Maryland Humanities Council. 2005, November.

УЗБЕКИСТАНСКИЙ
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ
УСТНОЙ ИСТОРИИ

ИРИНА РАЗИЛОВА

координатор проектов

Представительства *dvv international* в Ташкенте

razilova@dvv-international.uz

УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОЕКТАХ ТЕМАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ «ИСТОРИЯ И САМОСОЗНАНИЕ» (ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ, ФОРМАТЫ)

Представительство Института по Международному Сотрудничеству Ассоциации Народных Университетов Германии – IIZ/DVV (*dvv international*) работает в Узбекистане уже в течение 8 лет. Основной задачей Представительства является содействие образованию молодых и взрослых людей при поддержке правительства Германии. В течение шести последних лет, начиная с 2005 года, одним из наиболее интересных проектных направлений Представительства стала деятельность под общим названием «История и самосознание». Эта деятельность начиналась под руководством Главы Представительства Уве Гартеншлегера, потом была продолжена его преемником Маттиасом Клингенбергом и в настоящее время осуществляется под руководством нынешнего Главы Представительства – Роми Ленс.

Проекты в рамках темы «История и самосознание» направлены на привлечение внимания широкой общественности к различным аспектам истории Узбекистана. Лейтмотивом этих проектов стал призыв «Помнить ради будущего». Каждый человек должен иметь представление о том, откуда он родом, кто были его предки, как они жили, каких придерживались обычаев. И это представление должно быть «осоздаваемым», потому что история – это люди.

Не претендуя на строгую научную систематизацию, данная статья предлагает описание некоторых принципов, методов и форматов (преимущественно в хронологическом порядке), которых придерживается *dvv international* при осуществлении проектов по теме «История и самосознание».

Общим принципом является признание человека высшей ценностью и создание условий для свободного и всестороннего проявления его способностей (принцип гуманизма). Этот принцип гарантирует

работу с очевидцами различных исторических событий в максимально комфортной для них психологической обстановке под лозунгом «Не навреди!», поскольку не все воспоминания являются приятными, – иногда они могут иметь травмирующий характер.

Другим, более специфическим признаком является принцип осознания истории через ее личное восприятие участниками проектов. Третий принцип, лежащий в основе всех проектов этого направления, – принцип взаимосвязи поколений, постоянного их диалога, что позволяет расширить угол зрения на изучаемые события как молодым, так и более старшим представителям целевых проектных групп, которые формируются с учетом определенной возрастной разницы.

Практически во всех проектах *dvv international* в рамках тематического направления «История и самосознание» используется устно-исторический подход, или, как его часто называют в соответствии с англоязычным аналогом, «oral history», – «устная история». Подход включает в себя различные методы, инструменты и форматы мероприятий на основе имеющегося опыта других стран (Германии, Турции, Болгарии, России и др.). Так, например, Германия имеет богатый опыт по переосмыслению своего прошлого. В последние десятилетия в стране постоянно шли дебаты на исторические темы, в том числе о периоде национал-социализма, не только среди ученых, но и среди различных групп населения. В итоге эти дебаты внесли определенный вклад в общественное согласие, осуждение фашизма, антисемитизма и расизма.

Деятельность по передаче немецкого опыта осуществлялась сначала в странах Юго-Восточной Европы и России. Там *dvv international* успешно реализовал несколько проектов. Позднее аналогичные проекты стали внедряться в Узбекистане на основе методик, адаптированных к российским условиям, но при этом было принято во внимание, что прямой перенос опыта России не будет являться оптимальным вариантом, нужна была очередная адаптация к местным условиям Узбекистана.

Первые шаги. «Разговорная чайхана» (2005–2008 гг.)

Первым проектом *dvv international* в Узбекистане, который основывался на использовании устно-исторического метода, стал проект «Разговорная чайхана». В Европе этот метод широко известен под названием «Разговорное кафе». Переименование метода было первым шагом на пути к видоизменению проекта. Специально разработанная концепция учитывала такие факторы, как местный менталитет, образ

мышления, религия и проч. В качестве партнера с узбекской стороны выступал Фонд «Махалля» как объединяющая организация для структур, являющихся формой местного самоуправления и обладающих большим авторитетом в обществе. Важным для проекта было также и то обстоятельство, что махалля как институт основан, прежде всего, на авторитете и уважении пожилых людей, которым есть что вспомнить и есть чем поделиться с молодежью. В 2005 году были обучены модераторы из числа местных жителей, поскольку метод предполагал участие специально подготовленных ведущих «разговорной чайханы». Они должны были уметь чутко реагировать на возникающие ситуации и направлять разговор в безболезненное русло. При отборе кандидатов на роль модераторов обращалось внимание на то, пользуются ли они большим уважением в своем окружении и располагают ли достаточными знаниями о людях, для того чтобы продуктивно и с почтением общаться как с пожилыми очевидцами, так и с молодежью. Кроме модераторов, в каждой махалле были отобраны очевидцы. Это были пожилые люди, способные рассказывать о событиях своей жизни, которые могли представлять общий интерес для беседы. После того как модераторы и очевидцы прошли обучение, во всех махаллях, отобранных для проекта, состоялись пилотные мероприятия. Это были небольшие послеобеденные и вечерние встречи, на которых выступали очевидцы. За узбекским дастарханом, с пиалой чая велись беседы о пережитом. Целью всех встреч являлось изучение, сохранение и укрепление лучших традиций узбекской махалли, развитие диалога поколений, обеспечение преемственности поколений и тем самым развитие и укрепление института махалли в целом. Мероприятия проходили в разных местах (махаллинские комитеты, школы, колледжи) и с различными слушателями (школьники, студенты, пожилые люди). Встречи в формате «Разговорная чайхана» состоялись в таких махаллях Ташкента, как «Сузук-ота», «Аллон», «Чимбой», «Чигатой-Октепа», махалля имени Ш. Бурханова и др. В центре внимания находились в основном вопросы повседневной истории, касающиеся каждого человека: воспитание детей, свадебные традиции и т. п. Например, темами отдельных встреч были: «Махалля моей молодости», «Мои родители», «Друзья моего детства», «Моя первая любовь», «Примечательные события из истории узбекской махалли», «Махалля: до независимости и в годы независимости», «Династии ремесленников в махалле Сузук-ота» и др. Представители молодого поколения, участвовавшие во встречах, с большим интересом слушали рассказы аксакалов. В некоторых встре-

чах принимали участие представители районных хокимиятов, которые дали положительную оценку проекту и выразили желание и в дальнейшем сотрудничать в этом направлении. Результатом проекта можно считать лучшее понимание сути различных событий молодыми людьми, сближение и большее взаимопонимание между поколениями.

Красивым завершением проекта стало проведение в 2008 году встречи под названием «Региональная разговорная чайхана», на которую были приглашены партнеры из Каракалпакстана, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана. В соответствии со своим названием эта встреча также проходила в духе дружеского застолья и имела целью объединить через воспоминания, имеющие общие точки соприкосновения и пересечения, людей, которые фактически и «делают историю», дать им почувствовать свою сопричастность к истории своих стран и, в том числе, к интеграционным процессам. Объединяла участников такая тема беседы, как «Воспоминания о первом учителе», которая позволила стереть границы не только между разными странами, но и между разными возрастными группами.

Продолжение проекта. Публикации воспоминаний (2006–2008 гг.)

Со временем деятельность в формате «Разговорная чайхана» стала перерастать в другое направление. Проект показал, что многие участники хотели бы записать свои воспоминания, издать книгу. И поэтому логическим продолжением стала работа над записью воспоминаний очевидцев. Были организованы два тренинга с целью обучить участников тому, как записать свои воспоминания, чтобы они были интересными и для третьего лица. Слушатели познакомились с методами и технологиями подготовки текстов на основе воспоминаний, получили практические навыки для подготовки материалов к изданию, была выработана концепция книги воспоминаний. Из множества тем, обсуждавшихся ранее в «разговорных чайханах», была выбрана тема «Ташкентское землетрясение 1966 года», поскольку это землетрясение особым образом затрагивает новейшую историю Узбекистана и было для многих участников проекта значительным событием детства или молодости. Книга о событиях более чем 40-летней давности была издана в 2008 году на трех языках – узбекском, немецком и русском под названием «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». Публикация содержит не только рассказы свидетелей того времени, в ней сделана попытка рассмотреть историческое событие во всей его полноте, поэтому книга была дополнена статьями сейсмоло-

гов, историков и известных узбекских деятелей того времени.

***Поиск инновационных форм образования взрослых.
Социокультурный альманах (2009–2010 гг).***

Еще одним проектом тематического направления «История и самосознание», нацеленным на конечный результат в виде публикации, стал проект по подготовке и изданию альманаха, посвященного социокультурному разнообразию Узбекистана. Инновационный подход заключается в использовании новой модели постдипломного образования, которое мотивируется у участников проекта индивидуальным исследованием, являющимся частью совместного более крупного и социально востребованного проекта. В Узбекистане эта форма образования взрослых пока практически не используется, но она широко применяется в различных странах мира.

Своим опытом поделился российский эксперт, кандидат философских наук Михаил Рожанский. Он провел ряд тренингов и рассказал, как устная история, основанная на интервью с пожилыми людьми, может помочь сохранить локальную историю.

В результате была создана междисциплинарная команда, куда вошли и социологи, и журналисты, и историки, а также представители других профессий. Так же многообразен был состав этой команды и по возрасту. Такой разброс позволял выдержать один из упоминавшихся выше главных принципов проектного направления – «диалог поколений». Разновозрастная команда не только обеспечивала связь между поколениями, но и позволяла расширить сознание участников проекта, взаимно обогатиться разными точками зрения на те или иные события.

По географическому охвату участники представляли как столицу, так и отдельные области республики. В Ташкенте было проведено несколько обучающих тренингов, после которых каждый участник выбирал себе тему будущей статьи для альманаха, но свой выбор аргументировал и обсуждал вместе с другими авторами. Каждый работал над своей статьей, или, скорее, мини-исследованием, автономно, но при этом активно включался в общие дискуссии, в диалог с другими участниками на специальных сессиях. Готовые тексты обсуждались в группах, где каждый высказывал свое мнение о статье других авторов, давались рекомендации, делались критические замечания. Процесс этот проходил в несколько этапов, до тех пор, пока окончательной редакцией альманаха не стала заниматься редакторская группа из числа

участников проекта. В результате был подготовлен иллюстрированный альманах под названием «Узбекистан через пространство и время» (250 стр.). В него вошли 36 статей, тематически разделенных на 5 глав: «Многоголосый город» (статьи о столице), «Города и кишлаки», «Люди и время», «Жизнь и судьба», «Будни и праздники». В основе написания всех статей лежит принцип осознания истории через ее личностное восприятие очевидцами событий. Несмотря на исследовательский характер проекта, альманах не претендует на сборник научных трудов. Стиль изложения скорее научно-публицистический и поэтому интересен самому широкому кругу читателей.

Ежегодные мероприятия совместно с другими немецкими организациями (2005–2010 гг.)

Каждый год в рамках проектного направления «История и самосознание» проводятся мероприятия, объединенные под общим названием «Проектная неделя». Работа началась в мае 2005 года. Основными организациями, сотрудничающими с *dvv international* в этом направлении, являются Германская Служба Академических Обменов (DAAD) и Институт Гёте (GI).

Целью каждой «Проектной недели» является привлечение внимания общественности к вопросам истории, определение ее роли и значения для современности. Различные мероприятия (семинары, тренинги, совместный просмотр фильмов, подготовка спектаклей, встречи с очевидцами «живой истории», мастер-классы и др.) стали традиционными и проводятся каждой немецкой организацией на протяжении одной недели как самостоятельно, так и совместно с другими со-организаторами в рамках одной общей темы. Открывается «Проектная неделя» общей конференцией, а итогом работы каждого года является совместная публикация – сборник статей на трех языках (узбекском, русском и немецком). В хронологическом порядке темами «Проектной недели» были: «История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии», «Узбекистан и Германия в XX веке», «Изложение истории в Узбекистане и Германии», «Региональная интеграция и история», «Узбекистан и Германия: 1919, 1929, 1939, 1949, 1979, 1989, 2009», «Архитектура между традицией и современностью».

Памятные мероприятия (2008–2009 гг.)

О землетрясении 1966 года, Памяти команды «Пахтакор-79»

В рамках «Проектной недели» дважды проводились памятные мероприятия, посвященные конкретным историческим событиям под

названием «Вечер памяти». В 2008 году это был комплекс мероприятий, включающий уже упомянутую выше публикацию о землетрясении, но кроме этой публикации была организована фотовыставка в Театре юного зрителя, где проходил вечер воспоминаний. Он начался с театральной постановки, в которой нашли отражение события, связанные с ташкентским землетрясением. Артисты театра окунули зрителей в атмосферу того времени, читая фрагменты из рассказов очевидцев, вошедших в книгу воспоминаний о ташкентском землетрясении. Были продемонстрированы ценные киноматериалы того времени, звучали песни того периода. Был показан фильм «Нежность» («Узбекфильм»), который впервые вышел на экраны в 1966 году. На вечер пришли исполнители главных ролей Рустам Сагдуллаев и Равшан Агзамов, поделившиеся с участниками встречи воспоминаниями о съемках фильма, которые совпали с землетрясением.

В 2009 году состоялся вечер памяти известной футбольной команды «Пахтакор», погибшей в авиакатастрофе уже более 30 лет назад, в 1979 году. При поддержке *dvv international* состоялся товарищеский матч между командами ветеранов клуба «Пахтакор» и ветеранами футбольной команды предприятия «Алгоритм», а также вечер памяти, где были показаны некоторые кадры сохранившейся видеохроники, названы фамилии каждого из 17 погибших членов команды, звучали отрывки из воспоминаний, интервью. Конечно, такие памятные мероприятия служат сохранению исторической памяти для потомков.

Проект «Создание Центра Устной истории» (2010 г.)

Для систематического развития метода устной истории и ее практического применения в Узбекистане в 2010 году *dvv international* начал проект по созданию и институциональному развитию Центра Устной истории при Институте истории Академии наук Республики Узбекистан как учебно-методической базы для обучения специалистов и заинтересованных лиц новым методам создания истории на основе устной информации. К настоящему времени сформирована команда мотивированных специалистов по устной истории, которым оказывается методическая и техническая поддержка. 31 человек прошли обучение на 3-уровневых тренингах (молодые преподаватели истории, работающие в узбекских вузах, студенты старших курсов гуманитарных факультетов).

О некоторых форматах реализации проектов «История и самосознание» (2005–2011 гг.)

Форматы мероприятий в рамках осуществляемых проектов довольно разнообразны. Это уже упоминавшиеся конференции, семинары, мастер-классы и др. Наиболее интересными являются «Летняя Академия» и встречи с партнерами под названием «Ташкентские вечера». Они могут быть посвящены любому проектному направлению *dvv international*, но тема «История и самосознание» была представлена в этих форматах неоднократно. Так, например, на встречах «Ташкентские вечера» собирались участники устно-исторических проектов, представлявшие свои слайд-презентации, презентации публикаций и между которыми велась дискуссия. О формате «Региональная Летняя Академия» стоит сказать особо, так как одна из таких Летних Академий была полностью посвящена теме «История и самосознание». Участники из стран Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) имели возможность общаться с такими специалистами в области устной истории, как Лейла Нейзи (Турция, профессор Университета Сабанчи), Ваня Иванова (Болгария, руководитель проекта *dvv international* «История и самосознание»), Ольга Агапова (Россия, *dvv international*). Лейла Нейзи рассказала участникам Академии о теории устной истории, о методах проведения устно-исторических интервью, Ваня Иванова поделилась опытом проектов, осуществляемых *dvv international* на Балканах в течение нескольких лет. Эти проекты – хорошие примеры работы в сфере образования взрослых с использованием устно-исторических методов для развития критического мышления, уважения к многообразию культур и терпимости к различиям в них. Ольга Агапова рассказала о таких методах, как «знаки времени», «творческие мастерские», «чемодан жизненного пути» и др.

Еще одним интересным инструментом/форматом по работе с историей является проект «Однажды» известного немецкого журнала «Шпигель». Узбекские партнеры были только ознакомлены с ним на одной из презентаций, которую проводил Маттиас Клингенберг, но пока еще не использовали его в своей работе. Возможно, это произойдет в будущем. В основе этого проекта – интерактивная интернет-страничка, ставшая своеобразным порталом истории. Пользователи портала пишут каждый о своем. Это может быть воспоминание о поездке куда-либо в школьные годы или какой-то забавный случай из жизни, фотографии и проч. Весь присланный материал остается на интернет-страничке, вызывает дискуссии, в которых участвуют как очевидцы,

так и специалисты. Секрет успеха данного метода в том, что портал создал модель «коллективной памяти» истории, позволяющей сохранять и возвращать когда-то увиденное.

Незаменимость устной истории более всего очевидна там, где ряд источников по разным причинам недоступен или не сохранился. Но следует помнить, что главной целью при этом является не столько получение фактов, сколько внимание к интервьюируемому, к его сообщению, личному опыту и переживаниям. Интерес для исследователей должны представлять критерии принятия решений в сложных повседневных ситуациях, личная мотивация и многое другое. Всё это помогает лучше понять самих себя и свое прошлое, сделать из этого выводы и не повторять ошибок в будущем.

Ниже приводится список публикаций по теме «История и самосознание», которые можно бесплатно приобрести в офисе Представительства *dvv international* в Ташкенте по адресу: ул. Зарбог, 33. Тел.: +998 (71) 120 55 36.

1. История и самосознание I: опыт Узбекистана и Германии. 2005 г.
2. История и самосознание II: Узбекистан и Германия в XX веке. 2007 г.
3. История и самосознание III: изложение истории в Узбекистане и Германии. 2008 г.
4. История и самосознание IV: региональная интеграция и история. 2008 г.
5. История и самосознание V: Узбекистан и Германия: 1919, 1929, 1939, 1949, 1979, 1989, 2009. 2009 г.
6. Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев. 2008 г.
7. Узбекистан через пространство и время: социокультурный альманах, 2010 г.

ОЛЬГА БОГАТОВА

кандидат филологических наук,

независимый исследователь

olgabogatova@rambler.ru

ФОТОГРАФИЯ КАК КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Профессор Эссекского университета, основатель журнала Oral History Пол Томпсон в своей программной работе «Голос прошлого. Устная история» рассматривает место устной истории в ряду других отраслей исторической науки, одновременно анализируя социальную миссию и общественную роль этой «самой древней разновидности истории».

«Устная история, несомненно, может быть способом преобразования как содержания, так и цели истории. С ее помощью можно изменить сам фокус исторической науки, инициировать новые направления исследований: она способна сломать барьеры между учителями и учениками, между поколениями, между образовательными учреждениями и внешним миром, а при фиксации исторического знания – будь то книги, музеи, радиопередачи или фильмы – вернуть людям, делавшим и переживавшим историю, центральное место в ней, давая им возможность заговорить в полный голос» [Цит. по кн.: Язык как средство трансляции культуры, с.104].

Рост интереса к устной истории совершенно не случаен; этот тип фиксации исторической памяти позволяет более устойчиво сбалансировать восприятие исторических событий и исторической науки как их летописца и интерпретатора. Однако достижение такого баланса – задача стратегическая, осуществимая не вдруг, не сразу, а в результате определенных преемственных шагов, призванных устранить разрыв с классическим культурным опытом, остановить дальнейшее углубление «культурного провала», образовавшегося в модернистском XX столетии.

Устная история всегда разноречива в изложении факта. Но разноречие не стоит исправлять, суживать в угоду той или иной концепции: просто надо не упускать из внимания то, что оценка происходящего в большинстве случаев окрашена интересами респондента, устная история выигрывает не материалом, а словом. Этимология слова «слово»

восходит к латинскому *clueo* – архаическое «слышать, слушать», но также и к значениям слава, слыть, восходящим к древнеиндийскому и древнегреческому языкам. [Фасмер М., стр.143].

Древний значащий корень предполагал одновременное значение говорения и слушания, другими словами – производства сообщения и его восприятия, круговорота речи, общения, коммуникации. Отсюда происходит и имя одной из девяти олимпийских муз – Клио, считающейся с эллинистического времени музой Истории. Как известно, она изображалась со свитком и грифельной палочкой в руках. В наше время она, возможно, была бы изображена с фотоаппаратом, живо и ярко пишущим историю современности.

Устная история является коммуникативным актом в самом широком смысле слова, и от способности (умения) получателя, т. е. интервьюера, «раскодировать» полученную информацию зависит результат работы. Ее можно соотнести с семиотической моделью коммуникации, предложенной Р. Jakobson [Jakobson P.O., с. 68]. Коммуникация складывается из коммуникативных актов (единица К.), в которых участвуют коммуниканты, порождающие тексты и интерпретирующие их. Теория Р. Jakobson описывает модель коммуникации следующим образом:

Отправитель _____ канал _____ получатель (реципиент)
код

Чтобы коммуникативный акт считался успешным, оба коммуниканта должны владеть одним и тем же кодом и способностью интерпретировать его.

Устная история имеет дело в первую очередь с людьми, поэтому невозможно свести процесс К. только к пониманию кода, его трансляции. При таком подходе игнорируется факт включенности любого коммуникативного акта в совместную деятельность людей, все существенные составляющие К. акта, влияющие на выбор конкретных средств «кода», на порождение самой информации и на способы ее обработки, интерпретации, на процесс коллективной деятельности.

М. Бахтин, замечательный русский лингвист, писал:

«Гуманистические науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит, снимает, делает, танцует), то есть создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [Бахтин, с. 230].

В целом все классификации К. базируются на способности человека воспринимать окружающий мир, т. е. на его пяти чувствах: зрение, слух, обоняние, тактильные ощущения. Это дает возможность разделить коммуникацию на визуальный и аудиальный виды, причем последний можно подразделить на вербальный (словесный) и невербальный. Независимо от принципа деления, все виды К, и фотография в том числе, рассматриваются в теории К. как тексты, несущие определенную информацию.

Фотокоммуникация как визуальная коммуникация статического характера целиком является техническим видом коммуникации, в котором человеческое выражается опосредованно, лишь через материальное, вешное. Она интересна тем, что с точки зрения эффективности восприятия информации визуальный канал имеет кратчайший путь к достижению цели – переживанию информации [Вартанов А., с. 26].

Такие особенности фотографии, как документальность, эффективность восприятия и доминанта авторского начала, позволяют фотографии занять значительное место в устной истории.

Фотожурналистика в коммуникативном акте соединения слова с изображением распадается на несколько направлений. В статье делается попытка проследить, как вербальный и визуальный каналы взаимодействуют друг с другом, в какие отношения вступают оба вида коммуникации. Фотографии, которые послужили материалом для анализа, любезно были предоставлены фотографом-художником Жирновым В.Н.

Мысль о том, что слово и изображение равноценны, развивалась многими исследователями, в частности Б. Мисонжниковым [Мисонжников Б., с. 48].

Поэтому лишь сугубо условно можно признать функциональное разделение использования снимка на страницах прессы на направления, подчеркивающие его или самостоятельную, или вспомогательную роль. Этот исследователь предлагает рассматривать печатную страницу как совокупное знаковое образование. Такая страница является единым текстом, использующим и печатные (слово), и визуальные (изображение) знаки коммуникации. Если какой-либо из элементов этих видов коммуникации будет вверстан в этот общий текст безотносительно к характеру других ингредиентов (часто бывает, что это именно изобразительный материал), то структура может потерять информационную насыщенность (энтропия) и даже оказаться полностью разрушенной [там же, с.214].

Фотография может служить иллюстрацией для словесного текстового материала, слово и изображение могут сливаться как бы в один органичный текст, а также может готовиться вербальный текст на определенную тему и одновременно на эту тему снимаются фотографии.

Во всех случаях результативность вербально-визуальной коммуникации зависит от творческого подхода к сочетанию слова и изображения, поэтому очень интересно было бы проследить, как фотография создает историю, зачастую идя вразрез с вербальным текстом или, напротив, поглощая его.

Р. Барт называет явление, характеризующее репортажный снимок в качестве художественной коммуникации, «приключением». В нашем понимании оно трактуется как «история» в смысле его ценностно-рациональной фиксации фотожурналистом и эмоциональной проникновенности. Фотожурналистика создает для современников и потомков в подобных случаях непреходящую историю [Барт Р, с. 56].

Фотография производит глубокое художественное воздействие и в буквальном смысле творит историю, когда она является со-видением, со-свидетельством, со-жалением (собственного свидетельства, сожаления, сострадания) тех, кого запечатлел фотограф. Фотография начинает жить своей особой жизнью, приобретает свою историю, воспринимается людьми спустя год, а может быть, и столетия.

Перед нами как раз одна из таких фотографий, которая создала свою историю, являясь актом любви к человеку. Это Назокат Комилова, работница Бухарской трикотажной фабрики [«Саодат», № 6, 1987]. Фотография была сделана в далеком 1987 г., когда у фоторепортера было задание сделать снимок молодого передовика производства со всеми необходимыми атрибутами советской ангажированной прессы. Девушка была депутатом областного совета, перевыполняла план, комсомолка, активистка и т. д. Текст, сопровождавший снимок, не сулил девушке никакой личной истории, будь фотограф менее талантлив. Однако он почувствовал «укол», сделал снимок не в цеху, как водится, у станка, а во дворе фабрики, в ясный майский день, с листочком в руках. Снимок получился неофициальный.

Съемка такого мига может быть моментальной, но к этому моменту фотожурналист готовится годами. Знаменитый французский фоторепортер А. Картье-Брессон говорил в одном из интервью, что есть два вида фотографии: один – когда люди открывают, и другой – когда они делают то, что заранее задано. На взгляд мастера, жизнь бесконечно богаче, глубже, когда стараются ее раскрыть. Свидетельство фотогра-

фа является таким же средством изображения, как карандаш, кисть или ручка. Фотограф ориентируется во времени и пространстве, имея в виду сюжет и себя. Он должен забыть все, думая лишь о том, как через простую, но значительную деталь показать действительность, успеть нажать спуск в нужное мгновение [Картье-Брессон о своей работе // Фотография, 1965, № 2].

Девушка не была особенно хороша собой, ее личная жизнь не удалась. К ней не сватались женихи по причине бедности семьи. Особенно тяжело было то, что и семья ее любимого также отказалась соединить судьбу своего сына с девушкой из недостаточно богатой семьи, хоть и передовика производства. После опубликования фотографии судьба девушки резко изменилась. Журнал распространялся не только в Узбекистане, но и во всей Средней Азии, имел огромный тираж, более миллиона экземпляров, и потоки писем с предложением руки и сердца обрушились на бедную девушку. Девушку очень быстро сосватали, семья прежнего любимого также пыталась сосватать ее, но теперь уже родители девушки отказали, и Назокат вышла замуж и уехала в Таджикистан. Такова личная история Назокат, которую и сейчас можно услышать от знакомых и друзей, хотя прошли годы.

В фотожурналистике интересен момент, когда фотограф делает, что задано, но зачастую «открывает», и таким образом вступает в противоречие с заданием, и здесь начинается устная история.

История фотожурнализма показывает, как важен эмоциональный потенциал фотоснимка, или, употребляя выражение М. Бахтина, его «эмоционально-волевой тон». Нажатие затвора фотообъектива и есть такой человеческий поступок, о котором писал Бахтин. Некоторые теоретики фотоискусства называют это качество «внутренней формой» снимка [Дыко Л., с. 36]. Расчетливо выбранные тема, объект, ракурс, точка съемки и план кадра не помогут достичь ожидаемого эффекта воздействия на зрителя, если не озарены идеей любви. Лишь в этом случае внешняя форма приобретает законченность, органически сливаясь с формой внутренней. Именно это произошло с фотографией Назокат. Снимок был сделан талантливо и затмил собой текст, заглушил вербальный канал информации. Вербальная информация канула в Лету, а визуальная сохранилась в виде личной истории девушки.

В 2007 г Британский Совет работал над проектом, посвященным снижению потребления наркотиков в Узбекистане. Результатом работы явился видеofilm «На грани». Фотографии В. Жирнова привлекают внимание тем, что они являются визуальным текстом, входящим в

противоречие с вербальным текстом. На данных снимках перед нами предстает, согласно тексту за кадром, несчастная мать, четверо детей которой погибли от употребления наркотиков. Все снимки черно-белые, визуальный ряд очень мощный, но он не вызывает сочувствия к матери. Напротив, она выглядит зловещей, inferнальной фигурой на фотографиях, исполненной не печалью, а злобой и отрицанием. Это могло бы быть досужей выдумкой автора статьи, если бы фотография не имела устной истории. Мать была дилером, она торговала наркотиками, атмосфера дома, в которой выросли четверо ее детей, была отравлена с самого их рождения. То, что являлось предметом торговли и гибели чужих детей, погубило и ее собственных. Фотография как текст начинает жить своей отдельной независимой жизнью, она несет информацию, отрицающую или противоречащую вербальной, зафиксированной официально информации, тем самым давая новую интерпретацию истории, порождая другую историю.

Талантливо выбранная и воссозданная в произведении натура, возвышаясь до обобщения, придает образу признаки избранности, независимо от того, кто или что явлено нам на картине. Фотография же воспроизводит саму действительность, но отражает лишь тот момент, который пожелал отразить фоторепортер, взяв в кадр и нажав затвор. Художник увидел то, что осталось скрытым (или было скрыто) от создателей текста, используя свойства документального изображения и создав определенное впечатление.

Момент события или явления давно миновал, но мы переживаем отображенный факт как новое.

А. Картье-Брессон писал, что, поднося аппарат к глазу, фотограф интуитивно сосредотачивает на одной линии глаз, мысль и сердце. Именно эта доля секунды является для фотографа единственным моментом созидания. Это и есть накопление опыта, жизненного стиля, образа мышления, культуры, эмоциональности, воображения, случайности... [там же, с. 25].

В статье, которая уже цитировалась выше, М.М. Бахтин разъясняет различие творческих и профанных текстов человеческой коммуникации, словесных и визуальных его знаков, главную причину порождения текстов, а именно – недоверие. Вера, по словам философа, требует только понимания. М.М. Бахтин обозначает осевые, магистральные проблемы массовой коммуникации: проблему автора, его точки зрения, границ и функций текста, его двухсубъектность. Второй субъект, воспроизводящий, повторяющий первичный текст, и создает текст об-

рамляющий. Этот текст – результат диалога с автором, он комментирует первичный текст, оценивает его, возражает ему, спорит с ним и часто не соглашается, как мы видим это в случае с фотографией матери наркоманов.

«...Каждый жест (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, – пишет М.М. Бахтин, – и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту всё повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством... Всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и не предопределенное эмпирической необходимостью откровение личности... Человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов» [Бахтин, там же, с. 230].

Фотографии Жирнова В., являясь коммуникативным каналом передачи информации, в данном случае разошлись в оценке объекта коммуникации, давая интерпретацию события, отличную от той, которая была представлена текстом.

Фотография несет в себе большие возможности переживания информации, чем словесный текст, как уже отмечалось. Это является сильной стороной визуальной коммуникации, которая зачастую используется для манипуляции сознанием читателя.

Философ Х. Ортега-и-Гассет писал, что «слова суть логарифмы вещей, образов, мыслей и чувств, поэтому они лишены самостоятельного существования и могут применяться лишь как знаки действительности» [Цит. по кн.: Степанов Ю., с. 96].

Владение словом становится не только «знаком действительности», но и средством конструирования требуемой действительности, т. е. средством манипуляции сознанием. Имея в своем распоряжении богатейший арсенал языковых способов манипулирования, журналистика не обходит стороной фотографию, используя мощный потенциал визуального ряда.

Перед нами газета «Известия» от 18 февраля 2010 г., в которой напечатана статья и интервью Екатерины Пряхиной «“Люба” Ролана Быкова: драма продолжается».

Из названия статьи уже ясно, что речь пойдет о трудной жизни главной героини фильма, тогда девочки, а ныне взрослой женщины,

имеющей двоих детей. Статья представляет определенный интерес, главным образом тем, что снял фотограф и что было отобрано редактором в качестве иллюстрации для интервью с героиней. В фотоархиве фотографа В. Жирнова сохранились фотографии, сделанные для газеты, показывающие историю, отличную от той, которую предлагает читателям газета. Мы видим пусть и небогатую, но вполне устроенную жизнь Нины Гончаровой: ее дети, ее подруга и она сама выглядят если и не счастливыми, то довольными своей жизнью. Неудивительно, что из целой серии фотографий (собственно, это фоторепортаж) был отобран один-единственный снимок, не входящий в противоречие с «правдой» журналиста.

Мы видим то, что автор статьи хочет, чтобы мы видели. Фотоархив художника содержит другую историю, другой взгляд на одно и то же событие, но, являясь другим коммуникативным каналом с большими возможностями, фотография в тексте не создает историю, а обслуживает ее. Наследуя принципы пластических искусств Ренессанса, фотография сконцентрировала наш взгляд на внешнем, материальном: бедный быт, развешенное в квартире белье, дети и мать без улыбок на лицах – всё работает на идею текста, заданного в названии «Драма продолжается». Фотография словно для того и была изобретена, чтобы справляться с вещами, а не бежать от них. С помощью фотографии человек как никогда раньше сблизился с материальным, тем не менее, основой текста, в который включалось фотографическое изображение, всегда была вербальная коммуникация, что язвительно высказал великий немецкий поэт И.В. Гёте устами Мефистофеля [Цит. по кн.: Эккерман И.П., с. 271]:

Спасительная голословность
Избавит вас от всех невзгод,
Поможет обойти неровность
И в храм бесспорности введет.
Держитесь слов.

Преимущество фотокадра и видеокadra перед вербальным текстом состоит в том, что они способны одновременно не только изображать действительность, определенным образом (и в прямом, и в переносном смысле) содействовать ее восприятию, но также документировать и сохранять эту действительность во всем ее драматизме и поэтичности, воплощать и запечатлевать это восприятие. Устная история не претендует на создание индивидуальной концепции повествуемого, а сохраняет живой носитель – народную память, которая надежнее бумаги.

Бумага, по известной поговорке, «всё терпит», а народная память избирательна. Она приподнимает суть над всем бессмысленно-низким, выводит нас из испещренной буквами, схемами, текстами, плоскости бумажного листа – на простор незаписанной жизни.

Думаю и надеюсь, что собирание устной истории может изменить – и обязательно изменит – взгляд ныне живущих людей на самих себя. Тогда мы передадим потомкам более целостное наследие, чем письменная история века, который проводили. И мы уже постепенно учимся смотреть на этот век со стороны.

КОММУНАХОН ХАМИДОВА,
komunahon@rambler.ru
ХУСНИДАХОН АМИНЖОНОВА
husnidahon@rambler.ru
Краеведческий музей г. Коканда

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО (ОПЫТ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Коканд – известный многим исторический город. С ним связаны имена великих литературоведов, историков, народных мастеров, поэтов и ученых. Город также славится своими архитектурными памятниками XIX–XX веков: дворец последнего хана Сайида Мухаммада Худаярхана, мечеть Джами, медресе Мир, мавзолей Модарихан, Дахмаи Шахон и др. Научные сотрудники Кокандского краеведческого музея, на наш взгляд, наработали интересный опыт по сбору устных материалов, которые, к сожалению, пока еще окончательно не систематизированы и не изучены. Часть этих материалов представлена в данной статье.

Судьба потомков Худаярхана.

В августе 1875 года, при подходе русских войск, хан покидает дворец. Он вынужден был оставить большую часть своего гарема, в том числе своих дочерей (Мохизодахон, Хонпошшохон, Турапошшохон, Озодахон, Шахзадахон). Об этом нам рассказала одна из посетительниц музея, гостья из далекой Саудовской Аравии, уроженка Мекки, посетившая музей в 1992 году. Мы из этических соображений не стали спрашивать ее имени.

Она очень внимательно слушала рассказ экскурсовода, а когда он коснулся истории кокандских ханов, заплакала... Впоследствии она призналась, что является родной внучкой Худаярхана, дочерью Мохизодахан. Успокоившись, она рассказала о тех годах, когда были репрессированы многие члены ханской семьи, о бегстве с Родины остальных, об их тяжелой судьбе и других событиях.

Постепенно у них сложилась жизнь, на чужбине она вышла замуж за своего земляка – потомка великого шейха и поэта Ахмада Яссави. Ее рассказ мог бы стать сюжетом целого романа. Она очень интересовалась судьбой своих родственников. Мы предоставили ей извест-

ную нам информацию о потомках Худаярхана, проживавших на территории Узбекистана. Дочери Мохизода и Турапошшо вышли замуж за представителей знатных семей. Озодахон жила в Оше, Ханпошшохан – в Ташкенте, Шахзодахон – в Намангане.

Потомки хана долгое время вынуждены были скрывать свое происхождение, потому что многие члены ханской семьи были репрессированы еще в первые годы советской власти, остальные были подвергнуты изгнанию, терпели унижения от большевиков. Только после провозглашения независимости им стало легче, и они могли спокойно рассказывать о своих предках.

Однажды мы возвращались в Коканд из служебной командировки через перевал Камчик. Наш попутчик, назвавший себя Махмурджоном, оказался интересным собеседником. Шутя он объявил себя наследником хана. И в самом деле, оказывается, его бабушка – дочь хана Турапошшо. Он рассказал нам эпизоды из жизни Турапошшо, жены известного Караматхонтуры. Она прожила до глубокой старости. Махмурджон раньше жил в махалле Дегрезлик. Дом был очень старым, но мать долгое время не разрешала сносить его. И все-таки его пришлось снести. В это время в подвале был найден большой кувшин, рукописный Коран, другие книги и т. п.

Жертвы политических репрессий 30-х годов XX века

Репрессии оставили глубокий след в семье дочери Набиджана Захирова – Махбубахон-ая. Набиджан Захиров был одним из педагогов-просветителей. Махбубахон-ая с печалью рассказывала нам о своей судьбе.

– Когда арестовали отца, мне было 13 лет. Это было летом 1937 года. Нас в семье было 7 детей, я была четвертым ребенком. Отец особенно любил меня. Долгие годы мама ждала его, и напрасно. И одна вырастила нас, семерых детей, как смогла. Жизнь была очень тяжелой. Мама видела отца только один раз – летом 1937 года во время этапирования, в окружении вооруженных солдат. На вокзальной площади их распределяли по вагонам и отправляли в неизвестном направлении, не разрешив проститься с родными. И так наш отец пропал без вести.

Еще один из репрессированных Мухитдинов Гуламджан – бывший железнодорожник. Ему было всего 19 лет. Несмотря на тяжелую лагерную жизнь, ему удалось выжить и после реабилитации вернуться в родной дом. Вот о чем он рассказывал во время нашей беседы:

– Тогда, в 1937 году, я работал помощником машиниста железно-

дорожного пассажирского поезда Коканд – Бухара. Оказывается, однажды, по велению судьбы, в этом поезде оказался Файзулла Ходжаев. Меня задержали на станции Каган, и меня обвинили в том, что я, якобы, был связан с ним. Как меня задержали, сразу отправили на Урал, надев на руки наручники. Там 10 лет я работал на строительстве железной дороги. Восстанавливал Уральскую железную магистраль. Зима в России, особенно на Урале, очень суровая. Там прошли мои молодые годы. В 1947 году я был освобожден и приехал в родной Коканд, работал токарем на заводе «Большевик». Там проработал целых 30 лет, я сейчас получаю пенсию, имею семью, детей, внуков. Слава богу, что всё страшное позади.

В 2009 году Гуламджан-ака скончался в возрасте 92 лет.

Рассказ сына бывшего председателя Совнаркома, педагога, литературоведа Абдуллажона Каримова – Убайдуллы Каримова.

— Папа родился в семье кустаря-обувщика. Сначала он учился в старометодной, потом в русско-туземной школе. В 1918 году он начал свою карьеру: педагога в школе. 8 сентября 1937 года его назначили председателем Совнаркома. После этого мы переехали в Ташкент. Однажды в наш дом пришли незванные гости, представители НКВД, и забрали отца. Когда на его руки надели наручники, он сказал им: «Это какое-то недоразумение, в чем вы меня обвиняете, я не виновен!» и, глядя на нас, сказал: «Я обязательно вернусь, выясню всю правду».

Это были последние слова моего отца. Через неделю мать тоже забрали. Мне тогда было 17, а младший брат Фарид был совсем маленьким, его отправили в детдом. Весь дом ограбили, ничего не оставили. Меня тоже преследовали, и я вынужден был выехать в Коканд, взяв на дорожные расходы в долг у друга. Там я жил у бабушки. В годы Второй мировой войны воевал с немцами. В 1943 году был ранен и по решению медиков был демобилизован. Приехал домой, увиделся с матерью, которая от горя была не в своем уме. Бедная мать меня не узнала, не вспомнила. Судьба жестоко обошлась с ней. В конце 1943 года она умерла.

После реабилитации отца в 1957 году о его судьбе я узнал следующее: его отправили в Приморский край и 19 января 1939 года в городе Суган расстреляли. У меня на руках осталась только одна фотография отца, о судьбе других моих родных у меня никаких сведений нет.

Из опыта устно-исторических исследований ведущего научного сотрудника краеведческого музея Яхьяхана Дадабаева:

Когда был маленьким ребенком, я слышал легенду «Алтын Бешик» («Золотая колыбель») о происхождения кокандских ханов. В селении Навкат Бешарыкского района жили мои родственники. И мы, дети, свои летние каникулы проводили в этом селении. Здесь, кроме местных жителей, жили кочевые народности, их называли элатами. Они занимались скотоводством. Пасли колхозный и частный скот. Отпустив скот на пастбище, они пели иры (песни). Тогда я впервые услышал легенду об Алтын Бешике. Я был маленький и, конечно, мне не пришлось в голову записать эту легенду. Прошли годы, и по воле судьбы я стал работать в музее историком-краеведом. По роду занятий мне пришлось прочитать рукописные книги местных авторов об истории Кокандского ханства. И все они начинались с легенды об Алтын Бешике. В каждой книге эти отрывки толковались по-разному, но суть была одна. Тогда я вспомнил свое детство и съездил в Навкат.

К сожалению, многие чабаны, которые знали легенду, либо умерли, либо выехали в другие места. А их дети полностью не могли вспомнить текстов песен. И мне пришлось записывать эти отрывки из уст этих людей. Но эти отрывки меня не устраивали. Местные жители посоветовали мне поехать по горным кишлакам Кураминского хребта, где жили их родственники, которые, наверняка, помнят эту легенду. И я, как Шурик в кинофильме «Кавказская пленница», на ишаке объездил все селения и пастбища Кураминских гор. Начальную часть легенды знают многие. Но концовку многие забыли, я записывал все, что слышал, и сел за обработку этих материалов. Получился неполный текст легенды, и мне пришлось восстановить некоторые эпизоды логическим путем. И вот у меня на руках текст легенды об Алтын Бешике, но я полностью не удовлетворен этим текстом и каждый год летом выезжаю по местам, где живут элаты. Каждое лето кое-что приходилось дописывать к общему тексту. Поэтому пока работу над текстом легенды считаю неоконченной и надеюсь и мечтаю найти утерянные звенья, эпизоды этой легенды.

МАДИНА ЮЛДАШЕВА

Музей «Памяти жертв репрессий» АН Узбекистана

Madina1988@inbox.ru

МАТЕРИАЛЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ

Проанализировав свою увлеченность устной историей, я понимаю, что внимание к этому интересному направлению современной гуманитаристики возникло у меня не случайно. Оно проявилось на перекрестке моей исследовательской практики. Занимаясь изучением политических репрессий национальной интеллигенции Узбекистана в годы советской власти, я постоянно обнаруживала недостаточность источников личного происхождения. Источников, которые бы позволили увидеть ментальные особенности национальной интеллектуальной элиты, ее отношение к власти, к идеологии, к советской культуре и т. д. Так или иначе, на основе многочисленных отрывочных сведений разных источников, зачастую приходилось конструировать внутренний духовный мир, мысли, повседневную практику поколения 20–30-х годов XX века. Более масштабную картину, посвященную тематике репрессий, удалось увидеть и услышать в музее, где устная история занимает одну из ключевых позиций. Материалы интервьюирования, включенные в экспозиции музея, очень тонко и «живо» передают дух того времени с помощью мультимедийных киосков, мониторов и прожекторов (для просмотра фильмов, документов и интервью).

Если говорить об определении устной истории, то можно сказать, что это достаточно распространенное сегодня направление социально-гуманитарных исследований, которое чрезвычайно динамически развивается и главным предметом которого является субъективный опыт отдельного человека. На сегодняшний момент не достигнуто консенсуса относительно окончательной дефиниции устной истории, но большинство научных работников отмечают междисциплинарность этого направления. Устная история – это зона исследований и метод сбора, хранения и интерпретации голосов и воспоминаний людей, групп и участников событий прошлого.

Музейные собрания, видео- и другие материалы, увиденные глазами «устных историков», расширяют современные горизонты понимания чужающих, поступков, намерений людей прошлого. В частности, речь идет

о и зафиксированных на аудиосредствах записях воспоминаний, интервью, опросов. Сегодня эта работа в музее проводится на базе тщательно продуманной методики, в рамках определенных территорий и тем. Этот сюжет нашего разговора касается, прежде всего, накопления и систематизации источников устной истории на современном этапе, а также возможностей их использования в научных исследованиях.

Другой сюжет касается классификации уже имеющихся в фондах и экспозиции источников «устной истории». От правильного понимания такого источника, его характера и предназначения зависит умение создавать диалог в рамках схемы «респондент – интервьюер/исследователь – читатель». Поэтому идентификация источника и определение наиболее эффективных методов работы с ним возможны только при наличии такого большого пласта источников устной истории в музее.

Особое место среди памятников устной истории занимают фото- и киноматериалы, хранящиеся в фондах музея. В нашем представлении эти культурные следы прошлого по форме материализации могут быть отнесены как к визуальным источникам, так и к свидетельству устной истории. Именно изучение большого пласта устной истории в собраниях музея в сочетании с предметными коллекциями может выявить совершенно новый ракурс истории в нашем регионе.

Таким образом, содержание музейных фондов с точки зрения устной истории – это социокультурный продукт деятельности людей, дающий возможность системного видения социокультурного прошлого, имеющий свой социокультурный контекст. Он является не вспомогательным источником информации или иллюстрацией, но объектом и субъектом гуманитаристики.

Музей в целом как определенное культурное и социальное пространство в качестве важнейшего элемента изучения прошлого данного сообщества может включать в себя живое интервью с людьми на определенную тематику, при этом ориентируясь на принципы устной истории или глубокого интервьюирования. В нашем представлении музей важен для исследовательской работы историка не только своими собраниями, предметами и экспозициями как молчаливыми свидетельствами старины. Более того, музей – это живой социокультурный организм, который находится в динамичной связи со временем – прошлым и настоящим. Через музей, его собрания и работу его сотрудников осуществляется живой диалог времен, актуализируются источники в современном поле культуры, проявляются столкновение и взаимодействие методологических парадигм в гуманитарной науке и стиле жизни.

Историку, рассматривающему музей в качестве своеобразного комплекса источников истории повседневной жизни и культуры, необходимо обращаться к музееведческой литературе или рассказам/интервью людей. Анализ этих источников в диалоговом режиме предполагает участие в этом разговоре самих работников музеев. Их научные взгляды, их самосознание, их позиции в социокультурной жизни находят отражение в их работе, будь то структурирование, сбор и хранение фондов, каталогизация музейных предметов, концепция экспозиции, характер экскурсионной деятельности, научные публикации.

С точки зрения устной истории и современных подходов к источнику важнейшей задачей музейного источниковедения являются подходы к накоплению источников и выработка концепции формирования музейных комплексов. Кроме того, в рамках музейного источниковедения возможен поиск новых путей научного использования устных и письменных источников в формате видео-, аудио- и печатного материала. Привлечение музееведческих методик необходимо, например, для эффективного источниковедческого анализа старых (печатных) интервью и интерпретации данных этого анализа в историческом нарративе.

Следует также отметить исследованность специфики толкования и интерпретации источника или интервью под воздействием экспозиционного проектирования при изучении социокультурных проблем местной истории. Представляется, что для научно-исследовательской практики историка музей интересен не только фондами, хранилищами, но и экспозицией. Вопросы экспозиции содержат в себе историографические проблемы, помещенные в контекст интеллектуальной истории. Не менее значительна по своим научным возможностям история изучения формирования фондов музея с позиций «новой устной истории». Методы устной истории позволяют через эту проблематику увидеть многие аспекты социокультурного развития данного сообщества, обратиться к новым вопросам музейного и исторического источниковедения.

Предлагаемые устной историей подходы ориентируют исследователей на изучение истории с позиций микроистории с ее вниманием к казусу, исторической социологии, к истории повседневности, к истории «снизу». Это открывает совершенно новые возможности для формирования музейных источников новейшей истории Узбекистана. Меняется сама концепция отбора видеоматериалов и документов. Рядом с официальными материалами по политической истории, вешами и

документами выдающихся людей равноправное место занимают предметы повседневной жизни, личные вещи человека «второго плана» и его живые рассказы/интервью. При этом важна концепция комплектования того или иного фонда. Если свидетельства ушедшей советской эпохи не всегда возможно полно скомплектовать согласно тому или иному типу интерпретации, то сбор современных источников может находиться в русле конкретной научной парадигмы.

С другой стороны, реализация научных намерений сторонников устной истории предполагает широкое использование возможностей музея. В силу того, что социальная сторона жизни отдельных людей, их повседневность, их картина мира в письменных источниках истории отражена очень расплывчато, то важнейшим для изучения микросоциальной и культурной истории становится анализ визуальных остатков культурного прошлого. Более того, долгое время данные источники использовались в исторических исследованиях исключительно в качестве иллюстрации. Поэтому с точки зрения устной истории наиболее актуальной является проблема «добычи» социальной и культурной информации из видео- и аудиоматериалов как источников, с тем чтобы музейные предметы вступили в диалог с современным исследователем и посетителем музея.

Музей предоставляет возможность исследовать духовное наследие посредством интерпретации устных интервью.

Изучение истории с помощью метода устной истории активизирует широкие круги людей, интересующихся историей, но не умеющих ее изучать. Она пробуждает желание рассказать о прошлом и рождает осознание, что история творится нами самими, а это – шаг не только к историческому, но и к демократическому сознанию.

Устная история призывает ученых оживить в памяти народа тех безымянных участников истории, которые во всех исторических сочинениях, в том числе и в тех, где речь идет о «народных массах» как «движущей силе истории», неизбежно исчезают, растворяются в величии исторических событий или в деяниях героев. В годы сталинщины мы потеряли тысячи выдающихся ученых, писателей, общественных и государственных деятелей, военачальников. Но потери не исчерпываются громкими именами. Мы потеряли миллионы простых людей, не известных никому, кроме их близких. Не является ли нашим долгом и нашей задачей вспомнить об этих «безымянных» жертвах террора, стертых в лагерную пыль, сделать все, что только возможно, чтобы сохранить в истории их незаметные жизни?

МИРЗОХИД РАХИМОВ

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
mirzonur@yahoo.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Международные отношения, их анализ и прогнозирование возможных направлений и сценариев являются важной темой в широком комплексе наук – истории, политологии, международных отношениях, экономике, социологии. Существуют различные методологические подходы, включая факторный анализ, моделирование и т. д.¹ Традиционным методом анализа международных отношений является метод сравнения, причем выделяется несколько вариантов сравнения. Так, история внешней политики государства дает возможность сравнить его действия в различных ситуациях и выявить их истоки и суть. Исторический подход лег в основу метода исследования конкретных ситуаций (case-study). Изучение истории имеет большое практическое значение и для политиков, участвующих в выработке и проведении внешней политики, помогая им точнее определить цели и пути их достижения.

Можно также выделить методы устной истории (oral history) как процесс устной передачи и записи воспоминаний о различных процессах.

Современные международные отношения исследуются в основном в рамках двух направлений: школа либерализма рассматривает различные акторы, включая международные организации, в то время как другое течение – реализм – видит влиятельных акторов международных отношений лишь в лице государств.

В контексте изучения межкультурных отношений можно отметить работу Эдварда Саида «Ориентализм: западные концепции Востока», в которой автор представляет ориентализм как сложную и многоуровневую систему презентаций Востока со стороны Запада, которая включает в себя, помимо академического компонента, и определенное представление Востока, реализующееся в политических и

1 Более подробно см.: Cox R. The Politics of International Organizations. - N.Y., 1970.

экономических структурах². Концепция Саида весьма интересна и в изучении Центральной Азии.

По мнению многих исследователей, основным методом анализа внешней политики сегодня является возможность успешного использования анализа принятия решения. Анализ принятия решения строится на следующей основе: внешняя политика состоит из решений, принимаемых индивидами-политиками, которых можно выявить, поэтому принятие решений есть поведение, которое необходимо объяснить.³

На наш взгляд, развитие международных отношений должно быть системно проанализировано на основе изучения нескольких уровней анализа. Как отмечал Питер Комхей, «обоснованная и сильная теория внешней политики требует основательных теоретических знаний внутренней политики».⁴ В связи с этим необходимо на основе использования различных методологических подходов всестороннее изучение развития международных отношений на основе изучения национальных, региональных и глобальных аспектов, интересов, институциональных баз, негативных и позитивных факторов.

В частности, с целью всестороннего изучения динамики современных международных отношений в Центральной Азии и их исторических истоков автором были проведены качественные социологические исследования с использованием методов устной истории среди различных специалистов, официальных лиц стран Центральной Азии, зарубежных стран, представителей международных и региональных организаций – Европейского Союза, ШОС, СНГ и др.

Применение данного подхода позволяет наряду с официальными источниками использовать воспоминания участников тех или иных событий с целью более глубокого анализа процессов международных отношений.

Так, например, в контексте изучения международных связей советского периода выявлена личная роль политических деятелей. В частности, при активном участии руководителя УзССР Шарафа Рашидова в Ташкенте было подписано мирное соглашение между Индией и Пакистаном (1966 г.). Он был также главой советской делегации на Кубе

2 См. Said E. *Orientalism*. N.Y.: Vintage Books., 1979.; Саид Э. В. *Ориентализм: Западные концепции Востока* / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: «Русский мир», 2006.

3 Буриян А. *Международные отношения, внешняя политика и дипломатия*. Кишинев: Изд. Молдавского гос. университета, 2005. – С. 147–148.

4 Peter Comhey. "The politics of Foreign Policy in Japan and the United States" in Peter Cowhey and Mathew D. McCubbins, eds., *Structure and Policy in Japan and the United States* (New York: Cambridge University Press., 1995), 203.

во время Карибского кризиса. Однако, по утверждению известного специалиста по внешней политике СССР, академика Санкт-Петербургского института российской истории РАН А.А. Фурсенко, решение отправить Ш. Рашидова на Кубу было принято по причине его профессионального образования как ирригатора.⁵

Изучение фотодокументов того времени, сконцентрированных в Архиве кино- и фотодокументов Республики Узбекистан, позволяет ярче представить процесс приезда в Узбекистан глав государств и официальных делегаций различных стран мира.

В ходе беседы с коллегами из Института исследований Азии (Калькутта, Индия) в 2004 г. автору стало известно, что первая коммунистическая партия Индии была создана в Ташкенте.

В период 2003–2010 гг. нами были проведены экспертные опросы и интервью со специалистами по многосторонней дипломатии из Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, а также беседы с официальными представителями государственных учреждений стран региона, России, Германии, Японии, международных организаций – ООН, Европейский Союз, НАТО, региональных организаций – СНГ, ШОС и др., что позволило более глубоко и широко рассмотреть и осветить тему исследования.

Результаты бесед и опросов показали, что среди проблем среднеазиатского региона самыми главными являются различия в экономическом развитии стран (50%); борьба за региональное лидерство между Казахстаном и Узбекистаном (35%); боязнь наднациональных органов (30%).⁶

Большинство экспертов (90%) рассматривают ШОС как наиболее успешную организацию в Евразии.⁷ Практически все эксперты (95%) считают, что ЕС и АСЕАН являются хорошими моделями для региональной интеграции в Центральной Азии, но с учетом местной специфики.

5 Беседа автора с академиком А.А. Фурсенко в Институте российской истории РАН. Санкт-Петербург. 20 августа 2007 г.

6 Rakhimov M. Security issues and regional cooperation in Central Eurasia // Democratization and human rights. Tashkent Uzbekistan. 2006 Number 4. Pp. 64-65.

7 Результаты исследовательских поездок автора в Казахстан, Кыргызстан, Россию в 2005 году. Mirzokhid Rakhimov. Security issues and regional cooperation in Central Eurasia // In: Democratization and human rights. Tashkent: Uzbekistan. 2006 Number 4. Pp.64-65; Рахимов М. Этапы развития ШОС и перспективы гуманитарного сотрудничества. Информационно-аналитический центр МГУ. <http://www.ia-centr.ru/expert/2052/> 3.09.2008.

Страны ЕС осуществляют активную деятельность в Центральной Азии на национальном уровне, например, немецкие гуманитарные фонды ДААД, Фонд Конрада Аденауэра, ДВВ-Интернешнл, Фонд Эберта, Институт Гёте, а также университеты в сотрудничестве с университетами, исследовательскими центрами и правительственными учреждениями.⁸ Среди успешных проектов можно назвать образовательный проект партнерства, финансируемый Фондом Фольксваген.⁹ В ходе участия в данной программе автор имел возможность провести углубленное интервьюирование экспертов в Министерстве иностранных дел Германии, Институте европейской политики в Берлине, Германском институте международной политики и безопасности, в Европарламенте (Брюссель) и других учреждениях и организациях европейских стран.¹⁰

Известно, что период между концом 20-го столетия и началом 21-го века геополитическая ситуация в Центральной Азии претерпела значительную трансформацию. Кроме традиционных важных акторов, наблюдается активизация в регионе таких стран, как Индия, Корея и Япония.

В январе-феврале 2010 г. автор провел опрос среди 20 ученых научных сообществ и экспертов из государственных, академических и неправительственных организаций в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане по теме «Двусторонние и многосторонние отношения Центральной Азии и Японии».¹¹ Исследование позволило

8 Сотрудничество между Германией и Узбекистаном в области содействия развитию. Посольство ФРГ в Ташкенте. 2007. С. 14–30.

9 The projects "Security, Conflict Management, and Economic Cooperation in Central Asia" (2002-2005) and the professionalization projects for Central Asian academics "Germany, the European Union, and Central Asia (I)" (2005-2006), and "Germany, the European Union, and Central Asia (II)" (2007-2009) was conducted by Foreign Policy Studies at the Institute of Political Sciences of the Justus-Liebig-University Giessen/Germany and Within and in addition to these projects joint conferences/workshops, staff exchange, and Ph.D. projects on and with Central Asian scholars and academic institutions have been realised.

10 Данное исследование было представлено в публикации: Mirzokhid Rakhimov. The European Union and Central Asia: Challenges and Prospects of Cooperation. // Zentrum für internationale Entwicklungs- und Umweltforschung der Justus-Liebig-Universität Gießen. No. 47 Gießen, January 2010. Pp.18.

11 Результаты исследования представлены в статье: Рахимов М. Центральная Азия плюс Япония как новый формат многосторонних отношений // Общественное мнение и права человека. 2010. № 3. С. 55–60.

выявить интересные направления для центральноазиатских исследователей. На вопрос о роли Японии во внешней политике их стран ответы респондентов из Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана были одинаково разделены на две равных группы между «важной» и «незначительной». Но все респонденты из Узбекистана оценили роль Японии во внешней политике их страны как «важную». Главные направления двустороннего партнерства с Японией для Казахстана – торговля и энергетика, транспорт, образование и культурные отношения, для других стран – образование, торговля, транспорт и гуманитарное партнерство.

Экспертами стран Центральной Азии были также отмечены некоторые проблемы в отношениях Центральной Азии и Японии, включая проблему языка, низкий уровень политического сотрудничества по сравнению с экономическими отношениями, слабые контакты и обмен специалистами. В ответах на вопрос «Какие области должны быть приоритетными для партнерства вашей страны с Японией?» были названы, главным образом, политическое и экономическое сотрудничество, инвестиции, торговля, сельское хозяйство, информационные технологии, энергетика и образование; кроме того, отношения на уровне политических партий, неправительственных организаций (Кыргызстан); научное и аналитическое партнерство между исследовательскими центрами (Узбекистан).

На вопрос об эффективности Японской программы Официальной помощи развитию (ОПР) в ответах центральноазиатских экспертов наиболее эффективными для их стран были названы: образование, включая студенческие программы по обмену; техническая помощь средним школам, стажировки. Была отмечена также эффективность предоставления программ бесплатного изучения японского языка, получения студентами новых знаний о социальных, экономических событиях и технологических достижениях Японии, улучшения профессиональных знаний сотрудников местных органов власти и знакомства с опытом Японии в области управления экономикой.

Интересно, что большинство экспертов (80%) по ряду факторов, таких, как экономический потенциал Японии, ее вклад в развитие других стран, стратегия внешней политики и др., поддержали идею сотрудничества; в то же время один респондент из каждой страны выразил

отрицательное мнение по этому поводу по причине того, что «это увеличит число стран, которые захотят получить постоянные места» или «Япония не имеет авторитета в глобальной игре, чтобы внести вклад в международную безопасность».

Таким образом, применение различных методологических подходов – проблемно-хронологического, сравнительно-аналитического, ретроспективно-исторического, социолого-статистического, – а также методов устной истории в изучении международных отношений в Центральной Азии позволяет шире рассмотреть различные процессы, обеспечить единство теории и практики, соединение исторического и современного, осуществить синтез объективности и развития исторических процессов.

ХУРШИДА АБДУРАСУЛОВА

Институт истории АН Узбекистана

hurshidik@yahoo.com

ТРАДИЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО СОВЕТОЛОГИЧЕСКОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ (ОПЫТ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТОВ США)

Структурно наша статья состоит из двух частей: в первой мы попытаемся осветить теоретические аспекты и традиции центральноазиатского советологического исламоведения, в во второй – показать, каким образом методы устной истории, в частности беседы-интервью с американскими исследователями, могут быть использованы в изучении данного вопроса.

Известно, что системное и целенаправленное изучение Центральной Азии на Западе приходится на события, последовавшие после Второй мировой войны. В эти годы значительно обостряется противостояние двух антагонистических систем, негласное соревнование между двумя крупнейшими державами того периода – СССР и США. В истории данный период получил название «холодной войны», и его характерной особенностью стала глобальная геополитическая, экономическая и идеологическая конфронтация между Советским Союзом и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой, длившаяся с середины 1940-х до начала 1990-х годов – периода, когда произошел распад СССР.

Так как важное место в системе антисоветизма отводилось сбору и анализу сведений о Советском Союзе, именно к этому времени следует отнести формирование советологии – направления научных исследований, получившего развитие в США и Западной Европе и концентрировавшегося на комплексном исследовании СССР. Объектами исследования советологии в первую очередь являлись: философия марксизма-ленинизма, коммунистическая идеология, внутренняя и внешняя политика СССР, экономика и политическая история, социальная структура общества, право, география, искусствоведение, демография, культура и религия. Следовательно, советология представляла собой своего рода универсальную научную дисциплину, занятую изучением «советского феномена» во всех его проявлениях, а потому

объединяла несколько самостоятельных отраслей знания.

По мере развития советологии происходит ее дальнейшая структурная, организационная и методологическая институционализация. Данный процесс сопровождается формированием и открытием новых научных центров, осуществляющих исследования непосредственно в рамках данного направления.

Особое значение в системе советологии отводилось изучению ислама в традиционно мусульманских регионах СССР и, в частности, в центральноазиатских республиках. Следует отметить, что ислам и религиозная политика в Центральной Азии были и остаются объектом пристального внимания западных исследователей. По мнению ряда исследователей, даже несмотря на развал советского государства, изучение религиозной жизни традиционно мусульманского населения бывшего СССР продолжает оставаться доминирующим в академической традиции, которая может быть названа «советологическим исламоведением».¹

В целом советологическое исламоведение было сконцентрировано на комплексном изучении ислама и религиозной жизни населения в мусульманских районах советского государства, в частности в Центральной Азии, дабы лучше понять влияние советской эры на жизнь мусульман. Данное направление советологии получило в настоящем исследовании название «центральноазиатского советологического исламоведения».

Несомненным является тот факт, что одна из причин особого интереса западных исследователей к мусульманской Центральной Азии – геополитическое расположение региона, который, по мнению американского исследователя Эдварда Олворта, «...имеет особое значение для осведомленных людей», так как «он (центральноазиатский регион. – Х.А.) играл и играет важную роль во внешних отношениях Советского Союза, Народной Республики Китай, стран Ближнего Востока и Южной Азии. Говоря вкратце, Центральная Азия имеет ключевое значение по причине своего геополитического расположения между землями Запада и Востока, Севера и Юга».²

Не менее важной причиной интереса западных исследователей к данному региону можно считать то, что это была единственная часть

1 См. например: DeWeese Devin. Islam and the legacy of Sovietology: a review essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union // Journal of Islamic Studies, Oxford Centre for Islamic Studies. - Vol. 13. – 3. – 2002. - P. 298.

2 Edward Allworth. Central Asia: a Century of Russian Rule. 1989. P. 15.

Советского Союза с коренным неевропейским большинством населения, преимущественно тюркского происхождения. Вследствие этого был весьма распространен тезис о возможном противостоянии мусульманской Средней Азии России, а также дальнейшем конфликте, представляющем потенциальную угрозу существованию СССР. Поэтому одними из основных объектов исследования центральноазиатского советологического исламоведения являлись взаимоотношения русского и коренного мусульманского населения, а также советская религиозная политика в отношении мусульман.

Таким образом, центральноазиатское советологическое исламоведение было сконцентрировано на комплексном изучении жизни мусульман Центральной Азии на протяжении всего советского периода.

Безусловно, что в изучении эволюции советологического исламоведения весьма эффективно может быть использован опыт проведения устных интервью с западными исследователями, которые собственно и являлись представителями данной академической дисциплины и в большей или меньшей степени влияли на характер и содержание ее исследований. Такая возможность представилась нам в ходе научной стажировки в Центре Университета Мичигана (США), проходившей в январе-апреле 2010 года.

В качестве метода интервьюирования исследователей-советологов нами была избрана одна из форм качественного метода, так называемое глубинное интервью, говоря точнее, такая его разновидность, как экспертное интервью.

Преимущество данного способа проведения интервьюирования для нашего исследования заключалось в том, что в ходе подобного интервью используются вопросы, ответом на которые предполагается не однозначное «да» или «нет», а развернутый ответ. При этом такое интервью представляет собой неформальную личную беседу, проводимую интервьюером по заранее намеченному плану и основанную на использовании методик, побуждающих респондентов к продолжительным и обстоятельным рассуждениям по интересующему исследователя кругу вопросов. Важным содержанием экспертного интервью могут быть личное мнение респондента, его убеждения и ценности. В экспертных интервью важен не столько сам респондент, сколько его экспертные знания в той или иной области.

В качестве специалистов-экспертов должны были выступить американские исследователи, занимавшиеся или продолжавшие заниматься по сей день изучением ислама и религиозной политики советских влас-

тей в Узбекистане.

Приступая к выбору экспертов-респондентов, мы первоначально проработали весь корпус имеющихся в нашем распоряжении исследований американских авторов, посвященных вопросам ислама в советском Узбекистане. Анализ этих работ выявил, что основные исследования по данному вопросу традиционно концентрировались в четырех крупнейших научных центрах США – Русском исследовательском центре при Колумбийском университете, Русском исследовательском центре при Гарвардском университете, Центре русских и евразийских исследований при Индианском университете и исследовательском центре при Чикагском университете. Как оказалось, именно эти центры готовили основной контингент американских исследователей, специализирующихся на изучении Центральной Азии, именно здесь осуществлялись первые программы по центральноазиатскому региону, именно здесь формировались главные научно-исследовательские дискурсы по данному вопросу. Далее нами были отобраны респонденты из числа исследователей – ныне здравствующих и входивших в те годы в состав этих центров. При отборе респондентов мы также принимали во внимание качественное и количественное содержание их исследований, степень влияния на существовавшие научные дискурсы. Так, в качестве представителя от Чикагского университета нами был выбран проф. Эндерс Уимбуш (Enders Wimbush) – один из первых учеников и близких соратников Александра Беннингсена (Alexandre Bennigsen) – одного из «отцов-основателей» советологического исламоведения, проводившего многолетние исследования в области советского ислама и опубликовавшего громадное количество работ по данной тематике.

От университета Индианы нами были выбраны проф. Девин ДеУиз (Devin DeWeese) и проф. Назиф Шахрани (Nasif Shahrani). Тут следует отметить, что данный центр традиционно отличается подготовкой крупнейших специалистов в области центральноазиатского региона с отличным знанием местных языков.

В крупнейшем центре по проведению центральноазиатских исследований при Гарвардском университете, который в разное время назывался советскими учеными «мозговым трестом» советологического исламоведения или даже «питомником клеветников», мы провели опрос с др. Джоном Шоберлейном (John Schoeberlein). Данный исследователь в настоящее время специализируется на религиозной ситуации в Центральной Азии, преимущественно в Узбекистане и Киргизии, и читает ряд лекций по данной тематике.

Нами были проведены также исследования двух сравнительно молодых научно-исследовательских центров по изучению Центральной Азии – это Центр по русским и восточно-евразийским исследованиям при Мичиганском университете (Center for Russian and East Eurasian Studies, University of Michigan), где мы беседовали с др. Дугласом Нортропом (Douglas Northrop), который занимается царской и раннесоветской историей Узбекистана, в частности гендерным вопросом. Хотелось бы отметить, что др. Дуглас Нортроп относится к плеяде первых исследователей 1990-х годов, которые с обретением Узбекистаном государственной независимости получили возможность проведения полномасштабных исследований в стране.

И, наконец, в Огайском университете, в центре по евразийским исследованиям (Center for Eurasian Studies, Ohio University), нам удалось проинтервьюировать др. Скотта Ливая, который занимается средневековой историей Центральной Азии.

Другим не менее важным аспектом нашего исследования являлась разработка специального гайда, руководствуясь которым нам предстояло осуществить свои работы. При его разработке были использованы приемы, давно практикующиеся в современной социологии. Так, планировалось начать интервью с общих вопросов, а затем постепенно переходить к более целенаправленным. Использовался также так называемый «многоступенчатый анализ», когда сначала задавался вопрос, связанный с внешними объектами и социальными явлениями и процессами (например: Каким образом ввод советских войск в Афганистан отразился на интенсивности и характере советологических исследований, их оценках и прогнозах о ходе политики советских властей в отношении ислама и в целом дальнейшей эволюции ислама в регионе?), а затем уже переходили к вопросам о личном отношении и чувствах респондента (Каковы были Ваши позиция, оценки и прогнозы по данному вопросу? Какие дискуссии проходили среди исследователей в это время? и т. п.). В итоге разработанный гайд включал в себя 20 вопросов. При этом мы отдавали себе отчет, что ход предстоящих бесед и диапазон затрагиваемых вопросов могут выйти за рамки разработанного гайда и не всегда могут быть заранее спрогнозированы и продуманы. В таком случае, безусловно, большое значение имело владение интервьюером материалом, специальными вопросами, специальной терминологией и т. п. Поэтому необходимо было уделить внимание теоретическому изучению историографической традиции исследуемого вопроса.

После отбора респондентов и составления гайда мы связались с каждым из потенциальных респондентов и дали краткую информацию о себе, организации, которую мы представляем, целях и задачах нашего исследования, побудительных мотивах предстоящей встречи. Большинство отобранных респондентов выразили согласие и согласовали с нами даты проведения интервью. Сложность проведения данных интервью заключалась в том, что это был наш первый опыт интервьюирования зарубежных респондентов, которые представляли собой специалистов из академических кругов Соединенных Штатов Америки. Другая сложность заключалась в том, что все интервью были проведены на английском языке, несмотря на то, что многие из них говорят на русском или узбекском языках. Проводя интервью на родном для респондентов языке, мы тем самым хотели позволить им более глубоко и полно излагать свои мысли.

Интервью были организованы в основном в офисах респондентов. Конечно, мы много говорим о том, что в идеале интервью лучше проводить в доме у респондента, где он может чувствовать себя уверенно и спокойно. Однако в условиях американского общества это было почти невозможно. Некоторых из респондентов приходилось вести, а некоторые, например Э. Уимбуш и Д. ДеУиз, с самого начала интервью взяли инициативу в свои руки. Э. Уимбуш на протяжении всего интервью много шутил, и вообще интервью, несмотря на то, что это был наш первый опыт, получилось весьма информативным. Таким образом, Э. Уимбуш, который был ближайшим сторонником известного советолога Беннигсена и написал ряд работ по религиозной истории Узбекистана советского периода, на протяжении всего интервью рассматривал себя как часть описываемого им процесса. А, например, Девин ДеУиз смог дистанцироваться и посмотреть на это «со стороны».

Таким образом, проведение подобных интервью давало нам следующие преимущества:

- получить сведения о дискурсах и оценках, которые господствовали в научном сообществе США относительно изучаемого объекта (к примеру, мы собрали сведения о том, как в рамках даже одной школы имели место дискурсы и расколы);
- получить информацию об изучаемом объекте, которая известна только непосредственным участникам;
- возможность апробировать свои гипотезы и предположения в беседе с экспертами-профессионалами (например, о политизированности советологических исследований, об источниковой базе).

ШУХРАТ МУХАМЕДОВ

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
shukhrat.mukhamedov@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ТУРКЕСТАНА

Колониальный период Туркестана представляет огромный интерес, прежде всего потому, что в этот исторический отрезок времени в Средней Азии происходят события, которые развернули развитие региона на 180 градусов. Народы, населявшие край, под влиянием европейской культуры, «привнесенной» сюда Российской империей, выбирают для себя иной путь развития. Для того, чтобы разобраться в событиях того времени, необходим, на наш взгляд, комплексный подход в изучении источников.

Во-первых, необходимо исследовать исторические источники, находящиеся в архивах. Во-вторых, прекрасным источником является пресса того времени. В-третьих, необходимо изучить исторические труды, опубликованные современниками. В-четвертых, важный источник – это мемуарная литература очевидцев. Именно из воспоминаний современников мы можем узнать такие подробности, которые могут изменить понимание того или иного исторического события.

В воспоминаниях современников, благодаря специфическому, субъективному взгляду авторов, перед нами на исторической сцене предстают действующие лица. Несомненно, что к фактам, приведенным в этих воспоминаниях, необходимо относиться с определенной долей осторожности и, в свою очередь, используя сравнительный анализ, просеивать их через сито архивного материала.

Прежде чем писать о том, что происходило во второй половине XIX – начале XX в. в Туркестане, необходимо вспомнить слова генерала М.А. Терентьева: «Не стоит писать историю, если не писать всю правду. Пусть перед читателями пройдет живой человек со всеми его слабостями и ошибками: дело он сделал, след свой оставил, а что он был такой же, как и мы, так этим он нам еще милее».¹

1 Терентьев М.А. «История завоевания Средней Азии». Т. 1. СПб. 1906. С. XVI.

Основные архивные документы, в которых отражена проблема государственного регулирования ислама в российском Туркестане, находятся на хранении в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. Однако из этих исторических документов сложно понять, кем же на самом деле были эти государственные деятели, каков был их вклад в развитие Туркестана и, в конечном итоге, что же они могли представлять из себя «без мундиров», т. е. какими людьми они были в семье и в быту, чем могли определяться их поведенческие мотивы. На эти и другие вопросы могут ответить именно воспоминания современников, так как в официальных архивных источниках информации об этом в целом не представлено.

Для того чтобы понять логику действий туркестанских генерал-губернаторов, необходимо знать о них самих и о том, какое впечатление они оставили у современников, непосредственно общавшихся с ними. Приведем несколько примеров, характеризующих личности этих высокопоставленных чиновников Российской империи и кадровую политику государства.

Начальник Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (1903–1906) Г. Федоров, прибывший в край в 1870 г. и проработавший здесь до 1906 г., прекрасно знавший и непосредственно общавшийся с руководителями краевой администрации, дает характеристику этим высокопоставленным чиновникам в своих воспоминаниях.² Характеризуя генерал-губернаторов, Г. Федоров, естественно, высказывает сугубо личное мнение, которое в целом совпадает с характеристикой, данной этим деятелям, в воспоминаниях Н.П. Остроумова.³ Давая лестные характеристики фон Кауфману, автор воспоминаний довольно критически оценивает деятельность руководителей, управлявших краем после «Устроителя» Туркестана.

Описывая приезд в Ташкент М.Г. Черняева, назначенного генерал-губернатором в 1882 г., Г. Федоров пишет, что выглядел последний довольно неважно, и «все мы увидели полусгорбленного, морщинистого генерала, который сделал всем общий поклон и, не сказав ни слова приветствия, ушел к себе в кабинет».⁴ Говоря о том, какую политику стал проводить М.Г. Черняев, автор воспоминаний пишет, что «вскоре

2 Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906). Исторический вестник. 1913. Кн. 9–12.

3 Н.П. Остроумов долгие годы возглавлял Ташкентскую учительскую семинарию и фактически являлся советником туркестанских генерал-губернаторов по вопросам ислама. Подробнее см.: ШГА РУз, личный фонд Остроумова Н.П. (Ф-1009).

4 Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906)... Т. СXXXV. С. 438.

по прибытии Черняева до нас стали доходить слухи, что он непримиримый враг Кауфмана и всего кауфмановского». ⁵ Автор с удивлением пишет о том, что М.Г. Черняев попросил отправить в Туркестанский край ревизию (ревизия под руководством Ф. Гирса. – Ш.М.), т. к. он успел убедить руководство в Петербурге, что «в управлении краем полный хаос, что чиновники позволяют себе всевозможные злоупотребления, а потому он затрудняется фактически вступить в управление краем...». ⁶

Исходя из вышесказанного, Г. Федоров делает неутешительные выводы: «Это была незаслуженная обида памяти Кауфмана, обида ничем не вызванная и основанная исключительно на почве личной неприязни Черняева». ⁷ По мнению автора, М. Черняев практически уничтожил многие начинания, введенные фон Кауфманом (имеется в виду Туркестанская библиотека, хлопкоферма и др. – Ш.М.). Девизом «покорителя Туркестана» были слова: «эту оффенбаховшину прекратить». ⁸

Говоря о назначении в Туркестан генерал-губернатора Н.О. Розенбаха, автор пишет, что карьерный рост этого офицера сложился благодаря ряду счастливых обстоятельств. Н.О. Розенбах участвовал в двух кампаниях – польской (1863) и турецкой (1878), оба раза был сильно ранен и получил Георгия. Вскоре Розенбах был удостоен звания генерал-адъютанта и назначен начштаба войск гвардии и петербургского полка. ⁹

Подводя итоги недолгого правления Н.О. Розенбаха, Г. Федоров пишет: «Тщательно роюсь в своих воспоминаниях, я решительно не могу найти ничего, что могло бы характеризовать управление Розенбаха. Административная машина шла полным ходом, т. е. чиновники писали бесконечные бумаги, генерал-губернатор их своевременно и аккуратно подписывал». ¹⁰

Говоря о назначении в Туркестан в 1889 г. барона А. Вревского, ранее работавшего начальником окружного штаба Одесского военного округа, Г. Федоров пишет, что «барон всю жизнь прослужил в строю и, будучи назначен в Ташкент, попал неожиданно в совершенно новую и

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же. С. 440. Имеется в виду, то, что К.П.фон Кауфман являлся этническим немцем.

9 Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906). Исторический вестник. 1913. Т. CXXXV. С. 444.

10 Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае... С. 452.

незнакомую ему сферу».¹¹ В целом, характеризуя барона А. Вревского, автор характеризует его как доброго человека и что это был «образованный, разумный администратор, немного ленивый, любящий пожить с комфортом, много работавший по утрам, но считавший своим правом вечером дать себе отдых за ломберным столиком».¹²

Федоров считает, что в период Вревского «главную скрипку» играли в основном два человека. Это военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н.И. Гродеков, приложивший большие усилия по переселению в край жителей внутренней России. После его отъезда в 1895 г. бразды правления Туркестаном фактически берет в свои руки новый военный губернатор Сыр-Дарьинской области А. Иванов.

В 1898 г., после отъезда барона Вревского, начальником края был назначен генерал С.М. Духовской, ранее служивший в должности Приамурского генерал-губернатора. Такое назначение при близком знакомстве шокировало Г. Федорова. «Духовской был человек не глупый и, быть может, в свое время очень полезный, но когда он был назначен в Туркестан, то это была уже развалина и в умственном, и физическом отношениях. Непонятно, как могли назначить такую руину начальником огромного края, к которому только что присоединили еще две области. Он не был способен ни к какому труду и, свалив все бремя управления на вновь назначенного на только что учрежденную должность помощника генерал-губернатора генерала Иванова, сам буквально ничего не делал, или разъезжал с большой помпой по краю, или проживал в Петербурге, куда неоднократно выезжал, будто бы по делам службы».¹³

После Андижанского восстания 1898 г. краевая власть берется за изучение мусульманского вопроса и создание Духовного управления мусульман края. Все мероприятия и деятельность по изданию трудов по мусульманству в официальной историографии связаны с именем С.М. Духовского, который фактически в этом абсолютно не разбирался и, как следует из воспоминаний Г. Федорова, был старым и больным человеком.

Всю организационную работу по решению мусульманского вопроса фактически осуществляли вышеупомянутый Н. Иванов и его советник В.П. Наливкин. В историографии Туркестана остался аналитический доклад, написанный на «высочайшее» имя, «Ислам в Туркестане» ге-

11 Там же. С. 453.

12 Там же.

13 Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае... С. 861.

нерал-губернатора Духовского, подготовленный В.П. Наливкиным в 1900 г., причем сам автор остался в тени.

Как видно из приведенных примеров, туркестанские генерал-губернаторы были разными людьми. Среди них не было ни одного востоковеда, поэтому и политика их в отношении ислама в целом была хаотичной. Бразды правления в своих руках держали в основном чиновники, советниками которых были Н.П. Остроумов и В.П. Наливкин, по своему мировоззрению явные миссионеры.

Оценивая деятельность туркестанских генерал-губернаторов, сенатор К.К. Пален в 1910 г. пишет в своих отчетах: «Три личности из числа покорителей Туркестана оставили след в деле его устройства: генералы Колпаковский, Кауфман и Куропаткин.¹⁴ Другие деятели были последователями и подражателями, нередко весьма неудачными, кого-либо из них, оставаясь в крае слишком короткое время, не успевали проводить в жизнь задуманные мероприятия».¹⁵

Сравнивая воспоминания современников тех событий и исторические документы, исследователь должен помнить, что авторы воспоминаний, давая более или менее объективную характеристику личностям, ничего не говорили о служебных документах, о ходе своей служебной деятельности, т. е. соблюдали профессиональную этику. Например, говоря о деятельности М.Г. Черняева, автор ничего не говорит о том, что по приезду в край «Завоеватель Ташкента» предпринимает меры по созданию Духовного управления мусульман Туркестанского края, что было неординарным событием после правления фон Кауфмана.

Если учесть, что ислам для Туркестана являлся не только религией, но и образом жизни, можно понять, почему любые действия царской администрации на местах можно считать вмешательством в религиозные дела местного мусульманского населения. Естественно, что главными реформаторами можно считать туркестанских генерал-губернаторов. Чтобы разобраться в том, что же на самом деле происходило в Средней Азии после ее завоевания Российской империей в вопросах государственного регулирования ислама царской администрацией, рассмотрим ряд малоизвестных фактов, которые по тем или иным причинам историками замалчиваются.

14 На наш взгляд, довольно спорное утверждение. Колпаковский генерал-губернатором Туркестана фактически не был. Куропаткин был генерал-губернатором всего лишь в течение одного года (1916 – начало 1917 г.), и именно с ним связано жестокое подавление восстания местного населения 1916 года.

15 Пален К.К. Главнейшие выводы по ревизии Туркестанского края. СПб(б). 1910. С. 4.

Среди документов ЦГА РУз автор статьи обнаружил архивные источники, в которых мы находим примеры устной истории, т. е. в начале XX века руководство туркестанской краевой администрации применяет на практике опросы общественного мнения населения Туркестана через руководство областной и уездной администраций.

В 1909 г. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, которую возглавлял В.А. Мустафин, разрабатывает вопросник для военных губернаторов областей. В данной инструкции был поставлен ряд вопросов, связанных с настроением проживающего там местного населения. Составленная Канцелярией инструкция состояла из следующих вопросов:

1. К какому племени принадлежит население данного района или округа, его численный состав по племенам, образ жизни (Главное занятие и степень экономического благосостояния населения).
2. Духовное развитие населения. Число мактабов и медресе. Где получили образование муэдарины и заведующие мактабами. Комплект учащихся с разделением на местных и пришлых. Учебные книги. Вакуфы и доходность их.
3. Ишаны, дервиши, маддахи. Районы деятельности ишанов, число их муридov в разных местностях. В чем выражается влияние ишанов. Места их путешествий.
4. Число мечетей и мазаров.
5. Поскольку население сохранило память о своей независимости, не замечается ли сочувственное воспоминание об утраченных днях самостоятельности, например, в частных разговорах, в местных преданиях и различных песнях, которые возможно распевают и рассказывают туземные певцы и рассказчики на базарах и площадях, в тени водоемов медресе и мечетей, и наконец, просто в кишлаках и аулах.
6. Степень влияния на население местного духовенства и в чем это влияние выражается.
7. Появляются ли среди населения, откуда-либо со стороны или из заграницы светские и духовные лица, а также рассказчики, дервиши, фокусники и юродивые. Какова была их цель появления среди местного населения.
8. Не появляются ли среди населения пришельцы из других местностей края или выходцы из Турции, Персии или Кавказа, зараженные революционными идеями.
9. Не появляются ли среди местного населения татары-миссионеры,

в частности последователи «Вайсова божьего полка», основой учения которого является непризнание земных властей и отрицание необходимости уплаты податей.

10. Существуют ли в данной местности новометодные школы.¹⁶

Как видно из вопросов инструкции, краевую администрацию волновали изменения в настроениях местного населения, и главную роль в этом играл исламский фактор. Военным губернаторам областей и Главному инспектору учебных заведений края предписывалось ежегодно представлять отчеты по составленным вопросам в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора. Инструкция и отчеты имели гриф «Совершенно секретно».¹⁷

В феврале 1909 г. военный губернатор Ферганской области генерал-майор Сусанин, размышляя по поводу настроения местного населения, пишет: «До сих пор целые огромные области духовной жизни народной остаются без всякого наблюдения с нашей стороны; что делается в многочисленных мадраса, какая именно происходит эволюция в верованиях и взглядах народных и как она отражается в мусульманской обширной литературе, произведения которой составляют оживленный предмет торговли на базарах – обо всем этом мы осведомлены очень мало, и не будем иметь этой осведомленности, покуда не будет создана надлежащая, в достижении этой цели организация».¹⁸ Однако такой организации вплоть до 1917 г. создано не было, хотя в крае с 1907 г. действовало «Районное охранное отделение», которое занималось политическим сыском, и оно же собирало сведения о «панисламизме» и «пантюркизме».

Сусанин предпринимает неординарный шаг и отправляет в «народ» своего переводчика Буйлина (татарина по национальности, Ш.М.) по городам Ферганской области под видом коммивояжера в целях собирания сведений о настроениях местного населения.¹⁹ Буйлин объезжает Коканд, Скобелев, Наманган, Андижан, другие города и кишлаки, о которых в своем отчете приводит очень интересные сведения.

Приведя данные о мусульманских учебных заведениях в области, автор говорит о новых явлениях в некоторых медресе, где наряду с изучением правил арабского языка и законов шариата изучаются рус-

16 ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528. Л. 29–30 об.

17 Там же.

18 Там же. Л. 3 об.

19 Там же. Л. 32.

ский язык, география и чтение татарских газет²⁰. В целом муллы, с которыми беседовал Буйлин, говорили ему о недостаточном количестве мактабов в сельской местности и о том, что мударисы и мутавалии многих медресе не стремятся к открытию новых мактабов, так как основные доходы от вакуффов ими присваиваются.²¹ Мутавалий медресе «Мадали-хан» в Коканде делает вывод о том, что с уменьшением доходов вакуффов уменьшилось и число мулл, и это явилось причиной того, что «среди населения пошатнулась и вера в ислам».²²

Большой ропот среди населения вызвало основание в области русских селений, поселенцы которых получили наделы даром и, кроме того, пособие на обзаведение хозяйством. Местные люди задают вопрос: «Разве мы не дети одного отца (царя), и почему же одним дают все, а других обходят».²³

Отрицательно относится к ханским временам состоятельный – земледельческий класс, который в те далекие времена не был уверен в завтрашнем дне из-за не прекращающихся междоусобных войн. Недоволен этот класс действиями туземной администрации и народных судей.²⁴

Роль духовного сословия среди народа еще очень велика. Буйлин говорит о том, что в городах Ферганы ему пришлось столкнуться с недружелюбным отношением мулл к русско-туземным школам. Ишаны и муллы не советуют населению отдавать детей в эти школы по причине того, что мальчиков оттуда могут отправить в солдаты и даже окрестить. Народ верит муллам, и школы посещаются или детьми местной администрации, или детьми слишком бедных родителей, «которым в особенности осенью и зимой каждый лишний рот в семье – обуза».²⁵ Таким образом, духовные лица, являясь «педантичными последователями Корана... отличаются фанатизмом, не допуская никаких новшеств, хотя бы и полезных, и медресе, таким образом, как учреждения просветительные, становятся рассадниками антагонизма центра с окраиной».²⁶

Приведенный пример того, что в начале XX века царская администрация пытается использовать метод устного опроса общественного

20 ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528. Л. 33.

21 Там же. Л. 34.

22 Там же. Л. 34.

23 Там же.

24 Там же. Л. 35, об.

25 Там же. Л. 36.

26 ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528. Л. 36.

мнения местного населения для выработки новой политики в отношении ислама, в целом говорит о том, что старая политика, проводившаяся с момента завоевания Российской империей Средней Азии, себя уже не оправдывала. Однако хотела ли знать краевая администрация реальное положение дел в регионе, это уже другой вопрос. На наш взгляд, метод опроса общественного мнения был взят Мустафиным на вооружение из практики европейских стран, так как для самой России это было еще не характерно.

В заключение статьи необходимо сказать, что для того чтобы получить объективный взгляд на историческое развитие, необходимо использовать весь комплекс источников, о которых было сказано в самом начале статьи, среди которых немаловажное значение имеет и устная история, основанная на воспоминаниях главного действующего лица истории – человека.

ХАМИД ЗИЯЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Институт истории АН Узбекистана
ziyodono@yahoo.com

ВОСПОМИНАНИЯ – ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*(из опыта интервьюирования участников восстания 1916 года
и сибирских узбеков)*

Известно, что при изучении прошлой и настоящей истории рукописные произведения, архивные документы и другие письменные данные имеют неоценимое значение. Однако очень трудно найти идентичные воспоминания участников того или иного события, и в этом особая ценность устно-исторических материалов. Здесь мы имеем дело с индивидуальными воспоминаниями, отражающими микроисторию. Воспоминания обычных, простых людей о том или ином историческом событии – очень значимое дополнение в освещении правдивой и объективной истории.

В 50-х годах прошлого века мне удалось побеседовать с участниками восстания 1916 года,¹ направленного против царского указа о мобилизации мужского населения края на тыловые работы. Это был мой первый опыт проведения устно-исторических исследований (*Приложение № 1*).

Мне удалось найти участников 1916 г. в Ферганской долине. Прежде чем брать интервью, я записывал их личные координаты (национальность, дату рождения) и фотографировал респондента, а затем проводил беседу, записывая их воспоминания. В результате был собран большой и интересный материал по воспоминаниям участников восстания, который неоднократно использовался мною и моими коллегами в научных исследованиях.

В своих поездках по городам Ферганской долины мне удалось побеседовать с представителями различных социальных слоев населения.

1 См. Х.Зияев. Участники восстания 1916 года в Ферганской долине. Ташкент. 1976 г.; Он же. Туркистонда Россия тажовузи ва ҳукмронлигига қарши кураш. Тошкент, 1998

К примеру, один из респондентов Умархон Юсуфалихужаев, (родившийся в 1866 году в Маргилане, бывший народный судья (казий)), прикованный к постели, рассказывал очень интересные сведения. По его словам, он и братья, казий Каландархона Касымходжа (старший брат) – Мукаррамхон (младший брат), были арестованы как активные участники восстания. По решению суда, он и его старший брат были приговорены к 15 годам лишения свободы, а Мукаррамхон – к смертной казни.

Воспоминания участника восстания У. Хужаева
УМАРХОН ЮСУФАЛИ ХУЖАЕВ (Приложение № 2)

Место рождения – город Маргилан, район Каландархон

Дата рождения – 1866

Национальность – узбек

Отец – казий

Сам – казий

Место жительства – город Маргилан, улица Тельмана, массив 122, дом 135

Как рассказывает Умархон Юсуфали Хужаев он и его братья занимали важное место в организации мятежа. Разговаривая со мной, он тихим голосом говорил: *«Мы боролись за то, чтобы самим быть хозяевами на своей родине»*. Однако с опасением попросил не писать этого, ибо тогда, в советское время, писать и говорить о таких вещах, рассматривались как антисоветские, «националистические стремления». Его слова позволяли судить о том, что братья проявили инициативу в организации восстания, показав патриотизм представителей высшего сословия. Он рассказал о том, что почти все другие участники восстания также боролись за независимость отчизны и за восстановление свободы. Но в советское время говорить или писать открыто о борьбе за независимость было невозможно.

Царская власть, опираясь на местных чиновников, осуществляла колонизаторскую политику. Населению пришлось столкнуться не только с местной колониальной властью, но и представителями местной администрации, которые активно помогали в составлении списков мобилизуемых.

Об этом свидетельствует нижеприводимые воспоминания другого участника восстания Тожибой Мадалиева.

Воспоминания участника восстания Т. Мадалиева
ТОЖИБОЙ МАДАЛИЕВ (Приложение № 3)

Место рождения – город Маргилан, район Машад, махалля Чукуркуча

Дата рождения – 1892

Национальность – узбек

Отец – бедный крестьянин

Сам – дехканин

Место жительства – город Маргилан, улица Янги-арык, дом 40, квартира 15

Я и мой отец, работая с утра до ночи на нашей маленькой земле, большую часть урожая тратили на оплату различных налогов и долгов. Особенно тяжелым было положение бедных дехкан, похожих на меня. Мы были вынуждены платить разные налоги, такие, как: плата за меру (танаб), за узел (тугун), за сторожа, за воду, подношения и т. д. После объявления указа о мобилизации, почти все население города – ремесленник, кустари, бедные крестьяне и безработные, на рассвете собрались около Урдатаги, куда пришел и я со своими махалинцами. Здесь собралось примерно более 15 тысяч человек. К 9–10 часам сюда подошли царские и местные чиновники города, среди которых были тысяцкие, сотрудники полиции и несколько беков. Собравшиеся начали выражать недовольство: «Мы не пойдем работать мардикерами, (поденщиками). Эти слова были слышны со всех сторон площади, становясь шумнее. Представители администрации не хотели даже слушать, обращались с угрозами к народу, в результате чего началась стычка между ними и толпой. Тысяцкие – Мавлонбек и Махмудбек, полицейский стражник старшина полиции были убиты, после чего я со своими единомышленниками погнались за полицейскими, убежавшими к зданию кинематографа, находившегося в Урдатаге. Ворвавшись в помещение мы сорвали висевшую на стене картину царя Николая и растоптали его. Затем бунтари разошлись, чтобы продолжить борьбу в своих махаллях. Я со своими друзьями тоже вернулся в свою махаллю.

Ночью этого же дня прибыли казаки и солдаты из Ферганы для подавления восстания, они избili и арестовали многих повстанцев, в

том числе и меня.. Дома повстанцев обыскали, а их семьи подверглись издевательствам. Нас заперли в Янгибагском судебном учреждении города Маргилана, казаки избивали нас толстыми палками до потери памяти. Они били меня прикладом ружья. Нас забрали из Янгибагского судебного учреждения в ферганскую тюрьму, где мы жили в ужасных условиях в течении 2-3 месяцев. В результате суда 13 человек были приговорены к повешению. Среди осужденных были Мукаррамхон Юсуфалихужаев, Малла Косимов, Охунжон Бобоев, Мумин Абдумуталов и я. После этого нас заковали в кандалы и всех заперли в отдельной комнате.

84 участника восстания были приговорены к каторге на разные сроки. Во время суда в лице истцов нас обвиняли полицмейстер города Маргилана Пахотин, Саидахмад ишан, сотрудники полиции и другие. Вскоре после этого, через 15–16 дней, нас всех вывели в коридор тюрьмы, выбрав среди нас активного участника восстания Нурмата и младшего брата городского казиза – Мукаррамхона, остальных отправили обратно в комнату. В полночь, в тот же день, мы услышали, что Нурмат и Мукаррамхонн были повешены во дворе тюрьмы.

Через несколько дней нам сообщили, что нас отправляют в Сибирь на долгий срок вместо смертной казни. Однако, этому помешала февральская революция 1917 г. в результате чего мы были освобождены.

Воспоминания участника восстания М. Лайлаева

МАВЛЯН ЛАЙЛАЕВ (Приложение № 4)

Место рождения – город Маргилан, махалля Тошмозор

Дата рождения – 1884

Национальность – узбек

Отец – мясник

Сам – чайрикер (издоیشик), мардикер, кладчик кирпичей

Место жительства – город Фергана, улица Садовая, дом 11

Из-за тяжелой жизни мы всегда жили в нужде и страданиях. Много раз от чайрикерства, я работал в городе грузчиком (носильщиком), формовщиком кирпичей, дворником и другими схожими работами. Несмотря на все мои действия и непрерывную работу, я не мог наесться хлеба досыта и иметь хотя бы приличную одежду.

Во время дней Рамазана 1916 года, придя в город из села, я услышал, о том, что бедняков забирают на работу на далекие морозные

края, неизвестно на какой срок и на какую работу. Народ был взволнован и недоволен этим. Утром в Урдатаге собралось около 20 тысяч людей. Сюда сразу же, держа в руках бумагу, прибыли чиновники царского правительства и местные баи. Они поднялись на верхние подмости чайханы. Тысяцкий Махмудбек, посмотрев на народ, сказал: «Небо высоко, земля твердая, поэтому вы от нас никуда не уйдете. Мы что захотим, то с вами и сделаем, вы обязаны пойти на работу». В ответ ему мы кричали: «Иди сам, тиран, а мы не пойдем!», После этого начался скандал. Я повалил на землю тысяцкого Махмудбека и обеими руками начал душить его. Разгневанная толпа, за считанные минуты убила тысяцкого тем, что было у нее в руках. Затем мы отправились, к дому второго тысяцкого, который активно помогал царской администрации в составлении списка людей на мобилизацию.

За нами гнался полицейский стражник, который выстрелил в меня, но пуля пролетела мимо. Группа восставших свалили его с коня и побил камнями. В этот момент меня ударил саблей другой казак-полицейский, у меня потекла кровь с шеи. Мои друзья сразу же перевязали мою рану бельбогом (поясом). А казак убежал.

Придя в дом Махмудбека, с целью расправиться с ним, мы забрали его имущество. Можно сказать, что в доме Махмудбека не осталось ничего. После этого я убежал в кишлак Акшок к своему отчиму. На следующий день один дехканин, вышедший в город для продажи дынь, сообщил мне, что в городе меня разыскивает полиция и что если люди не помогут задержать меня, то многие будут наказаны. Услышав эту весть, я добровольно вернулся в город и меня взяли под стражу.

Как свидетельствует воспоминание Мавляна Лайлаева в восстании активно участвовали представители неимущих слоев населения, которые жили в трудных условиях и больше всех подвергались насилию и принудительным работам.

Следует отметить, в восстании активно участвовали женщины с детьми, о чем свидетельствует воспоминания другого участника из Андижана - Юлдаша Мирзаева.

Воспоминания участника восстания Ю. Мирзаева
ЮЛДАШ МИРЗАЕВ (Приложение № 5)

Место рождения – город Андижан, район Бештош, махалля Аълам-омла

Дата рождения – 1879

Национальность – узбек

Отец – чайрикер (издольщик)

Сам – грузчик на хлопковом заводе Рузюхунбая, прислуга у баев

Место жительства – город Андижан

Я был сыном чайрикера, который из-за страданий и мучений прожил недолго, оставив нас сиротами. Мое существование зависело от работы прислугой у баев. Достигнув совершеннолетия, я стал работать грузчиком на хлопковом заводе Рузюхунбая. От этого жизнь моя не стала слаще. Хозяин завода, заставлял нас работать с утра до ночи, но плата была ничтожной. Поэтому жизнь рабочих, похожих на меня, была трудной. В результате таких унижений я ушел с завода. Но не найдя подходящего места, я работал в доме у баев.

Таких бедняков как я было очень много. Мы были голодными и босяками. За день до восстания, в городе Андижане распространился слух о том, что мужчин отправляют на тыловые работы, причем отправляют только бедняков. Люди начали собираться в шумную толпу и кричать: «Или жизнь, или смерть!», «Мы не сдадимся угнетателям!». Узнав об этом, чиновники царского правительства избили многих бедняков и отправили их за решетку, после чего недовольство народа сильно возросло, и всю ночь в махаллях продолжались волнения. На следующий день несколько тысяч человек скопились на городской площади Жоми. Восставшие взяли на базаре (где продавали дрова) саксаул и длинные деревянные палки, подняв их высоко над головой, начали шуметь. В руках у людей также были камни и кирпичи.

В толпе были видны женщины и дети. Восставшие начали штурмовать площадь Жоми, атакуя солдат царского правительства, городского хокима и чиновников. Те принялись бежать, а мы преследовать их. Полицейские открыли огонь, убив одного старика. Один молодой парень был ранен в ногу, были убиты несколько повстанцев, несколько человек были арестованы.

До февральских событий 1917 года я был вынужден скрываться в различных местах».

Следует отметить несмотря на то, что спустя 40 лет, после данных событий, записанные мною воспоминания были хотя и разрозненные, но они до сих пор не потеряли научной значимости.

Представляют большой интерес рассказы и воспоминания потомков сибирских узбеков, которых я записывал 60 лет тому назад (*Приложение № 6*). В 50-годы прошлого века, я с целью изучения истории сибирских узбеков отправился в Тюмень и Тобольск, где мне удалось встретить потомков узбеков, оказавшихся там еще в XVII-XIX веках.

Воспоминания Ш. Ташкалова

ШАГДИЛЛА ТАШКАЛОВ (*Приложение № 7*)

Место рождения – Ембаевский край Бухарской волости в Тюмени

Дата рождения – 1919

Специальность – учитель английского языка

Место жительства – Ембаевский край

Я всегда интересовался историей узбеков и собирал данные у родителей и других стариков. По этим сведениям, наши предки были заселены сюда из Средней Азии, точнее из Бухары. Все они были в родстве, и во главе у них стоял аксакал.

В сравнении с местными татарами, бухарские узбеки были более обучены различным ремесленным навыкам. Развив в Сибири ремесленничество, они занимались кожевенным, кузнечным и плотничьим ремеслами. По натуре являясь трудолюбивыми и смелыми, они первыми начали развивать торговые отношения Средней Азии с Россией.

До революции 1917 г. в культурно-бытовой жизни бухарцев в Сибири сохранились многие традиции. Они одевали чапаны, длинные платья, украшенные камзолы и меховые полушубки. Женщины украшали свои длинные волосы монетками. Бухарцы получали образование в медресе Бухары и Ташкента. Я помню до сих пор, как моя бабушка, умершая в 1930 году в возрасте 76 лет, рассказывала мне сказку «Тохир и Зухра», об Абу Муслиме, о первой школе, открытой бухарцами в Сибири.

Воспоминания А. Содикова

АБДУЛЛА СОДИКОВ

Место рождения – Ембаевский край Бухарской волости в Тюмени

Дата рождения – 1892

Я, сын Мирзы Мухаммад Али и внук Мирзы Мухаммад Зарифа. Мои предки были из Бухары, во мне течет узбекская кровь. Я хочу расска-

зять о том, как и почему наши предки попали в суровую Сибирь.

В 1580 году, после завоевания Сибири, Ермак отправил царю Ивану письмо, в котором сообщалось о бухарцах, занимающихся там торговлей. Государь изволил желание встретиться с ними, во время встречи представитель бухарских купцов просил освободить их от пошлин, на что царь дал согласие. После этого приток бухарских купцов в Сибирь усилился. Они занимались торговлей. К примеру в Ембаеве подобным образом жили трое братьев: Рахматилла Карим угли Сайдуков, Нигматилла Карим угли Сайдуков и Хабибулла Карим угли Сайдуков. Нигматилло Сайдуков был крупным купцом, вел торговлю со Средней Азией, казахами и Китаем, в результате чего стал очень состоятельным человеком. Он построил у реки пристани для судов, открыл школу, всячески помогал беднякам одевал и кормил их детей.

В 1880 году, когда в Ембаеве возник пожар и сгорела половина города, он построил 150 домов и отдал народу.

Я был потомком сибирских узбеков. В детстве я получил религиозное образование. В 1924 году сохранявшиеся книги в Ембаевской мечети были увезены представителями правительства. Я участвовал в войне 1941-1945 годах и вернулся домой в 1951 году.

Воспоминания Н. Содикова

НУРИСЛОМ СОДИКОВ (Приложение № 8)

Место рождения – Новойский край Бухарской волости в Тюмени

Дата рождения – 1896

Специальность – последний председатель Бухарской волости

По некоторым данным, бухарские купцы, занимавшиеся торговлей, поселились здесь во время правления Кучумхана (вторая половина XVI века). Они поселились во многих поселках. К примеру в Ембаеве жили и имели свои земли такие роды, как Мамасайиды, Худоёры, Миришоны и другие. В Новкрае жили такие роды, как Шобобо и Мадеры. Они кроме торговли, занимались ремеслом, в частности ювелирным и кожаным промыслом, женщины занимались ковроткачеством, но сейчас это дело позабыто. Улицы и дома были построены в традиционном среднеазиатском стиле, женщины прикрывали лицо платком. Бухарцы играли большую роль в распространении исламской религии.

Я был последним председателем Бухарской волости, которая потом была ликвидирована. В 1928 году была создана коммуна «Бухор», в которой были всего 2 лошади. В 1930 году коммуна была превращена

в колхоз. Я считаю себя бухарским узбеком.

В Тюменском музее есть информация о бухарцах, также указ Петра I, касающийся их. Директор этого музея - Рассомхин, написал статью о них в местной газете.

Воспоминания М. Исмокова

МУНИР ИСХОКОВ (Приложение № 9)

Место рождения – Яланкульский край Бухарской волости в Тараде

Специальность – преподаватель

Место жительства – город Тобольск

По словам стариков, наши предки прибыли сюда из Бухары, Ургенча и Ташкента много веков назад. В настоящее время их потомки и экономически, и культурно интегрированы с коренным населением Сибири. Бухарцы проживают в городах и селах Томской, Омской, Новосибирской, Тобольской и Тюменской областей.

Они занимаются торговлей, скотоводством и земледелием. Дехкане продавали свои товары и изделия в Омске и Тараде, они выращивали такие зерновые культуры, как пшеница, ячмень и овес. В Яланкуле было много озер, поэтому там развивалось рыболовство.

Аксакалы управляли созданными бухарцами волостями. В Яланкульском крае Колосевского района Омской области в 100 домах проживают бухарцы.

В 1905 году, когда была открыта школа, учителей называли домуллой. В школах не было книг, там обучали арабскому алфавиту, писали на досках.

В Яланкуле была мечеть и имам. Здесь проводились праздники Курбан Хаит и делали жертвоприношение. Богатые люди ездили в паломничество в хадж.

Бухарцы ездили учиться в Бухару и Ургенч, (к примеру Махмуд и Мансур Шиховы и другие). Они старались познакомиться с культурой Бухары. Бухарцы свои книги издавали в Казани.

Исмоков Мунир и Амиров Саид закончили Казанский государственный педагогический институт. Амиров Саид погиб на фронте. Я работаю преподавателем татарского языка в Тобольском государственном педагогическом институте.

Через Хамида Зияева передаем родным и единокровным узбекам большой привет.

Автор этого воспоминания Мунир Исохов работал преподавателем педагогического института, его зять Ф. Валиев защитил кандидатскую диссертацию в Институте истории в Ташкенте. А его жена – София, стала кандидатом филологических наук. Оба написали научную работу о языке и истории бухарцев в Сибири.

Следует отметить, что бухарцы проживали и в других областях Тобольска, Тюмени, Тарады, Омска, Томска и Новосибирска. Они занимались земледелием, скотоводством, торговлей и рыболовством, имели свои школы и мечети, сохраняли своё вероисповедование.

Воспоминания С. Сайидовой

СОХИБЖАМОЛ САЙИДОВА (Приложение № 10)

Место рождения – город Тобольск Бухарской волости в Тараде

Дата рождения – 1896

Специальность – домохозяйка

Место жительства – Тобольский район, Медянский край

Оставшись сиротой в детстве, я находилась на попечении у брата. Мой брат был ямщиком. Как говорят старики, бухарские узбеки прибыли в Сибирь из Бухарского ханства. Среди них были богатые и бедные люди. Бухарские женщины одевались согласно своим национальным обычаям. Они ходили, закрыв лицо платком, чтобы не показывать его мужчинам. Женщины готовили такие блюда, как плов, лагман, патир (лепешка), юпка (кушанье в виде тонко раскатанного теста, испеченного в котле), вараки (слоеный пирожок с мясной начинкой, зажаренный в масле).

Вышеприведенные воспоминания и рассказы бухарских узбеков живущих в Сибири, записанные мною, позволяют изучить различные аспекты их жизни и деятельности, они дополняют ценные архивные источники, выявленные мною во время научных экспедиций в архивах России, Казахстана, Тобольска, Казани, Тюмени и др.

Следует отметить, что активные торговые связи в XVI-XVII веках Бухарского ханства с Россией привело их на территорию Сибири, где для активизации хозяйственной жизни и обеспечения товарами местного населения, царское правительство создавало им благоприятные

условия и привилегии. Несмотря на то, что среди них были и уроженцы Ташкента, Коканда, их называли бухарцами, поскольку Бухарское ханство вело наиболее активную торговлю с Сибирью.² В те давние времена было обычным давать имя людям по названию места их рождения.

В заключении следует отметить, что воспоминания, как «живой источник истории», служат непосредственной передачей информации от очевидцев прошедших событий, выявление и сохранение их является важной задачей и направлением исторической науки.

2 Х.Зиёев. Узбеки Сибири, Поволжья и Урала. Ташкент. 2003.

ИЛЬХОМ САИДОВ

*доктор исторических наук, профессор,
Самаркандский государственный университет*

ИСТОРИЯ САМАРКАНДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ ВETERАНОВ И АКСАКАЛОВ

Важные особенности изучения исторических процессов на основе устной истории состоят в том, что полученные этим способом факты и свидетельства позволяют путем сопоставления одних с другими установить их достоверность. Иначе говоря, услышав об определенном событии от нескольких людей, можно сравнить их высказывания и определить истинность этого события. Так, здесь уместно привести в качестве конкретного примера работу по собиранию и изучению хадисов пророка Мухаммада ведущим ученым-хадисоведом Имамом аль-Бухари. Этот человек глубоко анализировал хадисы, услышанные им от ученых того периода и от тех, кто занимался хадисоведением до него, или рассказанные ему сподвижниками пророка Мухаммада. Услышав хадис одинакового содержания от нескольких людей, он сравнивал, сопоставлял и, придя к конкретному заключению, записывал его. Благодаря уму и проницательности Имама аль-Бухари исламский мир получил возможность обладать таким достоянием, как сборник хадисов «Сахих хадис».

Устная история имеет огромное значение в изучении жизни известных личностей, ученых или простых людей, в подготовке о них статей или воспоминаний, потому что человек, ведущий исследование, собирает сведения и факты по избранной им теме от живых источников, т. е. путем расспросов у людей. К примеру, человек, желающий написать статью или произведение о видном ученом, может получить много интересных сведений и информации во время встреч и бесед с его близкими, родственниками, учениками и другими. В результате он имеет возможность осветить тему более широко.

Если через письменные источники можно ознакомиться с историей прошлого, то «устная история» создает почву для того, чтобы мы были хорошо осведомлены о наших современниках или о людях и событиях недавнего прошлого.

Своеобразную историю имеет и один из старейших вузов нашей страны – Самаркандский государственный университет. Созданное в двадцатых годах прошлого столетия, данное высшее учебное заведение является одним из ведущих. В канун празднования 70-летия СамГУ возникла идея создания произведения, связанного с его историей. Сформированная группа ученых изучила деятельность университета, начиная с процесса его создания и до юбилейного года. Методом устной истории была собрана уникальная информация, не зафиксированная в письменных источниках. В частности, от респондентов мы получили очень интересные факты об академиках И. Муминове, С. Умарове, У. Орипове, А. Богоуддинове, Д. Саидове, о поэтах и драматургах Уйгуне, Ойдин Собировой, о Шарафе Рашидове, о Хамиде Алимджане. Были собраны сведения о тех, кто в разные годы возглавлял университет и внес весомый вклад в создание своеобразной истории этого старейшего вуза – это А. Меркулович (1927–1929), А. Козырев (1930–1931), К. Абдуллаев (1933–1935), Х. Файзуллаев (1935–1937), Х. Худойкулов (1938), А. Валиев (1938–1941), профессор М. Муминов (1944–1954), А. Алимжонов (1954–1956), К. Зокиров (1956–1958), А. Тулаганов (1958–1963), В. Абдуллаев (1963–1970), Я. Туракулов (1970–1972), А. Атаходжаев (1972–1985), Ш. Алимов (1985–1987), М. Джуракулов (1987–1992). В целом ценная и интересная информация была собрана о сотнях людей, сумевших создать своеобразную историю университета.

Исследование на основе устной истории» отличается еще и тем, что с ее помощью раскрываются своеобразные грани той или иной личности, даются интересные сведения о характере этого человека, поведении, образе жизни, его семье, трудовой деятельности и т. д. К примеру, в автобиографии личности даются скудные сведения о дате и месте рождения, социальном происхождении, трудовой деятельности, званиях, о членах семьи. Если побеседовать об этом человеке с его коллегами, членами семьи и близкими, то можно услышать другие, более интересные и конкретные факты и размышления, касающиеся его повседневной жизни. Например, о ведущих ученых, академиках своей эпохи Вохиде Абдулло и Ботурхоне Валиходжаеве, об их научной деятельности, об уме и проницательности этих крупнейших исследователей творчества Алишера Навои, прекрасно знают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Однако они являлись не только корифеями науки. Это были обыкновенные, человеческие, добросердечные, скромные и простые люди. Эти ученые были друг для друга и наставниками, и учениками, и очень близкими друзьями. Сведения о

тончайших нюансах их взаимоотношений нельзя найти в письменных источниках. Однако, побеседовав с их учениками, соратниками и друзьями, мы смогли открыть для себя новые грани их взаимоотношений. Заново открыли их для себя.

В заключение можно сказать, что сегодня перед группой историков Самарканда стоит задача создания повседневной истории наших современников, наших коллег. Для этого мы глубже знакомимся с их жизнью и деятельностью, систематически работаем над полученной информацией, помня, что каждый минувший день – это история, которую необходимо зафиксировать для будущих исследователей.

ШОДМОН ХАИТОВ

*доктор исторических наук,
Бухарский государственный университет*

ТРАГЕДИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ОДНОГО МОЕГО СООТЕЧЕСТВЕННИКА

Шел июнь 1992 г., независимости республики Узбекистана еще не было и года. Это был период, когда я был всецело занят сбором фактического материала для большого научного исследования, связанного с историей узбекской эмиграции. Зов судьбы направил меня в город Коканд, который был когда-то столицей Кокандского ханства и который дал миру сокровищницу культуры и науки и сотни ученых, таких, как Хужанди Латиф, – Хужанд (красивый город на возвышенности).

Моей основной целью было увидеться с аксакалом махалли Нурулла-Хожи Абдуллаевым, хозяином ряда магазинов и малых предприятий, незаурядным человеком и успешным предпринимателем.

Нурулла Абдуллаев с коммерческими целями побывал в нескольких странах Востока и встретился не с одной сотней живущих там узбеков, а с некоторыми из них завязал торговые отношения. По инициативе этого открытого душой и сердцем, щедрого человека был учрежден Союз под названием «Дийдор» («Встреча»), основной целью которого был поиск в Республике Узбекистан родственников узбеков, живущих за границей, и возрождение утраченных по воле судьбы родственных связей.

Благотворительная деятельность союза «Дийдор» несколько раз освещалась и в местной печати. Нурулла-ака, передавая мне толстую папку с результатами своей благотворительной деятельности, сказал, что в Коканде проживает аксакал Ахрор Азамов, который после Второй мировой войны около 35 лет прожил за границей, многое знает и может поведать об узбекских эмигрантах.

С помощью молодых педагогов Кокандского пединститута в июне 1992 г. я выяснил местожительство Ахрара Азамова, а затем и позвонил ему. Он изъявил желание встретиться со мной у него на квартире. Дверь открылась, и меня встретил пожилой, около 80 лет, строго одетый, в галстуке, мужчина, довольно энергичный и симпатичный.

Ахрор Азамов (1915–1993), кроме узбекского языка, владел русским, английским, немецким языками. В ходе беседы он несколько раз

писал на бумаге английские и немецкие слова, требующие специального разъяснения. За время беседы, которая длилась 4 часа, я получил много интересной информации. После обработки данных состоялась еще одна беседа с респондентом. При третьей встрече (к сожалению, в это время он уже скончался) его дети и внуки, в соответствии с завещанием Ахрора Азамова, передали мне его личный архив с письменными и фотодокументами.

До призыва в армию он учительствовал и работал директором школы. В 1935 г. в связи с появлением нового закона «О всеобщей воинской обязанности» был призван на службу. *«Меня забрали в армию даже без частичного овладения военными навыками и соответствующей подготовки». В феврале 1940 г. начавший военную службу, я уже был на передовой в Бессарабии. Известно, что в сентябре 1939 г. войска Советского Союза оккупировали Бессарабию – часть Румынии. С первых же дней службы я был свидетелем пренебрежительного отношения части командиров к представителям среднеазиатских народов. Они говорили: «Вы нация, не способная вести войну», «второсортная нация», Недоверие было настолько велико, что к современному вооружению нас близко не подпускали.*

Народ в Бессарабии встречал нас хлебом-солью, продуктами и с великой радостью».

Внезапно начавшееся вторжение немецко-фашистских войск привело к тому, что в 1941–1942 гг. миллионы советских солдат попали в плен. В их числе оказался и Ахрор Азамов. Для него пережитое в плену было большой трагедией. Ахрор Азамов рассказывал с болью в сердце и сожалением: *«В фашистском лагере мы пережили такие нечеловеческие муки и страдания, что глаза и уши вянут. Житомир, Трир, Варшава – это города, в концлагерях которых я бывал. В первые же дни плена фашисты собрали нас вместе, вывели из наших рядов евреев и прямо у нас на глазах расстреляли их всех. Затем отдельно отобрали офицеров. Несколько раз фашисты приняли пленных туркестанцев за евреев (по длинному носу. – Ш.Х.) и хотели их расстрелять, но мы дали свидетельства их мусульманства, и тем самым они остались живы. Отношение фашистов к пленным было как к животным. Военнопленные спали в палатках на деревянных нарах в 2–3 этажа без всякого соблюдения норм санитарии и гигиены. Легко одетые в трескучий мороз, полуголодные и обессиленные, мы вставали рано утром, а многие замерзли, наши души уходили в мир иной навсегда. Живые ташили мертвых на тачках по 2–3 тела, клали в яму. В некоторых случаях крысы съедали*

глаза, уши, носы мертвецов. И это я видел своими глазами, и становилось невыносимо страшно от понимания того, что и с нами может произойти то же самое, и мы впадали в панику. Меж собою, еле шевеля губами, мы молили бога, чтобы получить кусочек хлеба или картошку или хоть немного теплой воды на худой конец. С декабря 1941 г. по май 1942 г. почти 500 тысяч военнопленных погибло в тех лагерях, где нас содержали. Я видел своими глазами, как через груды лежащих на земле мертвецов ездили фашистские танки, военная техника. Я видел, как скрежетали колеса этой фашистской техники, а меж колесами застревали куски человеческого мяса. В таких случаях нас заставляли очищать цепи военной техники от таких остатков. Такое безжалостное отношение было особенно сильно к советским пленным. Перевод из одного концлагеря в другой представлял собой до ужаса адский процесс, который трудно себе представить. В основном состоявшие из членов Гитлерюгенда мотоциклетные отряды сопровождали нас с обеих сторон с собаками. Ослабленных или тяжелобольных пленных мы ташили на своих спинах, плечах, хотя сами были почти в таком же состоянии. В условиях сильного мороза, густого снега и пронизывающего ветра не все, к сожалению, могли продолжать идти в определенном направлении бесконечного, как нам казалось, пути. Обессиленных военнопленных расстреливали. Мне никогда не забыть тот момент, когда у меня на глазах один из охранников вырвал сердце у истощенного и оставшегося без сил, но живого еще пленного и бросил его своей овчарке».

«Почему по отношению к советским пленным было такое бесчеловечное отношение? Ведь, согласно письменным источникам тех времен, отношение фашистов к французам, англичанам, голландцам, даже к арабам и индийцам было гораздо мягче и гуманнее», – спросил я у Ахрора-ака.

«Это связано со многими факторами. «Отец народов» И.В. Сталин в августе 1941 г. издал указ под номером 270. В соответствии с этим документом все попавшие в фашистский плен исключались из состава граждан Советского Союза, а их семьи в качестве врагов народа лишались государственной помощи. Вот и подумайте сами – ведь мы автоматически превращались в ненужных людей для своего же государства?! Это все равно, что отречение родителей от своего ребенка. А если твой ребенок не нужен тебе, то и другим он не нужен. Позднее И.В. Сталин в своем интервью председателю Международного Красного Креста госпоже Бернадот (весной 1943 г. – Ш.Х.) в качестве ответа на ее вопрос «Какова будет судьба военнопленных?» ответил: «Совет-

ский человек не может попасть в плен, а если попадет, то будет стёрт из состава советского общества». Это интервью было передано нам на нескольких иностранных языках. У нас не было и не могло быть отчизны». «Справедливости ради надо признать, что иногда военнопленные других государств проявляли определенную мягкость и сострадание по отношению к пленным туркестанцам, и мы получали консервы, хлеб, махорку. Видел я и советских пленных относительно здоровых – они возили еду в концлагеря, где содержались военнопленные других государств. Военнопленным выдавалось 300–350 грамм хлеба ежедневно. После того как меня перевели в военный лагерь Миттенвальд (это было в 1943 г. – Ш.Х.), я стал возить еду и дрова на тележке пленным англичанам и французам. А иногда мне приказывали выполнять работу с лопатой и киркой в руках»

«Война завершилась, но советских военнопленных не покидал страх за свою судьбу, и они прятались кто где мог. Из почти 6.000.000 советских людей, попавших в плен, в живых осталось только всего-то 1,5 млн. Мы прятались от «ловцов на людей» в Миттенвальде, Бухенвальде, Мюнхене в Баварии, где были расположены лагеря беженцев. Попавшие в руки таких «ловцов» должны были быть возвращены (репатриированы) в СССР в соответствии с договором со странами-союзниками. Отправленных силой на родину в СССР ждала верная смерть или ссылка в Сибирь сроком не менее чем на 15–20 лет. Именно поэтому, хотя я и не состоял в «Туркестанском легионе» или спецотрядах фашистских войск, я не осмелился вернуться на Родину. Я не мог этого сделать еще и потому, что на таких, как я, военнопленных вешали ярлык «предателя», «изменника родины». И, тем не менее, я ни на миг не забывал о своей родине. Почти 35 лет (1941–1973 гг.) я скитался по Германии и США, испытывал мучения эмигранта, все это время я лелеял мечту о возвращении на отчизну, и это было моей заветной мечтой, которая помогала мне, подпитывала меня стойкостью и упорством. Когда я ступил на землю родного Узбекистана – это был самый счастливый день в моей жизни. Именно с этого момента с моих плеч свалился груз всех трагических событий моей судьбы».

В результате интервьюирования респондента было получено много интересных материалов, не отраженных в письменных источниках. Для того чтобы всесторонне разобраться в исторических событиях прошлого, беседы с живыми свидетелями истории предоставляют ценнейший материал. Именно поэтому значимость устной истории как источника научного исследования невозможно переоценить.

НОДИРА МУСТАФАЕВА

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
nodiramus69@mail.ru

ТАШКЕНТ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОСПОМИНАНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ТЫЛУ¹

История повседневности ориентирует исследователя на воспроизведение всего многообразия личного опыта и форм самостоятельного поведения людей. И в этом смысле воссоздание материально-бытовых аспектов повседневной жизни людей представляет особый интерес. Изучение жизни людей в тылу во всех ее проявлениях в годы Второй мировой войны еще мало рассматривается сквозь призму истории повседневности. Еще меньше оно рассматривалось в сочетании различных источников: устных и письменных.²

Война лишила миллионы людей крова. С первых же месяцев войны в Узбекистан стали прибывать эвакуированные предприятия, военные и гражданские учебные заведения. Вместе с ними эвакуировались люди, основная масса которых оседала в городах республики. Ташкент стал во время войны городом еще более многонациональным. Вместе с тем приток в республику повлек скученность населения в городах, ухудшение быта, обострение жилищной проблемы. Власти и жители республики проводили значительную работу по размещению и благоустройству эвакуированных людей.

Так, Постановление СНК Узбекистана от 11.11.1941 г. «Об уста-

1 Статья подготовлена на основе доклада, представленного автором на V Летней школе молодых историков стран СНГ «Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы)». 14–23 июня, 2010 г. Институт НАН Белоруссии, Минск.

2 Безусловно, при изучении истории повседневности значимую роль играют устные рассказы людей, того «молчаливого большинства», которое почти не представлено в письменных источниках. Однако устная информация, полученная от респондента, обязательно должна перепроверяться и сопоставляться с опубликованными источниками с целью повышения качества исследуемых материалов. В данной статье я опираюсь на письменные материалы, однако, на мой взгляд, они хорошо дополняют материал моих коллег – «устных историков», представленных в данном сборнике.

новлении на время войны нормы жилой площади в городах Узбекской ССР» и «Об обеспечении жилплощадью эвакуированного населения»³ устанавливали норму жилплощади в размере 4 кв. м на чел. и дополнительной жилой площади – до 6 кв. м – по особому перечню должностей (до войны норма жилплощади на человека в республике составляла 9,1 кв. м). Были представлены типовые проекты жилых бараков, на строительство которых Госплан республики обеспечивал снабжение кирпичом, гвоздями, стеклом и пр. Однако размещение прибывших людей не носило характер лишь указаний «сверху», – тысячи жителей Ташкента и других городов предложили свой кров эвакуированным. Большинство переживших эвакуацию с теплотой вспоминают о жителях Ташкента: «Мы жили с подругой в узбекской семье, – вспоминает рабочая ТАПО-иЧ Елена Ефимова. – Нас, шестнадцатилетних тогда девчонок, в семье любили. Как не было им трудно, а добрые сердца хозяина и хозяйки находили для нас и плов, и маставу, и кусочек лепешки».⁴

Символичен фрагмент из романа К. Симонова «Живые и мертвые», повествующий о 1943 г.: «...в один из вечеров лежали на этой площади (привокзальная площадь Ташкента. – Н.М.) вповалку несколько тысяч улегшихся ночевать эвакуированных, а к утру из этих тысяч под открытым небом не осталось ни одного: хорошо или худо, а всех взяли под крыши».

Или признание одного из персонажей этого романа Малинина: «Я русский человек, и если при мне нашего брата заденут, могу и по шее дать! Но как здесь (в Узбекистане. – Н.М.) людей под крышу принимают и как детишек в семье берут, – тому при нашей русской широте не грех поучиться»⁵ – показывает, насколько широкий характер приобрела деятельность местного населения по оказанию помощи эвакуированным.

В годы войны произошли значительные изменения в сознании местного населения. Для жителей Ташкента и других городов Узбекистана война перестала быть чем-то отдаленным, она все больше стала рассматриваться как часть общей беды. Возможно, впервые с момента образования СССР в сознании местного населения появилось ощущение принадлежности к единому социальному пространству.

Особенно большое внимание уделялось детям (в Узбекистан с

3 Собрание постановлений и распоряжений УзССР. 1941, № 11. С. 130, 55.

4 Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны. Том 1. Т., 1981. С. 117.

5 Симонов К. Живые и мертвые. Роман в 3-х кн. Кн 2-я: Солдатами не рождаются. М., 1989. С. 407.

1.10.1941 г. по 1.10.1942 г. прибыло около 220.000 детей и подростков. – Н.М.). В октябре 1941 г. в Ташкенте при Наркомпросе был организован Центральный детский приемник-распределитель.⁶ Были созданы также областные, городские, районные комиссии для устройства прибывших детей. Только в город Ташкент было эвакуировано 21 тыс. детдомовцев из прифронтовой полосы, на основе которых было сформировано 47 детдомов.⁷

А.П. Хлебушкина, заведовавшая в годы войны детдомом № 22 в г. Ташкенте, принимавшем непосредственное участие в приеме эвакуированных детей из Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Севастополя, Минска, Одессы и других городов, впоследствии писала: «...это были жертвы фашизма: бескровные, тощие, с ранами на теле. Многие из них совсем слабые, у них не хватало сил даже плакать и говорить, и они только стонали. Война, ужасы бомбежек, голод, сложности эвакуации сломили детский организм, но люди встали на защиту детей... Трудно жилось первым воспитанникам детдома: не хватало кроватей, одеял, одежды, питания и др.».⁸

В повседневной истории узбекистанцев особое место занимали дети. Боль и страдания эвакуированных детей не могли оставить равнодушными местных жителей, особенно женщин. 2 января 1942 года в Ташкенте состоялось общее собрание женщин, его участницы обратились ко всем жителям республики шире развернуть движение за оказание общественной помощи эвакуированным детям.⁹ Выступившая на митинге Бахри Шамахмудова сказала: «Мы не дадим в обиду детей... Я взяла на воспитание пять детей. В моей семье воспитываются русские, белорус, украинец, татарка...».¹⁰ Впоследствии Шамахмудовы, кроме указанных пяти, усыновили еще девять детей разных национальностей. Движение по усыновлению осиротевших детей и оказанию им всесторонней помощи приняло поистине всенародный размах. Только в январе 1942 года после опубликования обращения женщин Ташкента 643 семьи и 69 коллективов республики взяли на воспитание около 2 тыс. эвакуированных детей и собрали для них 30 тыс. единиц теплых

6 Ефимов В.И. Патриотический подвиг трудящихся Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Т., 1972. С. 128.

7 Хлебушкина А.П. Роль узбекского народа в воспитании детей-сирот в годы войны // Исторический вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Т., 1996. С. 38.

8 Там же.

9 Правда Востока. 3 января 1942 г.

10 Голованов А.А., Саидов И.М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Ч. 2. Самарканд, 2006. С. 76.

вешей.¹¹

Наиболее полным выражением чувств жителей Узбекистана по отношению к детям-сиротам можно считать стихотворение Гафура Гуляма «Ты не сирота», опубликованное 1 февраля 1942 года в газете «Кызыл Узбекистон» и вскоре в переводе Светланы Сомовой в газете «Правда». Это стихотворение было написано за одну ночь, но сразу после публикации обрело всенародную известность.

«Разве ты сирота? Успокойся, родной!

Словно доброе солнце, склонясь над тобой,

Материнской, глубокой любовью полна,

Бережет твоё сердце большая страна.

Здесь ты дома, здесь я стерегу твой покой,

Спи, кусочек души моей, маленький мой!»¹²

Особое отношение было к эвакуированным из блокадного Ленинграда. Вот выдержки из воспоминаний Светланы Сомовой об Анне Ахматовой, которая в годы войны жила в Ташкенте: «Базар жил своей жизнью – чмокали верблюды, роняя слюну на оранжевые дыни, выглядывали из-под паранджи смуглые женские лица, какой-то старик в чалме разрезал красный гранат, и с его желтых пальцев капал красный гранатовый сок. К Ахматовой прислонился оборванный мальчонка с бритвой, хотел разрезать карман. Я схватила его за руку, прошептала: «Что ты? Это ленинградка, голодная». Он хмыкнул. А потом снова попался навстречу нам. Привязался, надо бы сдать его в милицию. Но он протянул Ахматовой румяный пирожок в грязной тряпке: «Ешь». И исчез. «Неужели съесть?» – спросила она. »Конечно, ведь он его для вас украл...» Кажется, никогда не забуду этот бесценный пирожок, бесценный дар базарного воришки».¹³

Люди жили в невероятно тяжелых условиях. Из магазинов вскоре исчезли товары широкого потребления. Рыночные цены на многие продукты выросли в несколько раз. Нехватка продовольствия вызвала его жесткое нормирование.

Карточки выдавались гражданам на месяц и в случае утраты не восстанавливались. Утеря карточек влекла за собой месяц тяжелейших испытаний для их владельца и членов его семьи. В таких условиях люди были вынуждены искать иные способы прокормить себя и своих близ-

11 Ефимов В.И. Патриотический подвиг трудящихся Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Т., 1972. С. 129.

12 Гафур Гулям. Избранные произведения. Т. 1. Т., 1983. С. 54.

13 <http://www.akhmatova.org/articles/somova.htm>

ких. С. Сомова, попавшая в подобную ситуацию, описывала эти события следующим образом: «Как-то пошла я на Алайский базар продавать какую-то тряпку (у меня украли хлебные карточки, и дети голодали без хлеба), и Ахматова почему-то пошла со мной. Базар благоухал вкусными запахами, поражал пестротой и изобилием фруктов, тут были горы золотистых дынь, медовых слив, синих баклажан, и над всем этим стоял заставляющий облизываться запах жареной самсы (собственно, печеной, а не жареной) – это были оранжевые пирожки с мясом, луком и бараньим салом, вкусноты невероятной. А с двух сторон стояли люди, держащие на руках вещи, которые продавали. Стоять среди них с куском сатина, да еще при Ахматовой, было невозможно. Я сунула этот сатин в руки какому-то узбеку и купила за четыреста рублей кило черного хлеба».¹⁴

Следует отметить, что в Средней Азии и, в частности, в Узбекистане, отсутствовала четкая дифференциация между городом и деревней, как это было, например, в Европе и в России. Город здесь был и продолжал оставаться в описываемое время частью деревни. Достаточно прочными оставались также родственные связи горожан со своими родными и близкими в кишлаках. Последние регулярно поддерживали своих городских родственников, высылая им различные продукты питания. Большинство из опрошенных нами респондентов, бывших в описываемое время детьми, отвечали отрицательно на вопрос «Помните ли Вы продолжительное чувство голода в те годы?». Можно предположить, что приведенные выше факторы позволяли населению Ташкента и других городов Узбекистана выжить в дни тяжелых испытаний и лишений периода Второй мировой войны. Конечно, получаемые горожанами из провинции продукты равномерно делились и между эвакуированным населением как на официальном, так и на бытовом уровне. Весьма символичны в этом отношении слова одного из героев уже процитированного романа К. Симонова: «Ну все же им легче: братья, зятья в кишлаках. Хоть понемногу, да привезут. И у них, конечно, не густо. К своим четверым еще двух чужих взять – это по военному времени надо золотую душу иметь. И нам еще с Серафимой, как им из кишлака чего привезут, все старается гостинцев сунуть».¹⁵

Эвакуированные предприятия и заводы Ташкента снабжались продуктами питания колхозами из всех областей Узбекистана. Корней Чуковский был потрясен щедростью узбекского народа и назвал это

14 <http://www.akhmatova.org/articles/somova.htm>

15 Симонов К. Живые и мертвые... С. 377.

дружбой деревни и города.¹⁶

Одной из реалий военной повседневности являлось воровство продуктов питания. Некоторых людей толкал на преступления голод и хронический недостаток продовольствия, в иных условиях эти люди вряд ли пошли бы на нарушение закона. Наш респондент Лутпи Гулямова, 1936 г. р., описывает следующий случай в ее жизни: «У соседей жили эвакуированная семья, и с их дочкой Зиной я дружила. Брат ее – Миша учился в каком-то училище. Хотя я была тогда маленькой девочкой, лет 9, но уже присматривала за своими маленькими сестрами. Как-то раз, заигравшись на улице, я оставила без присмотра дом, и когда мама вернулась с базара, на кухне пропали полмешка муки, кувшин масла, банка риса, а на очаге оказался пустым казан с только что приготовленной едой. Мама долго плакала и сердилась на меня. Когда рассказывала отцу, не скрывала своего удивления: «Интересный вор, зашел даже покушал». Через 2–3 года, когда война уже закончилась и жизнь постепенно стала налаживаться, Зина призналась, что ее брат Миша сделал это...». ¹⁷

Пребывание в годы войны в Ташкенте и других городах Узбекистана тысяч эвакуированных из различных регионов России, Украины, Белоруссии и др. оказало значительное влияние на жизнь города, его внешний облик, на мировоззрение и бытовую жизнь горожан. Однако нам представляется, что пребывание в Ташкенте оставило заметный след и в жизни и миропонимании самих эвакуированных, наполнило их сердца любовью и благодарностью к узбекистанцам.

Не случайно известный белорусский поэт Якуб Колас, покидая Ташкент, писал:

«В тяжелый час войны суровой
Ты дал приют и мне.
С узбеком мы слагали слово
И песню о войне
И меч один мы с ним ковали
На злобный вражий стан,
Ты обогрел меня в печали, мой брат Узбекистан».¹⁸

В своих воспоминаниях Анна Ахматова отмечала: «В те жестокие

16 Чуковский К. Фундамент победы (16 апреля 1943 г.) // От Советского Информбюро... 1941–1945. Публицистика и очерки военных лет. В 2-х т. Т. 2. М., 1984. С. 49–51.

17 Из личных бесед автора.

18 Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. Т., 1983. С. 175.

годы в Узбекистане можно было встретить представителей едва ли не всех национальностей нашей страны. На одном заводе или на одной съемочной площадке вместе работали русские и белорусы, молдаване и украинцы, поляки и узбеки, литовцы и греки, курды и болгары. А сколько детей-сирот из захваченных немцами республик обрели своих новых родителей в Средней Азии! В Узбекистане, например, и без того многодетные семьи усыновляли, удочеряли русских, белорусских, украинских, молдавских, польских, греческих сирот, давали приют беженцам, делились с ними последним куском хлеба, сахара, последней пиалой плова или молока. Хочется верить, что этого никто никогда не забудет...».¹⁹

¹⁹ <http://www.akhmatova.org>

ЗУХРА АБДУРАХМАНОВА

журналист,

газета «Знамя труда» (г. Коканд)

zuhra50@rambler.ru

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ...

(ИЗ ОПЫТА ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ ПО СБОРУ И ОСВЕЩЕНИЮ УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ)

Городская общественно-политическая газета «Знамя труда» издается в Коканде с 1917 года. Это единственное в городе периодическое издание на русском языке, и для многих кокандцев, особенно людей старшего и среднего возраста, она является своеобразным «узлом связи» с земляками, не только информирует о жизни города, но и является моральной поддержкой для них.

«Знамя труда» ведет летопись родного города, а ее герои – это простые люди с их повседневными проблемами и радостями. Газета всегда жила для читателя, прислушивалась к нему, помогала решать наболевшие вопросы.

Освещать темы, близкие людям, – главный принцип газеты. Одной из таких тем является тема Второй мировой войны в судьбе Коканда и кокандцев. Стремясь полнее раскрыть ее, газета тесно сотрудничает с городским краеведческим музеем, фондами «Нуроний» и «Махалля», учебными заведениями.

Собирая материал для газеты, журналист близко знакомится с людьми. Его задача – «разговорить» своего героя. Устные истории людей о пережитом становятся богатейшим источником информации, пропитанной индивидуальной аурой рассказчика.

Так было в случае с Владимиром Николаевичем Зубковым. (*Приложение № 11*). В составе мотострелковой бригады 31-го танкового корпуса он участвовал в крупнейших сражениях за Правобережную Украину, в Львовско-Сандомирской и Карпатско-Дуклинской операциях, в боях на территории Германии. 9 мая встретил в Праге. После войны окончил военное училище, вернулся в Коканд в 1957 году. Работал в горкоме партии, горисполкоме, учительствовал. Был членом городского совета ветеранов и по долгу службы сотрудничал с нашей газетой.

Его воспоминания о войне полны юмора. Сам он называет их так:
«И СМЕХ, И ГРЕХ, ИЛИ МАЛЕНЬКИЕ СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ»

Владимир Николаевич, вспоминая о войне, говорит: *«Война – это нечеловеческая усталость, боль и кровь, грязные, сырые окопы... Но человек не может быть в постоянном напряжении, даже на войне у солдата были минуты веселья и радости.»*

«БЕРЛИН И УКРАИНСКИЙ “ГАК”»

На Украине на вопрос путника, далеко ли до такого-то села, обычно отвечают: *«Да километр с гаком».* Идешь километр, да еще и «гак» километров 5–10. Зная об этом, один наш солдат спросил у старой украинки (это было под Киевом): *«Бабуся, а далеко отсюда до Берлина?»* Она не задумываясь ответила: *«Да километр с гаком».* Солдаты дружно расхохотались, настроение улучшилось, хотя до Берлина было еще ох как далеко...

«ФОККЕ-ВУЛЬФЫ И СТРАУС В ПОЛЕ»

Прибыл в нашу роту молодой необстрелянный солдат по фамилии Мудрик. Идем в пешем строю по дороге где-то в Польше, вдруг налетели немецкие самолеты «Фокке-Вульф» и стали нас бомбить и обстреливать. После обстрела мы недосчитались солдата Мудрика: убит, ранен – неизвестно. Стали искать его, и вдруг видим – посреди поля наш Мудрик: спрятал голову меж колен и стоит. Ну прямо страус с такими же длинными ногами, только голова спрятана от страха не в песок, а между колен. Свою странную позу он объяснил так: *«Сильно испугался самолетов, а обмундирование новое, не ложиться же в грязь, жалко форму».*

«“ШТАДТЫ”, “БУРГИ” И СТАРШИНА»

«В Германии название большинства населенных пунктов оканчивается на “штадт” или “бург”. Случалось, что мы путались и вместо одного “штадта” или “бурга” попадали в другой. Так случилось с одним ротным старшиной, который вез обед своим солдатам на полевой кухне, увешанной кастрюлями, котелками, ведрами. Еда доваривалась на ходу, и из печной трубы валил дым. Именно так наш старшина – с двумя солдатами, ночью на полной скорости – въехал в похожий по названию населенный пункт, еще занятый немцами. Въехал с таким шумом и грохотом, с дымом и искрами от печки, что противник, приняв нашу солдатскую кухню за новую боевую технику, в панике бежал из села.»

А когда на рассвете рота в боевом строю подошла к селу, то вместо немцев навстречу им вышел ротный старшина с готовым обедом. Так нечаянно старшина со своей кухней “взяли” населенный пункт».

Кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Славы III степени Владимир Николаевич Зубков встретил 9 мая в Праге. Здесь он сфотографировался на память со своим другом Яковом Курдюмовым из Курска. Фото это фронтовик хранит в семейном альбоме. Оно напоминает о том пути, который они прошли вместе до конца войны, оставшись живыми, несмотря ни на что. Фронтовик убежден, что благодаря своему другу остался жив. В канун 60-летия Великой Победы ветеран счел своим долгом рассказать о солдатской дружбе, боевой выручке и роли бывалых солдат, помогавших необстрелянным бойцам осваивать искусство выживать, чтобы победить.

«На войне молодые солдаты всерьез тянулись к бывалым, обстрелянным бойцам, интуитивно чувствуя, что они помогут, выручат, покажут пример, вселят уверенность в трудную минуту.

В 43-м, когда я пошел на фронт, мне было 18, моему товарищу по оружию Якову Курдюмову – 35, и воевал он с начала войны. Мы оба были минометчиками 82-мм миномета.

Хорошо помню свое первое боевое крещение. Передовая. Стоит непрерывный орудийный гул, свистят пули, разрываются снаряды. Я не высовываю носа из окопа. А Яков, посмеиваясь и глядя на меня, спокойно сидел на бруствере или, улучив момент, бежал к другому расчету.

Такое поведение – бесстрашное, а моментами безрассудное – удивляло. “Тебя же в любой момент могут шлепнуть!”, – предостерегающе говорил я ему. На что Яков с легкой насмешкой, наставляюще, начинал свои уроки солдатской мудрости.

– Снаряд летит, свистит, а ты тут же ныряешь в окоп. Зачем? Он ведь уже пролетел. Ты же грамотный. С какой скоростью летит снаряд? Я бодро отвечаю: 600–900 м/сек.

– А какова скорость звука? Говорю: 330 м/сек. Значит, снаряд давно уже пролетел, а звук только до тебя дошел.

– Понял? Говорю: “Понял”.

– А вот когда ты услышишь шелестящий звук, вот тогда не прыгай, а ныряй в окоп пока не поздно. Понял?

– Если ты в обороне, – продолжал урок мой старший товарищ, – не ленись и быстро рой окоп, каким бы ты ни был уставшим. Не обращай внимания на кровавые мозоли. Они заживут. Помни, что окоп – твоя

крепость.

– Ну, а если удастся сделать какой-нибудь накат – то это уже твой ДОТ. Учись стрелять метко, поражать врага с первого раза, если нет, то он поразит тебя.

Яков не только давал советы, но и учил правильно воевать личным примером.

Все делал спокойно, не метался, когда была атака или обстрел, не паниковал в минуты опасности. С ним было спокойно, я ему верил, точно выполнял указания. И не раз они меня от смерти спасали.

У каждого на войне были старшие товарищи, такие, как Я. Курдюмов для меня. У меня осталась только память о нем и его маленькая фотография, которую я храню как самую дорогую реликвию».

Владимир Николаевич Зубков умер в 2008 году, в своем родном Коканде, в возрасте 83 лет.

В 2005 году в период подготовки к 60-летию Победы во Второй мировой войне рассказы о тех днях пополнились воспоминаниями врача Евгении Даниловны Авакумовой (Приложение № 12), которая с 1943 по 1948 год заведовала I отделением госпиталя для военнопленных в Коканде.

«Госпиталь для военнопленных находился в Коканде в здании нынешнего пединститута. В нем числились военнопленные из Германии, Румынии, Италии, Австрии, Японии. Начальником госпиталя был майор медицинской службы Александр Львович Орлов. Я заведовала первым отделением. Вторым – М. И. Апросова. В госпитале работали и другие врачи, которые позже пользовались уважением всего города: К. Н. Бурцева, А. И. Шапиров, И. В. Федотова, Л. Землякова, Р. М. Лысенко, Н. Бруевич. Среди них были и эвакуированные медики из других городов.

Больные военнопленные поступали чаще всего с диагнозом дистрофия и туберкулез и нуждались в усиленном питании и уходе. Медперсоналом госпиталя делалось все, чтобы быстрее поставить их на ноги. И надо сказать, что пленные были очень благодарны.

Вообще атмосфера в госпитале была дружеская, благожелательная. Один из пленных, итальянец, был врачом и участвовал во врачебных обходах и даже операциях.

Пожилой пленный японец очень сдружился с сыном начальника госпиталя и от всего сердца привязался к ребенку, гулял с ним, мастерил разные поделки, а однажды произошло следующее: мальчик упал в хауз и стал тонуть, и именно японец первым бросился в воду и спас

малыша, долго обнимал его и плакал. На родине, в Японии, его жена умерла при родах, а единственный сын погиб.

Пленные находились в госпитале подолгу, поневоле привыкали друг к другу и медперсоналу. Чтобы скрасить свое пребывание на чужбине, многие старались занять себя любимым делом: мастерили всевозможные поделки – игрушки, шкатулки, елочные украшения, рисовали, пели свои народные песни. Начальник госпиталя А. Л. Орлов снабжал своих подопечных бумагой, красками, карандашами, обрезками картона, фанеры и досок. Помимо поделок они выполняли посильную работу: сапожничали, помогали в стирке, уборке помещений, чистота в госпитале была идеальная.

Из числа выздоравливающих больных была создана строительная бригада, которая ремонтировала здание госпиталя, участвовала в строительстве стадиона “Буревестник”, туберкулезной больницы, цехов тукового завода (ныне суперфосфатный завод) и др.

В августе 1945 года в Фергане был сформирован эшелон для отправки военнопленных в Германию. Я была в числе сопровождающих. Пунктом назначения был Франкфурт-на-Одере; поименно передали мы своих подопечных местным немецким властям с рук на руки.

Нас поблагодарили за их хорошее состояние.

В 1948 году, перед расформированием госпиталя, я увольнялась и сделала последний обход, попрощалась со всеми больными. В конце дня все больные выстроились в колонну, а старший из них, как умел, по-русски высказал мне благодарность».

После войны Евгения Даниловна Авакумова много лет продолжала работать врачом, поколения кокандцев помнят ее как высококлассного специалиста и замечательного человека. Она умерла в 2006 году.

В начале 2010 года газета «Знамя труда» обратилась к своим читателям с призывом, в котором есть такие слова: «Уходит поколение людей, в которых сосредоточены наше достоинство, наша совесть, наша память. Только они могут рассказать, как отстояли Родину, свободу, жизнь следующих поколений. Обращаясь к дорогим ветеранам, к их детям и внукам, ко всем, кто помнит те «сороковые, роковые», редакция газеты «Знамя труда» призывает: вспоминайте, рассказывайте, пишите обо всем, что помните. Мы с радостью сделаем ваши воспоминания нашим общим достоянием, потому что ваша Память, ваш подвиг священны и дороги всем нам!». Первой откликнулась Мария Петровна Маюшкина (Приложение № 13), ветеран войны и труда, инвалид I группы. Сестра милосердия по профессии и по призванию, 85-летняя

Мария Петровна до сих пор помогает соседям и знакомым. К ней они идут, если заболел ребенок или надо сделать уколы... Ее воспоминания мы даем в приложении для читателей газеты.

Фронтная «сестричка»

«Наша семья переселилась в Коканд в 1927 году из Саратовской области. 30-е годы в Узбекистане, как и везде, были голодными; семья немного вздохнула, когда отец устроился работать на железную дорогу проводником, а затем стал армейским интендантом. Незадолго до войны отец отвез нас к своим родителям в деревню под Саратов. Началась война, отца призвали в армию. В городе Татишево формировались армейские части, и он стал там служить. Я прошла 3-месячные медицинские курсы в г. Ртишево и тайком от деда и матери, вместе с подружками, бегала в военкомат, просилась на фронт. Решили пробираться на фронт сами. Сказано – сделано.

На узловой станции Ртишево, где останавливались эшелоны, идущие на запад, мы и забрались – ехали в теплушке, заставленной огромными котлами. Обнаружили нас уже под Тулой, где поезд попал под бомбежку.

Как сейчас помню: идут два эшелона, один с детьми и женщинами, едущими в эвакуацию, с другой – госпиталь, где мы ехали на фронт, тревожно гудят паровозы, а в небе 6 немецких самолетов, попеременно пикирующих на эшелоны... Люди прыгают с поезда, бегут в поле, мечется женщина с двумя маленькими детьми... Многие погибли в поле, а поезд пошел дальше на передовую, за ранеными...

А дальше был 1943 год, Курск... госпиталь разместился в уцелевшей после бомбежки школе, сюда поступали раненые, молодые ребята, танкисты, горевшие в своих танках. Круглосуточно проводились операции. За операционными столами – хирурги, студенты последних курсов мединститутков, призванные на фронт, а подсказывают им старые опытные хирурги».

Мария не знает, конечно, скольким раненым обработала раны, перебинтовала, скольких напоила, успокоила и поддержала. Знает только, что на войне «сестричка», как ласково называли раненые медсестру, самый близкий и нужный человек.

Со смехом вспоминает Мария Петровна, как во время бомбежки прятали раненых под кровати, верили, что это может спасти, если бомба попала в крышу здания...

После Курской битвы Мария Петровна была награждена медалью

«За отвагу»...

Помнит фронтовая медсестра, как госпиталь принимал раненых в Орле, Харькове, Виннице, Львове, помнит страшную бомбежку на станции Дарница под Киевом. Здесь на берегу Днепра на узловой станции скопились техника, люди, конная дивизия. Озверевшие фашисты не жалели снарядов, стремясь отстоять занятый ими Киев.

Потом была Польша – Сандомир, Краков, Перемышль, – и здесь были тяжелейшие сражения, но поддерживала мысль, что врага погна-ли с родной земли. Потом *«мы пошли-поехали по немецкой земле. За-кончила войну в Дрездене на Эльбе, потом меня отправили в Чехосло-вакию, а оттуда домой, на родину. В 1946 году вернулся с войны отец, раненый и больной. Семья опять приехала в Коканд. Я пошла работать в поликлинику при железной дороге, оттуда перешла на маслозавод и проработала там до выхода на пенсию»*.

Отец Марии Петровны работал на железной дороге, но так и не пришел в себя после фронтовых ранений и умер в 1950 году в возрасте 45 лет.

Сегодня Мария Петровна Маюшкина на заслуженном отдыхе. *«В коллективе масложиркомбината трудились сотни участников Второй мировой войны, сейчас нас только трое: я, Аббос Ахмедов да Ким Панов. Комбинат обеспечил нам 20% надбавку к пенсии и еженедельно выделяет молоко»*.

Мария Петровна – председатель женсовета фонда «Нуроний» и ма-халли № 51, где сейчас проживает. До сих пор она помогает людям в трудных жизненных ситуациях. Душой болеет за ветеранов Второй ми-ровой. *«Нас в Коканде осталось 83 человека», – все мы в неоплатном долгу перед этими людьми*. Это действительно так.

Поддерживая связи с участниками Второй мировой войны, исполь-зуя их богатый жизненный опыт, их живую память о войне, газета име-ет возможность сделать газетные публикации более эмоциональными и близкими читателю. Живая память ветеранов служит также мощным средством воспитания патриотизма молодежи.

ХАСАН БАБАДЖАНОВ

Институт истории АН Узбекистана
bhasanb@inbox.ru

ТРИ СУДЬБЫ В ОДНОЙ ВОЙНЕ

(роль устной истории при изучении Второй мировой войны)

22 **И**юня 1941 года Гитлеровская Германия внезапно атаковала СССР. Началась война, принеся тяжелые испытания для народов Советского Союза, в том числе и для Узбекистана. Автор, в процессе исследования Второй мировой войны, наряду с архивными источниками использует устные материалы, часть которых представляет в данной статье. Это фрагменты интервью с тремя респондентами, которые на себе испытали все ужасы войны.

Салихова Раиса Каримовна, Саидакбаров Саиданвар, Блюм Клавдия Иосифовна. Три представителя разных народов, но с похожей судьбой. Все они живут в одной махалле, расположенной на окраине Ташкента, с 1939 года. Через махаллю проходит Чимкентский тракт, проводятся строительные работы по производству кирпича. Во время войны здесь находился завод «Красный Аксай».

Интервью респондентов даны поочередно и без комментариев, они не нуждаются в комментариях: респонденты на своем языке рассказали все, что видели собственными глазами.

Салихова Раиса Каримовна. Родилась в 1929 году. В 1941–1945 годах жила в России (Башкортостан)

Когда началась война, мне было 10 лет. Всех забрали на фронт. Отца тоже забрали. В 1941 году мать была беременна. Самой старшей в семье была я, после меня сестренка. В России зима очень холодная, в декабре родился братишка. С началом войны всё внезапно исчезло. Хлеб, сахар, соль, мыло. В течение 5 лет мы вообще не ели сахар и другие продукты. Кто на ногах, тот работал, все кто мог, работал. Никак не могу забыть 1943 год. Абсолютно ничего не было, даже сахара. Я-то понимала, а братишка, который родился в 1941 году, всё время плакал и просил есть. (Заплакала.)

Когда началась война, мама нас отправила к бабушке в деревню. Деревня находилась недалеко от Уфы. В деревне был филиал от военного завода. В эти годы вместо учебы в школе я работала на этом за-

воде. Мы изготавливали детали для «Катюши». О них даже песня есть. На заводе зарплату не давали. Может, в городах давали. Хотя мы были районным центром, но нам ничего не давали. На обед давали жидкий суп. Туда клали немножко картошки. Во время войны мы вообще не ели мясо. Бабушка сушила картошку и отправляла на фронт. Не всю картошку отправляли. Некоторую часть оставляли. Возле дома был лес. Оттуда приносили разные травы, варили из них суп и ели. Когда работала на заводе, один раз давали картошку и морковь. В России же холодно. Когда мы ели суп, он замерзал. Мы ломали этот суп и ели.

От нашей деревни до города было расстояние как от Ташкента до Янгиюля. Люди продавали там старые вещи. Вещи покупали в основном эвакуированные. У них были деньги. У деревенских жителей денег было мало. Откуда у них деньги, они работали на огороде и ели, себя обеспечивали. Может, у жителей Уфы деньги были.

В России очень много снега, не видно дорог. По дороге я упала и не смогла встать. Чуть ли не осталась под снегом, одна женщина меня спасла. Многие падали в снег и умирали. От холода, от слабости, от нервного напряжения. Потому что ничего не было, ни одежды, ни еды. Это продолжалась и после войны.

Бабушка приносила из леса какие-то растения, кипятила и стирала. Основная одежда была телогрейка. Моя телогрейка была очень большая для меня. Чтобы холод не проходил, ее завязывали снизу. Я не могла самостоятельно ни одеть, ни снять телогрейку. Меня стали одевать где-то в 1943-м. Братишка грудной, мама заболела, температура. От холода часть окна треснула. В доме было невыносимо холодно. Мама дала подушку, чтобы закрыть шель. Из-за сильного ветра я не смогла закрыть, мать помогла. Электроэнергии почти не было. Вся энергия уходила на эвакуированные заводы. В городе, когда зажигали керосиновую лампу, окно прикрывали занавеской. Потому что контролировали. Кто знает – сегодня бомбят Белоруссию, завтра нас могли бомбардировать. Ночью было очень темно, казалось, как будто никто не живет в городе. Но зимой в России вода не проблема. Выходишь на улицу, заполняешь ведро снегом, растаиваешь – и вот тебе вода.

Во время войны было очень много паразитов. В городе не так много, а в деревне очень много. В городах было много клопов. Мама поднимала матрас, а там полно паразитов. Итак крови мало, а они сосали кровь. Мать их убивала, оставался черный след крови. Летом на транспорте было очень много вшей.

Помню 9 мая 1945 года. Везде праздник, все друг друга поздрав-

ляют. Возле деревенского завода было радио. Оттуда и сообщили о Победе. Услышав о победе, некоторые люди падали и не могли встать (плачет).

Все кричали «Ура-ура»! Еще вспомнила, где-то на Украине немцы закапывали людей живьем. Бабушка, когда услышала это, сказала, если немцы так сделали, они не выиграют войну. На людей сильно подействовала эта информация.

В 1946 году, когда мне было 16 лет, мне дали орден за мою работу на заводе.

В это время сестренка отца жила в Ташкенте. С ее помощью мы с мамой приехали в Ташкент. Я поступила в медицинское училище, брат в железнодорожную школу. Я так заметила: узбеки, они мусульмане, очень гостеприимные. Нас очень хорошо встретили, помогали соседи. Первое, что бросилось в глаза, много фруктов, а в России их нет. Мама после приезда устроилась на работу уборщицей. Сестренка работала на консервном заводе. Каждый день с работы приносили маленькую банку повидла, которую мы намазывали на хлеб и ели.

Саидакбаров Саиданвар, 1931 года рождения. В 1941–1945 годах жил в Ташкенте, в махалле «Шайх Шивлий».

Я родился в 1931 году, в Ташкенте, в этой махалле. С 7 лет пошел в школу. Во время войны школа стала госпиталем, и мы учились в разных школах. Собирали в фонд обороны вещи, разную одежду, обувь. Сдавали по своему желанию. Я тоже сдавал.

Когда учился в школе, работать не заставляли. Но жизнь заставила работать. Хлеба по карточке ни на что не хватало, и мы брались за любую работу. В 1941 году жизнь была тяжелая. Мужчин забрали на фронт, остались только старики и дети. Завод «Красный Аксай» являлся одним из лучших по производству техники сельского хозяйства. Он находился на месте Узбексельмаша. На заводе выпускали мины, был я маленький, сам толком не знаю. В наши дома заселяли по 2–3 квартиранта. Никто не противился. Среди них мужчин было мало. Мы понимали их трудности. Их встретили с открытой душой. У них не было посуды, ложек, и мы поделились с ними. Когда я говорил, почему мы даем, у нас же самих нету, мама меня отругала. Даже хлеб давали. Не только мама, почти все помогали заселенным. Узбекский народ – гостеприимный народ.

В нашем доме жил высокий немец-инженер, работавший когда-то на 84-м заводе. Я у него расспрашивал, почему он не пошел на фронт.

Он сказал, что ему не поверили из-за того, что он немец, хотя родился в Москве...

Когда даже была карточка, достать хлеб было проблемой. Были большие очереди. Мы выходили на базар, чтобы покупать хлеб. Рабочим с завода и многодетным давали масло и крупу. Не дай бог, если вы потеряете карточку – вы бы умерли с голоду! Терпели. Потом на Алайском базаре открылся коммерческий хлебный магазин. Там были очереди, ссоры, драки. Но в коммерческом магазине хлеб стоил дороже. Там покупали хлеб в основном те, у кого не было карточки. Отец работал на военном подсобном хозяйстве и оттуда кое-что приносил. Мать готовила ячменную кашу. Хотя мужчин забирали на фронт, но жизнь не остановилась, даже были маленькие свадьбы. Все продукты по карточкам, поэтому приглашали немного людей.

Самый близкий базар был Алайский. На шахристанской стороне был колхоз имени Ворошилова. Председатель колхоза Тургун-ака очень много продовольствия отправлял на фронт. Много лет спустя он стал депутатом.

Продукты ценились выше, чем деньги, деньги совсем не ценились. Люди продавали свою продукцию не на деньги, а на галоши или другие вещи. Некоторые даже разбогатели от такой торговли.

Встречались и плохие, нечестные люди. Но воровства было мало. Людям нечего было кушать. Ни у кого ничего нет, что же воровать? Никто ничего не берет, даже если у вас дверь не заперта. Потому что нечего брать. Но если крадут картошку, то это уже плохо. Однажды отец привел в дом голодного старика татарина, искупал, накормил и обогрел его. Сам я умерших от голода не видел. Но были, которые мне рассказывали об этом.

Когда закончилась война, все были рады. Гитлер свои многочисленные войска послал на нас, уничтожил многих людей. Я сам слышал по радио: немцы захоронили заживо в Одессе 28 тысяч, в Киеве 50 тысяч человек. Разве они могут выиграть после всего этого, убив невинных людей?

Хруш (девичья фамилия Блюм) Клавдия Иосифовна родилась в 1928 году. В 1941–1945 годах проживала в городе Ташкенте в махалле «Шайх Шивлий».

Я родилась в 1928 году. Переселилась сюда в 1940 году. Война началась в 1941 году, а через год, в 1942 году, 22 июня устроилась на работу на завод.

Эх, про мою жизнь можно написать книгу. Родилась в Саратове. Отец руководил в Уральском военном округе артиллерийскими войсками. Папу объявили «врагом народа», а маму как члена семьи врага арестовали. Нас, детей, распределили в детские дома по всему Союзу. Меня отправили в город Камень на Алтае. Это рядом с Барнаулом. Я там была 3 года. Мама была в Магадане. Она написала письмо тете и просила меня забрать. С тетей я приехала в Ташкент, к мамину брату.

Во время войны устроилась на работу в «Красный Аксай», сейчас «Узбексельмаш». Мы, девушки, его называли «Голодный Аксай». Там работали очень худые люди. Иногда на заводе некоторые из них умирали прямо на песке. Однажды, когда мы пришли на работу, мы увидели умерших рабочих, от ран. Раненые, без сил, голодные, и поэтому умерли. Точно не помню.

Когда пошла на завод устраиваться, мне пришлось стать на камень у окошка отдела кадров, росту не хватало. Я просила взять на работу. А меня взяли на перенос носилок. При изготовлении мин, бомб есть такой состав под названием «шишка». Это бракованные изделия, мы сначала их прессовали ногами, потом выбрасывали. Это была очень тяжелая работа. Многие говорили, что если будешь таскать такие тяжести, ты не будешь рожать. Я родила троих сыновей.

На заводе говорили, если вы быстрее будете таскать бракованную продукцию, быстрее уйдете домой. Я работала быстро, не покладая рук. Уставшая приходила домой, а на тарелке была сваренная белая свекла. Иногда и ее не было. Тетя работала в садике, и ей там давали белую свеклу, чтобы забрать домой. В садике детей кормили белой свеклой. Им еще давали кофе из орехов. Там еда состояла в основном из свеклы. Нам на обед давали жареные макароны с мясом черепаш. Привозили черепах в вагонах. Надо же как-то кормить людей. Была еще капуста, точнее, верхний слой капусты. Позднее молодым рабочим давали ужин. Нам бесплатно давали манную кашу. Если молодые теряли или продавали карточки, то им было очень тяжело. Они собирали объедки, одежду или еще что-то. Я тоже продавала несколько раз. Подружка с карточки давала мне половину своей дневной нормы хлеба, и я ей половину денег. Норма составляла 800 граммов.

У нас карточку покупал старый еврей. Молодые люди тоже покупали. За деньги я покупала сушеный урюк (туршак). Весь день кушала их. Оттого, что очень много ела туршак, мне все время хотелось пить. Соседка моя, подружка моей тети, говорила: вместо того, чтобы кушать

сушеный урюк – ешь лучше 300 гр. хлеба, а то на кого ты стала похожа. Все равно мне нравился сушеный урюк.

Иногда я получала зарплату, около 200 рублей. Покупала халву. На заводе в месяц давали 300 гр. сахара, а халву я покупала в 3 раза больше. Меня халва околдовала.

На заводе много было эвакуированных. Из Днепропетровска и других городов. В основном была молодежь.

Я работала в литейном 8-м цехе. Мы изготавливали мины. Ночью не спали, до утра работали. Я была маленькой, и мне так хотелось спать. Вспомню, становится страшно. 12 часов работали. В месяц один раз работали для столовой в подсобке.

С годами все меньше остается людей военного времени. Необходимо зафиксировать все их воспоминания, ознакомить с этим уникальным материалом нашу молодежь. «Можно ли забыть тысячи наших соотечественников братьев, сестер, которые в годы войны неустанно трудились, работали... мучились, мерзли, сами не ели, не одевались, а всё отправляли на фронт?» (И. Каримов).

ДЖАСУР ИСХАКОВ

кинорежиссер, драматург

jasuriano@yandex.ru

ИСТОРИЯ – УСТАМИ СПАСЕННЫХ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ (oral history и кинематограф)

История – это безграничное полотно, летопись цивилизации мира. Благодаря ей мы знаем о рождении и гибели огромных империй, разрушительных войнах, о созидательной силе Человека.

Развитие культуры, науки, техники, победу человеческого разума отражает история. Но она же сохраняет в нашей памяти величайшие злодеяния, истребление народов, боль и страдания.

Устная история в исторической науке приобретает в последнее время всё большее и большее значение. История, зафиксированная в летописях, научных трудах, учебниках, была бы неполной без устных рассказов очевидцев, без личного отношения этих людей, которые пережили и почувствовали на себе горе и боль, надежду и радость. Именно устная история делает объемными события прошедшего. Исторические факты обогащаются красками, эмоциональным восприятием.

В документальном кино издавна существует направление, где устные рассказы, интервью, воспоминания простых людей ложатся в основу кинопроизведения. Можно привести множество примеров подобных фильмов. И, конечно, эти воспоминания, интервью простых людей органично вплетаются в исторические события.

Фильм «Дети войны», который был снят к 65-летию Великой Победы, также выдержан в этом жанре и является частью устной истории.¹

К теме войны я обращался неоднократно. Эти фильмы были посвящены юбилейным датам:

1 Документальный фильм «Дети войны» – производство: «Piar-Media Tashkent», Республиканский Общественный Фонд «Аллея памяти». 2010 г. DVD-V, 35 мин. Режиссер – Джасур Исхаков. Лицензия Национального Агентства «Узбеккино» № 49/10 от 19 апреля 2010 года. Победитель конкурса Международного фонда «Русский мир – память сердца», посвященного 65-летию Великой Победы, Москва, 5 мая 2010 г. Диплом конкурса «Телевизионные программы и фильмы» XI Международного телекинофорума «Вместе», посвященного 65-летию Великой Победы. Ялта, 9 сентября 2010 г. Национальная премия «Страна» телеканала «Россия», Диплом Экспертного совета и Жюри, специальный приз в номинации «За нашу Победу». Москва, 7 декабря 2010 г.

В 1995 году я работал с Маликом Каюмовым – патриархом узбекского и мирового кино, недавно ушедшим из жизни. Фильм «Мы помним» о роли Узбекистана в Великой Отечественной войне был посвящен 50-летию Великой Победы.

Малик Каюмович, фронтовой оператор, видевший войну собственными глазами, чуть не потерявший обе ноги после ранений, хотел рассказать честно, без прикрас, как это было. Помню наши беседы, длившиеся часами, во время которых я узнавал то, что ни в каких книжках прочитать невозможно. Он рассказывал о встречах с интереснейшими людьми, о боях, о том, как трудно приходилось фронтовым операторам, которые практически шли в рядах наступающих. К тому времени Малик Каюмович был один из трех оставшихся в живых фронтовых операторов. Понятно, что в фильме ничего этого нет. Но есть позиция в построении фильма, выборе документальных кадров. Мы использовали фронтовую хронику, и от многих кадров Малик Каюмович Каюмов отказывался, считая их приукрашенными.

Работа с Мастером для меня была хорошей школой, не говоря уже о том, что я много узнал о войне.

Тема меня захватила так, что к 60-летию Победы я уже самостоятельно начал работать над новым фильмом и невольно прикоснулся к теме эвакуированных в Узбекистан детей. Но фильм был о воинах-узбекистанцах и тружениках тыла. И уже тогда я задумывался, что история эвакуированных детей, нашедших здесь приют и тепло, – тема отдельного фильма. Молодое поколение всего этого не знает.

Уже тогда меня поразили некоторые цифры и факты, о которых я мало знал. По разным оценкам, на полях сражений погибло от 500 до 600 тысяч солдат и офицеров узбекистанцев (больше, чем военные потери такой державы, как США). Наша республика была еще и крепким тылом, одним из центров оборонной промышленности: здесь выпускались танки, самолеты, бомбы и снаряды, здесь производился хлопок, из которого не только шили военную одежду, но и производили порох, без которого воевать нельзя. На фронт отправлялись сухари, консервы, продовольствие, сухофрукты. Работали эвакуированные из западных областей страны заводы, на которых за станками стояли в большинстве женщины и дети.

Кроме того, Узбекистан принял более полутора миллионов эвакуированных людей с территорий, охваченных войной, и среди них почти триста тысяч детей. Истории о детях, спасенных в суровые годы, в тех фильмах были только эпизодами... Но уже тогда еще смутно вырисовы-

валось построение фильма, рассказ о том, как были вывезены, одеты, накормлены, спасены обездоленные дети, в полной мере постигшие, перенесшие страдание, горе и боль.

Мы поставили задачу рассказать о том времени устами самих детей, увидеть события далекого прошлого как бы их глазами. На первом этапе мы начали поиски этих людей. Мы понимали, что самому младшему герою сегодня уже больше семидесяти пяти лет. Так произошло, что мы познакомились с некоторыми нашими будущими героями на похоронах известного кинодраматурга, публициста, Народного поэта Узбекистана Александра Файнберга. За пять лет до этого я снял фильм об этом удивительном человеке. Но фильм видел лишь узкий круг людей. И практически премьера его состоялась при таких трагических обстоятельствах. И нас попросили показать его многочисленным друзьям и поклонникам таланта.

Кстати, этот фильм также основан на устном рассказе Александра Файнберга о его судьбе с вплетением его стихов. И через судьбу поэта, рассказанную им самим, можно представить культурную и духовную жизнь Ташкента периода 40–80-х годов прошлого столетия. Именно тогда мы познакомились с людьми с очень интересными судьбами. Многие из них попали в Узбекистан во время войны. Кто-то потерял родителей в пути, во время бомбежек поезда, другие были слишком малы, чтобы помнить, как их зовут. Каждый из них нашел здесь кров, приют, тепло и ласку. Сложность при монтаже фильма заключалась в том, что надо было выбрать из огромного количества материала самое яркое, самое интересное.

«Узбеки ни разу не упрекнули нас ни в чем. Жили они бедно, но всегда делили с нами последнюю лепешку. Мы никогда не делили людей на нации. Русский или украинец, еврей или узбек... все мы были братья», – это слова одной из героинь фильма Елены Бобер, эвакуированной из Белоруссии.

Другой герой фильма, тогда еще мальчик из Одессы, В. Любельский скажет: «Ташкент стал для нас городом спасения!».

Именно здесь, в глубоком тылу, обожженные детские сердца словно оттаяли. Во всей своей силе проявились лучшие черты узбекского народа – гостеприимство, сострадание чужому горю, широта души.

Позже мы нашли людей, которые были эвакуированы из блокадного Ленинграда. Они испытали на себе голод, холод, болезни. Почти каждый вспоминал об изобилии фруктов, солнца и добрых людях в стране, куда они попали.

Детская память на всю жизнь сохранила счастливое ощущение от запаха лепешки, от солнечного света, от тихого и ясного неба: «Я увидела голубое чистое небо, по которому не летали страшные немецкие самолеты!» – вспоминала Долорес Трахтенберг.

Девочка из блокадного Ленинграда Шагаева со слезами на глазах и с дрожью в голосе вспоминала: «Мы переплывали Ладожское озеро, и на наших глазах судно, перевозившее людей, потонуло...». Эти, словно яркие вспышки, детские воспоминания усиливали, углубляли историю.

Знакомые нам из учебников факты, например о героической защите блокадного Ленинграда, дополняли эти детские рассказы. В одном из них вспоминали, как от голода они съели все цветы, выращенные мамой в горшочках.

Особо хотелось бы сказать о специфике съемок интервью, по сути сбора устных историй. Человек, впервые севший перед кинокамерой, чаще всего зажат и стеснен. Настроить его, разбудить в нем воспоминание – задача не из простых. Наверное, это касается не только кино. Направить человека в нужное русло, освободить от «саморедактора» – это умение необходимо и ученым, и историкам, которые занимаются этим направлением исторической науки. Ведь часто личные воспоминания переплетаются с уже прочитанным или увиденным в кино.

Так случилось и с одним нашим собеседником, который на наши просьбы рассказать о войне, какой он ее помнит, начал рассказывать об исторической обстановке, о планах Гитлера, о Мюнхенском договоре и т. д. Как мы ни старались перевести тему разговора на его личные воспоминания, он продолжал рассказывать то, что, видимо, прочитал в мемуарах маршала Жукова или в учебниках по истории. Но в работе над фильмом большей частью нам удавалось «разговорить» наших героев.

Война закончилась, но многие из беженцев решили остаться. Узбекистан стал для них второй родиной... Сегодня это пожилые люди, за плечами которых трудные военные и послевоенные годы.

Постепенно мы сблизились, узнавали все больше об их жизни.

Интервью, которые вошли в картину, составляют лишь маленькую толику того, что мы узнали из их устных рассказов. Героев было много. Каждый имел свою биографию. Личные истории стали обрастать новыми фактами, подробностями.

Отрадно то, что эта тема стала близкой и молодому поколению в лице продюсера, руководителя студии «PR-Media Tashkent» Сардора Исхакова, которому мы обязаны тем, что смогли работать над этим

фильмом. А на обсуждении после одного из просмотров фильма молодой человек со слезами на глазах сказал: «Я горжусь, что я узбек!» Для меня как автора это было высшей похвалой.

Судьбы детей войны, рассказы и воспоминания о том времени – это и есть главная тема фильма.

Эвакуированные приезжали целыми заводами, фабриками, творческими коллективами. Но кроме этого, к нам люди добирались своим ходом, спасались от бомбежек и голода. Помните повесть Александра Неверова «Ташкент – город хлебный»? Она вышла в 1925 году и рассказывала о мальчишках, отправившихся в сказочный Ташкент за хлебом, чтобы спасти от голодной смерти родных. Книга была очень популярна, и про «хлебный город» знали многие. С начала войны в Среднюю Азию везли эшелонами детей, родители которых погибли, воевали или остались на оккупированной территории.

В Узбекистане их приняли по-особенному. Я далек от того, чтобы сравнивать наше гостеприимство с другими республиками Средней Азии, где тоже находили приют тысячи и тысячи эвакуированных людей. В те годы все работали на фронт. Но я хотел рассказать о своей стране, ставшей родиной для тысяч сирот. Один из героев картины называет Узбекистан «страной спасения». Эти рассказы поражают, заставляют взглянуть на вроде бы известные факты с другой стороны... Обычные люди, мои земляки, сами обремененные семьями, приходили на вокзал, услышав, что нужна помощь привезенным детям. Брали измученных детишек за руки, вели домой, усаживали за общий, очень скромный дастархан, поровну делили хлеб между своими и чужими.

Все эти рассказы есть в фильме. Слушаешь свидетельства этих детей войны и начинаешь осознавать меру добра и высокой нравственности, которыми жили тогда наши матери, отцы и деды. Я не режиссировал, не подсказывал, да это и невозможно сделать. У каждого из героев фильма своя история, личное отношение к тем, кто дал им кров, тепло, пищу, а иногда и свои фамилии, кто воспитал их, дал образование и выпустил во взрослую жизнь.

Они делятся и военными впечатлениями – иногда страшными. Блокадники, дети из Ленинграда помнят, как их бомбили, когда ехали по тающему льду «дороги жизни», как погибали едущие впереди. Эвакуированные из Украины вспоминают, как дотла разбомбили поезд, в котором они ехали на восток, и железнодорожное полотно было усеяно трупами.

Один из интервьюеров, участников нашего проекта, рассказал мне

характерную историю (он не вошел в фильм, мы не смогли найти подтверждающих документов): На станцию прибывает поезд, и в одном из вагонов обнаруживают мертвых детей. Дорога дальняя, на каком-то пункте забыли открыть двери и покормить их. И тогда первый секретарь ЦК Узбекистана Усман Юсупов говорит: «Все, больше дети никуда не поедут. Останутся здесь. Прокормим!». Конечно, это было волевое решение, идущее вразрез с полученным указанием. Но по-человечески его понять можно. Кто знает, чем могла закончиться для измученных детей дальнейшая дорога?

Теперь я думаю, хорошо, что мы успели снять этих немолодых людей, зафиксировать их живые свидетельства. Ведь с детьми войны происходило много чего уже в мирной жизни. Многие переехали в США, на «землю обетованную» – в Израиль, в другие страны. Но до сих пор они вспоминают свою вторую родину, Узбекистан, с благодарностью и нежностью. Я лично знаю этих людей. А многие остались жить в Узбекистане. Картина так и кончается: «В фильме снимались жители Ташкента», и идет перечисление героев нашей картины. Все со своими судьбами, со своей историей. Столько всего интересного связано с ними, что уложить в одну картину невозможно.

Кстати, война прошла и через мою семью. Два брата моей матери отправились на фронт и погибли. Один был прекрасный художник, подавал большие надежды. Другой мой дядя увлекался писательством. Они ушли совсем молодые. Третий брат, дядя Санджар, вернулся, мы его звали дядей Сашей. Он был разведчиком, прошел всю войну, был награжден орденами и медалями. Но потом попал в штрафбат, награды все отобрали. Воевал до конца войны, вернулся. Уже в 70-е годы обратился в военный архив в Подольске, и его восстановили в правах, вернули все ордена. Я хорошо помню его рассказы, мы на них, можно сказать, выросли. Он никогда специально не заводил разговоров: «Вот сейчас я расскажу вам про войну». Как и многие фронтовики, он не любил ее вспоминать. Рассказывал к случаю, как-то, нечаянно. Как в атаку поднялись 600 человек, а после атаки в живых осталось 17. И вот теперь я понимаю, через что он прошел. Подвиги старшего поколения не должны быть забыты. В том числе и тех, кто воспитал военных сирот. У нас в фильме есть кадры памятника кузнецу Шамахмудову и его жене. Шамахмудовы – это олицетворение узбекского народного характера, наших обычаев гостеприимства, толерантности, отзывчивости к чужому горю и человеческой доброты. И мы гордимся такой историей!

Работая над этим фильмом, я осознал, что нельзя снимать такие фильмы с холодным сердцем.

На международный конкурс «Русский мир – память сердца», посвященный 65-летию Великой Победы, было представлено более 700 фильмов из многих стран. Документальный фильм «Дети войны» из Узбекистана (производство «Piar-Media Tashkent» и Республиканского Общественного Фонда «Аллея памяти») стал призером конкурса, награжден поездкой в Москву и Специальным Дипломом жюри. Было отмечено, что фильм наполнен высоким гуманизмом, поднимает важную тему традиционных дружеских отношений между народами. Фильм рекомендован для показа на ТВ-каналах России

Я решил не останавливаться на этом. В той же манере повествования, используя методы устной истории, через интервью, воспоминания людей хочу рассказать о том, свидетелем чему был сам. О ташкентском землетрясении 1966 года. Уже нашел бывших строителей, поднимавших Ташкент из руин. Закончив возводить дома, они остались в нашем городе, связали свою судьбу с Узбекистаном. Им уже по много лет, и хочется успеть записать и показать их воспоминания о том времени, о том Ташкенте, о той дружбе и взаимопомощи.

АЛИБЕК САЙТОВ

*Институт истории, археологии и этнографии
Каракалпакского отделения АН Узбекистана
istnuk@mail.ru*

ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (по материалам устно-исторических исследований в Каракалпакстане)

Наше исследование является попыткой вовлечь устные воспоминания простых людей в изучение недавнего прошлого, а именно периода «послевоенных» лет (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов). Дополнительно к устным материалам, мы использовали опубликованные мемуары свидетелей изучаемого периода.

Если в официальной научной литературе, архивных документах мы имеем информацию статистического характера, то в устных историях, воспоминаниях через субъективный взгляд человека-очевидца мы имеем возможность дать более широкую, а иногда и иную оценку и характеристику событий.

Известно, что во все времена основным занятием каракалпакского народа было земледелие и скотоводство. И после утверждения советской власти наша республика оставалась одной из сельскохозяйственных зон СССР. Земли вспахивались весной при помощи запряженных быков, лошадей, верблюдов. Люди же, не имевшие их, работали при помощи лопат и кетменей. Лишь немногие из колхозов имели возможность сеять хлопок при помощи сеялок, запряженных лошадьми.

«...народ жил бедно. Дома строились из глины. Не было досок, полов, сырость. Некоторые семьи и в лютые зимние морозы жили в юртах. Из-за низкого уровня жизни и постоянного недоедания в стране распространялись такие болезни, как туберкулез, тиф, малярия (лихорадка)».¹

Прошедший трудовой путь от землемера до руководящего работника Юсупбай Палуаниязов вспоминает: «После возвращения с войны мой отец был назначен начальником сельскохозяйственного управления Шаббазского района. На тот период в районе было свыше 60 колхозов, но из-за последствий войны все они были в упадке. Работоспособные

1 Камалов К. Ел хызметинде. Нукус: Каракалпакстан. 1995. – С. 56.

люди погибли на фронте, не было рабочих рук, не хватало кадров».²

«И посев хлопка, и культивация выполнялись при помощи сеялок, запряженных лошадьми. Люди вслед за ними обрабатывали землю кетменями. С 50-х годов появились универсальные тракторы. Первые из них имели колеса с железными шпорами, следующие – с баллонами. Это позволило немного сократить ручной труд. Труд был тяжелым и непосильным, заработной платы едва хватало, чтобы прокормить семью. В некоторых случаях к концу года за один трудодень выдавалось от 0,5 до 1 кг пшеницы. Пшеницу привозили на баржах, иногда по дороге или на складе она перегревалась, из-за чего мука получалась горькая. Пшеницу перемалывали на дигирманах (ручная мукомольня), в каждом втором-третьем доме был дигирман. В те годы сад был не в каждом доме. На все хозяйство было два-три сада, остальные земли были выделены под огороды. Простые дехкане не имели возможности возделывать свои участки, не было техники, объем работы был большим. Люди трудились и в темноте при свете фонаря».³

«В послевоенные 1946–47 годы в сельском хозяйстве продолжали использовать тяжелый ручной труд. Впоследствии колхозы один за другим стали приобретать тракторы НАТИ для вспашки земли, грузовые автомашины. В магазины начали поступать продовольственные и промышленные товары. К концу 1947 года была изменена процедура распределения хлеба по карточкам, хлеб поступил в свободную продажу.

В сельском хозяйстве Республики Каракалпакстан тяжелый ручной труд продолжали использовать и в 1950-е годы... народ еще голодал, уровень жизни был очень низким».⁴

Из беседы с Хайтымбетовым Мадрейимом, 1929 года рождения, узбек, рабочий, земледелец, г. Нукус, пос. Кызкеткен. Работал в Кипчакском районе (ныне Амударьинский район): *«Весь день работаешь. Жнешь пшеницу, клевер, солодку. Отдыха нет. И ночью работаешь, и днем, вечером то же самое делаешь. В годы войны было трудно. С питанием было худо. Всё делалось руками, механизации не было. Мне было 11–12 лет. В середине войны колхоз нас заставил работать. У меня были два старших брата. Один ушел в армию, второй – на «батальон», у него в одном глазу была дальность, поэтому его забрали в «батальон» (строительные подразделения рабочих. – А.С.). Ему было*

2 Палуаниязов Ю. Омир сокпаклары. Нукус: Каракалпакстан. 2009. – С. 15.

3 Тажиев А. Хаетим халкимга тегишли. Ташкент: «VORIS» нашриети. 2006. С. 11–12.

4 Камалов К. Ел хызметинде. Нукус: Каракалпакстан. 1995. – С. 59.

тогда 18–19 лет. Самому старшему – около 20–21 года. Брат, ушедший в «батальон», вернулся только через 3 года. Кажется, он был в Челябинске и выкапывал уголь.

До 1948 года не было денег. Колхоз устанавливал трудовой день. Однако за работу не могли заплатить, а людям нечего было есть. Каждый день вечером люди приходили в колхоз и просили еду. Директор колхоза давал им на еду 1–0,5 кг мелкой пшеницы, которую хранили для посева. В то время за выполненную работу по 5–10 кг не выдавали, да и понятия зарплаты не было тогда. За труд не платили. Это потом появилось понятие трудового дня. В годы войны не было зарплаты. До 1948 года не давали зарплату. В 1948-м году я ушел в Туркмению. В тот год брат женился. Втроем с матерью они остались в Назархане. На восточной стороне Бекбай-тогая я сел в лодку. Рядом со мной сел человек в шапке. Это был старик. Мы разговорились. Я сказал, что плыву на юг, чтобы наняться поденщиком или дехканином к кому-нибудь, чтоб хоть как-то пропитаться. Старик сказал: "Сынок, ты как раз тот, кто мне нужен".

Я переночевал у него. Досыта наелся "джугары-гуртук" (блюдо из муки джугары). Я давно не ел гуртук. Утром приготовили сыкпнь (суп с клецками из джугары), мы плотно позавтракали. Потом старик сказал: – В селе Бирмак живет мой брат, ему нужен земледелец. Я могу отвести тебя к нему. Он, наверное, уже пришел.

Старик привел меня к брату. Тот сказал, чтоб мы пришли вечером. До вечера я пробыл у старика, вечером опять пошли. Потом я с братом старика отправился в путь. Он на ишаке, я – пеший. Он жил далеко. Мы с тем человеком договорились на 15 батманов джугары и на одежду. В то время было понятие "кандар-кагым". Кандар отряхивался в самом конце, после уборки джугары. Но я сказал, что очень нуждаюсь, и поэтому 5 батманов джугары попросил наперед и что остальные 10 он может отдать осенью. Он согласился. На следующее утро хозяин дал мне своего осла. Вечером я вернулся. На другой день он поручил мне выкопать канавку рядом с домом. Дал мне лопату весом около 10 кг. Земля твердая – лопата не проходит. Копал 3–4 дня, выкопал канаву длиной в 100 м.

Я соскучился по дому. Попросился домой. Хозяин отпустил. Приезжаю домой, а дома по-прежнему: есть было ничего. Питались одним супом из моркови. Я вернулся обратно. Хозяин сказал мне, что люди, оказывается, нанимают за 10–12 батманов и что меня он нанял дорого. В том доме я пробыл только неделю. Потом решил уйти и попросил

свою недельную зарплату. Хозяин не возражал. В 1948-м году помещались деньги. Он дал 29 манатов. Я пошел дальше по Лабак-дороге. Прошел больше 10 км и вышел к каналу. Тут был дом. Оттуда вышел человек в шапке. Он стоял на другой стороне канала, а я – на этой. Мы поговорили. Я сказал, что ишу того, кому нужен земледелец или поденщик. Он сказал: "Казаху, который живет в этом доме, колхоз покоя не дает, и поэтому он нанимает поденщика за кг джугары. Иди к нему". Я пошел. Поговорил там с одним «великаном». Один его палец был как кисть моей руки. У него была старушка. Она сказала, что я не гожусь в земледельцы. Но мужчина возразил, сказав: "Не слушай ее!". Я просидел у них до вечера.

Встретились с человеком, нанимавшим поденщика. Договорились на 15 батманов с "кандыр-кагыма". Утром выпили чай, взяли с собой "таба нан" (хлеб, испеченный на сковороде) и отправились к земледельцу. Пройдя 3 км, дошли до места работы.

Подожли к бригадиру, и меня представили как работника такого-то человека. В этом колхозе в основном жили казахи, туркмен было мало. Маленький колхоз – всего две бригады. Сеяли хлопок на 56 га земли. Здесь тоже люди были голодные. Есть нечего. Вдоль арыка на 100 метров земли люди посеяли грену. Не расходясь по домам, они следили за ней. То, что мелькнет между листьями, они сразу съедали. На земледелие они не успевали.

У правительства нечего было давать людям. Выворачивали землю трактором "универсал" и сеяли хлопок. У руководителя звеном был верблюд. Я не успевал пропахивать землю верблюдом, запряженным четырнадцатизубой бороной. Руководитель звена шел сзади.

Пропахивать нужно было медленно, с передышками. Наступило время орошения. Арыков для орошения не было. Со всех сторон пустили воду. Хлопок принялся. Земля была необработанная. Туда, куда не поступала вода, нужно было ставить чигирь. У каждой семьи была земля в 3–4 га. 1 га хлопчатника должны были посеять для колхоза. Был представитель от колхоза. Он приходил осенью и смотрел за урожаем, следил за джугарой. Требовал сдать 1–1,5 тонны джугары. Ближе к урожаю приходил завскладом со своими весами. И ему отдавали положенное. Самому оставалось немного на пропитание.

Прополка была очень трудная. Люди голодные. В день каждому давали для прополки 10 сотых земли. Работа не шла. Работникам поручили взять к себе помощника, т. е. вместо одного должны были работать двое. У людей не было сил работать, они были голодные. Не было и

горсти муки. Обедать никто домой не уходил: всё равно дома есть нечего.

А у нас на обед один "таба-нан". Даже бригадир неподвижно лежал, т. к. и у него дома нечего есть.

И в Туркмении был голод. Я почти заканчивал свой участок. Пришел проверять начальник. До его прихода я перешел на новую грядку. Он подошел ко мне и спросил: "Это твоя сегодняшняя доля или вчерашняя?". Я сказал, что сегодняшняя. После меня он подошел к другому работнику. Но этот туркмен еще не закончил вчерашнюю. Когда его спросили, он и ответил, что это вчерашняя доля. Начальник закричал: "Я вчера сказал вам, чтобы за день успевали дополоть свою долю!", при этом он вырвал мотыгу из рук земледельца и два раза ударил мотыгой по его спине. Тот заплакал и ушел. Но через 2–3 дня он опять вернулся. После того случая люди, видимо, испугались и старались выполнять норму. Хлопок рос хорошо. Начальники били людей. План выполнили. Но денег не было.

В Назархане моему брату не давали покоя. Там он работал сторожем. Но ему сказали: "Брата твоего нет – ушел к туркменам. Из вашей семьи кто-то должен работать на колхоз". Потом сказали, чтобы они вместе с женой отправились на копку канала Назархан. Но мать сказала: "Мы тоже уйдем туда, куда ушел твой брат". Ночью они переплыли реку. В то время у людей имущество не такое богатое, разве что старый сундук да одеяло одно. Они пришли ко мне. Сундук мы переташили в дом казаха (в то время в сундуке хранили зерно). Казах дал нам свою землянку перед домом. Он сказал: "Построй себе очаг (таган), сделай навес и живи".

Дров не было. Если увидят перекасти-поле, акбас (бот. каролина каспийская), верблюжью колючку, сразу вырубали. Это шло на корм скоту, а что оставалось – на дрова. Карабак и джынгал (кустарники, которые использовались для топлива) не было. Мои родные жили в землянке.

В Туркмении я пробыл 17 лет». ⁵

Жолдасов Гарипжан, 1931 года рождения, каракалпак рода бексыйык, по профессии химик-биолог, Кегейлийский район, хоз. Дар-узакум: «Работа была тяжелая. На поле мы работали с 5-го класса. Хлопчатник высокий, нас не видно. Люди говорили, что по хлопковому полю ходит лошадь. Потом культивация. Еще была борона, в которую запрягали лошадь. После орошения бороновали. В годы войны было очень трудно. Днем пропалывали хлопок, ночью жали пшеницу и мо-

5 Сайтов А.Т. Полевые записи N7 за 2009 г.

лотили. Тогда не было комбайнов, тракторов, как сейчас. Весь урожай собирали вручную. Была установленная норма. Когда я был восьми-классником, норма была 35 кг в день. При невыполнении нормы долго задерживали (на поле. – А.С.). Во время прополки на человека давали по 10 сотых земли. И мы это выполняли. Мы бороновали, пахали. Дети выполняли такую работу. Потом появился трактор, людям стало легче. После 1953 г. только появилась первая техника. До этого пахала лошадь, запряженная бороной или плугом. Пропалывали люди руками, потом мотыгой. Сказали: «ферганским кетменем будете жать потом, землю, вспаханную трактором, прополете серпом». С помощью ферганского кетменя (большая тяжелая мотыга) пропалывали хлопок. Одно время говорили, что будут делать грядки, чтобы землю у корня хлопка смягчили джынгылом (тросточкой), а кетменем пропалывали. Это было в 1950-м году.

Ночью жеёшь колхозный клевер. Заранее предупреждают об этом. Мы были детьми. Очишали хлопок от короба, и отец и мать с нами работали. Снаружи через окно смотрели и проверяли, не спим ли мы. Было трудно не спать ночью. Кто не выдерживал, ставил на свое место тыкву, укрывал ее своей одеждой, чтобы это чучело было похоже на человека, сам ухитрялся немного спать. Колхоз, не способный купить технику, всё внимание направлял на ручной труд. Но во времена совхозов начали поступать трактора. Даже водить их было некому. Приходилось по три трактора на одного человека. На имя одного тракториста записывали по три трактора. Стали поступать хлопкоуборочные машины. Здесь раньше был колхоз имени М. Горького. Работа была тяжелая. Несмотря на то, что мы учились в 5-м классе, работали наряду с колхозниками. Половину дня были на учебе, другую половину – на поле. Но учеба шла полностью. В то время нехватка всего (это были годы войны). Однажды утром не осталось никакой еды. Попил айран (кислое молоко, разбавленное водой) и хотел пойти на уеёбу, но у меня не было сил. Пришел учитель и забрал меня. В тот день я кое-как сходил на учебу. На следующий день отец принес зерно и испекли хлеб. На другое утро пошел на учёбу».⁶

Кадыров Гани, 1928 г. р., каракалпак, рода бексыйык. По профессии учитель каракалпакского языка и литературы, работал инспектором, заместителем директора по делам культуры, бригадиром, Кегейлийский район, хоз. Дараузакум: «Прийти на поле пораньше и обратно уйти раньше зависело от погоды. Кто не успевал прийти рано, за тех

6 Сайтов А.Т. Полевые записи №6 за 2009 г.

*собак водили, ставили тыкву (чучело), якобы здесь есть работники».*⁷

«Некоторые поля оставались неочищенными от сорняков. В ту пору люди, не зная цену селитре (подчеркнуто нами. – А.С.), вместо того, чтобы удобрять ею хлопок, прятали ее в кустах солодки. По этому поводу были даже скандалы. В том году колхоз выполнил план по сбору хлопка на 55 %, так как хлопчатник сильно подморозило.

После сбора хлопка колхозники должны были всю зиму рыть все семь каналов (подчеркнуто нами. – А.С.) колхоза, чтобы до марта подготовиться к оросительному сезону. В колхозах почти не выплачивали заработную плату. По этим причинам в 1950-е годы участились случаи ухода мужчин из села в город в поисках хотя бы низкооплачиваемой работы. В 50-е годы из-за низкой урожайности хлопка в колхозах хозяйство было в упадке. Многие колхозы не могли выполнить план выше 60–70 процентов. Из-за невыполнения плана по хлопку часто менялось руководство колхозов, что негативно отражалось не только на экономике, но и морально-психологическом состоянии людей».⁸

Несмотря на то, что в годы войны в результате нехватки рабочей силы и техники мелиоративное и ирригационное положение земель резко ухудшилось, сразу после окончания войны «Центр» (Москва. – А.С.) стал требовать восстановления и дальнейшего развития хлопководства. В 1944–45 гг., сразу после освобождения от фашистов западных районов Союза, сеющих зерновые культуры, было дано указание увеличить посевы хлопка в Средней Азии. В феврале 1946 г. Центр издал специальный приказ «План и меры восстановления и развития хлопководства в Узбекистане в 1946–53 годы». Наряду с этим и в законе о восстановлении народного хозяйства в Каракалпакстане 1946–50-х годов хлопководству придавалось особое значение».⁹

Посев хлопка начинался в апреле и продолжался 90–100 дней до конца июня. Только после окончания посева универсальные тракторы, вывесив культиватор, приступали к уходу за хлопчатником.

Колхозники готовили землю для посева хлопка, разрыхляли почву, вручную делали шел (грядки), которые после орошения убирали.

Хлопчатник, не подвергавшийся культивации в течение 90 дней, обрастал сорняком, оставался без ухода и оказывался в плачевном состоянии. Пока хлопок полностью не посеяли, невозможно было приступить к уходу за ним, так как людей мало – не успевают. Иногда, со-

7 Сайтов А.Т. Полевые записи N2 за 2009 г.

8 Камалов К. Ел хызметинде. Нукус: Каракалпакстан. 1995. – С. 61.

9 Каракалпакстаннын жана тарихы. Нукус: Каракалпакстан. 2003. – С. 285–286.

гласно требованиям агротехники, первый уход едва завершился только к периоду чеканки. К тому же через 45 дней хлопок орошали, предвзвешенно не прополов, так как считалось, что хлопок должен получить первую порцию питья к этому времени. Иногда после такого орошения свыше (т. е. партийное и административное руководство страны) поступали распоряжения о том, что нужно пропалывать прямо в воде, причем траву надо вырывать с корнями».¹⁰

Как видно из воспоминаний, описываются тяжелое положение, реальная ситуация. Заметно также персональное отношение самих акторов к тем или иным явлениям и событиям. Чувствуется «восприятие», свойственное тому периоду. Явления, воспринимаемые сегодня как отрицательный фактор (использование пестицидов, «во что бы то ни стало выполнение требований» и т. д.), вспоминаются респондентами как «необходимое» или «само собой разумеющееся». Требуются дополнительные исследования, объективный анализ и более вдумчивая оценка исторического прошлого.

10 Камалов К. Ел хызметинде. Нукус: Каракалпакстан. 1995. – С. 60.

САНОБАР ШАДМАНОВА

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
sanobari@mail.ru

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ МУЛЛЫ АЛИМА (НАЧАЛО XX В.)

Устные воспоминания сотрудника газеты «Туркистон вилоятининг газети»¹ муллы Алима² были собраны, систематизированы, а позднее опубликованы на страницах газеты в период 1909–1912 гг. (1909 – 16 и 23 апреля, 6 и 21 мая; 1910 – 28 апреля, 2 мая; 1911 – 16 июня, 11 августа; 1912 – 21 октября, 4, 8, 11 и 18 ноября). Мулла Мухаммад Алим в своей поездке по городам и селениям Туркестана выбирал респондентов случайно и задавал им интересующие его вопросы. В местах, которые мулла Алим посещал, он беседовал с мударрисами, казиями, муллами. Как сотрудник газеты он отмечал, что основными вопросами, поднимавшимися в беседах с ним, были вопросы о военной повинности и дороговизне продуктов питания.

1 «Туркистон вилоятининг газети» – первая газета в Туркестане на узбекском языке, издававшаяся в 1870–1883 гг. как приложение к газете «Туркестанские ведомости». Выходила 2–4 раза в месяц на узбекском языке и 2 раза на киргизском. В 1872–1883 гг. редактором газеты был переводчик Туркестанского генерал-губернаторства Шохимардон Ибрагимов, в 1883 г. – Мухаммадхасан Чанышев, с конца 1883 г. до февраля 1917 г. – Н.П. Остроумов. С 30 января 1883 г. тиражом 500 экземпляров газета стала публиковаться в качестве самостоятельной. В 1885–1901 гг. одна полоса газеты публиковалась на русском языке. Имела своих читателей не только в Туркестане, но и в других регионах России, в частности в Гельсингфорсе, Казани, Кашгаре, Бахчисарае, Москве, Омске, Петербурге. Как и «Туркестанские ведомости», служила целям правительства. Ее главная задача – ознакомление местных администраторов с распоряжениями и указами правительства, а также с историей, этнографией, географией и культурой Туркестана. Участие в работе газеты Зокирджана Фурката, Сатторхона Абдугаффорова, Исхакхана Ибрата, Махмудходжа Бехбуди, Мирмухсина Шермухамедова и других представителей интеллигенции пробудило в народе интерес к современным наукам, новшествам техники и технологии, а также культуре и литературе других народов.

2 Мулла Алим Абдулкасимов окончил медресе, несколько лет был казиме в уезде, позднее стал имамом одной из мечетей Ташкента. С 1870 г. начал работать в редакции «Туркистон вилоятининг газети». В 1875 г. стал управляющим в Андижанской волости. С 1880 г. опять стал сотрудником этой газеты. Несколько раз был награжден почетным халатом, а в 1909 г. – серебряной медалью.

Муллу Алима обычно приглашали домой, в мечеть или медресе, где обычно проводились беседы, хотя он не ограничивался этими встречами и проводил беседы с людьми где только мог – на железнодорожных станциях, в вагонах поездов, а также на базарах городов и селений Туркестана. Многие собеседники муллы Алима поднимали вопросы, связанные с воинской повинностью, и большинство из них выражало свое недовольство проводимой царским правительством политикой. Однако встречались и люди, осуществлявшие своего рода миротворческие функции, и в частности один из таких миротворцев – кази-колон города Намангана Мухиддин Махдум – во время конфликта с мардикерами Намангана, открыто выражавшими протест против воинской повинности, заявлял, что стал связующим звеном между народом и властью в решении этого вопроса. Миротворческая деятельность не была легкой, так как прессинг на кази-колона оказывался с обеих сторон, однако, как с удовлетворением отмечал судья, результат был положительным и мардикеры Намангана разошлись по домам.

Еще одной проблемой, обсуждавшейся в беседах с сотрудником газеты, были вопросы торговли, а вернее сказать отсутствие таковой, на что жаловались торговцы и владельцы лавок. Они связывали отсутствие торговли с низкими ценами на хлопок, что, по их мнению, оказало влияние на все остальное. Помимо этого, сказывалась ножницы цен между затраченными средствами и полученной выгодой – когда дехкане сеяли хлопок, рабочая сила, которую они использовали, так же, как и продукты питания, были дорогими и на них были затрачены большие средства. Как отмечали дехкане, «заработанных денег еле хватает на самое необходимое», не говоря уже о прочих расходах, включая расходы на одежду.

Корреспондент газеты упомянул в одной из своих статей о состоявшемся в 1912 году визите в Коканд министра путей сообщения Российской империи. На встрече с местным населением министр попробовал кишмиш и виноград и выразил свой восторг по поводу их вкуса, после чего задал вопрос, почему же они не доставляются во внутренние районы России. Отвечать взялся, как отмечал мулла Алим, местный богатей Салихбай, который сказал примерно следующее: «У нас в Коканде нет специализированных вагонов для отправки фруктов в Россию. Если бы имели такие вагоны, то фруктов могли бы отправить довольно много». Министр со своей стороны обещал решить этот вопрос и предоставить необходимые вагоны для доставки фруктов.

Важное значение имели в то время вопросы образования. Не мог

их обойти вниманием и мулла Алим, который в ходе своей поездки посетил множество медресе в различных городах Туркестанского края. Мударрисы (преподаватели) приглашали корреспондента в свои медресе и знакомили его с учебным процессом. Ученики одного из медресе, которое посещал мулла Алим, связывали состояние медресе с личностью мударриса: «Теперь с появлением добросовестного мударриса наше медресе станет процветающим, больше станет учеников». Ученикам этого медресе была предоставлена возможность выбора мударрисов. Это был позитивный шаг, так как, по мнению учеников медресе, «старший мударрис не всегда был в состоянии проводить уроки в старших классах». Лучше было бы, – говорили они, – если бы уроки вел второй мударрис». Инспектор по учебным делам, в связи с возникновением этого спорного вопроса, пытался внести ясность и предлагал ученикам, «не согласным с назначением старшего мударриса, встать с одной стороны». Ученики же твердо стояли на своем и заявляли: «Не хотим, чтобы в классе оставался старший мударрис». Результатом стало то, что предложение учеников было все-таки принято и мударрис был заменен.

Мулла Алим старался выяснять у местного населения причину, по которой некоторые медресе бездействовали. Один из основных факторов был связан, по мнению представителей местного населения, с личностью мударриса. Однако фактически одной из основных причин упадка образования в начале века и олицетворения этого образования – медресе – были устаревшие учебные программы и заикленность на изучении только дисциплин, связанных с религией, отставание от требований времени, равнодушное отношение властей и сложное материальное положение.

В печати того времени отмечалась большая роль меценатства в повышении авторитета школ. В ходе своей поездки мулла Алим также отметил случай меценатства. Будучи на торжествах по случаю обрезания у андижанского богача Ахмадбека хаджи – владельца 4-х хлопкоочистительных заводов, он записал речь Туркестанского генерал-губернатора, также принимавшего участие в этих торжествах, который в своей речи призывал к вложению средств в школы: «Потратив столько средств на своих детей, вы устраиваете такие пышные торжества. Надеюсь, что вы вложите деньги в создание школ, и ваши дети всегда будут помнить и благодарить вас». В ответ на эту речь Ахмадбек хаджи обещал открыть одну русско-туземную школу.

Во время путешествия по святым местам в Мекке и Медине мулла

Алим подолгу беседовал с хаджами из Туркестана и Кашгара, которые рассказывали ему о множестве проблем, связанных с осуществлением хаджа. Мулла Алим посетил в Медине медресе Махмудия, куда его пригласил проживавший в одной из келий ташкентский мулла Юсуф. Вполне естественно, что мулла Алим расспрашивал его об этом медресе. По информации муллы Юсуфа, старшим мударрисом медресе был один из улемов Истанбула. Вообще, по мнению Муллы Юсуфа, мударрисы всех известных медресе Мекки и Медины были из турецких улемов. Вакфами медресе обеспечивал Египет. С появлением пароходов здесь все начало бурно развиваться. Был построен большой порт для кораблей.

В заключение необходимо отметить, что устные воспоминания муллы Алима, свидетельствующие об отношении мусульман к различным проявлениям жизни края начала XX века, а также об их интересе к жизни других народов, могут помочь исследователям в их изысканиях.

АКБАР НУРМАТОВ

кандидат филологических наук, доцент,

Узбекский государственный университет мировых языков

akbarnurmatov@mail.ru

«ПУТЕВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» МАХМУДХОДЖИ БЕХБУДИ КАК ОБРАЗЕЦ ИСТОРИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ

На мой взгляд, все сведения и рассуждения авторов, результаты опросов, проведенных во время поездок по деревням, городам и странам, художественно-публицистическое описание всего изученного и услышанного, впоследствии оформившегося в путевые очерки, могут стать ценным дополнением к устно-историческим материалам.

В качестве примера рассмотрим «Путевые воспоминания» Махмудходжи Бехбуди, написанные им в период с 70-х годов XIX до начала XX века. На наш взгляд, они достойны внимания специалистов по устной истории Узбекистана.

В то время уже известный публицист, Бехбуди являлся ведущим представителем туркестанских джадидов. Он работал редактором, обычным корреспондентом, учителем, написал много учебников, занимался театральной деятельностью. Махмудходжа Бехбуди, как отмечают многие исследователи, считается крупным деятелем, который пытался объединить всех джадидов Средней Азии. Он смог установить связи со всеми свободомыслящими и образованными мусульманами царской России.

Начало XX века ознаменовалось возникновением, распространением и усилением влияния джадидизма на сознание местного населения. Для изучения опыта реформирования джадиды Туркестана ездили в Москву, Петербург, Крым, Турцию, Иран, на Кавказ, а также в арабские страны. О своих впечатлениях, о передовых идеях, технических новинках они стремились рассказать широкому кругу читателей в своих путевых очерках, записках и воспоминаниях. Тем самым они способствовали формированию у общественности положительного отношения к проведению реформ в социально-политической и культурной жизни Туркестана и Бухары, боролись против отсталости и застоя в духовной жизни, вопреки интересам местных феодалов и царской власти.

Во второй половине XIX века был опубликован ряд работ, в которых

рассказывалось о заграничных путешествиях туркестанских интеллигентов. В качестве примеров можно привести путевые записки Ахмада Даниша (1827–1897), опубликованные в книге под названием «Нодир воқеалар»¹ («Редкие события»), Кози Рахматулла Бухори (Возих), воспоминания которого нашли отражение в путевых записках под названием «Гаройиб ал-хабар фи ажойиб ас-сафар» («Удивительные сообщения о прекрасных путешествиях»)².

Мирза Сироджиддин (1878–1914) сообщает о своем путешествии по многим странам Востока и Европы. Из его дневников мы узнаем, что он побывал в Турции, Иране, Афганистане, Индии, а также в таких городах Западной Европы, как Будапешт, Вена, Берлин, Париж и Лондон.³

Весьма сильное влияние на джадидов и интеллигентов Туркестана оказали путевые заметки «Хаж саёҳати» («Путешествия в хадж») казанского публициста Салима Гароя Султанова, опубликованные в начале XX века, а также путевые записки Ризоуддина Ибни Фахруддина под названием «Исмоил саёҳати» («Путешествия Исмаила»), вышедшие в 1903 году в Казани.

По свидетельству известного немецкого ученого Ингеборга Балдауфа, в книге Петера Томзе «Палестинская литература» (Лейпциг, 1916) дается информация о том, что за период с 1910 по 1914 год написано более ста путевых очерков. Эти очерки опубликованы в Казани, Саратове и Одессе.⁴ Примечательно, что большинство из этих заметок были написаны в виде обычных справок, да и изложение впечатлений отличается сухостью и простотой.

Путевые очерки Махмудходжи Бехбуди «Саёҳат хотиралари» («Путевые воспоминания») были опубликованы в журнале «Ойина», который издавался с 20 августа 1913 г. в Самарканде. Журнал выпускался в виде еженедельника в основном на узбекском языке (80%), в нем также публиковались стихи, небольшие статьи на фарси и объявления на русском языке.

Когда Махмудходжа Бехбуди работал редактором этого журнала, он во второй раз отправился в путешествие по арабским странам. В своих заметках об этом он пишет так: «1318 (милодий 1899/ 1900 й.й.) сана Ҳижрияси тавофи Байтуллоқга Кафказ йўли ила Истанбул ва Миср ал-

1 Аҳмади Дониш. Наводир-ул-вақоъ. Душанбе: изд-во «Дониш», 1988.

2 Ҳасанов Х. Сайёҳ олимлар. - Т.: Ўзбекистон, 1981. – С. 235.

3 Там же. – С. 236.

4 Балдауф И.. XX аср ўзбек адабиётига чизгилар. Т.: Маънавият, 2001.

Коҳира воситаси-ла бориб, муддати сафарим саккиз ойдан зиёда сӯзиб эди. 1325 (милодий 1906/1907 й.й.) санаи ҳижриясинда Русия мусулмонларининг мухтарам зиёли ва акобирларининг Нижний ёрминкасинда миллий ишлар тўғрисида машварат қилинатурган мажлисга мушарраф бўлмоқ учун Ўрунбург йўли ила Маскув, Петербург, Қозон воситаси-ла Нижний Новағўрўд бориб эдим».⁵ (В 1899–1900 годах, чтобы совершить хадж, я отправился через Кавказ, Стамбул и Каир, на что потребовалось 8 месяцев. В 1906–1907 годах для того, чтобы попасть на презентацию национальных публикаций мусульманских интеллигентов России, поехал в Нижний Новгород через Оренбург, Москву, Петербург и Казань).

«Путевые воспоминания» Бехбуди написаны простым языком и в очень понятной форме. Хотя Бехбуди было свойственно писать более сложным стилем, однако в своих «Воспоминаниях» он старается избежать его (если не учитывать употребления некоторых арабских и персидских терминов и слов) и излагать свои мысли более простым языком, чтобы быть доступным широкому кругу читателей. Может быть, он выбрал такой стиль для того, чтобы его язык соответствовал реальной жизни. (Высоким стилем принято описывать события во дворцах, однако для показа бедственного положения своих соотечественников Бехбуди выбирает более простой, доступный язык.)

Во всяком случае, с самых первых строчек «Путевых воспоминаний» описывается реальная жизнь. Сравнивая жизнь в Туркестане с жизнью в других странах, Бехбуди получает возможность ярче показать тяжелое положение соотечественников: «Марвда аҳоли аксарият ила рус, арман ва эрон табъаларидур. Атроф халқи туркман бўлуб, шаҳарий (шаҳарли) бўлганлари йўқ. Ҳануз қора уй-чодирлариға тирикчилик қиладурлар. Марвда узоқдан рус калисосининг қўббаси кўрилуру. Атрофдаги юз минглар ила “мусулмон”(!)ни масжиди кўринмайдур»⁶ (население Мерва в основном состоит из русских, армян и иранцев. Вокруг них живут туркмены, но они не являются горожанами. Они до сих пор проживают в юртах. В Мерве издалека виден купол русской церкви. Однако невозможно увидеть мечетей мусульман, составляющих большую часть его населения).

Сравнивать Бехбуди начинает сразу по приезде в ту или иную страну. Ни одно из его наблюдений и описаний не оставляет читателя равнодушным. Для описания своих наблюдений Бехбуди выбирает стиль,

5 Махмудходжа Бехбудий. Танланган асарлар. Т.: Маънавият, 1999, 57 б.

6 Бехбуди. Указ. соч. – С. 56.

далекий от эмоциональности и назидательности. Он пытается объективно изложить увиденное, услышанное и те события, свидетелем которых он был. Например, он пишет так: «Ҳаво иссиқ, вагон ичинда 33 даража ҳарорат бор. Энди Самарқандни ҳаво ва латофати ёдга келур. Вагондаги руслар: “Оҳ, Самарқанд. Вой, беҳишт”-дер»⁷ (Жарко, в вагоне 33 градуса. Вспоминаешь приятный воздух и красоту Самарканда. Русские в вагонах говорят: «Ах, Самарканд. Это был рай».).

Где бы ни был Бехбуди, его всегда интересуют образование, просветительство и печатное дело и он проводит сравнение с их состоянием в Отечестве. Даже тогда, когда он прибывает в Баку только на один день, вне поля его зрения не остается деятельность журналов и газет, и он делает такой вывод: «Жаридаларнинг тараққий этмоқиға ва “мусулмон жаридасининг идораси” демоқға лойиқ бир манзара ташкил этмоқиға ҳаракат қилмоқлари керак эди»⁸ (Несмотря на наличие состоятельных граждан, здесь никто не пытается способствовать развитию печатного дела, хотя здесь можно было бы организовать и создать такие мусульманские периодические издания). Он также отмечает бедственное положение редакторов газет и самих изданий.

Ингборг Балдауф отмечает, что Махмудходжа Бехбуди пишет «Воспоминания», чтобы под предлогом путешествия в Куддус показать бедственное положение соотечественников и их недалновидность: «Қуддуси шарифга саёҳати баҳонасида ўқувчиларга кўнглининг тубида чўкиб ётган ғам-андуҳларини, Ўрта Осиёнинг дард-ташвишларини баён этиш ҳамда ватандошларига уларнинг хатоларини кўрсатиб бериш учун бу асарни битган».⁹

А ведь и в действительности так: «Подобно тому, как мы, туркестанцы, тратим все свои сбережения на свадьбы, похороны или на козлодрание, так и эти наши мусульманские собратья всё свое состояние используют на улаживание скандалов, связанных с похищением девушек, или в связи с этим на убийства друг друга, а также на следующую за этим месть, а потом на судебные дела и ссылку в Сибирь, и в итоге – на неизбежную гибель. Школ-медресе или хотя бы похожих на них образовательных учреждений почти нет. Однако сами они являются очень религиозными, но на практике допускаются всякие отклонения от мусульманских канонов!...».¹⁰ Подобного рода сравнения приводят-

7 Бехбуди. Указ. соч. С. 57.

8 Бехбуди. Указ. соч. С. 60.

9 Балдауф И. Указ. соч.

10 Бехбуди. Указ. соч. С. 61.

ся на всем протяжении «Путевых воспоминаний».

Каждое описание мусульманской страны и среды обязательно сравнивается с соответствующим описанием Туркестана. Но, к сожалению, в конечном итоге автор показывает бедность, отсталость, невежество в родной стране. С особой болью он говорит о более низком положении мусульман на социальной лестнице по сравнению с представителями других конфессий. Бехбуди часто отмечает, что в этом виноваты сами земляки. Так, например, когда он попросил у самого успешного книгопродавца Ирана журнал и узнал, что такового у него нет, он с недоумением отмечает: «Ана, сизга мусулмоннинг катта саводхонаси, Ватанан ва бутун олами исломдан хабарсиз яшайдур, оҳ...»¹¹ (Вот вам просвещенность мусульманина: он живет, не зная о событиях в своем Отечестве и во всем исламском мире).

При описании жизненных ситуаций, связанных с представителями других национальностей, он ставит в пример своим соотечественникам их предприимчивость, осведомленность, компетентность. Об этом он пишет сухо и с отчуждением. Но когда он добирается до исламского города Стамбула, увидев здешнюю жизнь и военные события, начинает описывать их в приподнятом тоне. Если он дает весьма скудные сведения об исторических памятниках и местах поклонения, то политическое и военное положение Турции описываются автором более подробно.

Говоря о самоотверженности турецких воинов, он не жалеет слов для их похвалы и пишет об этом так: «...ерларни қозиб, томурлар қобуғини ебдурлар. Ана, 20-асрнинг маданияти ва миллатчилиги. Бу бўлмаса ва мундоқ фидокорлик қилинмаса, миллат ва динлар маҳв бўлуб кетар...»¹² (...они выкапывают корни и питаются корой деревьев. Вот вам культура и патриотизм XX века. Если бы не это и не такая самоотверженность, нации и религии давным-давно вымерли бы).

В конце своих воспоминаний Бехбуди пишет о положении, образе жизни арабских мусульман, живущих в Палестине. При чтении этих строк невольно создается впечатление, что Бехбуди придерживается идеи панисламизма. Однако, как отмечает И. Балдауф, это не так, он не стремится к этому, иногда даже не очень хорошо отзываясь о палестинских мусульманах, не говоря уже о многоуважаемых туркестанцах, не скрывает своего недовольства по поводу того, что империи

11 Бехбуди. Указ. соч. С. 65.

12 Бехбуди. Указ. соч. С. 78.

интересуются арабскими странами.¹³

Вообще, «Путевые воспоминания» Бехбуди трудно трактовать с одной позиции. Размышления, описания автора можно оценить не менее чем с двух или трех точек зрения. Например, когда он высоко оценивает дела русских в Палестине, он как гражданин России не скрывает своей гордости. Однако при описании отношения русских к представителям национальностей Средней Азии как колонизаторов он подвергает жесточайшей критике их имперское поведение. Например, при описании мечети «Ал-Акса» в Куддусе он отмечает следующее: «... мусулмоний хатда бир “Раҳнамо” ахтардим, йўқ. Франсавий, немис, англис, румча, русча, арманича, ҳатто, булғорчаси бор. Ялғуз мусулмончаси йўқ...»¹⁴ У ердаги мусулмонларни эса “... ўз нафсингиз учун бу қадар зиллати тамаъни қабул қиларсиз ва беш юз қадамдаги ҳужрангиздан чиқиб заввордан назр олмоқ учун югуриб, ман имом, ман – хатиб, ман – ансордан ва саййид, – дерсиз, ...бу на ҳолдур? Мундай кетса, амин бўлингки, анқариби ҳарамни ва арзи муқаддасни насоро ва яҳуд сиздан олар!»¹⁵ (Искал путеводитель на мусульманском языке, не нашел. На французском, немецком, итальянском, русском, армянском и даже на болгарском есть. Нет только на мусульманском. Ради своих желаний вы готовы выполнить любое требование и бежать хоть на край света. Чтобы получить подаяние, вы говорите, что вы – имам, хатиб или саййид. Какой позор! Если так будут обстоять дела, то, несомненно, христиане или иудеи отнимут у вас храмы и святыни).

В качестве вывода можно отметить, что в «Путевых воспоминаниях» Бехбуди утверждаются идеи мирового сообщества, просветительства, он говорит о необходимости расширения культурных учреждений, использования передовых достижений науки.

Заключительная часть «Воспоминаний» знакомит нас с отношением Бехбуди к вопросам психологии ислама, его народной практики ислама, а также самого важного для него вопроса – исламской морали.

13 Балдауф И. Указ. соч.

14 Бехбуди. Указ. соч. С. 79.

15 Там же.

СУЛАЙМОН ИНОЯТОВ

*доктор исторических наук, профессор,
Навоийский государственный педагогический институт
S.INOYATOV@mail.ru*

ФАЙЗУЛЛА ХОДЖАЕВ И ЕГО РОДНЫЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Файзулла Ходжаев... Кто не знает его в Узбекистане! Это имя овеяно легендами. Рассказывают, что он учился за границей, что в Берлине получил высшее образование, что знал несколько иностранных языков... Да, он был в Германии (на лечении), но образование получил в Москве, где его отец, бухарский купец-миллионер, имел крупную торговую фирму. Он блестяще владел тремя языками: узбекским, таджикским, русским. Вот несколько реальных фактов из его короткой, но яркой жизни. Так, он трижды был приговорен к смертной казни.

В 17 лет он вступил на путь революционной борьбы; в 22 года возглавил вооруженное выступление против власти эмира в Бухаре и был приговорен к смертной казни, но избежал этой участи – уехал в Ташкент, а затем в Москву; в 24 года, после победы революции, был назначен Председателем Совета Народных Назиров (комиссаров) Бухарской Народной Советской Республики и возглавлял революционно-демократическое правительство БНСР вплоть до национально-территориального размежевания Средней Азии и образования УзССР; в 28 лет стал председателем первого правительства Узбекистана и одним из 6 председателей ЦИК Советов СССР, и эти ответственные посты занимал до 1937 года.

Первым серьезным шагом в восстановлении исторической справедливости стало Постановление ЦК КП Узбекистана и Совмина республики от 28.02.1967 г. «Об увековечении памяти Ф. Ходжаева». Были опубликованы избранные труды Файзуллы Ходжаева.

В 1996 г. было принято Постановление Кабмина РУз «О праздновании 100-летия со дня рождения Файзуллы Ходжаева». Были намечены мероприятия (юбилейный вечер и научная конференция в Ташкенте, издание сборника воспоминаний, исследования жизни и творчества, издание произведений, выпуск почтовых марок, конвертов и открыток, создание документального фильма, цикл радио- и телепередач).

На основе устных свидетельств мы выявили судьбы родственников Ф. Ходжаева и близких ему людей.

О детях и внуках Файзуллы Ходжаева

Известно, что у Ф. Ходжаева была единственная дочь по имени Вилюятхон, у которой трое детей. Это Асад-Рудольф от Виктора Бархета, выходца из поволжских немцев, высланных в Сибирь. Рудольф, родившийся в 1940 г. в Сибири, ныне кандидат медицинских наук, работает в 1-й горбольнице Ташкента врачом-урологом.

От второго брака с Николаем Козловским у Вилюятхон двое сыновей. Один из них – Азиз Николаевич, 1948 г. р., по образованию физик. В 1980-е годы выехал в Москву. В настоящее время о нем ничего неизвестно. Второй сын – Константин Николаевич Козловский, 1950 г. р. В 1975 г. окончил химфак МГУ им. М.В. Ломоносова. В настоящее время проживает в Ташкенте, имеет сына – Файзуллу Ходжаева. В 1967 г. Азиз и Константин взяли фамилию бабушки – Ходжаев. Данная информация получена от респондента Касыма-бобо Шамсиева (1907 – 22.03.2006), с которым мы беседовали в июле 1996 г., когда в гостях у них в г. Навои был старший сын Вилюятхон Асад-Рудольф Викторович Бархет. С семьей Асада-Рудольфа систематически общается дочь Касыма-бобо Дилбар Касымовна Шамсиева, врач-педиатр 27-й больницы Навоийского горно-металлургического комбината.

О внуке Файзуллы Ходжаева – Асаде-Рудольфе Викторовиче Бархете

Достойным своего деда оказался внук Ф. Ходжаева – врач-уролог Рудольф Викторович Бархет. *«Он родился спустя 2 года после казни деда на далеком Сибирском полуострове, где находилась в ссылке семья Файзуллы Ходжаева. Это была единственная узбекская семья на полуострове, – рассказывает журналист из Бухары Нусратилло Наимов. – Здесь были мать и дочь Ходжаева – Вилюят, которая познакомилась с таким же политическим ссыльным Виктором Бархетом из поволжских немцев. Вскоре они поженились. Так внук Файзуллы Ходжаева стал немцем по национальности»*.¹

Из интервью Рудольфа Бархета:² *«Судьбе было угодно, чтобы я родился в этой семье, семье очень известной, со славной и трагической долей. Долгое время мне ничего не было известно о моих корнях – ни*

1 Из интервью Наимова Нусратиллы. Уроженец Бухары. 1948 г. р., журналист.

2 Беседа с Рудольфом состоялась 7 июня 1996 г. в Кызылтепинском районе Навоийской области.

по линии матери, ни по линии отца. Меня просто оберегали от этой страшной информации. Потому что до 1965 г. 58-я статья не была снята ни с моей матери, ни с Файзуллы Ходжаева. Раньше в анкетах задавался четкий вопрос о родителях, в том числе и такой: «Не судимы ли родители? А если судимы, то по какой статье». И если бы я знал хоть что-то, то обязан был это указать. Но тогда уже мне не видать поступления в вуз. А поступал я в институт в 1958 г., всего через 5 лет после смерти Сталина. Моей матери, Вилоят Файзуллаевне, пришлось очень много работать. В общем, вести жизнь лишенца. Она часто вспоминала слова из романа В. Гюго: «Отверженный не ропшет». Вот и ощущала себя до 1965 г. отверженной. Вероятно, годы, проведенные с отцом, сформировали незаурядный и волевой характер моей матери. Она много читала, имела довольно широкий кругозор. В 1966 г. мама окончательно переехала в Узбекистан. Ей была предоставлена работа в Институте философии и права. Помогли ей Ш.Р. Рашидов и И.М. Муминов. Мама отдала всю свою энергию и несколько лет жизни изданию работ своего отца. Так появился трехтомник произведений Файзуллы Ходжаева. Работала в архивах Бухары, Ташкента, Самарканда, Москвы, Подольска. Но не имела доступа в архивы КГБ. В честь 70-летия Бухарской революции в 1990 г. Бухарскому пединституту вернули имя Ф. Ходжаева. К сожалению, мамы уже 3 года как не было в живых. Но распался СССР... Наступил 1991 год. Узбекистан стал суверенным государством. Вероятно, прав был Платон, что самым устойчивым в мире является идея. Идеи Ф. Ходжаева до сих пор живы. Они актуальны. Наша республика благодаря Президенту И.А. Каримову становится полноправным членом мирового сообщества... Спасибо этому времени, спасибо историкам, вернувшим имя Ф. Ходжаева народу, спасибо журналистам, писавшим об этом удивительном человеке, спасибо нашему Президенту за его политику, за его целеустремленность. Спасибо от имени всей нашей семьи – уже внуков и правнуков».³

После начала Великой Отечественной войны Бархетов как членов семьи «врага народа», переселили еще дальше в глубь сибирского леса. Родители Рудольфа своим трудом добывали пропитание. А бабушка приглядывала за внуком и без конца курила свой чилим (кальян). Она была дочкой богатого бухарского ростовщика и с юности не была приучена к труду. Единственное, что она умела, это вышивать, как и все женщины из богатого рода. Поэтому родителям Рудольфа приходи-

3 Эти слова записаны нами из уст Рудольфа Викторовича 7 июня 1996 г. в школе, носящей имя Ф. Ходжаева, в Кызылтепинском районе.

лось нелегко, ведь в столь суровое время надо было накормить досыта ссыльную семью.

Из интервью Рудольфа Бархета: «Роковой фигурой в семье Ходжаевых был Сталин. В день смерти диктатора бабушка, услышав об этом из официального сообщения, поперхнулась дымом своего чилима, четко, отрывисто и резко сказала, оправившись от кашля: «Наконец-то мне довелось услышать о смерти этого пса». И ее можно было понять. Но вскоре она скончалась. После масштабной и справедливой критики культа личности на XX съезде КПСС семья переселилась в поселок Рыбачье в Киргизии. Однако случилось так, что жизненный путь моих родителей привел их к разводу. Мать вышла замуж вторично. Вскоре после этого семья переехала жить в Москву. В 1973 г. семья переехала жить в Ташкент, а я стал работать врачом в одной из столичных больниц. 2 февраля 1987 г. умерла мать». Хочется добавить, что до окончания знаменитого судебного процесса над «правотроцкистским блоком» в марте 1938 г. все члены семьи Ф. Ходжаева содержались в Ташкентской тюрьме. После приговора Военной коллегии Верховного суда СССР в камере умерла прабабушка Рудольфа, мать Файзуллы Ходжаева – Райхонбону.

О родственниках Ф. Ходжаева

В семье деда Ф. Ходжаева Касым-Ходжи было три сына – Гаффар-ходжа, Убайдулла-ходжа, Латиф-ходжа, а также три дочери.

Гаффар-ходжа имел 4-х сыновей – Саттар-ходжа, Шукур-ходжа, Рахим-ходжа, Карим-ходжа – и дочь. Судьба 4-х сыновей Гаффар-ходжа сложилась в советское время по-разному. Карим-ходжа Гаффар-ходжа-оглы родился в Бухаре в 1910 г. в семье богатого купца. Его брат Саттар-ходжа неоднократно отправлял его в дом Ходжаевых, где он познакомился лично как с Файзуллой Ходжаевым, так и с членами его семьи. В своих воспоминаниях Карим-ходжа отмечает, что Файзулла Ходжаев был с детства скромным, человечным, добродушным, милосердным. Об этом говорит тот факт, что возле дома Ходжаевых был двор для нищих детей, которые ежедневно находили приют и бесплатный сытный обед.

«Я был свидетелем сентябрьских событий 1920 г., – рассказывал Карим-ходжа, – когда над Бухарой взрывались страшные бомбы, разрушившие город, в том числе наш дом площадью свыше 10 гектаров, находящийся в махалле Кокули Калон. В горящей Бухаре остались сиротами несколько сотен детей, 300 из числа которых было отправлено

в Москву на учебу. Среди них – трое детей бухарского эмира, а также я и брат Рахим-ходжа. За несколько суток поездом Ашхабад – Москва дети доехали до Москвы и были размещены в разных местах до определения мест будущего обучения. Рахим-ходжа был направлен в подмосковный город Зарайск, где приобрел специальность слесаря. А я попал в Бухарский Дом просвещения».

«Бухарский Дом просвещения находился в бывшем роскошном особняке русского фабриканта Рябушинского, на ул. Спиридоновка, 17 (ныне ул. А. Толстого). Особняк был окружен зеленым, пышным садом, в котором были представлены образцы деревьев из многих стран. Двухэтажный особняк миллионера состоял из небольшого зала, фойе и многочисленных комнат. Стены и двери комнат были красочно расписаны. В ряде комнат стены были наполовину покрыты резным драгоценным деревом коричневого цвета. Учились мы там на протяжении трех лет, нас посещали видные руководители узбекского государства, такие, как Файзулла Ходжаев, Акмал Икрамов, Юлдаш Ахунбабаев и другие».

По окончании учебы в Москве я был направлен в Ташкент и поступил на химический факультет Среднеазиатского государственного университета. Будучи студентом, работал над исследованием источников минеральных вод Чустского района, впоследствии вылившимся в успешно защищенную дипломную работу. По окончании университета работал учителем химии в средних школах Чирчикского района Ташкентской области».

При интервьюировании Карим-ходжа с волнением вспоминал «большой террор» 1937–1938 годов: «Ранним весенним мартовским утром, накануне праздника Навруз, работники НКВД внезапно ворвались в дом брата, обвиняя его в измене родине, называя «врагом народа», националистом, увели в неизвестном направлении. На второе утро такая же крытая машина приехала за супругой брата – Робияхон. В доме брата остались четверо девочек – сирот при живых родителях – Мухабат, Мухарам, Мунира и Мохира, старшая из которых училась на рабфаке. Впоследствии узнали, что их мать 4 года провела в сибирской ссылке. Судьба же брата была трагичной: среди 17 расстрелянных 25 октября 1937 г. был и мой брат Саттор-ходжа Гаффарходжаев».

О судьбах других родственников Карим-ходжа поведал следующее: «Старшая дочь Саттор-ходжи Мухаббатхон переехала из Ташкента в Бухару, долгое время работала продавцом в текстильном магазине,

находящемся под первым куполом Токи Сараффон. Вышла замуж за Яхшиходжаева, у них родились две дочери – Шарофатхон и Зеварахон. Вторая дочь брата – Мунира – вышла замуж за казаха Заира Ташкентбаева, который в 1974 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в ТашГУ. Впоследствии работал завкафедрой истории Алмаатинского ветеринарного института. Мухаррамхон – третья дочь брата – жила в Ташкенте. Муж – транспортник. В семье у них две дочери. Четвертая дочь брата – Мохирахон – жила в Ташкенте».

Метод, который мы применили в своем историческом исследовании, называется методом «семейной истории» (“family history”). К сожалению, пока этот метод недостаточно широко используется в исследованиях, но, по нашему мнению, за ним большое будущее, поскольку он позволяет отразить те стороны и аспекты исторической действительности, которые обычно не находят своего отражения в документах.

НАИМ КАРИМОВ

*доктор филологических наук, профессор,
Музей «памяти жертв репрессий» АН Узбекистана
naim32@mail.ru*

УСМАН НАСЫР В ЗЕРКАЛЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ

В Узбекистане вряд ли найдутся люди, не знавшие или не слышавшие про талантливого узбекского поэта Усмана Насыра, судьба которого была исковеркана в годы сталинских политических репрессий 30–50-х годов прошлого столетия. Но, прежде чем обратиться к устным материалам, хотелось бы сказать несколько слов о нем и о его времени.

Родившийся в 1912 г. в г. Намангане Усман рано потерял родного отца. После того, как его молодая мать вышла за другого, он вместе с матерью и отчимом переехал в город Коканд. Вначале отчим относился к нему как к родному сыну. Но после того как у него одна за другой появились родные дочери, Усман оказался не ко двору. И он был отдан на воспитание в кокандскую школу-интернат.

Однако по истечении определенного времени талантливый юноша, проявив свои незаурядные литературные способности, привлек внимание не только своих одноклассников и воспитателей. Его стихотворения, опубликованные в кокандских и ташкентских изданиях, принесли ему популярность. К трагическому 1937 году Усман Насыр стал известным поэтом, автором отмеченных талантом двух поэтических сборников «Сердце» и «Моя любовь», любимцем узбекской молодежи. Его слава была подкреплена выполненными им блестящими переводами пушкинского «Бахчисарайского фонтана» и лермонтовского «Демона».

12 июля 1937 г. Усман Насыр в двадцатипятилетнем возрасте был репрессирован. В сталинских расстрельных списках его фамилия находится среди тех, кто был осужден по 2-й категории, т. е. на 10 лет без права переписки.

После издания книги о замечательном узбекском поэте Хамиде Алимджане в серии «ЖЗЛ» Насрулла Даврон, забытый ныне поэт и литературовед, с которым мы вместе работали в Институте языка и литературы Академии наук Узбекистана, предложил мне написать такую же книгу о своем старшем товарище и друге Усмани Насыре и рассказал

про него много интересного. Увлеченный этой затеей, я в середине 80-х годов встречался и беседовал со многими людьми в Коканде, Намангане, Самарканде и Ташкенте, знавшими покойного поэта или, на худой конец, слышавшими про него хоть что-нибудь. Моей единственной целью было добыть от них объективную информацию. Я просил их рассказать все, что они знают про Усмана Насыра – и хорошее, и не очень... приятное. А когда кто-то не смог что-то вспомнить из его трудного детства, я показывал имеющиеся у меня фотографии Усмана Насыра, здания школы, где он учился, книг, вырезки газетно-журнальных материалов или рассказывал эпизод, связанный с Усманом Насыром. Думаю, рассказы современников, частично приводимые в этой статье, не грешат субъективизмом, ибо их «авторы» не были заинтересованы ни в идеализации, ни в очернении кого-либо.

Итак...

Коканд. 15 марта 1986 г.

Рассказ Муйдина Бурханова, друга детства Усмана Насыра

Я родился и рос вместе с Усманом в махалле 2-й Бешарык (ныне Большевик). Ибрагим Даврон¹ был моим дядей. Рядом с его двором было хонако², а рядом с ним одно или два пустых помещения, а над ними – болахона³. Пулатджан Каюмов⁴ здесь открыл школу. Это было где-то в 1915–1916 годах. После Октябрьской революции школу закрыли. В 1917–1918 годах в помещении, что служило конторой какого-то завода, открылась школа «Янги хаёт». Ибрагим Даврон отдал меня в эту школу.

В 1922 году, когда мы с ребятами пошли купаться, с моим товарищем Закир-Артыком туда пришел какой-то незнакомый мальчик. Это был Усман. Оказывается, Насырджан ака (отчим Усмана Насыра. – Н.К.), женившись на его матери, переехал в Коканд, и они жили где-то здесь, недалеко от водоема. Я познакомился и стал часто встречаться с Усманом.

Однажды, когда мы с ним о чем-то разговаривали на улице, к нам случайно подошел Пулатджан Каюмов и спросил меня, указывая на Усмана:

– Кто это?

1 Ибрагим Даврон (1874–1922) – известный ферганский поэт-просветитель.

2 Хонако – внутренняя часть мечети, молельня.

3 Болахона – комната на втором этаже.

4 Пулатджан Каюмов (1885–1964) – известный кокандский педагог и литературовед, отец академика А.П. Каюмова и профессора А.П. Каюмова.

– Мой товарищ, – ответил я.
– Учишься? – спросил он, обращаясь к Усману.
– Нет, – ответил тот.
– Тогда, – сказал он, уже обращаясь ко мне, – завтра приведи его в школу.

Классы были смешанными – вместе со старшими учились и маленькие ребята. Усман начал учиться в нашем классе.

Из-за того, что у меня не было отца, жить становилось все труднее и труднее. Поэтому Пулатджан Каюмов рекомендовал меня для продолжения учебы в недавно открывшемся для сирот интернате. И я, и моя мать дали на это согласие. На следующий же день он, Пулатджан Каюмов, отвел меня в интернат. Это было где-то в конце 1922 года.

Через некоторое время директором интерната стал Кары-Ниязи⁵. Однако по истечении некоторого времени Кары-Ниязи, оставив в интернате сорок учащихся, остальных увез в Фергану и стал там работать директором вновь образованного педучилища. Мы продолжали учиться в школе-интернате уже без него.

Усман, окончив четыре класса каюмовской школы, уже нигде не учился. Однажды его мать пришла к нам и сказала, что его жизнь рядом с отчимом стала невыносимой, и она очень хотела бы, чтобы он пошел в ту же школу, где учится Муйдинджан... На следующий день она, мать Усмана, еще раз пришла к нам и при мне повторила сказанное ею вчера моей матери.

В пятницу вечером Усман пришел к нам, заночевал, и мы утром вместе с ним пошли в интернат. Возле интерната, как будто ожидая нас, стояли Абдувахоб Ибоди, директор интерната, Мухтарджан домулла и зав. учебной частью Джавлон Рахмон. Я, познакомив их с Усманом, рассказал о трудном положении, в котором он оказался. Они сказали: «Бупти, с сегодняшнего же дня он может остаться в интернате». Кровать-матрац, полотенце-молотенце – все выделили. Мы стали учиться в одном классе. Он был смышленный. Основные предметы – математика, физика, химия – велись на русском языке. (По этим предметам не было специалистов-узбеков.) Это принесло нам даже пользу: Усман, немного овладев русским языком, начал читать книги, изданные на этом языке. В 1929 г. мы вместе с ним окончили девятилетку. Мы были первыми выпускниками этой школы.

5 Кары-Ниязи Ташмухаммад Ниязович (1897–1970) – выдающийся ученый-математик, человек энциклопедических знаний, первый Президент Академии наук Узбекистана.

После окончания девятилетки нам была предоставлена возможность поехать сначала в Ташкент, затем в Москву и Ленинград. Мы поехали вместе с участниками музыкального кружка. В Москве Мавзолей Ленина увидели в его первоначальном – деревянном виде. В Ленинграде посетили Путиловский завод, где участники музкружка дали небольшой концерт, а Усман Насыр на этом концерте читал стихи «Героям революции», посвященные путиловцам. (Это стихотворение почему-то не вошло в его книги.) Оказывается, рабочие не знали, что есть в мире такой народ, как узбеки. Они называли нас сартами. Усман на концерте конферансировал на русском языке. Прочитав свои стихи на узбекском языке, тут же объяснил его содержание на русском. Когда мы находились в Ленинграде, приехали туда и девушки из Ферганского педучилища. Они вместе с нами принимали участие в наших концертах, данных в городе на Неве.

Короче, из поездки мы вернулись полные неизгладимых впечатлений. Некоторые из нас поехали учиться в другие города. Некоторые стали учителями школ первой ступени. Мы с Усманом Насыром тоже учительствовали.

На Урде был открыт Дом крестьянина. Мы организовали курсы здесь по подготовке учителей, где в 1919–1920 годах работали преподавателями. Когда началась кампания по ликвидации безграмотности, на нас была возложена задача работать в махалле Кудуклик. Мы, составив список мужчин и женщин кудукликов, не знавших новый латинский алфавит, организовали для них курсы – женские и мужские. Из-за того, что мы были юношами, женщины от нас не убегали, как на других курсах.

Темур Фаттах⁶ учился в механическом техникуме. Однажды он пришел к нам и вместе с нами стал посещать занятия нашего литературного кружка. У нас в кружке проводились разнообразные мероприятия...

В один прекрасный день Темур Фаттах и Усман Насыр поехали в Москву учиться в Кинематографический институт. Но не прошло и года, как Усман, заболев, вернулся и опять стал учительствовать. Одновременно он работал в кокандском театре литературным сотрудником.

Однажды Усман послал ко мне свою сестру, которая передала его просьбу прийти к нему вечером (Усман в это время жил вместе с отцом). Я вечером пришел к нему домой. После чаепития мы вошли в

6 Темур Фаттах (1910–1967) – друг детства Усмана Насыра, поэт, автор Гимна Узбекской ССР.

другую комнату. Усман, подняв кипу бумаг, сказал, что написал пьесу «Назирджан Халилов». Назирджан Халилов был чекистом, председателем ревкома города Коканда. Когда Назирджан Халилов поехал в кишлак Найман, чтобы организовать колхоз, то был убит яркими противниками коллективизации. Усман положил на стол (хонтахту) рукопись своей первой пьесы, посвященной ему, и сказал мне: «Если при чтке заметишь какие-нибудь недостатки, скажешь, мы вместе поправим. Помни, ты будешь переписывать потом». Он начал читать и одновременно исправлять и им, и мною замеченные недостатки. Я переписывал рукопись до 2–3 часов ночи. «Завтра начнут писать музыку», – заключил он.

В кокандском театре работал человек по имени Алпамыш, руководитель по музыкальной части. Усман Насыр, оказывается, должен был ему отнести рукопись пьесы, а он – написать или подобрать музыку.

Спектакль, кажется, в 1932 г. был поставлен в кокандском городском театре. Но я в это время учился в Фергане и не смог его посмотреть...

Беседа с Муйдином Бурхановым (1911 г. р.) прошла в чайхане, расположенной недалеко от его дома. В беседе также принимали участие хорошо знавший Усмана Насыра Заслуженный нефтяник Узбекистана Муталлибджан Хакимов и молодой тогда поэт Анвар Юнусов, время от времени своими репликами поддерживавшие сказанное М. Бурхановым.

Ташкент, летний день 1984 г.

Из рассказа Юлдаша Шамшарова, Народного писателя Узбекистана

...Когда Усмана Насыра арестовали и доставили в тюрьму, он не смог смириться с этим и, считая, что лучше умереть, чем выносить этот позор и эту страшную несправедливость, хотел разбить себе голову, ударяя ею в железную дверь и кирпичные стены камеры. При этом постоянно кричал: «Я не виновен. Я не враг народа! Те люди, которые меня посадили, – сами враги!».

После нескольких проведенных так в тюрьме дней он лишился рассудка...

Ташкент, Академгородок. 28 декабря 1987 г.

Беседа с Розенфельдом Сергеем Владимировичем, пенсионером, бывшим работником Президиума Академии наук Узбекистана

Моему собеседнику, вместе с Усманом Насыром находившемуся в Златоустской тюрьме, было очень тяжело вспоминать трагические годы своей жизни. Он нехотя отвечал на мои вопросы как о себе, так

и об Усмани Насыре.

Я находился в заключении согласно приговору Военной коллегии Выездной сессии Верховного суда СССР от 5 октября 1938 года. Освобожден постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 5 мая 1955 года.

После ареста сидел в подвале здания, что находилось на ташкентской улице Алексеевская. Возили нас на машине по 8 человек с отдельной кабиной. Его (Усмана Насыра. – Н.К.) возили с Плетневым, заместителем редактора газеты «Фрунзевец».

Мы сидели в изоляторе, где размещалось 400 человек. В марте 1938 года прекратили прием передач. После суда нас отправили этапом в Златоустовскую тюрьму.

В Златоустовской тюрьме (корпус 3, камера 8) на койке № 2 спал Усман Насыров, а на койке № 4 – я, Розенфельд.

Я увидел Усмана Насырова только здесь, в тюрьме. Он был невменяем. Ни с кем из заключенных не общался. Целыми днями сидел на койке. На свои деньги покупал в тюрьме конфеты. Из оберток изготавливал шахматные фигурки и сам с собой играл. Вплоть до наступления темноты. Писал стихи. (Его стихи, возможно, сохранились в архивах СНБ РУз и Верховного суда Узбекистана. – Н.К.) Он только и говорил: «Вон, фашисты!». Так он обращался и к надзирателям, и к нам, заключенным.

В камере над койкой висела бумага с правилами поведения для содержащихся в тюрьмах заключенных. Из 30–40 пунктов. В камере фамилий у заключенных не бывает. Есть только номер койки. Вызов по этим номерам. В Златоустовской тюрьме допросов не было. С нами обращались, можно сказать, идеально вежливо.

Нас привезли в Златоуст в октябре 1938 г. и через несколько месяцев увезли через Владивосток и Охотск на Колыму. По дороге на Владивосток мы, заключенные, с поезда, через решетки, выбрасывали письма с нашими домашними адресами, написанные нами в вагоне, которых кто-нибудь мог найти и отправить по назначению.

Во Владивостоке мы несколько дней ждали своей очереди. Наконец, нас увезли на Колыму. По 6 машин с заключенными отправляли на прииски. Нас привезли на прииск «Пятилетка». Он относился к Южно-горнопромышленному управлению.

– Вы приехали на прииск «Пятилетка» с Усман Насыром? – спрашиваю я собеседника.

– Я помню, что мы вместе выходили на развод. Наверное, он при-

ехал на прииск с нами, – отвечает он и продолжает: *Вначале нам работу не давали. Говорили, что мы приехали отдыхать. Потом добывали золото. Рубили лес. Морозы здесь достигали 40–45 градусов по Цельсию. Такой мороз многие не выдерживали.*

Когда мы находились в заключении, в тюрьмах, нас выводили на допрос и по нужде при пустом коридоре. Соблюдали строгий закон, чтобы никто никого не смог видеть, разговаривать и передавать что-нибудь другому. А если кто оказался в коридоре, тот должен был стоять лицом к стене, пока другой заключенный проходил. А когда выводили в туалет, давали по 2 бумаги и после использования обязательно проверяли их...

Ташкент. 2 декабря 1984 г.

Беседа с Ибрагимом Назири, другом детства Усмана Насыра

Ибрагим Назири (1913 г. р.), будучи преподавателем педагогического института в Ташкенте, в 1937 г. подвергся аресту и был осужден сроком на 10 лет. После смерти Сталина, вернувшись из колымских лагерей, работал в журнале «Фан ва турмуш».

Усман Насыр, еще находясь в Ташкенте, в подвале дома по улице Ленинградская (бывшая Алексеевская. – Н.К.), потерял рассудок. Каким образом он сумел добраться до Колымы, уму непостижимо.

После суда нас через три моря – Баренцево, Карское и Лаптево – на пароходе везли до Аллайха. На дороге провели не то 23, не то 26 дней без пресной воды, без пищи. Пароход наш попал в сильный шторм. Страшная волна унесла жизни не только нескольких заключенных, сторожевых собак и самих сторожей, но и контейнеры с продуктами. Когда подъехали к пристани, никто из заключенных не смог подняться из трюма. Целую неделю нас, заключенных, кормили, и лишь после этого мы смогли с трудом подняться из трюма. Куда нас довели, там даже якутов не было. Обитателями этих мест были лишь белые медведи. Нам не только зимой, но и весной и осенью тоже продукты выбрасывали с самолетов. Здесь было два прииска. «Золотой» прииск и еще какой-то. Усман Насыр находился на другом прииске. От невыносимо страшных морозов кожа на его руках потрескалась и наружу торчали сухие кости. Руки его были обморожены. И он, как инвалид, был переведен в Инвалидгородок, находившийся в 4-х километрах от Магадана. Места, куда нас довели, были богом забытые. Там царили мороз и буран. В первую же зиму от мороза умерло много заключенных – узбеки, таджики, туркмены, киргизы. Лишь казахи оказались морозостойкими...

Редакция журнала «Фан ва турмуш», сотрудником которого был Ибрагим Назири, находилась в том же здании Академии наук Узбекистана, где работали мы, сотрудники Института языка и литературы. Поэтому я имел возможность многократно беседовать с ним и получать от него ответы на все интересующие меня вопросы. Ибрагим Назири любил говорить как мне, так и другим его собеседникам: «Усман Насыр умер у меня на руках». Эту фразу я не раз слышал от него.

Но когда стало известно, что Усман Насыр в начале 40-х годов был этапирован в Кемеровскую область, где и умер, но не в 1951 году, как считалось до сих пор, а в 1944 году, он, Ибрагим Назири, не хотел верить в это. Это не потому, что неожиданно рухнула его версия смерти поэта, а потому, что, как он говорил, этапированию подлежали только те заключенные, которые не потеряли трудоспособность, а этапировать Усмана Насыра, как он говорил, совершенно нетрудоспособного и больного, не было смысла.

Между заключенными, работавшими на колымских приисках, не было почти никакой связи. Но были люди свободно перемещающиеся. Таковыми были вольнонаемные, водовозы, женщины, которых иногда отправляли в другие лагеря оказать помощь в хозяйственных делах. От них заключенные могли получить какую-то, хоть крохотную, информацию о своих товарищах по несчастью. Видимо, и Ибрагим Назири узнавал от них что-то об Усмани Насыре, о других своих знакомых, находившихся в других лагерях. Последним человеком, кто видел Усмана Насыра живым, была Таджихон Шадиева, узбечка из знатного рода. Согласно ее рассказам, в тот день, когда она в очередной раз посетила лагерь-прииск «Экспедиционный», Усман Насыр находился в... одноместной железной клетке. Стояло лето. Лил сильный дождь, и он, после сильного нервного расстройства потерявший рассудок, стоял под льющимся на него холодным дождем и никого не узнавал ...

Этот страшный рассказ об одном из наших святомучеников, имя которому Усман Насыр, после возвращения из столь отдаленных мест поведала со слезами на глазах Т. Шадиева, а я услышал его от академика Эркина Юсупова.

К большому сожалению, сейчас бытуют и неправдоподобные рассказы о поэте. В реке устной истории могут одновременно течь как прозрачные, чистые, целебные, так и мутные, грязные, вредные воды.

Настоящему историку нетрудно отличить грязь от золотых россыпей Правды.

УЛЬФАТ АБДУРАСУЛОВ

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
aulfat@rambler.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

(опыт углубленного интервью с профессором Р.Г. Мукминовой)

В течение многих лет в советской историографии официально было закреплено положение о том, что «историческая наука развивается всегда как результат и отражение классовой борьбы, которая проявляется также в форме политических и идейных столкновений. Вместе с тем значительное место в развитии исторической науки занимают также преемственность, историографические тенденции, а иногда и взаимовлияние между различными, даже враждебными течениями». Однако, несмотря на все это, долгое время преобладало именно первое из этих положений, упускавшее из виду внутреннюю логику развития исторической науки. Причем, этим страдала не только советская историография. Тенденция сводить генезис науки, в том числе и гуманитарной, только лишь к давлению социально-политической обстановки, встречается и в наше время.

В рамках проекта прикладного исследования *«История и историки Узбекистана в XX столетии»*, разрабатываемого отделом *«Историографии и методов исторических исследований»* Института истории АН РУз, за автором данной статьи был закреплён раздел *«Отечественная медиевистика в контексте деятельности персоналий»*. В рамках данного раздела мы предприняли попытку рассмотрения событий интеллектуальной истории, в частности развития медиевистики в Узбекистане в XX столетии через культуру, биографию и социокультурное окружение ее носителей, т. е. отечественных исследователей-медиевистов. Такой подход – на стыке жанров интеллектуальной истории, микроистории, истории повседневности и т. д. – позволял, по нашему мнению, выйти за рамки традиционного историографического исследования, сконцентрированного, прежде всего, на содержании текстов, и перенести центр внимания на личность историка, создающего свои труды в конкретном социальном, культурном и политическом контексте, который неизбеж-

но накладывает отпечаток на воссоздаваемую им картину прошлого. Характерно, что здесь мы предпринимаем попытку использования не только привычных для историографических работ опубликованных источников и документов частных архивов, но и материалов интервьюирования и бесед. В результате перед читателем предстают не парадные портреты, где индивидуальные черты персонажей едва улавливаются, а яркие образы преданных поклонников музыки Клио, изучавших историю средневекового Узбекистана и творивших ее.

Нам представляется, что данная работа в какой-то степени может явиться вкладом и в ту «новую культурно-интеллектуальную историю (Р. Шартье), которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности, интеллектуальных процессов в их конкретно-историческом, социокультурном контексте».

Как один из объектов исследования была избрана Розия Галиевна Мукминова. Выбор данной персоналии определялся тем, что судьба и научная биография проф. Р.Г. Мукминовой, охватывающая значительную часть XX столетия, вобрала и запечатлела в себе многие коллизии указанной эпохи. Она была свидетелем гонений на «социально чуждые элементы» конца 20-х годов, голода начала 30-х годов в Коканде, учебы в Среднеазиатском государственном университете (ныне НУУз) и лекций выдающихся исследователей из Москвы и Ленинграда, эмигрировавших в период Второй мировой войны в Ташкент (С.Б. Бахрушин, В.И. Беляев, Б.Д. Греков, М.В. Нечкина, Е.М. Пешерева, А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский и др.). Была зачислена в первый набор аспирантуры при Институте истории АН Узбекистана в 1944 г., работала над кандидатской диссертацией в одной из «Мекк» отечественной медиевистики – Институте востоковедения (г. Ленинград, ныне – Санкт-Петербург) под руководством И.П. Петрушевского, была знакома и общалась с плеядой выдающихся исследователей того периода; возвратилась в Ташкент и многие десятилетий работала в Отделе средневековой истории Института истории с такими учеными, как Я.Г. Гулямов, И.М. Муминов, О.Д. Чехович и др. Впоследствии наша героиня возглавляла данный отдел и создала на его базе собственную научную школу отечественной медиевистики.

Помимо этого, своими исследованиями, особенно фундаментальными монографическими трудами по основным аспектам социально-экономических отношений в средневековый период, проф. Р.Г. Мукминова внесла весомый вклад в развитие отечественной медиевистики.

Более 250 научных работ¹, подготовленных ею, охватывают и освещают широкий спектр вопросов политической, социально-экономической и культурной истории Узбекистана XIV–XIX веков, таких, как развитие земледелия, аграрные отношения, ремесленное производство, военное дело, духовная жизнь, социальный состав населения, роль и место женщины в средневековом обществе Средней Азии и многих других.

Именно этими факторами обуславливался принцип выбора персоналии, а также научная важность проведения цикла интервью с использованием приемов и методов устной истории (oral history) для фиксации и анализа воспоминаний непосредственных участников исторических событий прошлого.

Следует отметить, что идея реализации данного проекта зародилась у сотрудников Отдела еще в 2004 г. Именно тогда за каждым из сотрудников отдела была закреплена персоналия для изучения. Пользуясь данной возможностью, в течение мая-июня 2004 г. автором статьи был проведен цикл интервью с Р.Г. Мукминовой в доме респондента.²

Не имея во время проведения интервью в своем арсенале строго разработанной методологии осуществления подобного исследования, мы стремились придерживаться следующих системообразующих принципов:

- была проведена предварительная работа с респондентом: заранее ознакомленная с вопросами, она получила возможность дать им первичную эмоциональную оценку, продумать свои ответы;
- был задан эмоциональный фон посредством предоставления информации о целях и задачах планируемого исследования, его конечном результате, так, чтобы респондент был информирован о значимости поставленной перед ним задачи и постарался максимально соответствовать требованиям интервьюера;
- в ходе беседы задавались не наводящие, а уточняющие вопросы; мы максимально стремились избежать навязывание респонденту тех или иных оценок, но следили, чтобы каждый сообщаемый им

1 См. список трудов Р.Г. Мукминовой, опубликованный в сборнике «Узбекистан в средние века: история и культура». Сборник докладов научной конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Мукминовой. Т., 2003.

2 Следует отметить, что при подготовке данной статьи нами были привлечены также сведения, собранные в ходе цикла интервью, проведенных в 2002–2003 гг. исследователями У.А. Абдурашуловым и Л. Ямалеевой в рамках научного проекта Национального общества молодых ученых Узбекистана, возглавляемого Э.Э. Каримовым, а также материалы, подготовленные Ш. Камолиддином и любезно предоставленные нам самой Р.Г. Мукминовой для ознакомления.

факт был понятен и истолкован;

- при расшифровке записи обязательно производилось ее транскрибирование, были помечены все паузы, особенности реакции респондента, буквально воспроизводились все ее слова и выражения – текст не подвергался даже стилистическому редактированию;
- учитывалась этика и законность исследования. Протокол бесед был представлен респонденту и получено ее согласие на дальнейшую работу с этим материалом.

Формат настоящей статьи не позволяет осуществить детальный анализ всего содержания данного интервью. Приведем лишь ряд характерных выдержек из него, отражающих, по нашему мнению, эпоху и социокультурное окружение, в котором жила и творила Р.Г. Мукминова.

Р.Г. Мукминова родилась 31 декабря 1922 года в г. Казани. Сложность и противоречивость социально-экономических реформ, проводимых в советском государстве, непосредственно отразились на судьбе семьи Мукминовых и оказали влияние на их дальнейшую жизнь. Ярлык «лишенца», навешенный на Мухаммад Гали Миргали углы – отца Розии, и последовавшее за этим определенное ущемление прав остальных членов семьи побудили их в 1930 г. переселиться в Коканд, а позднее, в 1936 г., в Ташкент.

«В 1929 году папа переехал в Коканд. В 1930 г. туда переехали остальные члены нашей семьи (мама и 5 детей). Вообще, в 1929 – 30-х годах XX века из России был большой отток людей в Среднюю Азию в связи с набиравшим обороты процессом раскулачивания. Людей всколыхнулось очень много, из одной деревни уезжало по три-четыре семьи. Это достаточно много. На железнодорожных станциях было трудно закомпостировать билет.

В Коканде в это время был страшный голод, случались частные смерти от голода. Помню, часто утром, когда шли в школу, вдоль дороги во рву лежали трупы умерших, опухшие, скорее всего, от голода.

Я помню нашего соседа – старика, который часто сидел в крытом коридоре у калитки. Почему-то меня всегда преследовало ощущение, что он голодает. Возможно, об этом говорили взрослые. Мама купила много сухой воблы и положила ее в шкаф. Я каждое утро брала одну рыбу втайне от матери, бежала к старику и оставляла около него.

Впоследствии, закончив с отличием в 1939 г. среднюю школу³, Р.Г. Мукминова поступила на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета.

Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война внесла свои коррективы в учебу Р.Г. Мукминовой.⁴ В это время из Москвы и Ленинграда, в связи с эвакуацией, в Ташкент прибыл ряд ведущих специалистов – историков и востоковедов. Большинство из них занялось научно-исследовательской и преподавательской деятельностью на базе исторического факультета САГУ (ныне Национальный Университет Узбекистана) и Ташкентского государственного педагогического института. Благодаря этому в студенческие годы Р.Г. Мукминовой удалось прослушать лекции таких выдающихся историков, как С.Б. Бахрушин, В.И. Беляев, Б.Д. Греков, М.В. Нечкина, Е.М. Пешерева, А.Ю. Якубовский и И.П. Петрушевский. Особенно сильное впечатление на молодую студентку произвели лекции И.П. Петрушевского.

«В период эвакуации в Ташкент из ленинградского Института востоковедения прибыли крупнейшие ученые-востоковеды. Нам, студентам, очень повезло, что крупнейшие ученые читали нам лекции. По сути дела, нам преподавали люди, учебниками которых мы пользовались. Нам преподавали академик Греков, частично А.Ю. Якубовский и И.П. Петрушевский (последнего мы очень боялись, т. к. он казался нам очень строгим. Исторический факультет тогда находился у сквера, на переменах мы выходили на улицу, но при виде И.П. Петрушевского прятались. Позже мы поняли, что это был мягкий, добрый и очень отзывчивый человек). Качество его лекций было на самом высоком уровне, каждый его вывод подкреплялся конкретными фактами из источников. Он прекрасно знал источники, говорил, что документ основан на фактическом материале, поэтому при изучении истории Средней Азии необходимо основываться на рукописных материалах. Будучи студенткой, я с особым интересом слушала лекции И.П. Петрушевского по

3 Р.Г. Мукминова закончила среднюю школу № 80, которая в то время находилась на углу нынешних улиц Узбекистанской и им. Ш. Рашидова, напротив выставочного зала Академии художеств, со стороны площади Мустакиллик. В указанное время школа считалась одной из лучших в Ташкенте. Еще в школьные годы Р.Г. Мукминова проявляла склонность к гуманитарным наукам, таким, как история, литература, рисование и др. Сочиняла стихи и мечтала, первоначально, стать архитектором. (По материалам, собранным д.и.н. Ш.С. Камолиддином).

4 В годы Великой Отечественной войны Р.Г. Мукминова и ее сокурсники по собственной инициативе посещали военный госпиталь, где оказывали помощь раненым солдатам.

периоду Амира Темура и Темуридов. Еще тогда у меня возник интерес – почему некогда могущественное государство распалось и что за этим последовало? Позднее этот интерес и определил выбранную тему кандидатской диссертации.

Также нам читал лекции преподаватель Греминицкий, который читал интереснейшие лекции по средневековой истории. Он был очень требовательным и строгим, я всегда восхищалась его интереснейшими лекциями. А.А. Семенов был хорошим специалистом по истории Средней Азии. В основном он читал курсы, связанные с периодом позднего средневековья. Хорошо знал письменные источники.

Якубовский Андрей Юрьевич – человек с хорошим чувством юмора. Во многом благодаря его лекциям у меня укрепилось стремление заниматься средневековым периодом. На факультете были организованы вечерние занятия, явка на них была необязательной. Но мы с удовольствием посещали их, организовывали семинары, делали доклады, устраивали диспуты и т. д. Сам Андрей Юрьевич преподавал в педагогическом институте и лекции читал время от времени.

Этот период, когда нам читали лекции крупнейшие ученые-востоковеды, оказал большое влияние на всю дальнейшую мою жизнь...»

В 1944 году, закончив с отличием учебу на историческом факультете, Р.Г. Мукминова получила рекомендации высококвалифицированных специалистов. В подтверждение этого мы имеем характеристику от 24 июля 1944 г., выданную деканатом исторического факультета САГУ Р.Г. Мукминовой в качестве рекомендации для поступления в аспирантуру. В документе, в частности, указывается, что «...Мукминова... показала несомненные способности к научно-исследовательской работе... и имеет все данные для успешного выполнения этой работы».⁵

«Когда я получила диплом о высшем образовании, родители даже накрыли стол в честь этого события. Папа сразу спросил, чем я собираюсь заняться? Я сказала, что пойду работать. Мой отец неприятно удивился такому ответу. В нашей семье на фронте уже были брат и муж сестры. Папа работал в ЦУМе, но его к этому времени закрыли. Денег не было, в общем, было трудно, и ни о какой дальнейшей учебе я и думать не хотела, согласна была пойти на любую работу. Отец тогда сказал: «Ты можешь идти работать, но уже без моего благословения.

5 Характеристика Мукминовой Р.Г., студентки V курса, за подписью декана исторического факультета САГУ, доктора исторических наук, проф. М. Левченко и заверенная печатью деканата факультета. (Из личного архива Р.Г. Мукминовой).

Иди в аспирантуру». Я послушалась отца и до сих пор благодарна родителям за их понимание и поддержку...»

Благодаря этим рекомендациям в 1944 году Р.Г. Мукминова была зачислена в открывшуюся именно в этом году на базе Института истории АН Узбекистана аспирантуру.

«Институт истории был основан при АН Узбекистана в 1943 году, а в 1944 году уже был первый набор в аспирантуру. Те, кто пришел в аспирантуру с исторического факультета, фактически истории Средней Азии не знал. Поэтому был поставлен вопрос о занятиях по истории Средней Азии и изучении восточных языков – арабского, персидского. Поэтому в аспирантуре, по-видимому, по договоренности с Президиумом АН Узбекистана, нам ввели ряд курсов по истории Средней Азии с древнейшего периода, а также персидский и арабский языки. Персидский язык нам преподавал Михаил Степанович Андреев – крупный и известный ученый, этнограф и лингвист, член-корреспондент АН СССР, АН Узбекистана, много лет проработавший в Индии консулом, прекрасный знаток жизни и быта народов Средней Азии. Он был прекрасным знатоком восточных языков. Когда мы приходили домой на занятия, то очень часто он брал дутар и играл на дутаре и пел песни на стихи Саади и других поэтов Востока. И это он так умело исполнял, что получалось у него очень красиво и очень интересно.

В группе нас было 10 человек – это были первые аспиранты Института истории. Впоследствии защитились только два человека – я в 1949 году и В.А. Нильсон – впоследствии известный ученый. В те годы мне казались очень интересными научные доклады на ученом совете. Мы, несколько аспирантов, никогда не пропускали ученые советы. Здесь выступали с докладами не только сотрудники института – Я.Г. Гулямов, Р.Н. Набиев, В.А. Шишкин, М.С. Андреев, А.А. Семенов, И.П. Петрушевский, В.Г. Машкева и др.

В аспирантуре со мной долго беседовал Я.Г. Гулямов, который советовал мне специализироваться по этнографии под руководством М.С. Андреева, который к тому времени был в экспедиции. Но я слабо себе представляла этнографию. Вдобавок ко всему мой будущий руководитель И.П. Петрушевский еще в студенческие годы проявлял интерес к моей будущей специализации, и я немного смутилась от предложения Я.Г. Гулямова. Я спросила: «А почему я должна специализироваться именно по этнографии?». Я. Гулямов ответил: «А потому, что у нас все женщины – этнографы». Тогда я обратилась к И.П. Петрушевскому с просьбой быть моим научным руководителем. Он

назначил мне встречу для окончательного решения вопроса темы и специализации у себя дома. Я с сестренкой и с племянником пошли к нему домой, где я познакомилась с его супругой, очень интересной во всех отношениях женщиной, мудрой, всесторонне развитой, происходившей из дворянской семьи – Галиной Николаевной Чителовой-Петрушевской. Она очень приветливо встретила нас. И позже, когда я уже приехала в Ленинград, она стала одним из самых близких мне людей, жизненные советы которой сыграли определенную роль в моей дальнейшей жизни. Илья Павлович поставил передо мной задачу – заниматься исследованием истории Узбекистана, и первоначально мы хотели серьезно заняться отдельными проблемами по «Бабур-наме». Несколько позже тема была определена как «Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами», которую в дальнейшем я и разрабатывала. Так моим научным руководителем стал И.П. Петрушевский. При той встрече Илья Павлович поставил передо мной условие – поскольку история Узбекистана, да и вообще научное исследование требует удаления, а при семейной жизни это будет сложно, то я не буду выходить замуж до зашиты. Тогда Галина Николаевна сказала: «Так ты же сам женатый, что ж ты ей такие условия ставишь?». Он говорит: «Ну, одно дело мужчины и другое – женщины! Мужчина может полностью заниматься наукой».

В целях завершения работы над избранной диссертационной проблемой руководство Института истории АН Узбекистана приняло решение командировать Р.Г. Мукминову в Институт востоковедения АН СССР в г. Ленинграде (ныне Институт восточных рукописей РАН в г. Санкт-Петербурге). Здесь молодой исследователь получила возможность работать в Рукописном отделе Института востоковедения, советоваться с ведущими специалистами Института (И.Ю. Крачковским, А.Н. Болдыревым, С.Е. Маловым, Е.М. Пешеровой, В.И. Беляевым и др.), а также вести непосредственные консультации со своим научным руководителем, крупнейшим специалистом по средневековой истории Востока И.П. Петрушевским. В успешной подготовке диссертационного исследования и проведении первых научных изысканий большую роль сыграли человеческие качества научного руководителя Р.Г. Мукминовой. Забота, проявляемая И.П. Петрушевским и его супругой Г.Н. Чителовой-Петрушевской, их доброта и отзывчивость по отношению к молодой исследовательнице оставили неизгладимое впечатление у нашей героини.

«В тот период в Ленинграде были очень хорошие условия для рабо-

ты. Институт востоковедения находился не в том здании, где расположен сейчас – на берегу Невы, а рядом с университетом на той стороне Невы. Это было 5-этажное здание, и, кажется, на 5-м этаже располагался Институт востоковедения, где имелся огромный читальный зал, очень светлый. Я приходила в 9 утра и работала до закрытия института. Институт имел великолепный рукописный фонд, и все рукописи, которые были мне нужны, имелись в его фондах. В библиотеке работала супруга известного востоковеда-медиевиста Павла Петровича Иванова. Она была очень внимательным человеком, интересным собеседником. Она со мной делилась своими переживаниями по поводу смерти в дни блокады Ленинграда ее мужа, а два их сына погибли на фронтах Второй мировой войны, причем один из них в день Победы. Она осталась одна и в моем лице нашла сочувствующего человека и была очень внимательна ко мне, помогала в поисках необходимой литературы.

Ценно было и то, что в данном институте работали крупнейшие специалисты-востоковеды, многих из которых я знала еще по Ташкенту. К примеру, Виктор Иванович Беляев, который преподавал нам прежде арабский язык. Он работал в арабском кабинете, и если в персидском тексте, над которым я работала, встречались арабские фразы, то можно было обращаться к нему за помощью. Вообще в любой кабинет я могла зайти в любое время и задать любой интересующий меня вопрос. Таким образом, в ходе своей работы я получала очень ценные консультации ученых. В институте работал также Александр Николаевич Болдырев, с которым я познакомилась уже в Ленинграде. Однажды утром он принес в институт книгу об А. Навои. Я, увидев эту книгу, загорелась желанием приобрести ее и спросила А.Н. Болдырева: «Где этот магазин?». Александр Николаевич отвечает мне: «Я сейчас сбегая и куплю Вам тоже». Я тогда еще не знала, что это крупнейший ученый А.Н. Болдырев, и позже мне бывало неудобно за то, что он сходил и купил мне книгу. Обстановка в Институте востоковедения была очень доброжелательная, здесь собрались крупнейшие ученые, проводились интересные лекции, я знакомилась с интересными людьми.

Когда я ехала в Ленинград (с 1-й главой диссертации), моя поездка была рассчитана на 3 месяца, т. е. я думала, что посоветуюсь с И.П. Петрушевским и возвращусь в Ташкент. Но Илья Павлович сказал, что нет смысла ездить взад-вперед, лучше написать и защитить диссертацию в Ленинграде и возвратиться в Ташкент. Таким образом, я задержалась в Ленинграде больше чем на год».

В результате плодотворной работы, проделанной в Ленинграде, Р.Г.

Мукминова в 1949 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме «Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами (К истории образования узбекского государства Шейбанидов)». Данная работа была положительно оценена представителями научной общности. Высокая оценка исследованию была дана официальными оппонентами – А.Ю. Якубовским и Н.Д. Миклухо-Маклаем. Так, по мнению А.Ю. Якубовского, тема диссертационного исследования Р.Г. Мукминовой до этого времени не была разработана с такой тщательностью даже «такими крупными специалистами, как А.А. Семенов и П.П. Иванов»⁶ (курсив наш. – У.А.). В отзыве на данную работу Н.Д. Миклухо-Маклай особо выделяет то, что автором, наряду с персоязычными нарративными источниками, широко используются источники на чагатайском (староузбекском) языке, что «придает особую ценность работе...».⁷

«[На защите] выступил Александр Юрьевич Якубовский с положительным отзывом. Остальные отзывы были тоже положительными, работа прошла единогласно. Решение Ученого совета Института востоковедения АН было окончательным в то время (так как состоял из крупнейших ученых-востоковедов того периода), и утверждение ВАКа было лишь формальностью».

Крачковский Игнатий Юлианович – человек уникальный, по-моему, он провел в Ленинграде всю блокаду. Я про него слышала, что он в любую погоду, в любой день, независимо от самочувствия, приходил на работу в одно и то же время. Был очень доступным ученым. После своей защиты я спускалась по лестнице, а Игнатий Юлианович поднимался ко мне навстречу и сказал: «Будущее идет навстречу прошлому».⁸

Во время научной стажировки в Институте востоковедения в г. Ленинграде Р.Г. Мукминова стала также свидетелем гонений на известных ученых со стороны сталинского режима по обвинению их в космополитизме.

«В 1949 г. очень часты были обвинения ряда ученых в космополитизме. Видимо, в Москве был определенный ряд ученых, которых

6 Якубовский А.Ю. Краткий предварительный отзыв о работе Р.Г. Мукминовой «Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами». (Из личного архива Р.Г. Мукминовой).

7 Предварительный отзыв о работе Р.Г. Мукминовой «Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами» за подписью Н.Д. Миклухо-Маклая. (Из личного архива Р.Г. Мукминовой).

8 Как отмечала Р.Г. Мукминова, при этом диалоге присутствовала также племянница И.Ю. Крачковского, с которой она находилась в теплых дружеских отношениях.

обвиняли в космополитизме, в их числе Игнатий Юлианыч Крачковский. Приехал из Москвы некий Климович, который возглавлял группу по борьбе с космополитизмом. Было назначено собрание, на котором планировалось обсуждать Игнатия Юлианыча. Его обвиняли в том, что он опубликовал письмо Шамиля. Заседание по обвинению Игнатия Юлианыча продолжалось в течение 3-х дней. Помню, как в последний день он пришел вместе с супругой. Он был очень сдержанным человеком, но здесь дал свои «обвинителям» сильный отпор. Мы все собрались в большом зале. Впереди сидели члены Президиума, далее сидели сотрудники Института востоковедения, а в конце зала стояла молодежь: студенты, аспиранты. Я услышала, как невдалеке от меня студенты переговаривались друг с другом и обещали устроить Климовичу «темную». Игнатия Юлианыча очень любили и студенты, и аспиранты. Он пользовался большим авторитетом в научном мире. О нем всегда с исключительным уважением высказывались А.Ю. Якубовский, Н.Д. Миклухо-Маклай....».

Несмотря на предложение продолжить научно-исследовательскую работу в Ленинграде, Р.Г. Мукминова принимает решение возвратиться в Ташкент, в Институт истории АН Узбекистана.

«Я радовалась больше не тому, что успешно защитилась, а тому, что теперь возвращусь в Ташкент, несмотря на благоприятное отношение ученых и вообще той научной среды к молодым кадрам. Был даже разговор о моей постоянной работе в Ленинграде. Но я отказалась, так как хотела домой к родителям, да и потому что я была обязана Институту истории АН Узбекистана и лично Я.Г. Гулямову, поэтому я решила возвращаться в Узбекистан через неделю после защиты....».

«Сразу после защиты я получила телеграмму из Ташкента из Института истории с поздравлением и с сообщением о том, что я уже зачислена младшим научным сотрудником в Институт, в Отдел древней и средневековой истории Узбекистана. По возвращении в Ташкент меня хорошо встретили. Рашид Набиевич Набиев, тогда был директором института, вызвал меня в кабинет, попросил посидеть и подождать, а сам долго изучал мою работу, особенно обращал внимание на источники – новую базу.

Отдел древней и средневековой истории возглавлял Я.Г. Гулямов. В отделе я работала вместе с известной ученой О.Д. Чехович, также там работала Мукарама Юсуповна Усманова. Основной костяк составляли эти сотрудники. Также частично с нами сотрудничали сотрудники Института востоковедения, специализирующиеся по этому периоду, в

какой-то степени Рашид Набиевич, занимавшийся XVII веком и даже более ранними – Ходжа Ахраром, а также Хамид Зияевич Зияев».

В дальнейших исследованиях Р.Г. Мукминовой, проводимых в Институте истории АН Узбекистана, получили дальнейшую разработку вопросы аграрных отношений, в том числе вопросы вакфного землевладения. В этом отношении важным событием для отечественной науки стала публикация в 1966 г. фундаментального труда Р.Г. Мукминовой «К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI века. По материалам “Вакф-наме”⁹». Указанная работа была подготовлена на основе тщательной проработки и сопоставления двух списков вакфной грамоты двух медресе Шейбани-хана (Кош-медресе) в Самарканде. Значение данного документа, как важнейшего источника по изучению социально-экономической истории Средней Азии отмечалось целым рядом исследователей.¹⁰

«...В 1966 году в Институте ввели новую тематику. И мне предстояло написать книгу «К истории аграрных отношений по материалам “Вакф-наме”». Это было очень сложно, и я сначала не хотела браться. Сама по себе работа была очень сложной, особенно с набором арабского текста... Написание этой книги отняло у меня почти девять лет. Никто тогда не подсказал мне, что можно сделать факсимиле рукописи и не тратить драгоценное зрение и время на разбор текста».

«...В написании докторской диссертации важную роль сыграл Ибрагим Муминович Муминов. Он неоднократно вызывал меня и говорил, что защита нужна не только для меня, но и для науки Узбекистана. Я очень благодарна Ибрагиму Муминовичу. Был период, когда защита не поощрялась, старались ограничить количество защищающихся. Тема должна была отличаться от плановой темы. Это сейчас, в связи с независимостью, республика нуждается в специалистах и защиты поощряются. Мысль о докторской диссертации возникла после того, когда я хорошо ознакомилась с самаркандскими казийскими документами. В них обнаружила то, что мне больше всего нравилось: именно не политическая история, а социально-экономическая жизнь. А те документы как раз очень хорошо освещали юридическое и правовое положение ремесленного населения».

9 Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Т., 1966.

10 Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов... С. 24; Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. IX. Самарканд, 1907. С. 95–107.

В этом направлении Р.Г. Мукминовой была проделана грандиозная работа, логическим результатом которой стала блестяще защищенная в 1972 г. докторская диссертация на тему «Ремесло в Самарканде и Бухаре XVI в.». Данная работа посвящена истории ремесла в двух крупнейших городах Средней Азии – Самарканде и Бухаре. «Выдающимся вкладом в науку» назвал эту диссертационную работу виднейший специалист по истории средневекового Востока А.Н. Болдырев¹¹. «Прекрасное знание источников XVI в.» отметил официальный оппонент А.Беленицкий.¹² Председатель Объединенного Ученого Совета, рассматривавшего диссертационную работу Р.Г. Мукминовой, Я.Г. Гулямов в своем выступлении отметил, что «диссертационная работа Р.Г. Мукминовой выполнена прекрасно, на высоком уровне...».¹³ «Мы никогда не предполагали, – писала О.Д. Чехович в своем отзыве, – даже будучи знакомы с основными из этих источников, что по этому вопросу можно собрать такое количество ценнейшего материала, какой собрала Р.Г. Мукминова».¹⁴

На основе данной докторской диссертации в 1976 г. Р.Г. Мукминовой была опубликована фундаментальная монография «Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в.».¹⁵ В монографии впервые был дан подробный анализ социально-экономической жизни Самарканда и Бухары в позднесредневековый период, определена роль ремесленного производства в жизни средневекового города. Как отметил Я.Г. Гулямов, «Р.Г. Мукминова... создала монографическое исследование, которое будет отправным источником по изучению ремесленного производства в Средней Азии...».¹⁶ По мнению известного исследователя-востоковеда К.З. Ашрафяна, «эта книга не только обо-

11 Поздравительная открытка А. Болдырева. 21 апреля 1972 г. (Из личного архива Р.Г. Мукиновой).

12 Беленицкий А. Краткий отзыв о диссертации Р.Г. Мукминовой «Ремесло в Самарканде и Бухаре XVI в.». 4 ноября 1971 г. (Из личного архива Р.Г. Мукминовой).

13 Протокол № 4 заседания Объединенного Ученого Совета по истории Отделения истории, языкознания и литературоведения АН Узбекистана. 7 июня 1972 г. Выступление Я.Г. Гулямова (Из личного архива Р.Г. Мукминовой).

14 Протокол № 4 заседания Объединенного Ученого Совета по истории Отделения истории, языкознания и литературоведения АН Узбекистана. 7 июня 1972 г. Выступление О.Д. Чехович. (Из личного архива Р.Г. Мукминовой).

15 Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент, 1976. 234 с.

16 Выписка из протокола № 2 Заседания Ученого Совета Института истории АН Узбекистана от 16 января 1974 г. Выступление Я.Г. Гулямова. (Из личного архива Р.Г. Мукминовой).

гашает наше представление о средневековом городе Средней Азии, но и намечает конкретные пути к дальнейшему исследованию истории, экономики и социальной истории городов других стран мусульманского Востока». ¹⁷ Публикация данного труда не оставила равнодушной и научную общественность дальнего зарубежья. Издательство получило более 500 заявок из ведущих библиотек и научно-исследовательских центров государств Западной Европы, США и Японии. Спустя много лет известный японский исследователь Х. Коматцу в своей монографии, посвященной историографии средневековых городов мусульманского Востока, справедливо назовет этот труд «самой выдающейся работой в этой области (курсив наш. – У.А.)». ¹⁸

Одной из проблем развития отечественной медиевистики, по мнению Р.Г. Мукминовой, традиционно являлось ее кадровое оснащение.

«...Был период, когда Я.Г. Гулямов поставил вопрос в Президиуме АН РУз о нехватке кадров. Дело в том, что... стояла серьезная проблема с научными кадрами, прием новых сотрудников в наш отдел был затруднен, в основном новых сотрудников принимали в отдел «История партии». Наш Институт переезжал с места на место, а в тот период он располагался в Президиуме АН РУз. Я. Гулямов поднял в Президиуме вопрос о кадрах. Он сумел настоять на том, чтобы в отдел были приняты сотрудники из числа окончивших восточный факультет ТашГУ. Тогда сразу в отдел было принято 10 или 12 человек. Из их числа остались учеными-историками Нозим Хабибуллаев и Саидакбар Агзамходжаев. Многие из принятых на работу были призваны в армию. Однако многие из тех, кто исполнил долг и возвратился на работу, принят не был, так как их места были уже заняты, эти места передали сотрудникам по советскому периоду. И ребят на работу обратно не приняли. Из них остались только двое, остальные так и не смогли возвратиться. И опять долгое время отдел оставался без сотрудников. Тогда Я.Г. Гулямов решил заранее дать заявку, чтобы на факультете востоковедения специально готовили для нашего отдела специалистов. По распределению в наш Институт были направлены 10 выпускников, из них двое остались в нашем отделе – Тимур Рауфов и Эльёр Каримов. Оба позднее успешно защитили кандидатские диссертации. Т. Рауфов рано умер, а

17 Ашрафян К.З. Рецензия на кн. Мукминовой Р.Г. «Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в.» // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1987. № 1. С. 62.

18 Н. Komatsu. Historical survey of Islamic urban studies. Printed in Japan, 1991. P. 292.

Э. Каримов впоследствии защитил докторскую диссертацию и сейчас является руководителем нашего отдела».

Таким образом, в результате личных бесед и интервью с проф. Р.Г. Мукминовой были собраны уникальные сведения об эмоциональном фоне интеллектуальной жизни указанной эпохи. Как известно, история науки не исчерпывается составлением хроники прошедших событий, а задачи историка науки не сводятся лишь к восстановлению последовательности возникновения научных идей и открытий. Перед ним стоит цель выяснить обстоятельства и причины появления новых идей, «войти в лабораторию» ученого, изучить контекст его научной деятельности, особенности его жизни в домашнем кругу, внутри научного коллектива и т. п. Зачастую на подобные вопросы невозможно ответить, ограничиваясь существующим корпусом письменных источников. Поэтому значение использования методов устной истории в изучении интеллектуальной истории крайне важно.

ТАИР ГЮЛЬ

Институт истории АН Узбекистана
gyul_tair@rambler.ru

ИСТОРИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В ЛИЦАХ И СУДЬБАХ

В течение 2010 года в Институте истории АН Узбекистана прошли трехэтапные семинары-тренинги по новому для нас направлению исторической науки – oral history (Устная история). Направление, далекое от моей специальности – археологии, и в то же время интересное для меня как для историка. В рамках этого проекта его руководитель Сабиров Алишер Турсунович предложил мне провести углубленное интервью с корифеями археологической науки Узбекистана, ведущими сотрудниками Института истории – Буряковым Юрием Федоровичем и Филанович Маргаритой Ивановной – и интерпретировать его, используя методы устной истории. Результат этого нового для меня опыта я представляю вниманию читателя.

Для меня интересной стороной этого опыта явилась возможность более глубоко узнать наших известных ученых, людей другой эпохи. Конечно, я знаю их не первый год, но, как бывает, частое общение еще не означает близкого знакомства.

Первое интервью я провел с М.И. Филанович.

Филанович Маргарита Ивановна родилась 16 июня 1937 г. в г. Ленинграде. До 1943 г. находилась в блокаде, затем через Ладожское озеро была эвакуирована на восток, в Сибирь. С 1948 г. проживает в Ташкенте. На сегодняшний день она является кандидатом исторических наук, ведущим научным сотрудником Института истории АН РУз и Института археологии АН РУз, преподавателем в НУУз им. М. Улугбека.

Ответ Маргариты Ивановны уже на первый мой вопрос: «Как Вы пришли в археологию, или что привело Вас на эту стезю?» – удивил своей нестандартностью:

«Единственно одно – желание и горячая любовь к древности и древней истории! Это было настолько раннее детство, что чуть ли не пять лет мне было. Моя бабушка (Маргарита Александровна Мак-Элан) очень любила историю. Отец ее, шотландец, был представителем од-

ной английской фирмы и в свои деловые поездки всегда брал с собой семью. И бабушка мне говорила: «Куда бы я ни приехала, я первым делом иду в исторический музей». Она очень много мне рассказывала, я как-то была очарована этими рассказами, и конечно, это было романтическое восприятие. Поскольку она никогда не была профессионалом, просто такое отношение, большая любовь... Конечно, мне все это запало. Еще второе, что меня подвигало, это когда мы из блокады были эвакуированы, ехали через весь Советский Союз до Сибири, и там, в глуши, в тайге, дедушка мой (Петров Александр Николаевич) получил назначение директора пенькового завода. Впечатления были очень у меня яркие – природа, Бажов,¹ которого бабушка мне читала на тот момент. Живем в окружении Бажовского пейзажа и в обаянии этих всех сказов. А потом там была библиотека в Вырянке (поселок), туда лошадь закладывали и ездили, и в этой библиотеке мы брали книги. И однажды мама принесла мне 1-й том Истории Древнего Востока, и вот эта книга – она вообще меня полностью очаровала! Вот тут уже полностью... Мой выбор стал для меня очевиден...».

До приезда в Среднюю Азию, в 1945 году, дедушка М.И. Филанович как инженер текстильной промышленности получает новое назначение, и семья из Сибири переезжает в Западную Белоруссию, только-только освобожденную от фашистских захватчиков, в город Слоним. Дедушка М. И. Филанович получил должность директора тонкосуконной фабрики.

«Фабрика была практически вся разрушена, и ее восстанавливали пленные немцы, которыми дед командовал. Моя мама работала там же, секретарем, кажется. И, помню, немцы прятались в туалете, а она на них кричала: «Эй, кто там, вылезайте из туалета, идите работать!».

В этой части Белоруссии до оккупации практически не было советской власти, –рассказывает Маргарита Ивановна. И война началась для нее внезапно.

«Потом там же было такое место, мы его называли стадион... Огромный квартал когда-то был еврейский, абсолютно черная земля, то есть весь квартал был выжжен. Мы, дети, лазали там, на руинах, и под черными руинами даже кое-что находили. Кто-то что-то припрятывал, там посуду какую-то серебряную, еще что-нибудь. Ну и погибли они, конечно, все... ».

В 1948 году семья Филанович М.И. из Белоруссии переезжает в

1 «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова – цикл сказок, основанных на сибирском, уральском фольклоре XVIII–XIX вв.

Ташкент. Маргарита Ивановна поступает в САГУ.²

«И когда закончила школу, с медалью было это дело, никуда и помышлений никаких не было, только на истфак, сюда, в Университет! И потом мне очень в жизни повезло, как оказалось, что, во-первых, очень сильный факультет, очень сильный вообще университет, он, конечно, на всю Среднюю Азию один: САГУ. Еще традиции эвакуированных специалистов были, все-таки я поступала-то в 1954 году, прошло немного времени, и все это держалось еще, и кафедра Михаил Евгеньевича Массона³ по археологии».

При упоминании имени М.Е. Массона я не преминул вспомнить о недавно прочитанном сборнике «Стиль работы и полевой быт ЮТАКЭ».⁴ Одна из статей в нем принадлежит Маргарите Ивановне. Воспоминания снова заставляют ее улыбаться:

«Ну, это все от души, потому что это действительно так, потому что это тоже одно из лучших воспоминаний нашей жизни, всех ютакинцев, не только меня. И это мне очень повезло – это была школа, это была дисциплина, это было истинное служение науке, которое подносилось всем, не за то, чтобы какие-то корочки, дипломы получить, а чтоб только была действительно наука, нас так и нацеливали, объясняли...

Михаил Евгеньевич, все мы – это была семья, ютакинская. Все наши дети (т. е. его студентов) были внуками ютакинскими. Поэтому каждый Новый год устраивались елки у Михаил Евгеньевича, и мы все приходили, танцевали, праздновали... Был красиво накрытый стол. Причем это, конечно, была такая, с очень глубокими интеллигентными традициями семья. Это было и созвучно нам, другое дело, что мы были лишены этого, путешествовали, после блокады, по всем местам Советского Союза, потеряв все. Столы, сбитые из досок, и жесткие топчаны, на которых мы спали, – это все мое детство сопровождало. Но это ничего... на это и внимания никогда не обращали. Мы были счастливы!

Жили, кстати, уже с самого раннего детства интеллектуальными интересами. Вот чего я не замечаю в нашей теперешней молодежи. Я не хочу сравнивать и что-то такое говорить, да у нас было лучше и так далее, старые люди всегда говорят, что молодежь у нас теперь не

2 Среднеазиатский государственный университет, с 1960 переименован в ТашГУ, ныне Национальный Университет им. М. Улугбека.

3 Массон Михаил Евгеньевич (1897, Санкт-Петербург – 1986, Ташкент) – выдающийся узбекский советский археолог и историк-востоковед, академик АН Туркменской ССР (1951). С 1940 г. М. Е. Массон являлся заведующим кафедрой археологии при САГУ в Ташкенте.

4 Стиль работы и полевой быт ЮТАКЭ. АН ТССР, Ашхабад, 1972.

та. Но, тем не менее, это действительно была интеллектуальная среда, жили книгами, жили чтением. Ну и, естественно, этого не было (кивок в сторону телевизора в углу комнаты). Было радио, часто были интересные передачи, именно таким образом я познакомилась со многими классикой».

На первом курсе Маргарита Ивановна становится членом СНАКа – студенческого научного археологического кружка, на заседаниях которого регулярно обсуждались новинки литературы, читались доклады. Студенты очень серьезно и ответственно воспринимали свое участие в жизни и работе СНАКа как становление в науке. Членами кружка были также преподаватели и, конечно, сам Михаил Евгеньевич Массон.

«Михаил Евгеньевич Массон – наш общий профессор, учитель, мэтр. Таких людей вы сейчас нигде не найдете! Человек старой закалки, дореволюционной. Михаил Евгеньевич жил в Ташкенте, но при этом состоял в Академии наук Туркменистана, и основные его работы были именно там. И археологические работы кафедры археологии САГУ, студенческая практика проходили там, сначала в Нисе⁵, потом в Мерве⁶, где работали и учились несколько поколений студентов, учеников М.Е. Массона. Именно в Мерве начались и мои первые полевые работы.

М.Е. Массон требовал, чтобы процесс обучения студентов не прерывался ни на одну минуту. Обязательно проходили заседания кафедры, заседания СНАКа в полевой обстановке. Важнейшим пунктом в экспедиции была организация лагеря. Царил строгий распорядок, строгая дисциплина.

А вечерами после работы, в большой столовой, во главе длинного стола садились профессор, потом все по рангу: аспиранты, потом пятый курс, потом четвертый, и в самом конце новички, первый курс. И с каждым годом весь стол подвигался с прибытием новичков. Начальники площадок докладывали о проделанной за день работе. Интересные

- 5 Ниса – древнее городище в Туркменистане, в 18 км от Ашхабада. Основан в III в. до н. э., столица династии Аршакидов, периодически столица всей Парфии (Михридаткирт). Окончательно заброшен в XIII веке.
- 6 Мервский оазис был заселен в эпоху Маргианской цивилизации (конец 3-го – начало 2-го тыс. до н.э.). На рубеже н.э. Мерв – один из главных городских центров Парфии. При Аббасидах Мерв – один из главных научных центров. В середине XII в. – столица Сельджукидов. Крупнейший центр Средней Азии при Хорезмшахах. В 1221 г. Мерв был разрушен монголами. С конца XIX в. началось археологическое исследование Мервского оазиса, которое приобрело систематический характер в послевоенный период благодаря деятельности М.Е. Массона.

находки, монеты передавались по цепочке, вдоль всего стола.

Жили мы в старой конюшне, рядом стоял покинутый туркменский поселок. В лагере царил строгий распорядок, ложились спать ровно в 22:00. Но спать не хотелось, хотелось послушать приемник. И вот в темноте выбирались из конюшни и бежали с приемником подальше за стены. Кто-то один оставался на страже, потому что Михаил Евгеньевич любил прогуливаться после отбоя, и как только замечали, что профессор направляется в нашу сторону, все мчались, по-тихому, в другом направлении. Михаил Евгеньевич, конечно, прекрасно знал, что мы не спим, он тоже хитрый человек, но никогда не показывал и виду, что знает, и за это никого не ругал.

Были и у него свои слабости. М. Е. Массон очень любил сгущенку. По вечерам, после ужина, ему ставили банку сгущенки или наливали ее в большую чашку, и пока шли доклады о проделанной работе, обсуждения, он потихоньку съедал ее всю».

В 1959 г. Маргарита Ивановна Филанович окончила исторический факультет Среднеазиатского государственного университета по специальности археолог.

С 1974 года она является руководителем Ташкентской Комплексной Археологической Экспедиции. Непосредственная заслуга ТАЭ, ее отряда – празднование 2200-летия города Ташкента в 2009 году.

«В Ташкентской Экспедиции мы всегда старались с честью нести то знамя, что нам передал Михаил Евгеньевич Массон, – прежде всего наука! Это работа в поле, это методика, это постоянная самоотдача в работе. Для меня Ташкентская экспедиция – это вся моя жизнь!

Что такое научное открытие? Михаил Евгеньевич говорил, что археология – это ежедневный скрупулезный труд, постоянное занятие наукой. Открытие – это не шикарные находки, не золотые клады, а то, что в этом поиске, каждодневном, упорном труде, вдруг радуется – что твой анализ, предвидение, догадка вдруг оправдывается!

Вот вы копаете, ведете раскоп. И вдруг перед вами возникает полностью весь план этого сооружения, и вы можете сказать: здесь башня, здесь стена, еще что-то, хотя эти места еще не вскрыты. И когда вы открываете, и ваши предположения подтверждаются, вот в этом удовлетворение... Археология – интеллектуальная наука, и то, что она дает пищу для ума, доставляет истинное наслаждение!

В археологии накопление разрозненных фактов занимает время. А вот когда накапливается масса фактов, они открывают вам историческую эпоху. Ко второй половине XX века археология так накопила

свои данные, что стала источником для проверенных и обоснованных выводов. Сейчас археология приобрела новое качество – как науки и источника».

Маргарита Ивановна Филанович на сегодняшний день является автором более 200 научно-исследовательских работ, опубликованных в Узбекистане и за рубежом. Основные направления ее научной работы: история цивилизации и государственности Средней Азии; проблемы урбанизации и история городов региона; история духовной культуры народов Средней Азии и мировых религий.

Следующее интервью я взял у Юрия Федоровича Бурякова. Как я уже упоминал, для меня это была интереснейшая возможность узнать моего руководителя немного глубже, чем по официальной биографии. И она себя оправдала.

«Родился я в середине 30-х годов,⁷ в сельской местности, в Киргизии, – начал свое повествование Юрий Федорович. – Также в кишлаке я начал ходить в школу. Это как раз в 41-м году. Я интересовался историей. Интересно и то, что когда учился в школе, видел археологов, встречались – когда прокладывали Чуйский канал,⁸ это была экспедиция Бернштама.⁹

После школы доучивался я уже в Ташкенте, сдал документы в Среднеазиатский государственный университет. В те годы в САГУ было пятилетнее обучение, два курса общеобразовательные, а с третьего шла специализация. И на первом курсе преподаватели с разных кафедр проводили беседы с нами, хотели, чтобы мы специализировались на их кафедре. И тогда огромное впечатление на меня произвели беседы с Михаилом Евгеньевичем Массоном и Галиной Анатольевной Пугаченковой.¹⁰ И я сразу проявил интерес к археологии. Тем более что уже имел некоторое представление о том, как работают археологи, со школы.

М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова сразу отметили мой интерес, им это тоже понравилось. Михаил Евгеньевич мне посоветовал посещать лекции по археологии для старшекурсников. И так я с первого курса,

7 1934 г. 15 марта.

8 Большой Чуйский канал (БЧК) – один из крупных комплексов оросительно-ирригационных каналов Кыргызстана, состоящий из трех ветвей: Западного, Восточного и Южного БЧК. Построен в 1940–1958 гг.

9 Бернштам, Александр Натанович (1910–1956) – советский археолог и востоковед, доктор исторических наук, профессор Ленинградского университета.

10 Пугаченкова Г. А. (1915–2007) – выдающийся искусствовед, профессор, академик АН РУз, почетный доктор Страсбургского Университета (Франция).

еще до начала специализации, начал ходить на лекции по археологии. И когда наша группа впервые официально выехала на практику в Мерв, М.Е. Массон послал меня работать отдельно от основной группы. Он считал, что у меня навыки археологических работ достаточно высоки. Таким образом, моя первая экспедиция состоялась на древнем городише Ниса – первой столице Парфянского государства.

И в дальнейшем вся моя студенческая археологическая практика проходила отдельно от экспедиции М.Е. Массона в Мерве. Я выезжал в разведку с Г.А. Пугаченковой в сторону Кушки.¹¹ В совместных поездках с Вадимом Массоном исследовали культуру Яздепе.¹² Затем самостоятельно работал на Тахирбай-тепе,¹³ исследуя культуру эпохи бронзы. После этого я участвовал в самых первых раскопках В.М. Массона на неолитическом поселении Джейтун.¹⁴ М.Е. Массон также выделил мне самостоятельный отряд в Мерве. Эта археологическая практика, благодаря своему территориальному и тематическому разнообразию – от неолита до бронзы и железного века, стала неоценимой школой для меня».

По окончании САГУ, в 1956 г., талантливому и трудолюбивому студенту предлагали аспирантуру и работу в Мерве, но по семейным обстоятельствам Юрий Федорович не мог принять это предложение. Он был принят в Музей истории народов Узбекистана, который в те времена входил в Академию наук. Одновременно с работой в музее он продолжал интересующие его исследования.

«Первые археологические экспедиции в Средней Азии были направлены на изучение крупнейших городов, например Мерва, Самарканда. Но уже эти работы показали, что история среднеазиатского региона многогранна, и она не складывается только из истории отдельных городов, даже самых крупных. Для того чтобы знать историю региона, нужно изучать и развитие сельской местности, и проводить исследование сырьевых, энергетических богатств, поэтому я начал исследование истории горного дела и металлургии, – рассказывает Ю.Ф. Буряков. – Я выезжал в самостоятельные экспедиции, в разведывательные поездки по Ташкентской области, с древности известной на Востоке своими крупными горнодобывающими, металлургическими центрами,

11 Современный город на юге Туркменистана.

12 Городище конца 2 тыс. до н.э. – IV до н.э., в северной, дельтовой части Мургабского оазиса.

13 Там же, конец 2 тыс. до н.э. – середина 1 тыс. до н.э.

14 Древнейшее неолитическое земледельческое поселение в Средней Азии (Туркменистан).

например Илак».¹⁵

Работа по исследованию горных металлургических производств начиналась еще М.Е. Массоном, и он, конечно, был рад, что у него нашелся последователь. М.Е. Массон много лет работал с геологами, он также определил предполагаемое местоположение знаменитого серебряного рудника Кухисим.¹⁶ Но первые мои полевые исследования в этом направлении, с использованием данных средневековых письменных источников, опровергали точку зрения Михаила Евгеньевича.

Собрав материалы, я отправился с ними к Михаилу Евгеньевичу. М.Е. Массон обладал известным резким характером, и я сам не был уверен, как он отреагирует на мои материалы. Но я пришел к нему, и беседа у нас тогда вышла долгая. М.Е. Массон рассматривал материалы и, наконец, спросил: Вы написали об этом?

Нет, говорю, я хотел сначала посоветоваться с Вами.

На что М.Е. Массон сказал: Срочно пишите, я буду рекомендовать работу в печать!

...Да, а самые первые мои публикации были в студенческое время. М.Е. Массон, помимо своих трудов по линии Академии наук по Южному Туркменистану, также занимался историей Ташкента, Ташкентского оазиса. И он поручил мне заниматься исследованием памятника Мингурюк,¹⁷ который тогда считался самым первым городом на территории Ташкента, основой его истории. Это мои первые наблюдения по Ташкенту, и с этими материалами М.Е. Массон меня направил на первую всесоюзную студенческую конференцию в Москву, 1954–55 гг. И мой первый доклад был опубликован в трудах САГУ.

Когда я уже работал в музее, в связи с разрушением памятника Мингурюк, совместно с Диной Григорьевной Зильпер, организовали наблюдение и небольшие раскопки на городище. Эти работы легли в основу второй публикации. Так пошли мои первые работы по истории города (Ташкента)».

В то же время Юрий Федорович продолжал исследования истории металлургического производства. Он выезжал в самостоятельные экспедиции и в экспедиции с геологами. Вместе они составляли карты рудников, исследовали их с целью определить объемы и время добычи

15 Илак – средневековая полусамостоятельная область в составе Чача, в долине Анг-рена, известная добычей и производством металлов.

16 Кухисим (совр. Лашкерек) – город и крупнейший серебряный рудник в Илаке (Южный Чаткал), упоминаемый арабскими историками с VII–VIII вв.

17 Мингурюк – древнее городище на берегу канала Салар, в районе Северного вокзала. С 2009 г. его остатки обнесены стенами, кровлей и превращены в музей.

металлов.

«Несколько лет проводились исследования городов, лежащих в зоне рудников Илака, и других металлургических центров. После каждой поездки я обсуждал результаты с М.Е. Массоном, и он ставил новые задачи, возникали новые проблемы. Объем собранного материала накапливался до тех пор, пока Г.А. Пугаченкова (она присутствовала на наших беседах) не заметила, что материала накопилось много, надо сделать перерыв в задачах. Уже можно оформлять диссертацию.

В это время наш музей перевели в систему министерства культуры. Министр культуры, познакомившись с работой музеев, забрала меня в министерство, и мне пришлось работать главным инспектором минкультуры. И года два я не работал в системе Академии наук, но завершил свою работу».

Таким образом, в 1966 г. Ю.Ф. Буряков защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Из прошлого Чаткало-Кураминского горнопромышленного района (к истории горного дела и металлургии Илака)».

«Чтобы знать историю объективно, нужно изучать города и поселения, нужно изучать экономику в ее развитии. В процессе этой работы мы с Михаилом Евгеньевичем изучили письменные восточные источники, которые позволили продолжить работу, начатую М.Е. Массоном, по локализации древних и средневековых городов Ташкентского оазиса и выделить наиболее важные центры. А по линии Общества охраны памятников мы составили археологическую карту памятников Ташкентской области.

На основе этих материалов я написал монографию «Историческая топография городов Ташкентского оазиса».¹⁸ М.Е. Массон сказал, что это хорошая база для докторской работы. А Вадим Михайлович посоветовал, что будет лучше оформить работу в плане системного анализа. Это только историческая топография городов – надо взять рудники, ирригацию, палеоэкономику, и тогда можно глубоко раскрыть динамику развития локального региона. Так моя работа в сфере исторической топографии стала перерастать в исследования генезиса и этапов развития культуры региона и была успешно защищена в Москве в 1984 г.».¹⁹

18 Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака. Ташкент, 1975.

19 В 1984 г. Ю.Ф. Буряков защитил докторскую диссертацию по теме «Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса».

Еще работая в музее, Ю.Ф. Буряков познакомился с Яхьей Гулямовичем Гулямовым²⁰, который возглавлял Отдел древних и средних веков Института истории Узбекистана. Он обратил внимание на доклады Юрия Федоровича в Институте истории и как председатель совета по защите потребовал срочного завершения и защиты кандидатской работы Ю.Ф. Бурякова. Он же направил Ю.Ф. Бурякова в качестве руководителя археологического отряда Института истории и археологии на строительство Чарвакского водохранилища.²¹

«На площади 30 кв. км мы нашли ряд памятников, и когда водохранилище стало заполняться, оно было уже изучено, и с ним Чаткал, Пскем, – рассказывает Юрий Федорович. – После этого было заново проведено изучение района Ташкентского моря – Туябугузское водохранилище. Таким образом, мы смогли подготовить и опубликовать сборники «Древности Чарвака» (1976 г., Ташкент), и «Древности Туябугуза» (1978 г., Ташкент).

Когда, после смерти В.А. Шишкина, возглавлявшего Афрасиабскую экспедицию, руководство экспедицией передали Я.Г. Гулямову, он с большими спорами вытащил меня из Министерства культуры в Институт истории и археологии, и привлек меня как своего заместителя на Афрасиабе. На несколько лет я переключился на Афрасиаб. Но, тем не менее, параллельно продолжал изучать и Ташкентский регион».

В 1969 г., к 2500-летию Самарканда, происходит разделение Института истории и археологии АН УзССР, выделение из него Института археологии и перевод его в Самарканд. Туда же переезжает Ю.Ф. Буряков, как и целая группа археологов. На новом месте ему пришлось заниматься не только археологией, но и организационной работой, исполнять обязанности ученого секретаря, проводить хозяйственные работы, организовывать изучение памятников на новостройках.

«Нужна была подготовка новых кадров, и мы подготовили базу: защитилось более 20 кандидатов наук, докторов, и они стали заниматься организационной работой. А мы отошли от организационной работы в рамках института. Основным научным интересом у меня оставался Ташкентский оазис, и проходили работы в Ташкентском оазисе. Затем

20 Гулямов Яхья Гулямович (1908–1977) — известный ученый-археолог, доктор исторических наук, профессор, академик АН УзССР, заслуженный деятель науки УзССР, активный участник и организатор многочисленных научных экспедиций.

21 Чарвакское водохранилище – расположено в Бостанлыкском районе Ташкентской области Узбекистана, на р. Чирчик. В районе Чарвака расположено большое количество древнейших на территории Узбекистана исторических и археологических памятников.

в Ташкент уехал Р.Х. Сулейманов²² и стал звать мен, преподавать в университете».

Ю.Ф. Буряков переходит преподавать на исторический факультет НУУз, на кафедру археологии. Тогда же Ю.Ф. Буряков становится руководителем отдела «История древней материальной культуры» Института истории АН РУз.

Наступает 1991 год, происходит распад СССР. В Узбекистане оформляется своя Академия наук. А в 1995 в АН РУз проходили выборы, и неожиданно для себя Ю.Ф. Буряков становится академиком.

Жизнь сводила Ю.Ф. Бурякова со многими интересными людьми, крупными учеными XX века. Так, он был хорошо знаком с Окладниковым Алексеем Павловичем.²³ Тот впервые приезжал в Узбекистан в 1938 г. и в составе экспедиции М.Е. Массона проводил раскопки в Тешик-Таше. И в 60-х годах он снова приехал изучать историю палеолита Средней Азии.

«Кафедра археологии в музее не занималась каменным веком, – рассказывает Ю.Ф. Буряков. – И когда приехал работать Окладников Алексей Павлович, крупнейший специалист, я договорился с директором музея уехать с Окладниковым в экспедицию, специально, чтобы освоить палеолит.

Прекрасный был человек, Окладников Алексей Павлович! Он был настоящий полевик! Еще он был настоящий сибиряк по характеру, человек широкой души и высокой культуры.

Окладников А. П. мне рассказывал, как в составе экспедиции Массона копал и нашел мальчика-неандертальца. Эту стоянку открыли охотники, а сообщили о ней Г.В. Парфенову, археологу, тоже палеолитом интересовался. Это у него работали охотники, два брата. Когда было открыто знаменитое захоронение мальчика-неандертальца, Парфенов захотел присвоить себе находку и подговорил охотников отнять его у Окладникова.

Я об этом случайно узнал, при встрече с одним из братьев-охотников, в Ташкенте. Я его спросил об экспедиции 1938-го, и встречались ли они тогда с Окладниковым. Тот ответил: «Да, Юра!.. Мы ждали его на одной из дорог, но выяснилось, что впустую!». И рассказал мне,

22 Сулейманов Рустам Хамидович (1932 г. р.) – археолог, заслуженный деятель науки Казахстана и Узбекистана, доктор исторических наук, профессор НУУз им. М.Улугбека.

23 Окладников Алексей Павлович (1908–1981) – советский археолог, историк, этнограф, академик АН СССР.

как они хотели отобрать его находку. А когда я встретился с Алексеем Павловичем, то спросил его: участвовали у вас в раскопках такие вот братья?

– Да,— говорит Алексей Павлович, – участвовали в раскопках...

– Между прочим, мне один из них рассказал, что они хотели отобрать у вас этого мальчика.

– Да я это все видел и знал, – отвечает Окладников. – Я заранее в патефон заложил этот череп и отправил с вещами, а когда встретились – где мальчик? А мальчик-то уже уехал!

Интересно с ним было общаться, с Алексеем Павловичем».

В книгах Ю. Ф. Бурякова мне особенно нравится его стиль. Не сухие факты и скучные выкладки научного анализа – художественный слог в научном произведении. Мне всегда казалось, что пишет он с особым удовольствием, как человек, занимающийся любимым делом и наделенный тонким восприятием и живым воображением. Я спросил, существует ли для него связь между археологией и романтикой. Юрий Федорович задумался:

«Конечно, вот мы вскрываем определенные руины. И хочется как-то их оживить и понять. Например, работали в Каракумах, в песках, без воды, в жару. Там в определенное время поднимаются миражи, возникают города. И когда стали брать карты зарубежные, космические снимки, увидели, какие там оазисы были, и что на месте пустыни действительно были города, обитали люди. Любый археолог, кто хочет по-настоящему заниматься археологией, должен пытаться представить, как оно было, какие это были люди, чем они жили. Это необходимо, чтобы познать историю. Хочется немного понять, как жили в палеолите, неолите, бронзе, и хочешь не хочешь, ты вторгаешься в эту жизнь!

В этом плане написал свою первую научно-популярную книжку, и однажды бухгалтер в институте говорит: Читаю вашу книжку и мне очень интересно, хотя я бухгалтер, а не историк и не археолог!».

На сегодняшний день Буряков Юрий Федорович – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор Национального университета им. Мирзо Улугбека, зав. отделом «История древней материальной культуры» Института истории АН Узбекистана. Ведущее направление работ ученого – комплексный системно-структурный анализ археологических источников и их реконструкция на уровне исторического источника.

Научная деятельность героев нашего очерка широко признана в археологических кругах Узбекистана и мировой научной обществен-

ностью. В составе коллектива исследователей Ю.Ф. Буряков и М.И. Филанович стали лауреатами Государственной премии Узбекистана в области науки и техники им. Абу Райхона Беруни 1985 г. за разработку проблемы «Истоки и развитие урбанизации Центральной Азии по материалам археологических исследований в Узбекистане». Каждый из них также является лауреатом ордена «Дустлик» («Дружба»). Помимо того, Ю.Ф. Буряков – зарубежный член Института археологии Академии наук Германии, а М.И. Филанович – кавалер ордена «Академические пальмы» (Франция).

В заключение можно сказать: несмотря на то, что направление oral history (устная история) по методам и объекту исследования далеко от археологии, его приемы актуальны для исследования истории развития археологии в XX веке. Однако следует обратить внимание на своевременность и срочность проведения исследований подобного характера. Проходит время, уходят замечательные люди, и с ними уходит история, не вся, но те, пусть незначительные моменты, которые, тем не менее, поучительны и показательны. Опыт исторический и опыт индивидуальный в этом отношении одинаково бесценны.

МИХАИЛ ТЕН

Институт истории АН Узбекистана
ten-md@mail.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В УСТНОЙ ИСТОРИИ *(Воспоминания о Хван Ман Гыме)*

Биографический метод в социологии и антропологии обычно относят к разновидности метода интервью, при этом нередко – к самостоятельному виду эмпирического исследования. В англоязычной литературе биографический метод чаще всего называют *life history*. Некоторые авторы предлагают использовать термин «история отдельного случая» (*Individual case history*), подчеркивающий избирательный, селективный характер жизнеописания.

Биографический метод имеет очень много общего с методом включенного наблюдения, являясь еще одной разновидностью социолого-антропологического подхода к анализу «случая». Отличием биографического метода можно считать акцент на уникальных аспектах истории жизни человека и на субъективном, личностном подходе к описанию жизни индивида, карьеры, его истории любви и т. п.

В своем исследовании биографии я опирался на метод устной истории, проводя интервью с людьми, знающими героя моего исследования в разной степени близости, с разных сторон. Кроме того, в работе была использована научная литература и материалы периодической печати.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XX века. Место проведения исследования – ширкатное хозяйство «Дустлик» Верхнечирчикского района Ташкентской области, которое до 1991 года было известно как колхоз «Политотдел». Этот колхоз называли корейским из-за преобладающего корейского населения.

Экономические успехи колхоза «Политотдел» в 1950–70-е годы связывают с именем его председателя – Хван Ман Гыма или Хван Тимофея Григорьевича (*Приложение № 14*). Хван Ман Гым родился 12 декабря 1919 г. в Приморском крае в семье крестьянина-бедняка. В 1937 году вместе с родителями, как и все корейцы, был депортирован с Дальнего Востока России в Узбекистан. С 1939 г. работал на различных хозяйственных должностях в Ташкентской области. В 1947 г. он был избран председателем колхоза «Ленинский путь» Верхнечирчикского

района Ташкентской области. В 1951–1953 гг. Хван Ман Гым работал заведующим сельскохозяйственным отделом Верхнечирчикского райкома партии, а в октябре 1953 года был избран председателем колхоза «Политотдел» и проработал на этой должности до 1985 года. Основным предметом исследования биографии Хван Ман Гыма является его карьера в должности председателя колхоза.

Колхоз «Политотдел» был известен в СССР благодаря высоким урожаям хлопчатника, кукурузы, освоению новых сельскохозяйственных культур, развитию животноводства. Колхоз был награжден высокими государственными наградами, а также побеждал на всесоюзных соревнованиях. Его часто посещали известные гости: космонавты, артисты, писатели и другие известные в стране люди. В колхоз приезжали генеральные секретари ЦК КПСС Н.С. Хрушев (1961 г.) и Л.И. Брежнев (1970 г.).

Для меня важно было выделить те качества Хван Ман Гыма, которые позволили ему достичь таких успехов. Качества, которые легли в основу бурного развития колхоза «Политотдел» в 1960–70-е годы.

До прихода к руководству Хван Ман Гыма в 1953 г. колхоз считался маломощным. В своей книге он пишет: «Это хозяйство было экономически слабым, имевшим сотни гектаров заболоченных и заросших камышом земель, где гнезился малярийный комар».¹

Колхоз «Политотдел» образовался 11 апреля 1925 года.² Тогда он носил корейское название «Ирсим» («Единомыслие»). Примечательно, что уже тогда, т. е. до депортации в Среднюю Азию основной массы корейцев в 1937 г., здесь работали корейские колхозники.

В интервью один из старожилов рассказал: *«Когда в 1934 году мы приехали в «Политотдел», корейцев здесь было мало, семей 50–60. Так как корейцев было мало, у всех были русские жены»*.³

В 1931 году колхоз был переименован в «Октябрь», а в 1933 году стал называться «Политотдел». Осенью 1937 года сюда стали прибывать первые группы депортированных с Дальнего Востока корейцев. *«Их привезли, разгрузили и по домам распределили. Кто сколько мог, столько брал. Некоторые даже в землянках жили. В тридцать восьмом начали уже и дома строить. В тридцать девятом почти все уже жили в домах...»*

До войны хорошо здесь было, тоже рис сеяли, а вот война как на-

1 Хван Ман Гым. Колхоз шагает в коммунизм. Ташкент, 1961. С. 3.

2 Хван Ман Гым. Колхоз «Политотдел». М., 1977. С.11.

3 Материалы полевых исследований. Интервью с Ли Е.В. 28.11.2010 г.

*чалась, ослаб колхоз. В пятьдесят третьем году Хван пришел, стал подымать колхоз».*⁴

Приход Хван Ман Гыма был связан с теми политическими изменениями, которые стали происходить в СССР после смерти Сталина. Приход к власти Н. Хрущева и последовавший за этим период, известный как «хрущевская оттепель», внесли оживление и в развитие сельского хозяйства страны.

В сентябре 1953 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором выступил Н.С. Хрушев с докладом о состоянии сельского хозяйства. В этом докладе был дан анализ состояния дел в деревне, указано на трудности, которые стоят перед деревней, вынесшей лишения в ходе войны.

После неурожая 1953 г. стало ясно, что без глубоких реформ повысить эффективность сельского хозяйства невозможно. В колхозах стали осваивать такие экономические категории, как хозрасчет, себестоимость, рентабельность, заработная плата. Н.С. Хрушев стал требовать от руководителей хозяйств сочетать баланс доходов и расходов.⁵

Станислав Хван (Приложение № 15), сын Хван Ман Гыма, вспоминает: *«Хрушев обратился к коммунистам, чтобы с райкомов партии пошли на работу подымать сельское хозяйство. И вот отец откликнулся на это, и в конце пятьдесят третьего года он приехал сюда работать председателем. Он был уже четвертым председателем. А что значит четвертый? Это значит, совсем плохо дело было».*⁶

Вот что писал сам Хван Ман Гым: *«...Наступил 1953 год, когда Центральный Комитет нашей партии разработал программу крутого подъема сельского хозяйства и призвал агрономов, зоотехников, инженеров и руководящих работников партийных и советских органов пойти на работу в отстающие колхозы и добиться их экономического укрепления. В ответ на этот призыв я... в то время работавший в Верхнечирчикском райкоме партии, изъявил желание пойти работать в один из отстающих колхозов, обещая вывести его в шеренгу передовых».*⁷

Вспоминает житель бывшего колхоза: *«С приходом Хван Ман Гыма жизнь в колхозе в корне начала меняться. Он пришел и начал благоустраивать колхоз, ликвидировать малые участки и переселять всех в*

4 Материалы полевых исследований. Интервью с Ли Е.В. 28.11.2010 г.

5 Реформы Н.С. Хрущева (1953–1964) // Новейшая история России. 1945–2006. М., 2007. С. 113.

6 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

7 Хван Ман Гым. Колхоз шагает в коммунизм. Ташкент, 1961. С. 4.

центр колхоза. Был участок, где мы жили – «Новая жизнь», был участок «Кирова». Этих уже участков нету, вместо домов сейчас там поля».⁸

Из книги Хван Манг Гыма: «...К колхозу «Политотдел» присоединился еще ряд мелких хозяйств. Это вызывалось экономической, производственной и социальной необходимостью. В результате слияния хозяйств стала лучше использоваться земля, заметно выросли урожаи».⁹

По моему мнению, одним из основополагающих качеств Хван Ман Гыма, позволившим ему дать толчок развитию колхоза, была его высокая требовательность в работе. Важной частью его деятельности на посту председателя было повышение дисциплины колхозников.

Вот что говорит о нем сын Станислав Хван: «Он сильно требовательный был. Очень строгим был и требовательным. Вот если он задание даст, обязательно пойдет, проверит, как там дела идут. Хоть он устал, не устал, все равно пойдет, посмотрит. Поэтому люди старались его никогда не обманывать, потому что он это дело обязательно проверит».¹⁰

Примерно то же говорят о нем люди, которые работали под его руководством: «...Человек очень деятельный, может, порой где-то он жестковат, но человек дела».¹¹ «Никогда такого я не видел, не слышал, чтобы он на кого голос поднимал, такого не было...по работе был требовательным, и все люди старались исполнить его указания».¹²

Хван Ман Гым писал: «...Укрепление трудовой дисциплины должно было начинаться с повышения активной деятельности в общественном хозяйстве... Нужно было повернуть сознание людей к общественному труду...».¹³

«...В «Политотделе» он вроде бы как создал отдельное государство со своими законами, будем говорить так. Вот насколько я помню, были вот такие случаи. Вот дети же ведь растут, разными бывают, хулиганят, там, воруют, он вызывает родителей, говорит: «Вы давайте, занимайтесь воспитанием, чтоб больше такого не делал». Он в милицию не сдавал... Участкового вызывает, он говорит: «Я предупреждаю, если вы не сможете навести порядок, чтоб дети больше не нарушали вот эти законы, – говорит, – вы давайте лучше освобождайте дом, уезжайте,

8 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

9 Хван Ман Гым. Щедрость земли. Ташкент, 1981. С. 5.

10 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

11 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

12 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван М.М. 30.11.2010 г.

13 Хван Ман Гым. Колхоз шагает в коммунизм. Ташкент, 1961. С. 5.

нам такие не нужны». И, в общем, я знаю, несколько колхозников вынуждены были из-за детей даже покинуть этот колхоз». ¹⁴

Достижение дисциплины было, несомненно, одной из важных составляющих успеха его деятельности на посту председателя колхоза. Хван Ман Гым благодаря своим организаторским способностям сумел сплотить колхозников на достижение поставленных задач, которые в начале его работы в «Политотделе» казались амбициозными.

Вспоминает старожил бывшего колхоза: «...Раньше здесь одни камыши были. Я насколько в детстве помню, сажали в основном рис, ничего не росло. Болота, камыши... И ни одного деревца, представьте себе, нигде ни одного деревца не было, это потом начали сажать. Все дома в основном мы раньше крыли камышами, топили камышами, заборы – камыши, вот эти циновки, все из камышей конечно. Единственный строительный материал, который был у нас». ¹⁵

В первые годы в колхозе начались работы по освоению необжитых земель. Были проведены большие ирригационные и мелиоративные работы. «Отвоевывая у болот гектар за гектаром, превращали их в плодородные, окультуренные земли. К 1962 году массив поливной паши увеличился более чем на 1000 гектаров». ¹⁶

Объединение колхоза «Политотдел» с другими слабыми хозяйствами и освоение новых площадей земель привело к увеличению показателей по урожаю таких культур, как хлопчатник, кукуруза, кенаф, рис. Укрупнение колхоза ускорило создание животноводства.

К 1970-м годам колхоз по показателям вышел в число передовых в стране. Так, в период с 1958 по 1974 год средняя урожайность в колхозе выросла в два раза и составила почти 50 центнеров с гектара. ¹⁷ В 1972 году средняя урожайность кенафа достигла 214 центнеров с гектара, что было наивысшим результатом по всем кенафосеющим хозяйствам. ¹⁸ «Из самого отсталого хозяйства в нашем районе он сделал одним из лучших хозяйств в Советском Союзе». ¹⁹

Следующим важным качеством Хван Ман Гыма, по моему мнению, было его новаторское мышление или, как сказали бы сегодня, – креатив. В своей деятельности он использовал современные по тем временам технологии. В колхозе была создана биолaborатория. Кроме того,

14 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким А.А. 27.11.2010 г.

15 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким К. 24.11.2010 г.

16 Хван Ман Гым. Трудом и только трудом. М., 1962. С. 13.

17 Хван Ман Гым. Колхоз «Политотдел». М., 1977. С.28.

18 Там же. С. 46.

19 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

здесь применяли специальные технологии обработки земли, борьбы с вредителями, улучшали качество удобрений и т. д.

Станислав Хван говорит: *«...Один бывший секретарь обкома сказал о нем: «Это умнейший человек. Если он был бы сейчас молодой, он в Узбекистане был бы самым богатым человеком. Мы предприимчивее его не видели».*²⁰

Среди ноу-хау, примененных в колхозе, была перепелиная ферма, а также гибридная кукуруза, достигавшая шести метров в высоту. *«У нас кукурузы шестиметровые были, что даже комбайны не брали»*,²¹ – рассказал бывший работник МТС колхоза.

Для ознакомления с современными технологиями в сельском хозяйстве Хван Ман Гым не раз выезжал за рубеж.

А для повышения качества животноводства в своем хозяйстве Хван Ман Гым привез из ФРГ коров, дававших высокие надои. Это довольно интересный факт, учитывая, что ФРГ относилась к «капстранам» и завезти оттуда в те годы в СССР что-либо было чрезвычайно трудно. В его книгах об этом факте я не обнаружил никакой информации, зато указывается, что «в 1957–1959 гг. мы закупили и завезли 472 головы коров, нетелей и телок, а также двух быков-производителей черно-пестрой эстонской и бурой латвийской пород». В другой книге Хван Ман Гыма указывается, что этих коров завезли из прибалтийских республик.²²

Вот что рассказал Станислав Хван: *«...Завоз вот этих вот с Германии черно-пестрых коров, коуштинфриц называются, это впервые в Советский Союз он завез. Их за валюту покупают. А валюту тогда так не давали. Вот он у Полянского эту валюту выбил».*²³ Для справки отмечу, что Д.С. Полянский в период с 1958 по 1962 г. был председателем Совета Министров РСФСР, а в дальнейшем стал заместителем председателя Совета Министров СССР.²⁴

Как мы видим, важным качеством Хван Ман Гыма, позволявшим ему решать поставленные задачи, были его коммуникативные способности. Он умел налаживать связи с людьми, имел прочные контакты с важными чиновниками как на республиканском, так и на всесоюзном уровне. Это позволяло ему добиваться тех целей, которые не каждому

20 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г

21 Материалы полевых исследований. Интервью с Ли Е.В. 28.11.2010 г.

22 Хван Ман Гым. Трудом и только трудом. М., 1962. С. 70.

23 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

24 [http://ru.wikipedia.org/wiki/Полянский Д.](http://ru.wikipedia.org/wiki/Полянский_Д.)

были по плечу в те годы.

*«Конечно, Хван Ман Гым – это фигура, большой величины человек. Может быть, какие-то чисто человеческие есть, вот, недостатки, но он как хозяйственник, это очень сильный был хозяйственник. Поэтому к нему с уважением относились руководители республики, особенно первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидов».*²⁵

Вспоминает сын Хван Ман Гыма, Станислав Хван: *«Однажды отец заболел. Шараф Рашидович пришел навешать его, больного. Ну тогда дом... коечки ненормальные были. «Ты что так живешь? – говорит – давай себе строй дом». «Шараф Рашидович, я не могу себе дом строить – говорит отец – я пока восемьдесят пять процентов колхозников в новые дома не переселю, я себе дом строить не буду». Он сказал: «Строй, ничего, не беспокойся». Только потом он дом построил себе. Просто большой обыкновенный дом».*²⁶

Все информанты говорили о том, какое внимание уделял Хван Ман Гым благоустройству колхоза (Приложение № 16). *«Посмотрите, колхоз, какой он был. Один из лучших стадионов в республике был построен. Один из первых он провел газ в этот колхоз. Газопровод только к Ташкенту начал подходить, а он, имея большое влияние, сумел убедить, чтобы... сделали обводной трубопровод и провели вот газ в колхоз «Политотдел». Это в начале 60-х годов мы уже имели здесь газ в колхозе».*²⁷

*«Мне кажется, наш колхоз одним из первых приобрел газ, потому что тогда, я помню, был разговор – вот, у вас уже газ провели! Ну, это многое от председателя зависит».*²⁸

По моему мнению, Хван Ман Гым интересен, прежде всего, тем, что в условиях социалистической плановой экономики он сумел создать хозяйство, ориентированное на принципы рыночных отношений. Из года в год он повышал заработные платы, что в итоге сильно мотивировало колхозников на труд. Общий доход колхоза к 1980 году достиг 15 миллионов рублей.²⁹ Доход каждой семьи в колхозе к началу 1980-х годов составил в среднем более 7 тыс. рублей.³⁰

Вот что вспоминает бывший кассир колхоза Михаил Хван: *«...до Тимофея Григорьевича приходилось по домам ходить, чтоб на работу*

25 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

26 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

27 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

28 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким К. 24.11.2010 г.

29 Хван Ман Гым. Щедрость земли. Ташкент, 1981. С. 18.

30 Там же. С. 28.

вышли. А в его время, если на поле поздно придешь – нету работы, заняты места, вот так. Люди стремились сами работать».³¹

Другим показателем рыночных отношений в колхозе было созданное Хван Ман Гымом кафе «Тюльпан». Житель бывшего колхоза говорит: «...Когда колхоз уже стал знаменитый, сюда часто стали приезжать делегации, руководители. И их надо было чем-то угощать, кормить, с пустыми руками так их, в принципе, не отпустишь. Поэтому он первый сообразил – надо источник какого-то дохода иметь. И он первый открыл Кукси-каби, вот «Тюльпан» раньше назывался, готовили корейское национальное блюдо – кук-си. Вся прибыль от этого уходила на угощение вот этих гостей».³²

Среди гостей колхоза было много известных людей, в том числе Генеральные секретари, а также артисты, музыкальные коллективы, космонавты.

«...Я помню вот ансамбль Моисеева приезжал, потом вот эти, ансамбль «Березка», грузинские раньше были «Орэра». Если кто-то приезжал в Ташкент с концертами, Хван Ман Гым старался обязательно, чтоб они посетили колхоз «Политотдел». Я помню, приезжали на какие-то фестивали, Юрий Никулин... Он тоже в колхозе был... выступал с показом своих фильмов. В колхозе были практически все космонавты, начиная с Юрия Гагарина (Приложение № 17), Комарова... В спортивном отношении даже, я помню в свое время знаменитая корейка гимнастка была Нелли Ким».³³

А вот что вспоминает сын Хван Ман Гыма о приезде в колхоз президента Пакистана Мухаммеда Айюб Хана (Приложение № 18): «Отношения между Индией и Пакистаном были очень плохие, на грани большой войны. И вот весь мир их мирил, чтобы этого столкновения не было. И вот он приехал... И вот с отцом они сидят, лицо у него очень серьезное. В общем, они долго разговаривали, ну, конечно, его убедил не отец, но на прощание он отцу сказал: «Я завтра с Лал Баходур Шастри встречу и договор подпишу».³⁴

Об успехах колхоза «Политотдел» Хван Ман Гым писал: «Сейчас трудно отличить жизнь и быт наших колхозников от жителей города. Наш колхозный поселок напоминает небольшой городок. Дома пост-

31 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван М.М. 28.11.2010 г.

32 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

33 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

34 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

роены по типовым проектам, из добротных строительных материалов, на фундаменте из жженого кирпича, под железной или шиферной крышей».³⁵

*«...если Вы всех спросите, какой был чистый колхоз. Это самый чистый колхоз, будем говорить, в Узбекистане, или даже в Советском Союзе. Какие дороги были хорошие! До самого края поля асфальтированные дороги были. Притом каждый вечер это убирали, а даже в семидесятые годы все вдоль забора цветы сажали, поливали, живые изгороди ставили. Хорошо было, в общем. Везде свет был. Ночью можно гулять...».*³⁶

*«Люди из года в год ждали, что будет с каждым годом, что будет лучше. Конечно, жизнь в колхозе зависела от дохода, от урожая, какой урожай будет. Урожаи были, конечно, стабильные. Он сумел организовать все так, чтобы на полях вообще сорняка даже не было. Поля идеальные были. Арыки все, каналы, все были чистые».*³⁷

*«В личных подсобных хозяйствах колхозники практически ничего не держали, кроме курей, редко кто свиней держал. Всё, что надо, – колхоз давал: молоко, мясо, овощи – всего полно было, фруктов полно».*³⁸

*Высокая доходность колхоза позволила Хван Ман Гыму организовать в колхозе и культурную жизнь. «Хван Ман Гым вот, надо отдать должное... он всегда поддерживал культурную жизнь. В колхозе раньше была футбольная команда, знаменитая, мастеров первой лиги, команда «Политотдел», известная была. Она участвовала в союзных соревнованиях по футболу. Эта команда, конечно, достигла таких успехов из-за Хван Ман Гыма, он всячески ее поддерживал».*³⁹

*Вот что рассказал Станислав Хван: «Он очень большое внимание уделял культурной жизни колхоза. Он создал ансамбль «Чен-Чун». Это ансамбль народный считается, он Лауреат премии Ленинского комсомола. Кроме того, наш колхоз подготовил, по-моему, больше 46 мастеров спорта. Из них три девушки мастера спорта мирового класса. Четыре девушки – они члены сборной Советского Союза по хоккею на траве. Много мастеров, кандидатов в мастера по шашкам, еще по другим видам спорта».*⁴⁰

35 Хван Ман Гым. Колхоз шагает в коммунизм. Ташкент, 1961. С. 29.

36 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

37 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

38 Материалы полевых исследований. Интервью с Ли Е.В. 28.11.2010 г.

39 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

40 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

Можно с уверенностью сказать, что для Хван Ман Гыма колхоз был делом всей его жизни, и, по признанию его сына, колхоз был для него важнее, чем семья. Вспоминает сын Станислав Хван: *«Он очень к своим детям требовательный был, но с нами он почти не занимался, у него не было времени. Он особо с нами много не разговаривал. Он просто говорил: «Вы не позорьте семью и меня не позорьте. Поэтому на улице ведите себя прилично»»*.⁴¹

Действительно, судя по рассказам респондентов, Хван Ман Гым уделял большое внимание этикету. Житель бывшего колхоза вспоминает: *«...у меня брат Иннокентий был тоже комсомольский работник, потом партийный работник. Мама все время ему говорила: «Смотри, вот Хван Ман Гым – он какой человек высокий, смотри, как он здоровается со всеми, с рядовыми членами, со стариками. Он не просто вот так головой кивнул «здравствуйте»... посмотри, он даже кланяется. С поклоном вот так здоровается со всеми практически»*.⁴²

В середине 1980-х по Союзу прокатилась волна арестов. Все заметные организаторы колхозного производства, их сослуживцы, а также хозяйства, пользующиеся авторитетом среди населения Узбекистана, пережили так называемое «хлопковое дело».

В ходе этого был арестован председатель колхоза «Политотдел» Хван Ман Гым, который также был осужден и освобожден через несколько лет. Расследования по «хлопковому делу» продолжались до 1989 года.

Вот что вспоминает сын Станислав Хван: *«Он об этом никогда не вспоминал и вспоминать не хотел. В общем, он просто считал, что это была ошибка... Он ни компенсации, ничего не просил за нанесенный ущерб. То, что законом было положено, все ему выдали. Вот все вернули и за те три с половиной года, что он там был, незаконно сняли, за это тоже выплатили»*.

«Я его видел, он приезжал к тестю моему, вот после уже заключения, человек совершенно уже чуть ли не невменяемый, рассеянный такой. Вот он рассказывал, что четыре года вообще страшная пытка вот так находиться вот, непонятно, что будет. Человек совсем уже, по-моему, на грани... он даже идет вот, друзья беседуют, а он что-то

41 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

42 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

*думает. Как-то отвлеченно, о себе. Тяжело было на него смотреть. Такой мощный руководитель, уверенный в себе и такой уже чуть ли не инвалид был».*⁴³

К концу 1980-х годов колхоз «Политотдел» пришел в упадок. Причиной тому были экономические трудности, с которыми столкнулась страна незадолго до своего распада. На вопрос о том, что говорил Хван Ман Гым в конце своей жизни, сын Станислав ответил: *«Он часто нам говорил, что узбеки – это очень хорошие люди, очень добрые, гостеприимные. Вот когда Хван Ман Гым с отцом сюда приехал [имеется в виду депортация 1937 г. – прим. Тена М.Д.], он был очень молодой, их поселили в одну узбекскую многодетную семью, и вот настал вечер. Ну что у бабушки, у отца, как с вагона сняли, в товарке же перевозили, кушать нет ничего. И вот настал вечер, ужин, та семья собралась кушать, детей много, всего на столе там две-три лепешки. Своим детям не хватает. Этот узбек взял одну лепешку и занес отцу с бабушкой. Отец это все время вспоминал. Говорит, это своих детей ему надо кормить, а он взял да нам занес лепешку. И им со стариком потом было тяжело кушать эту лепешку, потому что там дети голодные же. Это не каждый может сделать. Он всегда был благодарен узбекам. Это, говорит, хорошие люди. Об этом он часто нам говорил».*⁴⁴

Хван Ман Гым умер в 1997 году, пережив свою супругу Надежду Тимофеевну на шестнадцать лет. Он оставил после себя пятерых сыновей.

*«...Здесь раньше кругом одни тополя были. Он даже не разрешал своим колхозникам рубить вот эти тополя, чтобы вид колхоза не портить и чтобы кислород был... Потом получилось так, или совпадение, в общем, как Хван ушел, тополя все начали вымирать и все срубили. С уходом Хвана все тополя исчезли».*⁴⁵

Использование биографического метода в исследовании жизни Хван Ман Гыма дало мне возможность посмотреть на его биографию, прежде всего, «глазами очевидцев». Это позволило раскрыть некоторые, до этого неизвестные, стороны его жизни. При этом я придерживаюсь мнения, что использование биографического метода, как и метода устной истории в целом, невозможно без применения разного

43 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

44 Материалы полевых исследований. Интервью с Хван С.Т. 27.11.2010 г.

45 Материалы полевых исследований. Интервью с Ким Г.Ч. 27.11.2010 г.

рода документов, публикаций, иных работ, касающихся объекта исследования. Это позволяет исследователю биографии взглянуть на жизнь индивида с разных сторон, не углубляясь в субъективные оценки отдельных людей, как, впрочем, и не оставаясь на уровне поверхностных оценок его жизни.

В своем исследовании биографии Хван Ман Гыма я не смог охватить все стороны его жизни. Изучение биографии требует поэтапного сфокусированного анализа каждой отдельной части биографии. В данном исследовании я сделал акцент на карьере Хван Ман Гыма, т. к. именно карьера в должности председателя колхоз «Политотдел» наглядно отразила важные стороны характера этого человека, качества, которые позволили ему добиться успеха. Хотя в рамках данной статьи далеко не все факты карьеры Хван Ман Гыма нашли свое отражение. Его биография требует дальнейших специальных исследований.

ВАЛЕРИЙ GERMANOV

кандидат исторических наук,
Институт истории АН Узбекистана
valery-germanov@rambler.ru

FAMILY HISTORY ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ БЕССЛЕР-ИВОНИНЫХ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГЕРМАНИЮ?

*Мир раскололся,
и трещина проходит через сердце поэта...
Генрих Гейне*

В данной статье я поведу речь об одной немецкой семье, которая, на мой взгляд, является одной из великих семей, воспитавших в своей среде выдающихся представителей «российских» немцев, волею истории и судеб оказавшихся в Узбекистане и частично вернувшихся на историческую Родину. Эта семья прошла всё то, что прошли все «российские» немцы, но при этом сохранила то главное, что отличает немецкий народ, свой менталитет, свое понимание мира, организованность, трудолюбие, тягу к знаниям. Рассказывая об этой семье, я повествую обо всей истории немцев Узбекистана и Средней Азии, потому что ее пример, как в фокусе, концентрирует всё то, что вынужден был пройти каждый немец в этой стране.

Арвед Теодор-Христиан Бесслер родился в 1919 году в семье крупного помещика Теодора Христиана Иохана Бесслера в Крыму. Арведу было лет пять, когда земли и всё имущество семьи были конфискованы, а отцу официально предложили работать в Народном комиссариате земледелия Крымской АССР. Он категорически отказался работать на обидевшую его власть и был немедленно выслан из Крыма. Вскоре семья устроилась в одном из немецких поселений, севернее Крыма. Теодор сапожничал и кормил семью. Но в 1929 году началась коллективизация. В 1932 году, в самый разгар голода на Украине, главу семейства, Теодора Бесслера, как бывшего помещика вновь выслали на север. Они не доехали до места. На станции Шёлково он вышел из вагона за кипятком, и больше его никто никогда не видел. На Украине был Голодомор.

Семья вернулась в Симферополь к родственникам. А Арвед потелся в толпе при пересадках и больше года беспризорничал. Но, повзрослев, всё же вспомнил, откуда он родом, и вернулся в свое бывшее поместье. Там был его брат. Он был старше на 18 лет и взял на себя все заботы по его воспитанию. Так уж случилось, что учиться ему пришлось на трех языках. Вначале на немецком, потом на украинском и лишь затем на русском.

Жизнь постепенно налаживается. Он заканчивает бухгалтерский техникум в Симферополе и поступает на заочное отделение Московского института советской торговли. Учится там весьма успешно. А вот сдать последние государственные экзамены ему помешала война.

Вскоре всех немцев в Симферополе пригласили в военкомат и сказали, что они понимают, что немцы – патриоты своей страны, но не совсем удобно отправлять их на фронт, где им придется убивать своих сородичей. Поэтому принято решение мобилизовать их в Трудармию. Им разрешили проститься с близкими, собрать вещи и собраться на железнодорожной станции. Так они проехали в теплушках всю Украину и Казахстан. А вот в Свердловске им на окна вагонов нацепили колючую проволоку и поставили стрелков для охраны. Они попали в СевУралЛag – Северо-Уральские лагеря.

Дальше дело обычное, хорошо знакомое каждому немцу. Быть может, он и погиб бы в этих лагерях, как погибли многие его товарищи, от непосильного труда и скверного питания, но его выручило высшее экономическое образование. Он ведет всю лагерную бухгалтерию, ежедневно на выстроганных досках рассчитывая продуктовые пайки в зависимости от выполнения норм выработки.

Здесь он знакомится с единственным медиком в лагере Анастасией. И вот в 1946 году у них родился сын Виктор. Родился он необычно – в лагере для политических заключенных – знаменитая 58-я статья. Только там, среди этих «врагов народа», были врачи, способные оказать помощь единственному вольнонаемному медику. Но предстояло еще вынести этого младенца с территории строго охраняемого лагеря. Это сделал его дед Никанор, спрятав под овчинным тулупом. Младенец, видимо, еще в утробе матери изучил все лагерные порядки, поэтому прикусил язык и не открывал рта от лагеря до избы.

Его отца – Арведа – вскоре отправили на спецпоселение в столицу СевУралЛага – поселок Сосьва, туда же перевелась и Анастасия Никоноровна. И вновь, учитывая его высшее, хотя и не совсем законченное образование, его берут на работу экономистом в Управление Северо-

Уральских лагерей – святая святых ГУЛАГА. Почти все должности там занимает офицерский состав, всё засекречено, и действует жесткий механизм организации управления. Впоследствии знание этого механизма оказалось на редкость нужным и востребованным.

Война окончилась. Он связался с Московским вузом, и тот несколько лет подряд вызывал его для сдачи государственных экзаменов. Но он был в статусе вечного спецпоселенца, которым запрещалось покидать места проживания. За поселком был кордон, выход за который приравнивался к побегу, и, согласно Указу Сталина, наказывался 25-ю годами каторжных работ. Так и не удалось ему закончить этот вуз. И всё же он нашёл способ, хоть ненадолго, выезжать за кордон. Это был футбол. В 1946 году в лагере политзаключенных в Сосьве оказался знаменитый форвард московского «Спартака» и сборной СССР – Николай Старостин. Всю спартаковскую команду посадили после проигрыша немцам в Берлине. Но посадили не за проигрыш, а за «восхваление немецкой техники». Дело в том, что после игры в раздевалке футболисты говорили о прекрасной технике немецких футболистов. Этого оказалось достаточно. Все они отправились в лагеря на 10 лет.

А в 1957 году во время «хрущевской оттепели» немцам разрешили выезжать с мест спецпоселения. Многие из них направились в Среднюю Азию. Особо привлекательным выглядел Узбекистан. В Фергану же едет и семья Арведа Бесслера. Однако уж слишком свежи были гулаговские времена, поэтому приезжают они в Фергану порознь и, будучи в незарегистрированном гражданском браке, селятся в частном доме. Арведа принимают на работу в Областное статистическое управление простым экономистом. Но вскоре он уже возглавляет отдел промышленности, строительства, транспорта и связи. Гулаговские навыки организации работы пригодились. Его замечают в Ташкенте, и весной 1963 года приглашают на работу в Ташкент в Центральное статистическое управление республики. С этого момента Арвед Бесслер последовательно конструирует в отечественной статистике не известную тогда в Узбекистане систему, которую мы сейчас называем менеджментом. Каждый сотрудник получает строго определенный участок работы, несет ответственность за свой статистический показатель или их группу. А это уже работа не на вал, это специализация. Вскоре из весьма посредственных экономистов в его отделе вырастают подлинными корифеи отечественной статистики. Через год он становится начальником управления статистики промышленности. Именно это управление ежеквартально готовит великолепные доклады руководству

республики. А это значит, что аналитические материалы, подготовленные в этом управлении, включаются в доклады высших лиц республики и произносятся на пленумах ЦК Компартии Узбекистана, включаются в директивные решения. Отечественная статистика промышленности начинает играть заметную роль в управлении экономикой Узбекистана.

С самого начала работы в Ташкенте Арвед Бесслер ввел беспрецедентный в то время порядок работы. Он запретил работникам задерживаться на работе и выходить на работу в субботы и воскресенья. Статистическое управление стало единственным высшим органом государственного управления экономикой, в котором люди уходили с работы ровно в 6 часов вечера. Поначалу это вызвало раздражение и в правительстве, и в ЦК Компартии Узбекистана. Но Георгий Иванович Зайко раньше работал помощником Шарафа Рашидова и сумел объяснить ему свою позицию в этом вопросе и переломить недовольство тех, кто уже привык работать сверхурочно. А Арвед Бесслер всегда популярно объяснял, что тот руководитель, который сидит в субботу и воскресенье на работе, на самом деле не руководитель, поскольку он даже своей женой не может руководить и скрывается от нее по вечерам и в выходные дни в служебном кабинете. А в результате у него ни нормальной семьи, ни нормальной работы.

Итак, с профессиональных позиций Бесслер доказал свою состоятельность, но для каждого, кто приезжает в другой город, другую республику, возникает весьма серьезная проблема интеграции в новое общество. Та же проблема стояла и перед Бесслером. Помимо работы ему тоже нужно было влиться в новое узбекское общество. Весьма интересно и поучительно, как он это сделал. Стержнем его собственной политики интеграции стали шахматы. Игра эта интеллектуальная, не требующая затрат, не сопряжена с пьянством и иными пороками, на базе которых многие пытаются войти в новое общество. Спорт и шахматы – простой и эффективный инструмент интеграции. Он позволяет быстро наладить контакты, познать через партнеров сложные и непонятные процессы вхождения в новую среду.

Но это лишь один аспект интеграционного процесса, поэтому Бесслер интуитивно находит другой канал эффективного вхождения в новую для себя столичную интеллектуальную среду. Вскоре к нему в кабинет зачастили аспиранты и докторанты, маститые ученые-экономисты. Одни готовили диссертационные исследования, другие писали монографии и учебники. Он не жалел времени для них, просиживая ча-

сами за обсуждением той или иной проблемы. Приходили они просто для того, чтобы выписать статистические данные, а уходили с глубоким пониманием проблем промышленного производства Узбекистана. Бесслер обладал уникальной экономической интуицией, прекрасно знал статистику и взаимосвязь всех статистических показателей. Об этом он и говорил с начинающими и зрелыми учеными. Он учился у них, они учились у него. Это был взаимнообогащающий процесс. Но обогащал он не только Бесслера, он обогащал всю республику, поскольку новые теоретические знания немедленно закладывались в доклады правительству, получая свою оценку и развитие в управленческих решениях.

Прекрасная работа в статистике была отмечена государственными наградами. В 1971 г. он получает Орден «Знак почета», а в 1974 г. – Орден Трудового Красного знамени, и в приложение к нему легендарный Председатель ЦСУ СССР, член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Никонович Старовский дарит ему от имени ЦСУ СССР автомобиль «Жигули» «за лучшую постановку промышленной статистики в СССР».

Итак, мы можем сделать некоторые промежуточные выводы. В конце 1950-х и начале 1960-х в Узбекистан и Среднюю Азию пришла вторая волна немцев, как правило, бывших трудармейцев, вышедших из мест «вечного поселения». Все они столкнулись с необходимостью интеграции в новое для себя общество со своими условиями проживания и менталитета. При этом часть немцев искала собственные пути интеграции в новую среду, другая предпочитала оставаться в замкнутом пространстве традиционного национального самосознания.

Быстрее и эффективнее всего интегрировалась высококвалифицированная и высокообразованная часть немцев, используя собственные нетрадиционные интеграционные инструменты. Но в основе таких процессов всегда лежал высокий профессионализм, трудолюбие и организованность. Обычно это сопровождалось некоторым карьерным ростом и уважением людей из окружающей среды. При этом они сохраняли свои национальные обычаи и связи с немецкой диаспорой. Важно и то, что их примеру следовало молодое поколение немцев, что существенно ускоряло их интеграцию в местном обществе.

Сложнее было интегрироваться наименее образованным людям. Они не знали, как это сделать, а трудармия, репрессии и спецпоселения выработали в них стойкий иммунитет против любых форм их насильственного вовлечения в новую для них среду. Единственным средством самозащиты в этих процессах было компактное проживание, а следо-

вательно, сохранение изначальной, хорошо известной им национальной среды. Но эта привычная среда уже давно не соответствовала той среде, которая ждала их на исторической Родине в Германии.

Распад СССР и новые отношения в Европе вызвали огромную волну миграции «российских» немцев в Германию. Они возвращались на свою историческую Родину. В 1992 г. туда же едет и семья Арведа Бесслера. В последний момент в Ташкенте он, наконец, зарегистрировал брак с Анастасией Никаноровной, с которой прожил всю жизнь и воспитал двух детей – Виктора и Марину. В Германии в 1993 г. к ним присоединяется Марина со своим мужем и двумя дочерьми – Натальей и Викторией. Их поселили в небольшом городке Кобург, известном тем, что в нем состоялась помолвка последнего императора Российской империи Николая II со своей женой, урожденной принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской.

И вот вновь, в очередной раз на первый план выходит проблема интеграции в новое общество. Арведу уже 73 года, а в этом возрасте адаптироваться в новую среду практически невозможно. Но опыт, эрудиция и высочайшая квалификация позволяют семье с блеском решить эту проблему. Я специально акцентирую на этом внимание, поскольку опыт этой семьи мог бы стать эталонным для многих семей немцев, возвратившихся в Германию.

Не мудрствуя лукаво и полагая, что люди любого менталитета и любых кровей подвержены игровому азарту, он приходит в знаменитый шахматный клуб Роденталь. Быстро адаптируется в нем, трижды выигрывает чемпионат клуба, входит в сборную команду клуба и играет в ней на первой доске. В 1998 г. в возрасте 79 лет занимает третье место на открытом первенстве сеньоров Баварии. В клубе к нему относятся с глубочайшим уважением, а один из миллионеров, любитель шахмат, постоянно заезжает за ним по дороге в клуб. Вскоре Арвед Бесслер становится старейшим участником первенств Германии, и клуб гарантированно, еще до начала турнира, получает за это памятный кубок.

Обустроившись на месте и поняв, что им делать нечего, они вместе с женой Анастасией начинают писать книги. И вот почти одновременно, в 2005 и 2006 гг., в Германии выходят книги Анастасии Бесслер и Арведа Бесслера.

Не сидят сложа руки и другие члены семьи. Самые молодые – Наталья и Виктория – стремительно изучают немецкий язык. Прекрасно учатся и после окончания гимназии поступают в знаменитые и престижные Юрибургский и Эрлангенский университеты. Наталья уже закончила

Вюрцбург, где некогда ректором был крупнейший физик-экспериментатор, член Берлинской Академии наук, первый лауреат Нобелевской премии в области физики Вильгельм Конрад Рентген, и получила прекрасную работу, а Виктория еще продолжает учёбу. Виктория Бесслер активно сотрудничает с прессой: еще в школе газета «Франкфуртер Альгемайне» заказывала ей статьи на актуальные темы.

Следуя примеру деда, Виктория начала заниматься спортом и в составе команды «Coburger Moog» становится чемпионом Германии (Верхне-Франкский сезон 1998–1999 гг.) по популярному в Германии и исключительно зрелищному виду спорта «Tanzsportgarde». После триумфальной победы она вместе с подругами по команде была приглашена на официальный прием к Президенту Баварии Эдмунду Штойберу в Президентский дворец Баварии.

Казалось бы, наш выдающийся экономист Арвед Бесслер и его замечательная семья навсегда ушли из Узбекистана. Казалось бы, это конец удивительной истории пребывания в Узбекистане обычного и великого немца. Но оказывается, это не так. Их отъезд знаменовал появление на нашем узбекском небосклоне одной из самых ярких экономических звезд.

Речь идет сыне Бесслера – Викторе, который, как мы уже говорили, родился в лагере для политзаключенных, а вырос на спецпоселении, где закончил семилетнюю школу (других там не было). В 1960 г. вместе с матерью приехал в Фергану. Там он удивительно быстро вошел в школьную среду, где, как известно, очень не любят новеньких, а тем более отличников. А его приняли сразу, и приняли как раз за прекрасные знания и за крайнюю наивность во всех азиатских делах. Осенью этого же года его, восьмиклассника, в числе 16 победителей Областной математической Олимпиады, принимают в Ферганский педагогический институт, где он изучает математику.

Но отца переводят в Ташкент, и в 1963 году потенциальный математик становится студентом-экономистом. Его тут же заметили на кафедре математики, и вскоре он там ведет научную работу. Одна из работ, посвященная применению математических методов в экономике, в 1966 г. побеждает на Всесоюзном конкурсе студенческих работ, и Виктор получает первую в Узбекистане Золотую медаль Министерства высшего и среднего специального образования СССР «За лучшую научную студенческую работу».

После окончания вуза он два года работает в Госснабе Совета Министров Узбекской ССР и поступает в аспирантуру Института эконо-

мики Академии наук Узбекистана. Защитил диссертацию и проработал там до 1992 г. Вел там широкий спектр работ по проблемам программируемого развития, крупных народнохозяйственных комплексов, теории управления, развития различных отраслей экономики. Проходит элитную подготовку в Центральном экономико-математическом институте в Москве, участвует в подготовке директивных решений высших органов государственной власти и управления СССР под непосредственным руководством академиков Н.П. Федоренко, Н.Я. Петракова, С.С. Шаталина. Будущий экономический советник М.С. Горбачева – академик Н.Я. Петраков – является его первым официальным оппонентом на защите диссертации. Этих академиков еще в советское время называли рыночниками, и именно у них он прошел великолепную школу теории рыночной экономики.

Глубокие, разносторонние знания получил он и от близкого общения с выдающимися учеными Узбекистана. В 1980 г. его приглашает на работу в Президиум Академии наук, в качестве своего помощника, Главный ученый секретарь Президиума, академик Ибрагимжан Искандеров. Здесь он работает 6 лет и, ежедневно обобщая наиболее важные достижения ученых Академии, приобретает поистине энциклопедические знания. Он свободно и на равных обсуждает с масти-тыми учеными проблемы физики, математики, астрономии, геологии, химии, истории, археологии. Ученые с таким первоклассным кругозором – большая редкость, их готовят долго и исключительно целевым порядком, поштучно.

Загруженность административными функциями не влияла на исследовательскую деятельность. Виктор продолжает научный поиск в области проблем программируемого развития экономики. В 1970–1980-е годы выходит ряд объемных фундаментальных трудов с его участием. В это же время он преподает в Институте повышения квалификации руководящих работников республики основы экономики и управления, и после провозглашения независимости Узбекистана в высших эшелонах государственной власти и управления оказывается не менее половины его учеников.

Провозглашение независимости Узбекистана, с одной стороны, вызвало оправданную эйфорию, с другой – поставило аппарат управления страной в экстремальную ситуацию. Нужно было формировать государственность, проводить экономическую реформу и решать множество иных задач, которые раньше выполнялись только по указке из Центра. Всё было новым, необычным. И в этот момент знания нашего

узбекского немца оказались востребованными практикой. Ситуация оказалась прямо противоположной обычной. Не ученый «продавливал» свои идеи в практике, а практика настойчиво требовала от него свежих идей.

Именно здесь в полной мере раскрылся весь талант этого незаурядного человека. Он возглавляет рабочую группу по подготовке проектов экономического законодательства в тогдашнем Верховном Совете (ныне Олий Мажлис). Эта рабочая группа, при всесторонней поддержке Президента Узбекистана И.А. Каримова и специалистов Аппарата Президента, вскоре стала становым хребтом методологии экономической реформы. За два года ею был подготовлен весь первый пакет рыночного законодательства – 25 законов Республики Узбекистан. При этом нужно учесть, что это были первые рыночные законы, которые формулировались в то время, когда не было ни одного учебника по рыночной экономике, когда в стране вообще никто не представлял, что такое рыночная экономика, что делать и в каком направлении двигаться. На долю этих людей выпала тяжкая роль первопроходцев. И они с этой задачей с блеском справились.

Думаю, что период творчества Виктора как ученого-экономиста после провозглашения независимости Узбекистана сделал его самым счастливым человеком в стране, поскольку только поистине счастливым людям удастся реализовать свои идеи как в науке, так и в практике управления страной.

Важно отметить, что, проанализировав опыт Узбекистана в приватизации, другие страны СНГ повсеместно отказались от продолжения ваучерных приватизационных схем и приняли по существу узбекский вариант приватизационных механизмов. А приоритет в разработке и реализации этой эксклюзивной инвестиционной модели приватизации, как известно, принадлежит сыну Арведа Бесслера.

И все же не могу не остановиться на еще одном важном результате работы этого человека. Это Национальная программа по подготовке кадров, которая готовилась по замыслу и под руководством Президента страны И.А. Каримова. Поэтому не случайно ее неофициально называют «Президентская программа». Естественно, что и здесь техническую наработку осуществляла рабочая группа. В ее состав вошли сын Арведа Бесслера Виктор Ивонин, Тахиржон Каримович Иминов, Шавкат Курбанов, Эдем Сейтхалилов. Позднее к ним присоединился

Тохтапулат Турсунович Рискиев. Опыт работы Виктора в составе различных рабочих групп сыграл здесь решающую роль. Результатом этой почти годичной работы явилась Национальная программа по подготовке кадров, принятая Олий Мажлисом и подписанная Президентом страны. Она встретила прекрасную оценку зарубежных экспертов, получила международное признание и была отмечена Золотой медалью ЮНЕСКО.

Но проводимая экономическая реформа нуждалась в освещении, доведении ее до сознания каждого человека. Поэтому Виктор, не оставляя научную стезю, становится ведущим экономических программ Узбекского телевидения и радио. С 1994 г. вместе с замечательным журналистом Абдухакимом Даминовым, старшим научным сотрудником Института истории Академии наук Узбекистана, кандидатом философских наук Р.Р. Назаровым и другими ведет самую рейтинговую программу Узбекского радио «Бизнес-клуб». Именно здесь проявился блестящий публицистический дар этого человека. Передача шла в прямом эфире в режиме вопросов и ответов. Постоянно слушая ее, не перестаешь удивляться энциклопедическим знаниям выдающегося экономиста, точности формулировок и удивительной легкости, с которой он говорил самым простым и доходчивым языком о самых сложных вещах.

Характеризуя многогранность личности этого человека, не могу не сказать о том, что каждое лето в отпускной сезон он исчезал из Ташкента. Всё это время он пропадал в высокогорных экспедициях на Памире и Тянь-Шане, занимавшихся поисками таинственного человекоподобного существа. Впервые об этом он узнал из книги выдающегося альпиниста В.И. Рацека, а позднее, обратившись по моему совету к трудам Франца фон Шварца и его книге «Туркестан – колыбель индогерманских народов», изданной в Германии в 1900 г., узнал, что на территории Туркестана некогда существовало загадочное племя, вытесненное людьми в недоступные горные районы Танымасса. Надо ли говорить, что именно он, чуть ли не вызубривший труды П.П. Семенова-Тян-Шанского, И.В. Мушкетова, Н.А. Корженевского и других исследователей Памира и Тянь-Шаня, был мозгом этих экспедиций. А главное то, что из каждой экспедиции он привозил массу впечатлений и обязательно писал увлекательнейшие рассказы о гомотангах, которыми зачитывались все. Их поиски не были напрасными. Из одной из последних экспедиций он привозит мумифицированную, всю зарос-

шую жесткой бурой шерстью руку загадочного существа.

Я сознательно столь подробно рассказываю о нем, чтобы было понятно, насколько велики интеграционные возможности высокообразованного и действительно талантливого человека. Попав в совершенно не знакомую для себя среду Узбекистана, он за короткое время полностью интегрируется в это общество и становится довольно известной личностью. Он свободно общается с людьми, пользуется их уважением и доверием, входит во все самые высокие кабинеты страны.

Сын Арведа Теодора-Христиана Бесслера зовется здесь Виктор Арведович Ивонин (по фамилии матери). И этих двух людей, оценивая с позиций сделанного ими для немцев и всех народов Узбекистана, можно с полным на то основанием назвать национальным достоянием Германии и Узбекистана.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ORAL HISTORY

ТОМАС КУНЦЕ

*Региональный уполномоченный представитель
Фонда им. Конрада Аденауэра по Центральной Азии,
Глава Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра
в Республике Узбекистан
kunze@mail.ru*

МЕТОД «ORAL HISTORY» В РАБОТЕ С ОЧЕВИДЦАМИ-СОВРЕМЕННОКАМИ. ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ БИОГРАФИЙ НИКОЛАЕ ЧАУШЕСКУ И ЭРИХА ХОНЕККЕРА

«Oral history» – устная историография – это научный метод, появившийся в начале 1970-х годов в США и Великобритании. Историки и этнографы разработали его, чтобы привести в историографию субъективный опыт очевидцев-современников. Этот метод дает пространство людям, которые в других случаях остаются вне поля зрения науки. А здесь они дополняют историографию важными познаниями из истории повседневной жизни.

Со временем метод «oral history» превратился в междисциплинарный метод научных исследований. Он не только освоил новые источники для бытовой, социальной и культурной истории, но и расширил исследовательский инструментарий различных дисциплин. При этом наиболее значимым методом считаются, пожалуй, интервью с очевидцами-современниками, основанные на истории их жизни. Центральным предметом метода «oral history» является субъективный жизненный опыт отдельных людей, опрашиваемых с помощью таких интервью, однако этот опыт может быть запечатлен и в других автобиографических свидетельствах (например, в дневниках). В силу своего методического разнообразия «oral history» порой называют «историей пережитого опыта» или «наукой о пережитом» (нем. «Erfahrungsgeschichte» или «Erfahrungswissenschaft»). Главное в этом методе – изучение форм переработки исторических событий и изменения в самоинтерпретации людей в истории.

Я использовал метод «oral history» в двух составленных мною биографиях – биографии Чаушеску (Kunze, Thomas: «Nicolae Ceausescu.

Eine Biographie, 1. и 2. Auflage, Christoph Links Verlag, Berlin, 2000, 3. Auflage, 2009, в румынском переводе издана в 2003 г. в издательстве «Vremea», Bukarest) и биографии Эриха Хонеккера (Kunze, Thomas: «Staatschef a.D. Die letzten Jahre des Erich Honecker», Christoph Links Verlag, Berlin, 2001). Эти биографии должны были стать отражением определенного периода истории второй половины XX века, периода времени, когда в Восточной Европе господствовали тоталитарные диктатуры. «Тоталитарная политика – это политика власти не в прежнем смысле и не в смысле доселе небывалого преувеличения и радикализации древнего стремления к власти только ради власти; за тоталитарной политикой власти, как и за тоталитарной реальной политикой, сегодня стоят вообще доселе не известные в истории представления о реальности и власти», – писала исследовательница тоталитаризма Ханна Арендт (Hannah Arendt) в 1951 г. под впечатлением от национал-социалистической системы в Германии и сталинской диктатуры в Советском Союзе. Арендт объясняла национал-социализм и сталинизм как родственные по своей структуре типы господства. Коммунистические режимы, возникшие после Второй мировой войны, отчасти подтверждают этот анализ своим обликом.

Николае Чаушеску (Nicolae Ceausescu) родился 26 января 1918 года в селе Скорничешти (Валахия), возглавлял с 1965 по 1989 г. Румынскую коммунистическую партию на посту Генерального секретаря и был президентом Румынии с 1967 по 1989 г., до 1974 г. – Председателем Государственного Совета. 25 декабря 1989 года вместе со своей супругой после короткого процесса был казнен в Тырговиште.

Румыния находилась под гнетом двух коммунистических диктаторов. Первым был Георгиу-Деж, установивший в этой балканской стране в начальные годы своего господства систему террора невиданных масштабов. Вторым был Николае Чаушеску, о котором ходили легенды. Его называли «Дракулой Карпат» или «Иди Амином Румынии». Ходил слух о том, что он пил кровь младенцев. Очевидцы-современники называли его в одном ряду с Нероном, Иваном Грозным, Сталиным и Гитлером.

Представленная мною биография описывает жизненный путь Николае Чаушеску и вместе с тем часть европейской истории того времени.

Начиная с 1965 года он стоял во главе румынской компартии, олицетворяя собой образец тоталитарного властителя. Окруженный низкопоклонниками и лицемерами, он в абсурдном культе личности вели-

чал себя «кондуктором» (вождем). Поначалу придворные, а потом и весь народ восхваляли своего вождя как «сына солнца» и «мед мира», в то время как в экономически полностью истощенной Румынии стало не хватать даже хлеба.

Вера в авторитеты, оппортунизм и многотерпимость возвеличили Чаушеску. Как только он завладел тотальным господством, стремительно стали развиваться функционирующие по своей собственной динамике механизмы власти, которые властолюбец Чаушеску умело использовал в своих интересах. Когда написанная мною биография Чаушеску в 2002 году вышла в свет в румынском лицензированном издании, опубликованном бухарестским издательством «Vremea», издательница особо подчеркнула, что до этого времени ни один румынский историк не представил книги о «феномене Чаушеску». На первый взгляд это может показаться удивительным. Румынские историки старшего поколения, которые жили и страдали в системе Чаушеску и которые, конечно же, поддерживали ее, были и являются помехой самим себе. «Переработка» прошлого коммунистического режима для многих из них – слишком болезненное занятие. Их более молодым коллегам в этом плане легче. Однако и их работа поначалу находилась не под счастливой звездой. В 1989 году в Румынии никакой реальной смены элит не произошло. К тому же это восточно-европейское государство еще долго входило в число самых бедных и отсталых стран на континенте. Тот, кто каждый день борется за выживание, интересуется больше своим собственным будущим, нежели историей. В последние годы кое-что изменилось. В Национальном Совете по изучению архивов румынской госбезопасности Securitate (CNSAS) сегодня работает группа молодых историков и социологов, изучающих историю румынского коммунизма. Молодые ученые не обременены грузом прошлого, порой они «перегибают палку», но их труд является существенным для изучения коммунизма в Румынии.

Моей целью было изложить личную и политическую биографию Чаушеску, используя при этом мемуарную литературу, научные анализы, анализ прессы, опрос очевидцев-современников и изучая архивные данные, и добиться максимально высокой степени аутентичности, а также по мере возможности ответить на открытые вопросы. Поскольку на тот момент, когда я проводил свою исследовательскую работу, доступ к архивным материалам в Румынии в большинстве своем был закрыт, мне пришлось использовать методы «oral history», сочетая их с другими методами исторических исследований.

Одним из основных моментов биографии является отношение Чаушеску к двум германским государствам, что, по моему мнению, необходимо и важно было осветить, учитывая существование немецкой диаспоры в Румынии. Также определенное место отводится позиции румынской внешней политики по отношению к мировым событиям, ведь Чаушеску на своем веку как главы румынского государства и партии повидал четырех генсеков в Кремле и шестерых американских президентов.

Интервью с очевидцами-современниками – бывшим президентом Румынии Ионом Илиеску, бывшим министром иностранных дел и вице-канцлером Германии Хансом-Дитрихом Геншером, бывшим министром иностранных дел ГДР Оскаром Фишером, бывшим руководителем аппарата Федерального канцлера Манфредом Шюлером и множеством других представителей германской и румынской политики – позволили мне лучше понять личность Чаушеску и его политические поступки, а сведения о его частном окружении, семейных связях и дружеских отношениях, которые он поддерживал, я постарался выяснить с помощью интервью, взятых у десятков очевидцев-современников из его личного окружения.

Всегда в тех случаях, когда архивные данные отсутствуют или недоступны, особое значение приобретает метод «oral history» и возрастает ответственность историка.

На раннем этапе развития «oral history» с этим новым методом связывались большие ожидания: «демократическая история» противопоставлялась «официальной истории». Однако интервью с очевидцами – это тоже лишь источники, которые необходимо толковать во взаимосвязи с другими источниками. С точки зрения техники использования источников их необходимо рассматривать так же критически, как и автобиографии.

Опросы очевидцев-современников находились также в центре составленной мною биографии Эриха Хонеккера (Erich Honecker), в которой я сосредоточился на последних годах его жизни, т. е. периоде времени после его свержения в 1989 году. Эрих Хонеккер родился 25 августа 1912 года в саарландском округе Нойенкирхен, умер 29 мая 1994 года в Сантьяго-де-Чили. На протяжении долгих лет он был генеральным секретарем Центрального комитета СЕПГ и председателем Государственного Совета ГДР, а также председателем Национального Совета обороны. Я хотел написать историю жизни Хонеккера после 1989 года как обобщенную хронику тех событий. С другой стороны, я

хотел изложить то, какие механизмы действия начинают развиваться, когда власть утрачивается буквально за день и практически открыто «лежит на дороге». В методическом плане я использовал инструментарий историка и журналиста. Я изучал архивы, опрашивал очевидцев-современников и анализировал прессу, мемуарную литературу, а также научные публикации.

ГДР распалась в 1989 году несмотря на существование Берлинской стены, которой Хонеккер обнес страну. Бывший глава этого государства после своего свержения пережил нескончаемый крах. Большинство его друзей и товарищей отвернулись от него. Эрих Хонеккер, гонимый «народным гневом», переезжал с места на место, напоминая бездомного. Больной и преследуемый, он провел последние годы своей жизни в больницах, тюрьмах или в пастырском доме. Хонеккер искал убежище за рубежом, но Германия не отпускала его. Он вновь и вновь порывался сказать что-то, хотя его всё меньше хотели слушать. История его бегства напоминает одиссею. Беглец – седой старец, который выглядит как добрый дедушка, живущий по соседству. Обращение с ним кажется бессердечным. Однако Эрих Хонеккер, прежде всего, в моральном и политическом отношении был главным ответственным за систему, которая лишала людей их прав и сажала их за решетку и чьи репрессивные органы более 40 лет подавляли стремление своих граждан к свободе теми многочисленными средствами, которыми обладает диктатура неважно какого толка. Именно между этими противоположными полюсами я продвигался в своем исследовании.

В отличие от работы над биографией Чаушеску в моем распоряжении имелись обширные архивные материалы. После распада ГДР никаких запретительных сроков по использованию архивов не было. Например, доступ к материалам Политбюро ЦК СЕПГ был возможен безо всяких проблем. Помимо этого, в моем распоряжении имелись материалы архива Уполномоченных по документации службы государственной безопасности бывшей Германской Демократической Республики.

Тем не менее, опросы очевидцев-современников, несомненно, были самым главным в моем исследовании. Многие из «бывших товарищей» не хотели, чтобы им напоминали об их собственном прошлом. По этой причине я был благодарен бывшим функционерам СЕПГ за готовность откровенно ответить на мои вопросы или помочь в налаживании дальнейших контактов. Среди них, например, последний генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Эгон Кренц, бывший член Политбюро

Гюнтер Шабовски, бывший руководитель аппарата Политбюро Эдвин Швертнер, бывший председатель Государственной плановой комиссии д-р Герхард Шюрер, бывший начальник Управления по вопросам безопасности при ЦК СЕПГ д-р Вольфганг Хергер и бывший секретарь Национального совета Национального фронта д-р Норберт Подевин. Об этих днях мне рассказал также и врач Хонеккера, профессор, д-р медицинских наук Петер Альтхаус, который оперировал Хонеккера в январе 1990 года. Адвокат Хонеккера д-р Фридрих Вольф поделился со мной своим видением тех событий. Дочь Хонеккера Эрика Вильдау оказала помощь, предоставив некоторые сведения. Бард Райнхольд Андерт, взявший у Хонеккера интервью весной 1990 года, сообщил мне важные детали. Мне удалось поговорить также с представителями бывших правоохранительных органов ГДР, бывшим заместителем генерального прокурора, профессором, д-ром Лотаром Ройтером, бывшим начальником Управления по экономическим преступлениям Генеральной прокуратуры ГДР д-ром Адольфом Буске.

Кроме того, у меня была возможность пообщаться со многими политическими участниками, которые после октября 1989 года напрямую или косвенно имели дело с Эрихом Хонеккером. Бывший Федеральный канцлер Германии д-р Гельмут Коль терпеливо ответил на мои вопросы, как и бывший федеральный министр д-р Норберт Блюм, а также оба последних премьер-министра ГДР, д-р Ханс Модров и Лотар де-Мезьер. В мой труд вошли сведения, полученные от пастора Увэ Хольмера, который в 1990 году предоставил Хонеккеру убежище в своем пастырском доме. Последний министр внутренних дел ГДР, д-р Петер-Михаэль Дистель, дважды встречался с Эрихом Хонеккером летом 1990 года в советском военном госпитале в Беелитце. Он подробно поведал мне о своих впечатлениях. С бывшими советниками Михаила Горбачева – Георгием Шахназаровым, Кареном Карагезяном и Анатолием Черняевым – мне удалось поговорить о том времени, которое Хонеккер после 1989 года провел под покровительством Советского Союза. С Абдаллой Франги, руководителем генеральной делегации Палестины в Федеративной Республике Германия, и Абдаллой Хиязи, бывшим атташе по вопросам культуры Посольства Палестины в ГДР, я побеседовал о поддержке, которую получил Хонеккер.

О методическом подходе при использовании «oral history»:

Историку необходимо до проведения беседы с очевидцами-современниками проанализировать другие имеющиеся источники и сообщ-

шения по изучаемой теме, чтобы обладать достаточными экспертными познаниями. Необходимо заранее иметь информацию о местной среде очевидца-современника. Большое значение имеет составление ориентировочных вопросов планируемого интервью. Их следует формулировать открыто и нейтрально, избегать наводящих вопросов. Список вопросов служит примерной «красной нитью», с помощью которой можно давать толчки воспоминаниям. Во время самого интервью следует выяснить как взаимные ожидания, так и вопрос, согласен ли собеседник с тем, что будет производиться аудиозапись разговора. Необходимо гарантировать и обеспечить анонимность собеседника. Полезно получить, помимо этого, авторизацию текста интервью (т. е. предоставить его для ознакомления и согласования человеку, с которым оно было проведено). Личные аспекты могут затрагиваться в ходе беседы, только если сложилась доверительная ситуация. Поскольку работа с воспоминаниями – весьма напряженная работа для очевидцев, желательно, чтобы беседа длилась не более двух часов. Возможно продолжение интервью позже, в другое время. Для анализа содержания отдельных частей интервью полезно проведение сопоставления с другими интервью, а также использование дополнительных источников, как, например, фотографий, дневников, архивных данных и т. д.

Какие проблемы встречаются при использовании «oral history»:

Между интервьюерами и очевидцами-современниками в силу разницы в социальном происхождении, поколениях или языках могут возникнуть трудности с пониманием. Порой проявляются старания тех, у кого берется интервью, адаптировать свои рассказы к ожиданиям собеседника. Именно в работе над биографией Хонеккера часто бывало так, что очевидцы-современники, которые некоторое время назад относились к Хонеккеру очень положительно, думали, что меня интересуют лишь критические факты, что не соответствовало ни действительности, ни исторической правде. Как правило, рассказы и без того сильно окрашены актуальными мнениями, забавными историями из жизни, а также психологическими факторами, как, например, вытеснением из памяти «изобличающего» пережитого опыта. Это необходимо учитывать при толковании.

Мой опыт проведенных исследований в целях составления двух биографий позволяет мне рекомендовать следующее: используя «oral history», лучше всего позволить своим очевидцам рассказывать свободно. Обычная техника проведения интервью чрезмерно ограничи-

вает опрашиваемого. Лучше, когда очевидцу дается возможность максимально свободно поведать о событиях из своей жизни, чтобы он сам мог принимать решение о том, что важно. Речь идет при этом и об эмоциях и воззрениях, что мало встречается в других источниках. Кроме того, сегодняшний историк не может знать, какие вопросы будут интересовать историка в будущем.

Рассказ фиксируется с помощью аудиозаписывающего устройства. И, наконец, историку необходимо соответствующим образом перенести эти записи на бумагу. Лишь после этого историк «сам создал» письменный источник, из которого он может приводить цитаты. Однако такой способ означает значительный объем работы. В целях более эффективной и целенаправленной работы можно в качестве альтернативы делать письменные записи во время интервью, но в целом это отвлекает от беседы. Целесообразно направлять беседу с помощью вопросов и использовать предметы, помогающие вспомнить прошлое, как, например, фотоальбомы, личные предметы, дневники и т. д.

В целом метод «oral history» пользуется соответствующим спросом в исторической науке Германии. Сегодня существуют интернет-сайты об исторических событиях с интервью, взятыми у очевидцев-современников, что предоставляет историкам широкий выбор. (Ср. <http://www.zeitzeugengeschichte.de/> или <http://www.zeitzeugenportal8990.de/>)

Однако при составлении обеих своих биографий я опирался на собственные интервью. Метод «oral history» мне представлялся целесообразным. Хотя рассказ очевидца-современника сам по себе является не исторической правдой, а лишь некой конструкцией, в которой участвуют восприятие, память, исторические знания, нравственные убеждения и способность к языковому выражению. Тем не менее, от умения хорошего историка зависит то, насколько ему удастся приблизиться к исторической правде с помощью сочетания исследовательских методов.

БОТА РАКИШЕВА

кандидат социологических наук,

Институт социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан)

bota.rakisheva@cessi.kz

ДМИТРИЙ ПОЛЕТАЕВ

кандидат экономических наук,

Центр миграционных исследований (Центр Зайончковского) РФ

DmitryPoletaev@yandex.ru

«УСТНАЯ ИСТОРИЯ»: ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН В 1930–1950-Е ГОДЫ

(Опыт международного социологического исследования)

Ассамблея народа Казахстана под эгидой и при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ реализует в Республике Казахстан проект «Память во имя будущего». В Казахстане в рамках проекта «Память во имя будущего» было проведено международное социологическое исследование «Депортация народов в Казахстан в 1930–1950-е годы», которое заложило основу формирования в Казахстане использования методики «Устная история».

В настоящий момент на страницах журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» ведется постоянная рубрика «Устная история» и Институтом социально-политических исследований проводится ряд исследований. Среди них: «Голод в степи в 30-е годы XX века», «Целинники в Казахстане» и т. д.

Основной задачей проекта был ретроспективный сбор информации о депортации в Казахстан в 1930–50-е годы от непосредственных участников процесса, что позволило собрать уникальную историческую информацию и создать базу из интервью, собранных в 13 странах. Над проектом работали специалисты из Казахстана, Российской Федерации, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Молдовы, США, Германии, Польши и Турции. В Узбекистане данный проект проходил под руководством кандидата исторических наук Сабирова Алишера Турсуновича.

Документальный фильм, снятый по итогам проекта, был презентован 30 октября в День памяти жертв политических репрессий в Рос-

сии, в Музее истории ГУЛАГа в Москве и 20 октября в Стамбуле, в Институте Евразии Стамбульского университета.

В данной статье описан ряд методологических особенностей проекта.

Выборка и отбор респондентов:

В выборку попали представители различных национальностей и этнических групп, которые были депортированы в Казахстан в 1930–1950-е годы и в настоящий момент проживают в странах, вовлеченных в Проект. Немцы, поляки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, калмыки, карачаевцы, корейцы и другие депортированные народы, попавшие под депортацию в сталинские времена, сейчас разъехались по разным странам, поэтому Проект был запланирован и осуществлен как международный. Кроме непосредственных участников депортации, опрашивались и дети депортированных, родившиеся уже после исследуемых событий, но хорошо знающие по семейным рассказам о депортации.

Как и предполагалось, респонденты, с которыми удалось провести интервью, в большинстве своем во времена депортации их народов были детьми. Сегодня это люди преклонного возраста, старше 60 лет. Если удавалось найти депортированных взрослых членов семей, то они были старше 80 лет.

При формировании выборки была поставлена цель опросить разные поколения депортированных, мужчин и женщин различных национальностей. Предположение, что они проживают компактно в небольших населенных пунктах или в районах города, частично подтвердилось во время исследования, поэтому была поставлена задача по возможности опросить респондентов из различных районов города или пригорода, так как компактно проживающие респонденты рассказывали более или менее схожие истории депортации, а одной из установок проекта было – избегать дублирования информации. В каждой стране Проекта придерживались правила – опрашивать не больше 2-х респондентов одной национальности.

Также опрашивались этнические казахи, проживавшие в тот период в Казахстане и принявшие депортированных в свои семьи.

Этапы исследования:

Проект был разбит на 4 этапа.

Первый этап – подготовительный. В его ходе была изучена доступ-

ная по теме исследования литература, проведены все необходимые подготовительные работы: налажены контакты с партнерами в 13 странах мира, составлен примерный вопросник для интервью, написаны предварительные варианты инструкций, согласованы все финансовые вопросы, найдена фирма, которая будет делать фильм, и уточнены возможности партнеров для съемки на профессиональные камеры.

Второй этап – пилотный. В его ходе были проведены пробные интервью в разных странах, уточнен вопросник.

Третий этап – проведены запланированные интервью в 13 странах мира, смонтирован фильм по итогам проекта.

Четвертый этап – подведены основные итоги проекта, создан архив по взятым интервью и фильм презентован на Форуме историков в Астане 28 мая 2010 г. и по национальному ТВ «Хабар» 31 мая 2010 года – в день памяти жертв политических репрессий.

Специфика исследования:

Исследуемая тема была довольно болезненной для респондентов, поэтому все интервьюеры при инструктировании предупреждались о необходимости соблюдения чувства меры и важности проведения интервью в максимально корректной и мягкой форме, хотя из опыта предварительных интервью, проведенных в Астане, следовало, что респонденты рассказывают о депортации подробно и спокойно, делятся деталями своей биографии, соблюдая душевное равновесие.

Этическими соображениями диктовалось и требование к интервьюерам решить по возможности сразу все необходимые вопросы, связанные с исследованием: провести полное интервью, записав его на диктофон или видеокамеру, поработать с архивом респондента при его согласии. Респондента сразу предупреждали об условии записи его интервью на видео и (или) аудио и о его фотографировании (при аудиозаписи) с его разрешения. Использование архивных материалов респондента (при наличии) предусматривалось как для подготовки фильма, так и для написания книги. Респондентов просили подписать форму согласия, позволяющую документально закрепить достигнутые договоренности об использовании полученного интервью и архивных материалов респондента. При подписании респондентам оставался один экземпляр формы.

Технические детали:

Запись на диктофон

Интервью записывались на цифровой диктофон (итоговый формат для архива – MP3). Диктофон должен был находиться между интервьюером и респондентом. Чтобы обеспечить непрерывность записи, интервьюеры инструктировались о необходимости проверки наличия и заряженности батарей или аккумуляторов для диктофона и необходимости иметь запасные батарейки (аккумуляторы). Рекомендовалось дублировать запись вторым диктофоном

Подарки респондентам

В бюджете проекта были предусмотрены подарки респондентам (торт или конфеты – на выбор интервьюера), если интервьюер был приглашен к респондентам домой. По опыту проведения пробных интервью был сделан вывод, что другие подарки могут быть не приняты респондентами.

Фотобанк

Рекомендовалось сфотографировать респондента, членов его семьи, домашнюю обстановку, получив на это его разрешение. Желательно было сфотографировать, также только с разрешения респондента, семейные архивные документы, касающиеся депортации (фотографии с мест депортации, документы, приказы, разрешения и т. д.). Фотоаппарат должен был быть цифровым, пикселей не меньше 5.

Рекомендовалось по возможности, с разрешения респондента или членов его семьи, отсканировать материалы для архива.

Фильм

Фильм был смонтирован профессиональной студией в Астане, и так как он монтировался во время первой половины периода проведения опроса, то отснятые на профессиональные камеры видеоматериалы оперативно передавались в Астану, что позволило сделать его к Форуму историков в Астане 27–29 мая 2010 г. Во избежание утери записи были сделаны 2 копии интервью, одна из которых оставалась в стране, где бралось интервью.

Язык проведения интервью

Интервью проводилось на том языке, на котором было удобно разговаривать респонденту. В фильме были использованы субтитры, а расшифровка (транскрибирование) всех интервью была проведена на русском языке.

Место проведения интервью

Обычно интервью проводились дома у респондентов, но часть была

взята и на работе или в других удобных для респондента местах. Родные и близкие, а также коллеги по работе по возможности предупреждались о нежелательности отвлечения респондента в течение всего интервью.

Правила проведения интервью:

Основное правило при проведении интервью – согласование с респондентом видео- и фотосъемки и записи на диктофон, так как эти материалы были нужны для обработки данных. Если респондент отказывался от любой записи, то интервью с ним не проводилось. При проведении интервью интервьюеры имели при себе валидол или другие успокоительные таблетки, а также воду, на случай, если респонденту в ходе интервью станет плохо. Таких случаев, к счастью, не было, но, учитывая тему исследования и возраст респондентов, было решено подготовиться ко всем возможным вариантам.

Все партнеры проекта перед началом опроса получили следующие документы:

- гайд (вопросник) для проведения интервью;
- инструкцию по проведению глубинного интервью;
- файл с записью мастер-класса по проведению глубинных интервью, организованного автором этой статьи специально для улучшения качества осуществления проекта;
- инструкцию по расшифровке интервью;
- сопроводительное письмо от Ассамблеи народа Казахстана;
- форму согласия респондентов на использование их интервью и архивных документов.

Практика проведения интервью:

Начав запись интервью на диктофон, интервьюер называл тему проекта, страну, город (населенный пункт), где проводится интервью, адрес его проведения, ФИО интервьюера, дату проведения. Всё это наговаривалось и записывалось до интервью, чтобы не отнимать у респондента лишнее время.

Интервью проводилось в свободной форме, поэтому вопросы гайда интервьюерам настоятельно рекомендовалось выучить почти наизусть и задавать вопросы, по возможности не обращаясь к вопроснику.

При проведении интервью задавались (зачитывались) по 2–3 вопроса из каждого блока. Некоторые повторы в вопросах были ориентированы на уточнение информации. Кроме того, учитывалось, что опрос

проводился среди пожилых людей, которые могли просто забыть часть вопросов, если бы они задавались большими блоками.

Рекомендовалось не прерывать респондента, дослушать его до конца и выдержать в конце паузу в ожидании того, что респондент, может быть, вспомнит еще что-то. Предполагалось, что это будет способствовать установлению контакта и не позволит упустить нужную информацию.

Неясные или нечетко проговоренные моменты рекомендовалось переспрашивать. Вместе с тем необходимо было следить, чтобы респондент не выходил за рамки темы опроса, иначе интервью не дало бы нужной информации. Термины, названия населенных пунктов, даты, имена и т. п. рекомендовалось повторить вслух, вслед за респондентом.

Гайд. В данном исследовании использовалось три вида гайда: для депортированных, которые остались жить в Казахстане; для депортированных, которые мигрировали из Казахстана; для этнических казахов, которые принимали депортированных в свои семьи.

Вопросник (гайд) для проекта по депортированным народам

Идентифицирующая часть, а именно:

Как затронули депортации Вас или Вашу семью: а) непосредственно, б) моих родителей, в) моих дедов, в) иное (пояснить).

Какая именно депортация затронула Вас или Вашу семью (дата, контингент, место высылки, место вселения).

Воевал ли кто-то из родственников на фронте и что с ними было после окончания войны?

1. Начало переселения

Что было накануне депортации – были ли слухи, догадки об этом? Уезжал ли кто-то заранее (из опасения быть депортированным)? Готовились ли к плохому повороту событий? Что слышали о других депортированных?

Как узнали о переселении? Как оно происходило? Сколько времени давали на сборы и что разрешалось взять с собой? Оказывал ли кто-то сопротивление? Было ли насилие со стороны властей? Предъявляли ли какие-то документы, зачитывали ли бумаги? Как объясняли причины депортации и что говорили об этом переселяемые люди?

В каком состоянии оставлялось поселение, из которого производилась депортация? Оставлялся ли в нем кто-то по каким-либо причинам? Что было со скотом? с вашим имуществом? домом?

Вас переселяли со всей семьей? Или отдельно?

2. Путь

Знали ли вы о том, куда вас везут? Как везли, как формировали эшелон? Сколько человек ехало в одном вагоне? Что смогли фактически взять с собой и как это размешалось в эшелоне? Какие были условия в поезде? Чем и как кормили? Давали ли теплую одежду? Умер ли кто-то по пути, и если да, то сколько и кто? Бежал ли кто-то по пути, и если да, то сколько и кто? Какие были остановки, если были? Сколько дней находились в пути? Какие ходили слухи, что говорили люди?

3. Прибытие на место

Когда прибыли? Куда именно прибыли? Как назывался населенный пункт, куда Вас привезли? Знали ли Вы о том, что Вас привезли в Казахстан? Какие были природно-климатические условия? Отличались ли они от того климата, в котором Вы проживали? Какие были бытовые условия в первое время? Возместили ли оставленное дома – скот, жилье, стройматериалы?

4. Местные жители

Какой национальности были местные жители, которые Вас встретили? Как они Вас встретили? Была ли поддержка с их стороны или, наоборот, они не помогали вам? Были ли проблемы совместного проживания с местным населением?

Жили ли в районе вселения казахи и как они встретили вас? Были ли проблемы общения с казахами?

Каким показалось благосостояние местных жителей? Каким был их национальный состав?

Как менялось отношение местного населения?

Заключались ли браки с местными жителями?

На каком языке Вы общались с местным населением?

Были ли уже в месте прибытия другие насильственно переселенные?

5. Жизнь на месте

Какой статус и какой режим отбывания депортации были определены? И какими были они фактически?

Каково было отношение местной администрации? Как проверяли наличие на месте? Были ли побег?

Как работали? Как оплачивался труд? Учились ли дети в школе и как там складывались отношения с местными детьми? Какие специальные меры в отношении себя помнят? Какие были ограничения? Как можно было переписываться с родными в этом же и других регионах?

Как было организовано управление в поселке? Были ли стукачи, осведомители? Кто был во главе сообщества и как он руководил?

Как питались? Как одевались? Сколько денег могли заработать?

Менялось ли отношение к Вам до и после войны? Как именно?

Что помогло Вам выжить в таких условиях?

6. Смерть Сталина и дальнейшие события до реабилитации

Как узнали о смерти Сталина? Какова была реакция, что думали? О чем говорили, какие были слухи? Какие строили планы?

7. Реабилитация

Когда узнали о реабилитации? Из газет или как-то иначе? Как проходил процесс оформления документов? Быстро ли это было? О каких документах по реабилитации слышали и какие документы о депортации вообще видели, держали в руках? Где их надо было получить?

8. Путь из Казахстана

Почему решили уехать? Сразу ли уехали или через некоторое время, почему? Кто принимал решение? Какие были альтернативы? Кто помогал выехать, встречали ли в месте переезда? Какие были сложности? Были ли у депортированных какие-то свои организации?

9. Глядя из современности

Изменилось ли отношение к депортации по сравнению с тем, что у Вас было в ее начале, в первые годы? Что ожидаете для себя от власти, общественности, окружающих людей?

Скажите, пожалуйста, благодаря чему вы выжили в этих сложных условиях. Как вам удалось сохранить свою жизнь?

Что бы Вы еще хотели добавить к тому, что уже сказали? Может быть, есть какие-то моменты, которые мы не затронули? Расскажите о том, о чем мы не упомянули в своей беседе.

Что бы Вы пожелали своим потомкам? Нынешнему поколению? Будущим поколениям? Что бы вы хотели передать будущим поколениям?

Необходимо спросить после интервью, остались ли какие-то фотографии, документы времени депортации и до депортации, и поблагодарить собеседника за интервью.

Расшифровка (транскрибирование) интервью

Были приняты следующие правила:

- каждое интервью расшифровывалось в отдельном файле;
- файл сохранялся под именем респондента латинскими буквами, например, «Markov»;
- были заданы стандартные параметры страницы (по 2 см с каждой

стороны, шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал, выравнивание текста по ширине, заголовков – по центру);

- на первой странице указывалось название проекта, место и дата проведения интервью, ФИО интервьюера, ФИО исполнившего транскрибирование;
- далее располагалась таблица, содержащая информацию о респонденте (имя, возраст, национальность, в каком году депортирован(а) в Казахстан и откуда в каком году вернулся/лась в страну настоящего проживания);
- в тексте интервью высказывания респондентов расшифровывались дословно, буквально воспроизводились все его слова и выражения, текст не подвергался даже грамматическому редактированию;
- в конце высказываний (при необходимости) в скобках делались пометки о состоянии участника интервью в момент ответа, и это выделялось курсивом (смеется, раздражен и пр.);
- вопросы интервьюера выделялись жирным курсивом, ответы респондентов интервью печатались обычным шрифтом.

Проведенное исследование, имевшее своей основной целью формирование архива из интервью депортированных в Казахстан в 1930–1950-е годы или членов их семей, помнящих о депортации по семейным рассказам, в итоге дало несколько результатов:

- непосредственно архив из 80 интервью;
- документальный фильм «Депортированные в Казахстан народы в 1930–1950-е годы: общность истории»;
- инициирование трехлетнего проекта по написанию двухтомной монографии (1 том – тексты интервью, 2 том – архивные документы по депортации в Казахстан под общим научным руководством П.М. Поляна);
- инициирование нового проекта по каталогизации имеющихся архивов по депортации, накопленных национальными культурными объединениями, отдельными гражданами и музеями на постсоветском пространстве.

Еще одним результатом проекта стало начало серии проектов под общим названием «Устная история», в ходе реализации которых будут исследованы тема репрессий в сталинские времена, тема освоения целинных земель в Казахстане. Эти проекты будут проведены под эгидой Института социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан) и журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика (www.ispr.kz).

МИРОСЛАВ ВАНЕК

профессор,
заведующий Центром устной истории (СОН)
Института современной истории Академии наук Чешской Республики,
президент Международной ассоциации устной истории (IAOH)
vanek@usd.cas.cz

ПАВЕЛ МЮКЕ

магистр исторических наук,
младший научный сотрудник Центра устной истории (СОН),
Генеральный секретарь Чешской ассоциации устной истории (САОН)
mucke@usd.cas.cz

ПОБЕДИТЕЛИ ИЛИ ПОБЕЖДЕННЫЕ? ДИССИДЕНТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ДО 1989 г. – БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

Сразу после падения коммунистического режима в Чехословакии небольшая группа чешских историков воспользовалась случаем, предоставленным новой политической атмосферой, чтобы расширить поле нашей деятельности не только путем исследования проблем и событий нашей современной истории, которые еще недавно находились под официальным запретом, но и путем разработки новых концепций и методов проведения самих исследований.

С самого начала наша группа столкнулась с противодействием, предупреждениями и даже высмеиванием со стороны тех коллег, которые составляли консервативное большинство чешских историков, имевших традиционный образ мышления. Ряд историков, работавших при прежнем режиме, «изменили свою окраску» или сменили лояльность после 1989 г. и начали изучать и оценивать период «нормализации». До сих пор они скептически относятся к новым методам исследования. Диссиденты и историки, вернувшиеся из изгнания, были лучше осведомлены о новых методах исследований, пришедших с Запада (включая устную историю), однако они были совсем не знакомы с чешским обществом, атмосферой, царящей в нем, проблемами и современными потребностями. Почти все они в молодости изучали в школе марксистско-ленинскую историю. Они сохранили свои давно устоявшиеся убеждения в отношении методологии исследования и выразили сомнения по поводу надежности и достоверности устных источников. Они были

уверены, что практически невозможно получить реальные и объективные факты и информацию от отдельного лица или что субъективные мнения, взгляды и опыт отдельного лица не имеют ничего общего с «великой историей», в которой имели место исключительно политические события.

Однако с годами устная история также завоевала свое место в чешской историографии, поскольку были достигнуты видимые результаты. Профессор Ярослав Панек, вице-президент Академии наук, заявил: «С точки зрения новейшей истории успешно эволюционировал новый подраздел – устная история. Таким образом, зародилась основа для последующих сравнительных исследований социальной, политической и культурной истории коммунизма в Центральной и Восточной Европе. Более того, результаты исследований по устной истории используются не только внутри страны, но и самым положительным образом признаются в Европе и странах других регионов. За менее чем двадцать лет свободного развития новейшей истории в Чешской Республике был достигнут беспрецедентный успех».

К концу 1990-х годов мы были готовы начать наш новый проект по устной истории о студентах университетов, которые сыграли важную роль в период так называемой «бархатной революции» в Чехословакии в 1989 г. В 2000 г. наша небольшая, но растущая группа историков основала Центр устной истории (COH) при Институте современной истории.¹ Спустя два года Центр стал членом Международной ассоциации устной истории (IAOH). В январе 2007 г. была учреждена Чешская ассоциация устной истории (CAOH), которая расширила свою деятельность посредством организации курсов и семинаров в различных чешских университетах.² И, наконец, в 2010 г. в Праге был проведен 16-й конгресс Международной ассоциации устной истории, и Мирослав Ванек был избран новым президентом IAOH на период 2010–2012 гг.

Интервьюирование двух противоположных сторон периода нормализации – представителей политической элиты и диссидентов

Основной целью создания Центра устной истории было осуществление крупномасштабных проектов, которые являются принципиально важными – по крайней мере, с нашей точки зрения, – для достижения более глубокого и широкого понимания процессов, происходивших в годы «нормализации». До настоящего времени нашим самым продол-

1 Дополнительная информация доступна на сайте: www.coh.usd.cas.cz

2 Дополнительная информация доступна на сайте: www.oralhistory.cz

жительным мероприятием стал трехлетний проект «Политические элиты и диссиденты в период так называемой «нормализации» в Чехословакии: автобиографические интервью». Этот проект был направлен на сопоставление повествований бывших носителей власти с повествованиями их оппонентов. Мы взяли интервью у сорока трех коммунистических функционеров, которые были у власти при прежнем режиме, а также у семидесяти семи диссидентов или активистов оппозиции – людей, которые открыто и публично сопротивлялись режиму, подвергаясь различным формам притеснений, включая тюремное заключение в коммунистических тюрьмах. Отредактированные записи многих таких интервью были включены в двухтомную публикацию «Победители? Побежденные?», которая вызвала большой интерес среди читателей и горячие дискуссии в научных кругах.

В настоящее время сфера охвата и концепция этого проекта остаются уникальными для стран бывшего восточного блока. В то время как предпринимались различные попытки интервьюирования руководящих деятелей нового политического и общественного строя в некоторых посткоммунистических странах, такие интервью, как правило, отражали точку зрения победителей, т. е. тех, кто взял верх.³ Мы же добавили мнения тех, кто оказался побежденным, т. е. проиграл.

В атмосфере антикоммунистических настроений в нашей стране, которая все больше усиливалась по мере того, как мы продолжали нашу работу, нас часто спрашивали, зачем мы вообще решили взяться за этот проект. При этом негласно подразумевалось, что мы компрометируем самих себя, позволяя бывшим коммунистическим функционерам высказаться. Однако мы чувствовали, что такие вопросы мотивировались идеологической, а не исторической или научной обеспокоенностью по поводу нашей работы. Мы также знали, что наша тематика отклонялась от текущего фокуса проектов по устной истории во многих других странах, которые сосредотачивались на меньшинствах или других отдельных группах, стоящих на краю общества. Однако,

3 Интервью с людьми, преследовавшимися режимом, и членами политической оппозиции уместны не только для посткоммунистических стран, таких, как Польша (см. <http://www.audiohistoria.pl/>) или Венгрия (см. http://www.rev.hu/portal/page/portal/rev/oha/az_archivumrol), но и для стран, переживших период авторитарного режима, таких, как Испания (см. <http://www.nomesevoces.net/>), Чили (см. http://www.ces.uc.pt/investigadores/index.php?action=cv&id_lingua=2&id_investigador=350), Бирма (см. http://www.soros.org/initiatives/bpsai/articles_publications/publications/learning_20080407/a_learning_english.pdf) или ЮАР (см. <http://www.sahistory.org.za/pages/library-resources/oralhistory/menu.htm>).

когда мы изучали западную литературу, посвященную устной истории, то обнаружили, что первые проекты по устной истории в Соединенных Штатах Америки охватывали высокопоставленных общественных и политических деятелей, таких, как политики и выдающиеся личности различных профессий. Мы посчитали, что методы и тенденции, использованные в США и в Западной Европе, могли послужить моделью для развития устной истории в нашей стране.⁴ Прежние знания воодушевили нас и предоставили нам прочную методологическую основу, и мы сумели приспособить некоторые существующие процедуры и цели к нашим собственным условиям. Одной из наших важнейших целей стало изучение чешского общества в условиях периода «нормализации», причем, насколько это возможно, *sine ira et studio* [«без гнева и пристрастия»]. Когда мы думали, с чего начать наше исследование, мы приняли решение изучить две основные противоположные точки зрения о политике, существовавшие в тот период.

Пересмотр понятия «диссидент»

Мы начали процесс интервьюирования бывших диссидентов с установления контактов не только в их «Мекке» – Праге, столице Чехии, – но и в небольших городах по всей стране, используя эффективный метод «снежного кома» и изобиловавшую в то время литературу.⁵ По-

4 В странах с давно устоявшейся демократической политической системой и свободой слова осуществление проектов по устной истории с представителями политической элиты и «лицами, принимающими решения», является весьма распространенным способом исследования и документалистики, как, например, в США: проект по устной истории президента (см. <http://millercenter.org/academic/oralhistory/>), проект по устной истории Палаты представителей США (см. <http://oralhistory.clerk.house.gov/>) или проект по устной истории Бюро по истории Сената США (см. http://www.senate.gov/pagelayout/history/g_three_sections_with_tasers/oralhistory.htm). В Европе можно обнаружить схожие проекты, например, в Финляндии: Архив устной истории членов-ветеранов парламента (см. <http://lib.eduskunta.fi/Resource.phx/library/archive/veteran-mps.htm>).

5 См. Michael Frisch, *A Shared Authority: Essays on the Craft and Meaning of Oral and Public History* (Albany: State University of New York Press, 1990); Ronald J. Grele, *Envelopes of Sound: The Art of Oral History* (Chicago: Precedent Publishing, 1975); Jaber F. Gubrium and James A. Holstein, *Handbook of Interview Research: Context and Method*. (Thousand Oaks, Cal.: Sage Publications, 2002); Steiner Kvale, *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing* (Thousand Oaks, Cal., 2007); Luisia Passerini, *Fascism in Popular Memory: The Cultural Experience of the Turin Working Class* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987); Robert Perks and Alistair Thompson, eds., *The Oral History Reader* (London: Routledge 1998); Alessandro Portelli, *The Death of Luigi Trastelli, and Other Stories* (Albany: State University of New York Press, 1991); Donald A. Ritchie, *Doing Oral History: A Practical Guide* (New York:

давяющее большинство бывших диссидентов согласилось дать нам интервью, которые обычно делились на два или более сеансов с каждым рассказчиком. На первой встрече мы просили их высказаться свободно, что они обычно и делали, начиная с их социального происхождения и заканчивая настоящим временем. Второй сеанс (а иногда и третий) проводился в форме полуструктурированного интервью. Мы возвращались к интересным фактам, упомянутым во время первой встречи, и побуждали интервьюируемого к выражению взглядов и точек зрения и к изложению более точных комментариев, более откровенных мнений и суждений о настоящем времени на основе доверия, ранее установленного между интервьюером и интервьюируемым.

Одним из самых важных вопросов, который мы задавали интервьюируемому, касался источника их надежд, которые они лелеяли во время двух жестоких десятилетий угнетения, наступивших после вторжения в августе 1968 г., на то, что коммунистический режим со временем падет и произойдут перемены. Мы задавали этот вопрос бывшим диссидентам различных возрастов, политических взглядов и идеологической ориентации, включая Вацлава Гавела, знаменитого чешского диссидента, который стал президентом Чешской Республики. Он ответил:

Я писал уже много раз, что я понимаю надежду как душевное состояние. Насколько я это понимаю, кто-то делает что-то просто потому, что он думает, что поступает правильно, и не беспокоится о том, придет ли результат раньше или позже. Естественно, любой будет чувствовать себя счастливее, если получит результат, причем, чем раньше, тем лучше. Но это не значит, что если какие-то действия являются рискованными, что если результат будет незначительным и придет лишь спустя длительное время, то мы ничего не должны делать. Это делается больше из чувства самоочищения, выражения состояния духа, ума или души человека. Оглядываясь назад, достаточно учесть климат, царивший в диссидентских кругах, в так называемом «диссидентском гетто», которое было создано после принятия Хартии-77... но он был, в целом, жизнерадостным.⁶

Любопытно видеть, как быстро и легко первоначальная идея или термин могут стать стерильными или превратиться в клише. В научных кругах Чехословакии в 1970–1980-х годах, а также во время «бар-

Oxford University Press, 2003); и Paul Thompson, *The Voice of the Past: Oral History* (New York: Oxford University Press, 1978).

6 Интервью с Вацлавом Гавелом. Мирослав Ванек, сентябрь 2004 г., Центр устной истории, ИНС, сборник «Интервью».

хатной революции» зачастую использовали термины «диссидентское гетто», «подпольное гетто» и даже «функционерское гетто», несмотря на то, что термин «гетто» имеет, по крайней мере в Европе, точное и ясное значение. Начиная со средних веков, часть города, где вынуждены были проживать евреи, именовалась «гетто». Термин «гетто» не был синонимом изолирования угнетенной группы меньшинства, борющегося против доминирующего и правящего большинства. Гетто было местом, где человек рождался, или, в более современной истории, где человек помещался в тюрьму из-за его/ее расовой и социальной принадлежности. И диссидент, и подпольный рок-музыкант, и функционер коммунистической партии Чехословакии сами предпочли стать членами соответствующих кругов. Они не были рождены диссидентами, подпольными рокерами или коммунистическими функционерами. Для них вопрос заключения в такое гетто являлся, скорее, вопросом выражения своей свободной воли. Для диссидентов жизнь в гетто могла представляться чем-то «эксклюзивным» (из-за их храбрости) и в то же время отрывом от остальной части общества, что зачастую приводило к неспособности диссидентов оценивать или испытывать повседневные проблемы и тревоги большинства.

Если цитата, приведенная выше, представляет мнение Вацлава Гавела, мы должны учесть тот факт, что в диссидентских кругах его взгляды разделяли не все те, кто открыто выступал против коммунистического режима. Первое и самое важное диссидентское движение, Хартия-77, не являлось компактным органом, выражавшим единое мнение. Оно состояло из отдельных лиц, которые сформировали примерно три группы, каждая из которых имела весьма разные убеждения: бывшие коммунистические «реформаторы», изгнанные из партии после 1968 г.; люди с религиозными убеждениями; либеральные (неконсервативные) мыслители и артисты. Послушав их рассказы, мы пришли к выводу, что их истории основаны не на индивидуальной политической ориентации, а, скорее, на их индивидуальных человеческих качествах и характеристиках, которые позволили им сохранить надежду во время правления деспотического режима. Однако проблема наличия и сохранения такой надежды являлась лишь одним аспектом более широкой проблемы. Усилия по смене режима являлись не только вопросом морали или духовности; они несли в себе практический компонент, который можно было назвать повседневной политической борьбой. В целом эту цель, которая рассматривалась в качестве политической цели, разделяло большинство диссидентов. Когда мы спросили наших рас-

сказчиков из различных диссидентских кругов и гражданских инициатив о такой цели, мы получили большое число точек зрения и мнений, которые зачастую зависели от возраста интервьюируемого. Одним из самых молодых наших рассказчиков был Петр Плацак, лидер и официальный представитель инициативы «Чешские дети». Плацак сказал нам довольно откровенно:

Это было в некотором роде проблемой поколений... мы не были связаны с оппозицией против коммунистов, потому что это бы означало, что мы в какой-то степени отдаем им должное и признаем их в качестве своего рода законной власти. Это не было нашей целью... Ведение любого диалога с властью коммунистов означало бы, что мы как бы признаем ее законной, поэтому инициатива «Чешские дети» была оппозицией против известной оппозиции [Хартия-77]... мы признавали то, что они сделали, но, например, их идея в отношении прав человека меня лично немного раздражала. С точки зрения сегодняшнего дня, однако, я думаю, что то, что они сделали, было единственно возможным, единственной хорошей программой. И все же в то время она мне казалась абсурдной идеей: пытаться убедить режим соблюдать свои собственные права и правила... И нас также раздражала суть идей старшего поколения диссидентов, тех, кто был связан с 1968 годом, а также тех либералов, которые говорили только о первой [довоенной] республике, как будто бы ничего до нее не существовало.⁷

Молодые мужчины и женщины в Праге, которые основали инициативу «Чешские дети», были воодушевлены идеей создания Чешского Королевства. Петр Плацак описывал эту идею так: «Естественно, нас интересовала эта идея... Она могла, конечно, казаться забавной, однако в то же время она была выражением нашего протеста против упрощения понятия Чешского государства».

Хотя эти слова могут звучать в некотором роде нелепо или фантастически, они демонстрируют широкие различия во взглядах между различными группами диссидентов. Отличия между поколениями, о которых он упомянул, стали еще более различимыми во второй половине 1980-х годов, особенно в последние несколько лет до ноября 1989 г. Новое поколение молодых мужчин и женщин, родившихся в 1968 г., взрослело, достигло совершеннолетия и было полно желания открыто высказать свое мнение. Поскольку они лично не пережили события 1968 г., их не пугали воспоминания тяжелейших лет периода «нор-

7 Интервью с Петром Плацаком. Петра Шиндлер, октябрь 2004 г., Центр устной истории, ИНС, сборник «Интервью».

мализации», и они воспринимали концепцию прав человека как саму собой разумеющуюся. Это был фундамент, на котором они хотели построить свой более современный вариант гражданского общества. Эти молодые диссиденты не хотели медленной и постепенной «демократизации» политических условий, поддерживаемой перестройкой, которая против их воли была импортирована из Советского Союза. Они хотели развития демократии и гражданского общества западно-европейского типа.

Несмотря на то, что в последние месяцы, приведшие к событиям ноября 1989 г., существовало свыше двадцати разнообразных гражданских инициатив, каждая из них утверждала о наличии в своих рядах всего лишь нескольких десятков или максимум нескольких сотен членов. Они не оказывали существенного влияния на широкую публику и во многих случаях даже не имели прочных связей с ней. Коммунистическая контрпропаганда, направленная против этих групп, изображала их как банды хулиганов, алкоголиков и наркоманов, что не могло не быть принято во внимание, поскольку такая контрпропаганда особенно задевала старшее поколение граждан страны. Многие из этих групп молодых людей начали свою деятельность по причинам, не связанным с политикой, таким, как поиск «островков свободы», где они могли исполнять панк-рок или музыку новой волны, или критиковать режим за постепенное разрушение окружающей среды и природы. Гонения со стороны сил безопасности государства вогнали их в ряды оппозиции против всего режима.

На другой стороне спектра диссидентского движения стояли коммунисты, которые были изгнаны из рядов коммунистической партии после 1968 г. Спустя двадцать лет одна из таких групп основала инициативу под названием «Возрождение» («Obroda» на чешском языке), которая преследовала цель возврата к идеям 1968 г. и окончательного построения «социализма с человеческим лицом». Во многих отношениях различия в менталитете, существовавшие между диссидентами старшего и молодого поколений, были значительнее, чем между «диссидентами» из «Возрождения» и более молодыми прогрессивными функционерами, которые заняли свои должности в последние годы коммунистического режима.

После ноября 1989 г. многие бывшие диссиденты вернулись к своим бывшим профессиям и отошли от политики. Однако другая группа пыталась участвовать в политической жизни на районном, региональном или национальном уровне. Их отношение к переменам, произошедшим

после ноября, зачастую зависело от того, насколько успешными были их попытки. Были также и такие люди, которые подчинили свою частную и семейную жизнь деятельности в оппозиции старому режиму, но были настолько разочарованы после 1989 г., что задали себе вопрос, а стоило ли вообще этим заниматься. Некоторые диссиденты старшего поколения стали важными деятелями в правительственных или парламентских кругах сразу после революции. Когда их стали смешать с постов политики молодого поколения, они почувствовали себя недооцененными и обиженными.

После того как мы взяли интервью у такой категории диссидентов, мы посчитали необходимым пересмотреть сам термин «диссидент» и дать ему новое определение в свете конкретных условий 1970-х и 1980-х годов. Термин «диссидент» означал тех лиц и членов независимых гражданских инициатив, которые выражали свое недовольство коммунистическим режимом на публичных форумах. Те, кто поступал таким образом, могли подвергаться различным гонениям, включая тюремное заключение. Вместе с тем уровень активности диссидентов и репрессий необязательно зависел от их близости к центру. Мы брали интервью у настоящих оппонентов режима в небольших городах по всей нашей республике, которые были неизвестны широкой чешской общественности, не говоря уже о западных средствах массовой информации, таких, как радио «Свободная Европа», «Голос Америки» и «Би-Би-Си». Эти практически безвестные герои иногда подвергались еще большим репрессиям, чем более известные диссиденты, которые имели широкий доступ к средствам массовой информации из-за своей известности или связей в обществе и могли, таким образом, поведать мировой аудитории о своей тяжелой участи.

Интервью, которые мы проводили, напомнили нам, что ни один диссидент или коммунистический функционер не мог оставаться «диссидентом» или «функционером» в течение двадцати четырех часов в сутки. В то время как обе группы роднил так называемый «трудоголизм», мы вывели спектр наших вопросов за пределы политической активности наших рассказчиков и предложили им поговорить и о других аспектах их жизни. По мере продвижения проекта мы еще больше убеждались в том, что хотя политическая или профессиональная стороны жизни рассказчиков были наиболее видимыми, существовала еще и практически невидимая сфера «повседневной жизни». Такая сфера включала в себя их личные заботы, семьи, тревоги, дружбу и хобби, т. е. вопросы, которые обычно не включаются в официальные

биографии, но которые охватывают неотъемлемый аспект их жизни – возможно, наиболее важный аспект, если не единственный, на уровне подсознания.

Начиная с самых ранних воспоминаний и до настоящего времени люди из обеих групп жили не только политической жизнью, но и являлись членами своих семей, клубов и социальных организаций или круга друзей. Когда мы вели разговор о повседневной жизни, то сначала пытались завоевать доверие рассказчиков, после чего они откровенно поведали нам о том, что их жизнь не была целиком основана на политических (или социальных) связях.

Общение с бывшими коммунистическими функционерами

В самом начале проекта мы не были уверены (возможно, из-за скептицизма наших коллег), сможем ли взять откровенные и полезные интервью у бывших коммунистических функционеров. Довольно легко мы нашли список членов районных, региональных и центрального комитетов с контактными данными и адресами, однако следующий шаг оказался намного сложнее. Мы обсудили в своей группе, как связаться с бывшими функционерами – направить письмо или позвонить по телефону – и, в конце концов, решили использовать оба этих способа. Оказалось, что самым важным фактором для нас стала роль, которую сыграл наш «посредник», бывший коммунист, который работает профессором социологии в региональном университете. Он готов был помочь нам связаться с его друзьями, товарищами и знакомыми. Мы очень внимательно отнеслись к составлению юридического раздела формы заявления о согласии на дачу интервью, пообещав нашим ожидаемым рассказчикам, что никакая часть интервью не будет обнародована без их письменного разрешения, которое мы получили до интервью, а также вновь после того, как интервьюируемые прочтут отредактированный вариант записи интервью.

Мы хотели поговорить с функционерами, представлявшими различные уровни партийной иерархии – от районных и региональных комитетов вплоть до Центрального комитета коммунистической партии, включая ее Генерального секретаря Милоша Якеша. Следует признать, что мы волновались о том, согласятся ли вообще эти влиятельные функционеры, представляющие группу «побежденных», высказать нам свои откровенные мнения, точки зрения и поведать жизненные истории. Мы знали, что эти, в большинстве своем престарелые, люди выросли в атмосфере инстинктивного и взаимного недоверия. Они были обуче-

ны использовать идеологические клише и имеют опыт представления только формальных, официальных и самостоятельно цензурированных автобиографий, если вообще они их когда-либо представляли.

Примерно сорок процентов функционеров, с которыми мы связались, отказали нам в просьбе о проведении интервью. Только двое из них сделали это из идеологических соображений; остальные сослались на проблемы со здоровьем. Некоторые из тех, кто принял участие в интервью, согласились лишь после некоторого периода колебаний, в течение которого мы навешали их, чтобы обстоятельнее рассказать о проекте. Слухи и беседы с другими потенциальными интервьюируемыми, несомненно, оказали свое воздействие на оценку нашего проекта некоторыми рассказчиками. Бывшие функционеры имели определенный негативный опыт общения со средствами массовой информации, особенно в связи с недавно созданным Институтом документации преступлений коммунизма, основной задачей которого было расследование фактов репрессий со стороны коммунистического режима, а не сбор жизнеописаний его бывших представителей. Только разобравшись со всеми этими вопросами, мы смогли приступить к процессу интервьюирования бывших коммунистических функционеров.

Как и в случае с диссидентами, мы разделили наши интервью на два сеанса (или больше, если это было необходимо). Первый сеанс состоял из воспоминаний рассказчика о прошлом в свободной форме, в то время как второй сеанс представлял собой своего рода полуструктурированное интервью без оказания какого-либо давления на рассказчика с тем, чтобы поговорить на темы, которые он или она предпочитают избегать. Мы должны были заверить наших рассказчиков в том, что не будем оценивать их или проверять их знания, образование или позицию. В редких случаях такие интервью проводились в Институте современной истории, чаще всего – в домах рассказчиков, где они чувствовали себя комфортнее. Эти встречи представляли интерес в том смысле, что мы получили информацию об образе жизни наших рассказчиков, их хобби и самых ценных предметах. Для одного рассказчика таким предметом была коллекция фотографий, для другого – медали и сувениры, которые он получил в ходе частых визитов в Советский Союз в период 1970-х годов. Они показали нам книжные шкафы, заполненные ценными предметами и фотографиями, и такая информация помогла нам проводить в максимально возможной степени свободные и дружеские интервью. Все это способствовало завоеванию их доверия и помогло выбрать множество нейтральных тем для обсуждения до интервью, во

время его проведения и после его завершения. Домашняя обстановка также говорила нам об одиночестве престарелого овдовевшего человека, который еще каких-то двадцать лет назад являлся одним из столпов репрессивного режима. Иногда нам казалось, что рассказчик рад, что мы составили ему компанию, дали ему возможность говорить и быть услышанным.

Наконец, мы были весьма удивлены, когда обнаружили, насколько открытым и плодотворным может оказаться интервью, которое проводит хорошо подготовленный интервьюер. Во многих случаях интервью содержали более богатые и красочные повествования, чем те, которые содержались в мемуарах, опубликованных некоторыми из этих бывших коммунистов после ноября 1989 г.

Некоторые функционеры открыто рассказывали о своих личных связях, о своей частной и семейной жизни и о малозначительных событиях, произошедших в их детстве или в карьере. Известные устные историки Александр фон Плато и Алессандро Портелли утверждали, что самые успешные интервью получаются тогда, когда интервьюер провоцирует своего рассказчика на конфронтацию точек зрения. Но даже если бы мы теоретически приняли такой подход, он оказался бы неприемлемым для разговора ни с бывшими коммунистическими функционерами, ни с диссидентами, которые были их бывшими оппонентами. Эти мужчины и женщины, которые приучили себя к подчинению власти, цензуре и самоцензуре, не были готовы к конфронтационным интервью.

Тем не менее, мы были удовлетворены заявлениями, которые наши рассказчики сделали добровольно. Даже те, кто представлял районный и региональный уровни, дали нам информацию «изнутри», которую мы не смогли бы получить ни из одного письменного материала. Фракции, лобби и интриги, с которыми сталкивались функционеры в своей работе, свидетельствовали о том, что коммунистическая партия Чехословакии никогда не была монолитом, каким она традиционно представлялась. В Центральном комитете коммунистической партии Чехословакии царила удушающая атмосфера, где о настоящих дружеских отношениях не могло быть и речи. В последние годы до ноября 1989 г. напряженность достигла такого предела, что, как поведал нам один из рассказчиков, «никто ни с кем даже не хотел обедать». Когда «большой брат» в лице Советского Союза перестал обращать внимание на своих сателлитов, члены Центрального комитета почувствовали себя неуверенными и беспомощными. Поэтому именно Михаила Горбачева и его

программу перестройки больше всего ненавидели наши функционеры. Новая советская модель поставила их в парадоксальное положение. Приученные быть послушными и дисциплинированными вассалами, они по существу не знали, что делать. Следование новой советской модели неизбежно привело бы к либерализации в Чехословакии, а она, в свою очередь, – к смещению лиц, находящихся у власти в КПЧ. Вместе с тем несогласие с любыми приказами, идущими «из Кремля», было чем-то невообразимым для чехословацкой коммунистической власти, которой было слишком хорошо известно, что настоящая власть и способность руководить зависели от присутствия советских войск. В результате перестройка и гласность беспокоили высших руководителей КПЧ намного больше, чем любая оппозиция внутри страны.

Мирослав Штепан, который возглавлял могущественный пражский городской комитет коммунистической партии, говорил о деятельности оппозиции с абсолютным высокомерием:

И я действительно пришел к выводу, что если говорить о содержании, то они были очень отсталыми, особенно по сравнению со всеми хорошо обоснованными позициями в других социалистических государствах. Они были самыми слабыми. Определенно, самыми слабыми. Поэтому я сделал вывод, что эти люди не могут свергнуть нас. Они могли прийти только после того, как советское правительство предало бы нас. Это было ясно. Кроме того, если бы советское правительство не сделало того, что оно сделало, они бы продолжали ходить на демонстрации, а потом что? Некоторые демонстрации стали бы законными, и они бы без толку топтались на месте. Оппозиция была на самом деле несерьезной. Она была создана извне.⁸

Когда Генерального секретаря Милоша Якеша спросили об основных причинах краха коммунистического режима, он без колебаний ответил: «Международные условия... Вне всякого сомнения». Несмотря на то, что оппозиция, в целом, недооценивалась высшим руководством КПЧ, Якеш на самом деле рассматривал возможность ведения переговоров, по крайней мере, с частью оппозиции:

Что касается инициативы «Obroda». Ведение диалога с инициативой «Obroda». В тот момент было решено поговорить с [лидером «Пражской весны» Александром] Дубчеком и другими. Или, если быть более точным, с движениями левого толка за пределами партии, которые мы хотели видеть на нашей стороне, потому что политика перестройки

8 Интервью с Мирославом Штепаном. Мирослав Ванек, октябрь 2004 г., Центр устной истории, ИНС, сборник «Интервью».

имела смысл лишь в том случае, если группа социалистических сторонников будет расширена. В этом был ее смысл. А также поиск подходов и дебаты. Поэтому, я бы сказал, было бессмысленно сотрудничать с такой оппозицией, какая была представлена Гавелом и его группой. Потому что мы знали их, и мы знали их цели и связи. Мы знали, что они имели связи с Западом, с западной интеллигенцией, что Запад обеспечивал их деньгами и т. д. Поэтому сотрудничество с людьми, которые фактически хотели уничтожить социализм, используя политику перестройки и либерализации, не имело никакого смысла.⁹

Объявленная готовность коммунистов начать диалог хотя бы с одной из гражданских инициатив, число которых непрерывно росло, существенно изменилась после 17 ноября 1989 г., когда мирная студенческая демонстрация в Праге была разогнана вооруженными полицейскими силами. Протесты, последовавшие после этого, вывели на улицы не только молодых людей, но и их разъяренных родителей. В интервью Милоша Якеша спросили о реакции руководства на непредвиденный всплеск массовых беспорядков в столице. Хотя его ответ звучит как смесь сатиры из романа Джорджа Оруэлла «1984» и плохой пародии, он подробно описывает моральный и интеллектуальный уровень руководства коммунистической партии того времени:

Мы решили пригласить милицию, чтобы продемонстрировать свою силу в Праге. На силу ответить силой. Чтобы продемонстрировать. Я бы сказал, что это не могло остаться незамеченным. Это не могло произойти посредством капитуляции. Случилось то, что случилось. Таким был наш подход. К сожалению, все провалилось. Провалилось потому, что, с одной стороны, руководитель пражского комитета коммунистической партии Штепан не присутствовал на сессии, где все было решено... и Президиум решил поручить Новаку, начальнику штаба народной милиции, исполнить это решение. Ночью, поскольку ситуация была беспокойной, господин Новак пришел ко мне домой и просто спросил меня, что ему делать. Правящая партия в Праге была против приглашения народной милиции. Итак, я был дома в своей пижаме, сидел у телефона и думал о том, что делать. Что делать потом? Попросить его снова, но как? Так я принимал решение о том, что делать, как поступить в такой ситуации. Городской комитет пытался убедить секретарей в регионах, которые отказывались [действовать], уверяя,

9 Интервью с Милошем Якешом. Мирослав Ванек, сентябрь 2004 г., Центр устной истории, ИНС, сборник «Интервью».

что они сами могут справиться с ситуацией. Это стало страшным ударом. Что я должен был сделать? Если секретари пражских райкомов партии против этого, какое значение имело бы их прибытие в Прагу, если здесь есть те, кто может оказать поддержку и кто в состоянии организовать ее. Я говорю вам, я решил, что кто бы ни находился на пути в Прагу, они должны прибыть. Они будут назначены на определенные посты и наделены полномочиями на таких постах. А те, кто не был на пути в Прагу, не должен был приезжать. Это было решением, которое я принял.¹⁰

Ни один из бывших коммунистических функционеров, с которыми мы разговаривали, не отказался от своих политических взглядов, несмотря на то, что некоторые из них, обычно самые молодые, урвали для себя новые места и стали процветающими бизнесменами в трансформированной экономической системе. Мы не нашли ни одного человека среди рассказчиков, кто испытывал бы угрызения совести или выражал сожаление о своей прежней деятельности. Бывшие функционеры различных уровней лишь колебались между необходимостью самозащиты и ощущением, что, несмотря на свои незначительные ошибки и промахи, они единственные, кто несправедливо пострадал. Самый частый лозунг, который они использовали, звучал так: «Потерпела крах система, но не идея социализма или коммунизма».

Когда их спросили про привилегии, которые они принимали как должное, такие, как специальные магазины с импортными товарами, роскошные отпуска, они ответили так, что можно было неверно истолковать как искренний ответ, хотя это было больше похоже на неудачную шутку. *«Специальные магазины? Никогда, – ответил один из них. Я никогда там не был. А когда мне что-то было нужно, я посылал за этим своего шофера».*¹¹

После завершения этого проекта мы посчитали необходимым направить наше внимание на самые основные слои чешского населения, чтобы дополнительно исследовать жизнь по время «нормализации». Жизнь в политике была особой характерной чертой правящих кругов и оппозиции (законной или незаконной). Нам также стало понятно, что

10 Центр устной истории, ИНС, сборник «Интервью». Интервью с Милошем Якешом. Мирослав Ванек, октябрь 2004 г. В течение ночи 21 ноября государственные органы принимали решение, выпускать ли на улицу народную милицию. Это была первая и последняя попытка подавить демонстрации силой. В конце концов был выбран путь диалога.

11 Интервью со Зденеком Чермаком. Мирослав Ванек, сентябрь 2004 г., Центр устной истории, ИНС, сборник «Интервью».

перемены в обществе повлияли на критерии оценки удаchi различных социальных групп. Сразу после ноябрьской революции 1989 г. было ясно, кто победил и кто потерпел поражение. Через два десятилетия после революции такой вывод больше не кажется очевидным. Бывшие коммунистические функционеры, несомненно, проиграли свою борьбу за власть, хотя некоторые из них, оставаясь упрямо преданными своей идеологии, сумели достаточно успешно адаптироваться к новым экономическим условиям и правилам. Если они представляют собой новый вид буржуазии, можно ли все еще называть их «проигравшими»? А к какой группе отнести бывших диссидентов, которые потерпели поражение на национальных выборах в начале 1990-х годов, а сейчас являются пенсионерами или даже безработными? Можно ли их все еще отнести к тем, кто одержал победу, или к новой группе, которая была смешена? Привели ли существенные перемены в политическом режиме и социальной системе к некоторой гармонии между нравственными убеждениями человека и его уровнем жизни?

Этот проект по устной истории исследовал лишь некоторые из многочисленных аспектов жизни чешского общества во время эпохи нормализации. Мы узнаем все больше об обществе в период «нормализации» путем осуществления последующего проекта, сосредоточенного на жизни работников физического труда и интеллигенции, в рамках которого мы провели 115 интервью. Такие дополнительные свидетельства усовершенствовали наши теоретические знания, а также наши методологические подходы. Одновременно мы работаем с информацией, которая, в определенной степени, может изменить наши взгляды на двадцатилетний период чешской истории до ноября 1989 г. Наши интервью неоднократно сталкивали нас с фактами, свидетельствовавшими о том, что «великие события» истории не оказали большого влияния на самостоятельную жизнь большинства нашего населения. Периодизация истории, в основе которой лежат важные, главным образом, политические события, представляется абсолютно несущественной для обычного человека. Структура самостоятельной жизни представляет собой явление совсем иного характера, которое будет служить основой для дополнительных исследований широкого спектра социальных групп в современной чешской истории.

СВЕТЛАНА БУЛАТОВА

кандидат философских наук,

Иркутский государственный университет (РФ)

bulatova65@mail.ru

СЛУХИ КАК ЧАСТЬ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Традиции устной передачи различных сведений в России всегда были устойчивы. Странники («калики перехожие»), солдаты, отслужившие четверть века на государственной службе, монахи, купцы («полным-полна коробушка...»), студенты – все эти категории населения были звеньями в цепи слуховой коммуникации на протяжении столетий. Механизмы передачи слухов, их истоки, анализ сообщений, содержащихся в молве, социальная роль слуховой коммуникации – прояснение всех этих аспектов необходимо для создания полной картины исторической ситуации.

Феномен исторических слухов сложен для изучения: трудно сконструировать объект и предмет исследования. Можно ли считать слухи самостоятельным историческим источником? Каковы возможности использования слухов в историческом исследовании? Эти и другие вопросы стоят перед исследователями.

С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» определяет «слух» как «молву, известие о ком-чем-нибудь (обычно еще ничем не подтвержденное)».¹ Слухи могут быть ценными свидетельствами о прошлом, поскольку они тесно взаимосвязаны с определенной ситуацией, обращаются неофициально, имеют эмоциональную окраску. Слуховая коммуникация содержит сообщения, ничем не подтвержденные, но значимые и находящиеся в широком обращении. Слухи говорят о мире, который конструирует та или иная социальная группа, иллюстрируют общественные настроения. Молва отражает недоверие к власти, неподконтрольные государству толкования, коллективные надежды. С помощью слухов население пытается дать запрос власти на необходимость информации. Довольно часто слухи структурировали линии социального поведения, что, в свою очередь, провоцировало события. Слухи становились поводами к конфликтам; давая лозунги их участникам, они накладывали отпечаток на характер социальных действий.

1 Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 730.

Исследователями выявлено немало ситуаций, когда слухи организовывали события. Так, слухи Смутного времени начала XVII века о причастности Бориса Годунова к загадочной смерти царевича Дмитрия сыграли свою собственную роль в развитии династического кризиса. Изучение слухов как части устной истории помогает понять, как событие оценивалось современниками, способствует критической оценке официальных письменных источников.

Слухи в Российской империи

Слухами было наполнено все XVIII столетие. Волны народной молвы породило свержение Екатериной II в 1762 г. с престола своего мужа Петра III Федоровича и убийство его в Ропше. Слухи, циркулирующие в обществе продолжительное время, в основе своей опираются на сюжеты архетипические, фольклорные.² Архетип же обладает непреодолимой, принуждающей силой: как только возникает подходящая ситуация, архетип активизируется и заставляет человека думать и действовать именно так, а не иначе. «Век золотой Екатерины» оживил в сознании народа мифологический мотив «замаскированного героя»; фабулы же устных сообщений той эпохи просто поражают причудливыми подробностями. И. Побережников изучал слухи в восточных регионах России, спровоцированные вышеуказанными событиями. Согласно народной интерпретации, конфликт между царственными супругами носил семейно-бытовой характер: «Катерина Лексеевна» была ревнива, а Петр III любил погулять – с «принцессой» ли иностранной или с российской дворянкой девицей Воронцовой. Короткое царствование Петра III Федоровича, некоторые мероприятия его внутренней политики, благоприятные для низов империи, укрепляли веру в Петра III. После государственного переворота и гибели Петра III молва связала народные чаяния с чудом спасшимся царем-избавителем. Пугачевское восстание (1773–1775) под лозунгом реставрации царя-избавителя объединило несколько миллионов человек. Протест стимулировали слухи о том, что:

- *Емельян Пугачев и есть настоящий царь Петр III, что он «простых людей не обидит», казнит только командиров, что при нем не будет дворян;*
- *Пугачев как истинный российский император во время пребывания в Риме был снабжен деньгами папой римским, а китайский «хан»*

2 Булатова С.Н. Слухи: как создать и как бороться. Курс лекций для студентов вузов. Иркутск, 2010. С. 39

обещал помощь российскому монарху.

После поражения восстания распространялись слухи о том, что казнен некто Пугачев, а «Петр Федорович» спасся.³

После казни Пугачева слухи стали почвой для самозванства, при этом сами же самозванцы и пересказывали их. В 1780-е годы на юге Западной Сибири был самозванец Петр Хрипунов-Головенко, распространявший слухи о спасении царя Петра III Федоровича. На допросе он внушительно описал приключения Петра III после поражения пугачевского восстания. Якобы после разгрома под Казанью остатки пугачевского войска ушли по Волге, и, обойдя Черное море, Петр III явился к китайскому государю, который снабдил его войско провизией, и даже в Петров день, когда государь был именинник, китайский государь приезжал к нему, и по сему поводу три дня палили из пушек... Конечно, все рассказанное Хрипуновым – плод народной фантазии, в какой-то степени додуманый самим Хрипуновым. Самозванец был вынужден признать на допросе, что войска Петра III в действительности не видел и в лагере избавителя не бывал. Согласно резолюции Екатерины II, Хрипунова отправили в сумасшедший дом.

Коммуникации имперской эпохи был свойственен исторический анекдот – короткая поучительная история из жизни. История обязательно должна происходить с реальными людьми, в реально существующих местах и базироваться на реальной жизни. Для исторического анекдота, в отличие от анекдота обычного, юмор не является самоцелью. В России XVIII–XIX веков этот жанр был довольно распространенным:

И дней минувших анекдоты

От Ромула до наших дней

Хранил он в памяти своей (Пушкин).

Вот примеры исторических анекдотов имперской эпохи.

- 12 марта 1801 года. Зимний. Утро. По дворцу бежит только что проснувшийся Александр Павлович и кричит: «Папа! Папа! Ты где, папа?!» Потом останавливается, задумывается... «Ах да», – вспомнил новый император и пошел в свои покои.
- Павел умер от апоплексического удара табакеркой (придворная шутка: дело в том, что народу объявили, что государь умер именно от апоплексического удара, хотя на самом деле был убит Zubовым табакеркой в висок).

3 Побережников И. В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России). Екатеринбург, 1995. С. 10–11.

К слухам эпохи Первой мировой войны обращается современный отечественный исследователь Б. Колоницкий.⁴ В центре устных сообщений члены царской семьи – вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Николая II, и его жена, императрица Александра Федоровна. Слухи обвиняли обеих цариц в разврате, контрабанде, представляли шпионками и диверсантами – именно эти темы неформальной коммуникации преобладали во всех слоях российского общества. Первая мировая война (15 июля 1914 г.) застала Марию Федоровну в Великобритании, в Россию ей удалось вернуться лишь в конце июля. Эта поездка для матери царя стала злополучной, спровоцировав много странных кривотолков и фантазий. Народ не жаловал Марию Федоровну за ее немецкое происхождение и привлекательную внешность. Особое значение имело ее пребывание на вражеской территории. Крестьяне говорили, что императрица Мария Федоровна:

- *«везет деньги за проданную Россию», «тайно снабжает Германию и хлебом, и деньгами»;*
- *«те сухари, которые были собраны по деревням, до них не дошли, так как государыня императрица Мария Федоровна те сухари отослала в Германию своим сыновьям... незаконнорожденным».*⁵

Б. Колоницкий предполагает, что Мария Федоровна стала жертвой собственной репрезентации. Необычайно привлекательная, она давала немало поводов для разговоров о своей внешности. Говорили о «фарфоровом личике» и «осиной талии» матери царя.⁶

Иногда в слухах ответственность за свои преступные «деяния» Мария Федоровна разделяет со своей невесткой Александрой Федоровной. Слухи о «царицах-немках» подрывали авторитет монархии в России как ничто другое.⁷ Мать и жена царя стали героинями слухов, в основе которых лежал фольклорный мотив «злая и властолюбивая

4 Колоницкий Б. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестн. истории литературы, искусства. М., 2006. Т. 3. С. 362–378; Колоницкий Б. Оскорбления императорской фамилии и антидинастические «народные» слухи эпохи Первой мировой войны // Политическая история России первой четверти XX века (Памяти профессора В. И. Старцева). СПб., 2006. С. 177–191.

5 Колоницкий Б. Слухи об императрице Александре Федоровне... Т. 3. С. 362–378.

6 Ходили слухи, что она носит на лице некую фарфоровую маску. Молодой и привлекательной Мария Федоровна выглядела на официальном портрете В. Е. Маковского 1912 года. Копии этого замечательного портрета воспроизводились на календарях и в дешевых изданиях в годы Первой мировой войны. Жители империи, рассматривавшие эти многочисленные официальные изображения, знали вдовствующую императрицу молодой и красивой, а вовсе не пожилой женщиной.

7 Колоницкий Б. Оскорбления императорской фамилии... С. 177–191.

царица», возможно, мачеха, вдова или золовка, который присутствует и в «Золушке», и в пушкинской «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях», и во многих других сюжетах. Было почти как у Пушкина: «Свет мой зеркальце, скажи... я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?». ⁸

Слухи в Советской России первых десятилетий

В Советской России слухи были характерным феноменом эпохи. Революция, Гражданская война, первые пятилетки, террор, Великая Отечественная, восстановительный период – эти потрясения, сменяя друг друга, а иногда пересекаясь, сопровождали развитие советского общества с 1917 года до смерти Сталина. Простой человек постоянно переживал тяжелые испытания, жесткая цензура СМИ ограничивала жизненно важную информацию по многим проблемам, критику социальной жизни.

Революционная эпоха в России сопровождалась слухами о конце света, заговоре «темных сил», «происках международного империализма»... В Гражданскую войну появились анекдоты о большевистских лидерах. У анекдота, как и у других видов устной коммуникации, авторства нет, от слуха и легенды его отличает юмористическая нагрузка. Слово «анекдот» имеет две основы – французскую (*anecdote* – «байка», «небылица») и греческую (*ανέκδοτο* – «не опубликовано», буквально – «не выдано»). Короткие смешные истории, построенные на игре слов, опираются на современные ассоциации, требующие дополнительных знаний: социальных, литературных, исторических, географических и т. д.

Политические анекдоты советской эпохи были каналом доверительных сообщений. Для власти анекдоты наряду со слухами служили важным источником сведений о том, как население оценивает события внутренние и внешние. Анекдоты высмеивали политику террора и военного коммунизма. ⁹

8 Булатова С.Н. Слухи: как создать и как бороться. – С. 41.

9 Ленин и Троцкий в анекдотах того времени часто выступают в качестве комического дуэта. Объектом шуток становится любовь новой власти к созданию труднопроизносимых аббревиатур. Анекдот про РСФСР объясняет, что такое название для России было выбрано, чтобы Ленин мог читать его слева направо, а Троцкий справа налево. После смерти Ленина часто высмеивался созданный к тому времени его псевдорелигиозный культ личности. По Москве ходили шутки о прорыве канализации под мавзолеем и о том, что патриарх Тихон сказал об этом случае: «По мошам и елей».

Голод 1932–1933 гг. в Советской России породил массу слухов, изучением которых занимался В. В. Кондрашин.¹⁰ Голод оставил неизгладимый след в народной памяти. Так, в одной из деревень Южного Урала в память о горестных событиях 1932–1933 гг. сложилась традиция: во время игры в лото фишку «33» называть «голодным годом». Все слухи однозначно связывали голод с политикой Советского государства. Главными виновниками трагедии назывались Сталин и его ближайшее окружение (Троцкий, Калинин), которые организовали голод для решения проблемы индустриализации и укрепления колхозного строя:

- *Про Сталина говорили, что, «может быть, он русским мстит за Кавказ, который они за 40 лет завоевали».*
- *«В 1932 году была “сталинская выкачка золота”. Сделали голодовку для того, чтобы выкачать из населения золото. Были магазины Торгсина, в которых все продавали за золото. На золото можно было в Саратове в 1933 году в Торгсине¹¹ купить продукты».*

Слухи связывали голод 1932–1933 гг. с экспортом зерна за границу и чрезмерными налогами, буквально «дравшими шкуру» с крестьян. Слухи сообщали о причастности Л. Д. Троцкого и М. И. Калинина к трагедии 1932–1933 гг., иногда слухи бытовали даже в стихотворной форме:

- *«Пшеницу за границу, яйца в кооперацию, Старых девок на дрова, ребят на облигацию».*
- *«Рожь, пшеницу за границу, а овес, кукурузу – Советскому Союзу».*
- *Была молва, что этот искусственный голод сделан Калининным, чтобы люди шли в колхоз. Чтобы колхозник привык к колхозу, как Дуров (дрессировщик. – В. К.) животных приучал голодом. Если колхозник перенесет голод, то привыкнет и лучше будет ценить колхозное производство.*

Коллективизация и антикрестьянская политика власти осуждались в анекдотах:

- *«Учитель в сельской школе спрашивает: “Что это за скелет?” Ваня отвечает: “Это скелет колхозника”. – “А почему?”. Ваня: “Да он все сдал: мясо сдал, яйца и кости сдал. Вот и скелет у колхозника остался».*

10 Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 23–35.

11 Торгсин – торговое учреждение, продававшее продукты питания иностранцам и советским гражданам за валюту и изделия из драгоценных металлов. В народе расшифровывали так: «Торгсин» – «Товарищи! Опомнитесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!».

ся!"»

- *«Председатель колхоза едет домой с работы, там, на дороге, волки сидят, не дают дорогу. Он кричит, а они не идут! Сено все сжег, а они не идут! "Сейчас я вас в колхоз свой запишу!" – сказал он. Они хвост поджали и убежали».*

Слухи об обстоятельствах голода 1932–1933 гг. позволяют заключить, что народная оценка причин трагедии в основном совпадает с выводами современных историков, опирающихся на анализ архивных источников: это был организованный голод, результат аграрной политики сталинского руководства СССР, трагедия всего советского крестьянства.¹²

Перед началом Великой Отечественной войны возникали слухи о неизбежности скорого начала боевых действий, особенно в сельских районах. Это были слухи о видениях – сюжеты их сообщают российские исследователи-историки:

- *Шла по лесу женщина, вдруг навстречу вышел мужчина и попросил купить ему три носовых платка. Женщина купила и принесла ему платки. Развязал он первый платок – вокруг появилось множество трупов, развязал второй платок – вокруг полилась кровь рекой, развязал третий платок – вокруг заколосилось поле пшеницы. И мужчина сказал: «В 1940-м году будет хороший урожай, но его будет некому убирать, потому что всех угонят на войну»...¹³.*
- *«В народных рассказах предсказания о грядущих потрясениях, пролитой крови, смерти родных и близких, несобранном урожае вкладывались в уста полумифических персонажей: женщины в прозрачном одеянии, белого, как лунь, старичка, неизвестно откуда появлявшихся и также неизвестно куда затем исчезающих».¹⁴*

12 Там же.

13 Потемкина М. Н. [Выступление] // Слухи в России XIX веков: неформальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: междунар. конф. Москва, 1–2 окт. 2009 г. / ИНИОН РАН. М., 2009.

14 Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1994. С. 8–10. Цит. по: Кринко Е. Ф. Устная история: рассказы о войне // Вестн. Адыгей. гос. ун-та. Сер.: Исторические, социально-экономические и политические науки. Майкоп, 2000. № 4. С. 53. Подобные слухи о видениях К. Юнг называет визионерскими. В работе «Один современный миф» он пишет, что термин «видение» предпочтительнее термина «галлюцинация»: последний имеет патологический оттенок, а «видение» означает феномен, свойственный не только болезненным состояниям. Видения, лежащие в основе визионерского слуха, пророческие. Есть случаи, когда один человек или несколько наблюдают нечто, в физическом смысле не существующее: «Может произойти так, что даже при полной вменяемости и при

Во время Великой Отечественной войны власти стремились пресекать распространение слухов.¹⁵ 6 июля 1941 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Указ предусматривал за распространение ложных слухов жесткие меры – тюремное заключение на срок от 2 до 5 лет, возможно и больше. По неполным данным, с 6 июля по 1 ноября 1941 г. по этому указу военные трибуналы осудили 1423 человека.¹⁶ Клеймо «антисоветский ложный слух» ставилось практически на любое частное негативное мнение, противоречащее официальному. Совинформбюро (Советское информационное бюро – орган, созданный при правительстве СССР 24 июня 1941 г.), регулярно выдававшее сводки о положении на фронтах, было призвано информировать граждан о событиях. Однако в реальности цель его заключалась в том, чтобы сведения были поданы в нужном свете. Говоря современным языком теории и практики PR, главной функцией Совинформбюро был *спиндокторинг*, или менеджмент новостей.¹⁷

здоровых органах чувств воспринимаются вещи, которые не существуют. Я не знаю никакого объяснения такому факту... Предпосылкой визионерского слуха служит необычная эмоция. Этим визионерский слух отличается от слуха обычного, для распространения которого достаточно постоянно присутствующее любопытство и притягательность сенсации. Усиление до уровня видения возникает из более сильного волнения и поэтому – из более глубокого источника».

- 15 Распространение слухов в годы войны в СССР определялось различными факторами: историческими, социокультурными (тоталитарное государство с его цензурой СМИ), ситуативными и социально-психологическими, следовавшими из самой обстановки. В качестве причин лавины слухов можно назвать закрытый характер советского общества, жесткий контроль государства над СМИ, неэффективность действий руководства.
- 16 Покида Н. Слухи // Диалог. 1990. № 14. С. 3.
- 17 Спиндокторинг (spin-doctor; от англ. spin – верчение, кружение) означает управление новостью: спиндоктор представляет событие в более благоприятном виде, изменяет восприятие события публикой, а также ожидание того, что может произойти. Советские спиндокторы нередко меняли сообщения с фронта до неузнаваемости. Альтернативных источников информации у советского человека не было: во избежание прослушивания зарубежных радиоголосов по постановлению правительства от 25 июня 1941 г. граждане и организации сдали радиоприемники. Информационный голод провоцировал самые нелепые слухи о наступлениях и отступлениях. Особое внимание советская пропаганда обращала на борьбу с «пораженческими» слухами на фронте. На территориях, освобожденных от оккупации, слухи также были явлением масштабным.

Слухи, легенды, анекдоты в послесталинском СССР

В послесталинском СССР живая устная коммуникация по-прежнему восполняла недостатки информации и критики. Широкое хождение имели городские легенды. Легенда – устная фольклорная история из несказочной прозы, предание о событиях, явлениях, людях, вызывающих восхищение; в отличие от собственно слуха, легенда не содержит свежей новости. Содержание городских легенд послесталинской России ярко иллюстрирует закрытость советского общества: *Иностранцы-вредители*;¹⁸ *Машины-локаторы*;¹⁹ *Секретная техника*;²⁰ *Как якобы боролись с просмотром на дому «идеологически вредных» фильмов «Рэмбо» и «Девять с половиной недель»*;²¹ *Антенны с ртутью*;²² *«Рыбное дело»*;²³ *Артисты – агенты ЦРУ*;²⁴ *Трактористы*.²⁵

-
- 18 Иностранные туристы дают советским детям конфеты (вариант: жвачку), зараженные туберкулезом или сифилисом (вариант: напигигованные иголками или ку-сочками бритвенных лезвий, вариант еще экзотичнее: китовый ус). Или история о пионерском параде на Красной площади. Пионеры идут строем, чеканя шаг, а иностранцы кидают им провокационные жвачки под ноги, чтобы строй нарушить.
 - 19 Есть машины, которые ездят по улицам и проверяют видеоманитофоны на предмет запрещенных кассет.
 - 20 Существуют огромные подземные заводы, на которых делают всякую «офигительную» секретную технику. Сюда же можно отнести и легенды про танки, передвигающиеся по океанскому дну, и про подводные склады атомных бомб в Атлантике.
 - 21 Отключали электричество в доме, а без электричества кассеты из видеоманитонафона не вынимались. Шли в нужную квартиру и оформляли.
 - 22 Принимают любой зарубежный «голос», но КГБ их по ртути обнаруживает. Один радиолюбитель 10 лет собирал ртуть по каплям (надо было собирать много – чуть ли не литр), собрал чудо-антенну и стал на нее ловить все существующие теле- и радиоканалы. Но такая антенна сама глушила переговоры самолетов с диспетчерами, поэтому радиолюбителя арестовали, а всю ртуть вылили...
 - 23 Известная история времен Андропова. Один мужик купил килограммовую банку селедки. Дома открыл ее, а там красная икра. Он пошел и купил еще 10 банок. Во всех была красная икра. Историю рассказывали зарубежные радиоголоса. Якобы именно так началось знаменитое «рыбное дело» в эпоху Андропова.
 - 24 В стране долго обсуждали тот факт, что телеведущая Валентина Леонтьева – агент ЦРУ. Аналогичная история была с Масляковым. Когда КВН перестал выходить в 1970-х годах, по стране гуляла легенда, что Маслякова посадили на 15 лет, потому что он и бакинская (именно бакинская) команда КВН были замешаны в какой-то афере с валютой и золотом.
 - 25 Где-то между Питером и Новгородом два молодых тракториста работали на поле. Вдруг один трактор провалился. В яме оказался немецкий схрон времен Второй мировой войны – обмундирование, продукты. Трактористы продегустировали шнапс и решили «пошутить» – надели форму, каски, взяли автоматы и пошли в деревню. Там в клубе шло собрание колхоза. Они туда с криками «Хенде хох!». Построили по стенке: «Коммунисты и комиссары – выходи!». Все стоят и молчат. Те повторяют и затворы дергают. Выскакивает из строя то ли председатель колхоза, то ли

В Советской России слухи и анекдоты органы госбезопасности собирали через своих агентов. Когда преследования за «кухонные разговоры о политике» прекратились, политические анекдоты стали расти как снежный ком. Выяснить роль политических анекдотов в жизни советского человека помогли десять интервью: респонденты в возрасте от 40 до 65 лет ответили на вопрос «Что вы помните о политических анекдотах сталинской, послесталинской и брежневской эпохи?». Практически все респонденты говорили, что в сталинские времена за политические анекдоты и слухи преследовали. Известно им это было со слов родственников, соседей – сами респонденты в то время были еще детьми. Женщина 45 лет вспомнила, как ее мать рассказывала о том, что случилось еще до рождения респондентки: отца арестовали за политический анекдот, и только благодаря знакомым в милиции его выпустили.

Тоталитарное государство стремилось создать полностью «прозрачную» информационную систему. Неподконтрольность устной коммуникации расценивалась как ошибка в управлении, которую надо исправить как можно быстрее. Анекдоты и слухи считались «вредным пережитком», от которого необходимо освободиться.²⁶

Парадоксальность ситуации в том, что на деле советское тоталитарное государство провоцировало восприимчивость общества к устным сообщениям. В условиях жесткой политической цензуры критика власти и социальных проблем были возможны только в межличностной коммуникации.

По словам респондентов, политические анекдоты слушали и рассказывали с детского возраста: «Помню, в пионерском лагере, лет десять мне было, в дождливые дни соберемся компанией в одной комнате... И вожатый с нами сидит... Больше всего знали анекдотов про русского, американца и еще кого-нибудь третьего:

Поспорили американец и русский. Американец: Я могу выйти пос-

местный партбосс и давай указывать на земляков: «Этот коммунист, этот тоже...». Трактористы вывели всю толпу из клуба и погнали в поле. Показывают на трактора и командуют: «Арбайтен!». Народ, когда трактора увидел, «шутников» расшифровал. Приехали менты и КГБ, забрали трактористов и начальника-«предателя». Молодых осудили по статье «хулиганство» и дали что-то небольшое по сроку (чуть ли не на поруки обратно в колхоз сдали). Начальнику – статью «измена Родине» со всеми вытекающими последствиями.

- 26 Молва более позднего времени отразила ситуацию сталинской эпохи в анекдоте: Конкурс на лучший политический анекдот в честь Ленинского юбилея. 3-я премия – 3 года общего режима. 2-я премия – 7 лет строгого режима плюс пять лет по Ленинским местам. 1-я премия – встреча с юбиляром.

реди площади с плакатом «Долой американского президента!» – и ничего страшного со мной не будет, не арестуют! Русский: И я могу выйти посреди площади с плакатом «Долой американского президента!» – и тоже ничего страшного со мной не будет, тоже не арестуют!

Анекдоты советского времени служили спасением от удушающей атмосферы в стране. Безобидные шутки, высказывания известных юмористов Жванецкого, Горина, Задорнова преодолевали цензуру и попадали в «Литературную газету», в журнал «Крокодил». Михаил Мишин придумал слово «одобрямс» как название советской эпохи, когда преступления власти требовали «одобрения» народом травли Пастернака, Бродского, антисемитизма и т. п.; это слово стало настоящим народным анекдотом. Без политических анекдотов не обходилось ни одно застолье. Люди всех слоев населения смеялись над абсурдностью жизни в СССР. Рассказывание анекдотов было неотъемлемой чертой многих сообществ. В 70–80-е годы жестко высмеивался Брежнев, который уже был тяжело болен и не мог самостоятельно решать важные вопросы, однако во всем мире еще воспринимался как советский лидер: «Сегодня в Кремле Леонид Ильич Брежнев принял французского посла. За английского».

Б. Богоявленский и К. Митрофанов сообщают слух о том, что КГБ якобы пытался противостоять мощному потоку анекдотов о Брежневе, возникавших стихийно и признаваемых подрывными. Для этой цели будто бы был создан специальный отдел на Лубянке, сочинявший серии анекдотов о Чапаеве и Штирлице. Назывался даже конкретный номер этого отдела...²⁷. А.С. Ахиезер пишет: «Борьба государственной серьезности и народного смеха всегда была неравной. Смех беззащитен под ударами топора серьезности. Однако смех неистребим, он везде и всюду, а топор слишком груб и неповоротлив, чтобы успеть везде...»²⁸.

Несколько респондентов рассказали, что тогда некоторые люди имели особые записные книжки. Там в алфавитном порядке – Брежнев, Чапаев, Штирлиц... – были записаны начальные фразы анекдотов, чтобы в нужный момент напомнить хозяину подходящую историйку. Имя Ленина не было исключением для такого списка. Пропаганда в СССР, фильмы и книги представляли вождя человеком скромным, муд-

27 Богоявленский Б., Митрофанов К. Мифы на фоне новейшей истории // История. 1996. № 38. С. 3.

28 Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 3. Новосибирск, 1997. С. 334.

рым, бескорыстным. В противовес этому в народе Ленина высмеивали. Анекдоты изображали Ленина либо как мелкого, злобного пакостника с эгоистичными мотивами для любого из его высказываний, либо как слабоумного старика, которым манипулируют соратники. «Тот, кто рассказывал анекдот, пародировал интонации Ленина, обязательно картавил... Эти выражения – “ТоваГиши”, “Госсийская Геволуция свеГшилась” и все такое...». Подобные пародии были своего рода аллюзией фильмов о Ленине.

Количество анекдотов «про Ленина» резко выросло после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина. Ленин уже представлял более симпатичным персонажем, его противопоставляли Сталину и его наследникам. В таких анекдотах Ленин оживает или, подобно духу отца Гамлета, навешает СССР и высказывает свое разочарование увиденным.

У меня есть сюрприз. Товарищи, у нас в гостях сам Владимир Ильич Ленин. Положите руки на блюдо...

Сталин в разговоре с Лениным говорит:

– *А вы сомневались, что народ пойдет за мной!*

Ленин отвечает:

– *Надо бы добавить народу хлебного пайка, а то он пойдет за мной.*

В фильмах той эпохи Ленин представлен не только как «отец мирового пролетариата», но и как покровитель детей, защитник обиженных, кормилец голодающих красноармейцев – в общем, образец лучших человеческих качеств. На фоне «хрущевской оттепели» такой имидж Ленина порождал отрицательное впечатление. К тому же на экране Ленин нередко выглядит смешным: картавый, с прищуренными глазами, сидя на ступеньках, лихорадочно пишет письмо на коленке... Шутки о Ленине множились в геометрической прогрессии. В 80-х, по словам одного из респондентов, «...уже появились телепередачи, книги новые... пока слегка, но уже критиковали “вождей революции”... А люди пересказывали новые серии анекдотов про Ленина и Крупскую, Ленина и Дзержинского, Ленина и Троцкого. Кажется, Ленин в этих анекдотах был получше, чем другие “вожди”».²⁹

29 Практически все опрошенные вспомнили, что Троцкого в анекдотах называли «политической пГституткой», а Ленин употреблял это выражение в буквальном смысле. Например, Троцкий обижается на Ленина за то, что тот не принес ему цветы на восьмое марта, или Ленину надоело «ездить за город с этой политической пГституткой»... Большинство опрошенных указывали, что образ Ленина в последние брежневские годы все же был более позитивным, чем образы других советских лидеров.

“ТоваГиши! Геволуция отменяется!” – “Почему?” “ТоваГиш ДзеГ-жинский на Гыбалку уехал”. – “А что, без Дзержинского нельзя?” – “Да без него-то можно, без «АвГоГы» никак...”».

Слухи как социальный феномен оказывают глубокое воздействие на историю. Устные коммуникативные практики, с одной стороны, подстраиваются под исторический процесс, а с другой – влияют на его протекание. В России слухи и анекдоты широко циркулировали во всех слоях и стратах населения, сопровождая многочисленные политические и социальные коллизии позднеимперского, советского и постсоветского периодов, деятельность политических лидеров и популярных личностей. В советскую эпоху широко распространенной коммуникативной практикой был политический анекдот. Советские анекдоты не несли информационной нагрузки. В межличностном пространстве высмеивали советских лидеров, коммунистические установки, бытовые условия, геронтократию, помпезность официальной риторики. Постсоветские реформы способствовали переносу политических анекдотов (а героями их уже стали совсем другие люди) в сферу массовой коммуникации. Сейчас политический анекдот активно обращается не только в устных контекстах, но и в масс-медиа.

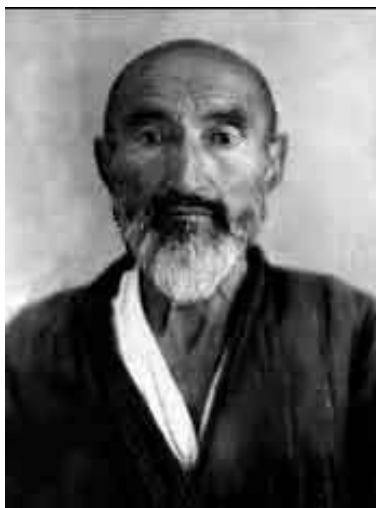
Приложения

*Приложение № 1. Участники восстания 1916 года.
(Фото 50-х годов XX века)*

*Приложение № 2
Умархон Юсуфали Хужаев*

*Приложение № 3
Тожибой Мадалиев*

*Приложение № 4
Мавлян Лайлаев*

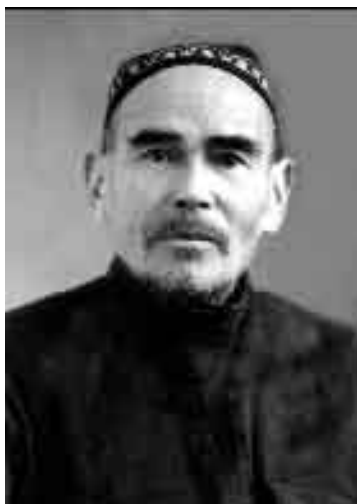
*Приложение № 5
Юлдаш Мирзаев*

Приложение № 6. Профессор Х.Зияев и потомки сибирских узбеков

*Приложение № 7
Шагдилла Ташкалов*

*Приложение № 8
Нурислом Содиков*

*Приложение № 9
Мунир Исмоков*

*Приложение № 10
Сохибжамол Сайидова*

Приложение № 11
В.Н. Зубков

Приложение № 12
Е.Д. Авакумова

Приложение № 13
М.П. Маюшкина

Приложение № 14
Хван Ман Гым

*Приложение № 15
Станислав Хван*

*Приложение № 16. Панорама колхоза «Политотдел». 1960-е гг.
(фото из архива Б.И. Кима).*

*Приложение № 17. Визит в колхоз «Политотдел» Ю. Гагарина. 1964 г.
(фото из семейного архива Станислава Хвана)*

*Приложение № 18. Колхоз «Политотдел», 1966 г. Незадолго до подписания Ташкентской декларации. Председатель колхоза Хван Ман Гым и президент Пакистана Мухаммед Айюб Хан во время беседы
(фото из семейного архива Станислава Хвана)*